

сто одна
история
Сюрреализма

Space

...и грянул гром

РИМ ДИҚ

Annotation

Здесь вы встретите Серкулеса и Плюмблдора, крота инженера, Пенаккино и Фрешди Фюргера хранящий свои секреты в ящиках, летучую мышь путешественника по вселенным, паука ищущий в космосе дом, носки людоеды, Пони пожиратели нечисти, китов волшебников, гномов великанов, табуреток физиков и многое прочее. Киборги и телепорты, атомы вампиры, тень подражатель, червяк скоростной поезд... Эта книга — отдых, придумка, да выдумки; являющимися воистину уникальными и прекрасными. Не веришь? Проверь!

Приветствие

Здравствуй, мой новый читатель вне времени открывший эти страницы! Добро пожаловать в мой мир невообразимой и умопомрачительной вселенной. Пробираясь через тернистые и острые колючки удовольствия, вы попадёте в магию, где самые глупые мечты становятся реальностью, детские фантазии обретают сознание, а монстры под кроватью в вашей комнате, рыдают без устали, чтобы только история не закончилась никогда; ни в понедельник, ни во вторник, ни в субботу и, даже ни в другие выдуманное человечеством дни. Мир, где вам предстоит побороть свои детские страхи и тоску взрослой жизни. Книга, с которой вы окунётесь во что-то безумное и новое для себя.

Ваша мама когда-нибудь читала вам сказки на ночь? Помните, каково это прижаться к подушке и бояться за жизнь героя, переживать за него? По правде сказать, лишь немногие из вас осияют книгу, но всё-таки я верю в то, что вы сильнее, чем все остальные и у вас есть сила воли не бросить всё в самом начале. Вы же не разочаруете меня, правда? Те немногие, кто всё же начнёт читать и не бросит её на пол пути, уже больше никогда не будет мыслить, как все эти взрослые — по-взрослому. Мы разрезаем все стандарты шаблонности в клочья, на мелкие-мелкие вселенные. Ведь именно здесь каждая история оживает с новой удивительной силой!

Эта книга — безумный мир волшебства, фантастики и безбашенного сюрреализма! Такой завораживающей, прекрасной и сумасшедшей! Доброго пути тебе, странник, зашедший на страницы параллельных вселенных, пространства времени и чёрных дыр!

Глава 1

SPACE: сто одна история Сюрреализма

Глава первая. Миры за пределами.

Два кузнечика сидели на крыше дома и спорили о том, чья же нога более сексуальной будет смотреться на неделе моды в Милане, и предпочтёт ли судья тощие или упитанные ноги. Так...стоп! О чём это мы? Начнём с самого начала. Да-да, ещё с того времени, когда во вселенной не было атомов и кварков. В те ещё стародавние времена, когда во вселенной была только великая чёрная пустота и смерть обитала в тех местах в поисках жизни. Не придумана была ещё время, и одиночество её было бесконечным.

Кхм, вы отвлеклись, сударь!

Видим, вам это не очень-то и интересно, поэтому ради блага наших читателей перематываем магнитофон времени и пространства немного вперёд, совсем чуточку, и...

Тринадцать миллиардов лет спустя.

Итак... планета человеческих отпрысков.

Ах, вот она — земля, взгляните дамы и джентльмены!

Так и не скажешь, что там обитают люди, множество и множество людей,

которых хочется задавить большим пальцем и сполоснуть руки в серной кислоте. Этот персик заражён этими паразитами — кишмя кишит земля ими. Будь мир плодом, скажем, каким-нибудь фруктом, их бы вытравили инопланетяне, и съели плод, однако... взгляните. Дождевой червь размером с Эйфелеву башню, выпрыгивает из вулкана, и ныряет в землю, ест её изнутри — нашёл ли он там шоколад или мармелад из яблочных долек, кто же знает. Ну и зубки у него, удивляться есть чему, огромные и острые, просто кошмарно ужасающие, как хребты на спине какого-нибудь межзвёздного динозавра! Будь червь кошельком, то не было бы жаднее существа во всей земле. Черви эти, разумеется, злые и безмозглые, как и полагается. Говорят в тех кругах, что черви не очень любят яды всякие ядовитые, кислые, острые и сладкие. Ну а кто же любит, правда же? Именно по этой причине, обходят ядро земли стороной, несмотря на то, что полнится она варёной сгущёнкой. Черви знают, что, чем слаще плод, тем он может быть гнусавее.

А вот и облака... кто-то зевает и тень ниспадает на землю.

А там, на облаках, на земле этой пресловутой — там, знаете ли, сидят пингвины — гордые птицы. Таких гордых птиц можно встретить разве что на Амазонке и на самых высоких деревьях. Пингвины свивают гнёзда на них и мусор из которого они сделаны извиваются грустью разочарования и боли, крича орангутангам под собой, чтобы спасли их от мучительной жизни. Прилетели пингвины сюда из юга, когда совсем стало невыносимо жить в Новой Зеландии. Им обещали лучшую жизнь и безмерно лёгкую судьбу, но... Ипотеку и коммуналку оплачивать — надоело им всё то безобразие. Рыбу ловить и кормить детей, ещё чего! Шарлатаны! У детей есть ласты, пусть кормятся, пускай находят еду и добывают, где им вздумается. Терпели пингвины своих детей долго, до самого вылупления, хватит!

Пингвины те поднимались высоко на небо и рассаживались на облаках, наблюдали, когда можно будет скатиться по ним в океан, и уплыть к белым медведям на айсбергах, сев в них.

Говорят, белые медведи не видели пингвинов никогда. Скажем вам по секрету — это будет незабываемым зрелищем. Приплывёт пингвин на льдинке, а медведь посмотрит на него и не поймёт, то ли бревно, то ли касатка, или человек в акваланге, помашет рукою и поприветствует гостя. Но насторожится медведь. Затрясутся у него лапы, задрожит, но не подаст виду.

Нет, разумеется, ничего забавного в этом нет, пингвин очень опасный зверь, кровожадный и жестокий! Поднимет медведя высоко в небо сжав в исполинские, ужасные когти, полетит в тёплые края, в другие континенты и сбросит в обрыв где-нибудь в Американском штате — скал и каньонов там хватает. Медведь очень не любит, когда ему бывает жарко — всю жизнь жил на морозе, не привычно потеть будет ему, зажмурится и заплачет. Слышал он, что у людей есть ванна с душем, и они могут прятаться от духоты и зноя солнечного, но даже в самых страшных снах не представлял, как выглядит душ и где расположен. Будь у него больше знаний, то он напал бы на них и отобрал этот чёртов душ!

Медведь сядет и вытащит веер из кармана брюк, затем встанет и начнёт бегать вокруг веера, создавая ветер. Веер заговорит, откроет рот и скажет медведю, что он плохо бегаёт, что ей всё так же душно, как и всегда. Да кто ж любит жару, правда же, особенно, если столько шерсти, а в той шерсти сотня блох со своими блохами даже у медведя, не говоря уже о веере из пера лебедя? Каким-то чудом стоит начать почувствовать себя хорошо и блаженно, блохи почувствуют это и влетят в шерсть. Кто их звал в гости? Вытащат эти кровопийцы острые клыки и начнут сосать через кровь холод. Им тоже жарко. Ничего вы не

понимаете!

Медведь заплачет горькими слезами, закрыв глазки ладонями, и веер не поможет ему, лишь нахально посмотрит на него и уйдёт обратно в измерение брюк. И от зноя станет зверь соломой, сухой такой, страшной, едва различимой от пыли — вяленным мясом — вся вода испарилась с него, и превратится медведь в мумию. Индейцы найдут животное у мёртвого кактуса, где плакал медведь и на том месте вырос кактус, и подумают, что это им оставили люди из соседнего города, чтобы те не голодали. Накинут на спину, обвяжут верёвкой, закинут в рюкзаки, и, уйдут к водопаду. Сядут у водопада испить водицы от жажды, после долгого путешествия по дюнам и лесам, а тут... страшное дело произойдёт, и как громом среди белого дня сушёное мясо впитает брызги от водопада и начнёт танцевать и плевать слюнями, рычать и жадно глотать воду. Встанет оживлённый зверь на лапы могучие и оторвёт ими голову индейцам, с одного взмаха. И скажет медведь тем, скорчив довольно счастливое лицо так:

— Не хотел. Извините, коли добрые! Будьте благоразумны! Будьте людьми! Человечны будьте!

Ну как же это не хотел, раз оторвал, очень даже хотел, уверяю вас, хотел он всё это, вот же врушка, скажите? Ну не скажете, так и быть, но вас я запомнил и обиделся. Я выставлю на вас счёт.

А индейцы эти... краснолицые. Что могу поведать о них?

Индейцы всегда любили испытывать судьбу, потому давным-давно ещё придумали обряды, которые делали их бессмертными, сущими демонами на небесах и на земле, так гласит библия индейцев, *и потому...*

Индеец, которому оторвали голову лежал смиренно, тихо, как талая вода под гнилым пеньком, прислушивался, затем схватившись за шерсть белого медведя подтянулся и встал. Подошёл к черепу, взял голову с земли. Стряхнул песок сначала с колен и груди обратной стороной головы, волосами, затем почистил её об одежду, вытер одеждой сопливый нос, высморкался. Дыхнул паром на рукавицу, и до блеска вытер лоб, и вставил голову в позвоночник. Два с лишним гнома вылетели из шеи и схватив голову, бубня что-то, прикрутили дрелями на место. Затем вышли из уха, выкурили несколько сигарет, и спустились по лестнице обратно в барабанную перепонку индейца. Видимо у них там была комната с инструментами, и дверь вела их вниз по органам.

Индеец похлопал по лицу, вставляя подобранные с земли глаза выбитые медведем как можно глубже в череп, на законное тому место и, протянул приветственную грязную руку. Улыбнулся, но так, будто готов был загрызть гостя. Индеец он человек не опасный, честно — добрый. Подружится, лишь хотел. Медведь схватил индейца могучей, острой, — ну как и полагается всем медведям, — лапой, и сжав беднягу, несколько раз ударил краснолицего по камню. Размазались внутренности индейца повсюду. Медведь был доволен, показал кто здесь хозяин и кого нужно бояться. Правда, недолго. *Индеец регенерировал...*

Краснолицый вцепился в мизинец правой лапы медведя зубами и выгрыз того до костей, словно какая-то пиранья. С полминуты скелет зверя стоял с выпученными глазными яблоками, пока не рухнул на скалы и не разлетелся в разные стороны — на костяшки. Выбежали из-под камней крабы отшельники и разобрали того по домам: на сервант, на полки, на стулья и тарелки, а уходя показав большой палец одобрения. Немногие из них катили тележки, чтобы унести больше, чем их соплеменники по подземной жизни.

Всего несколько месяцев не ели индейские зубы до прихода медведя и не ощущали

крови, не впитывали мясо впалые животы и не ощущали вкус настоящего мяса. И глисты, обитавшие в теле каждого краснолицего радовались так же сильно, как и индеец. Сидевшие на диете глисты поглощали надежду и веру, строили в кишечнике человека храмы и молились, а когда к ним попало мясо обрадовались такому подарку судьбы.

Медведь пал в бою с равным себе по силе. С могущественным героем, коих только в былинах можно и встретить! Индеец в два счёта его убил, а глисты после ещё две недели плевались шерстью и чесались. А на протяжении двух-трёх дней временами превращались в маленьких, крохотных белых медведей.

Видевшие индейцы говорят, что ходят глисты совсем без трусов, потому что шерсть покрыла их сзади. Позабыли о стыде. Вот бы их мама узнала, то таких тумачков бы дала... а мама бежит с ними за ручку бок о бок, тоже голая.

Пингвин каркал через раз, а через другой квакал, смотрел на это со своего облака и смеялся. Подбрасывал сардинки. Пока рыбы летели вниз — тухли. Часть из них оживала и улетала сама по себе. В тот день, бывалые люди говорят, что возле каньона была дискотека, их устроили мухи свингеры и диджеи мокрицы. Выпивали выдоенные из гусениц настойки, ели, отшелушенные от путешественников кожу.

Индейцы отмывались от мух два дня, пока сами не стали мухами от того, что прибывшие крылья сделали их летучими. Летели индейцы ночи напролёт, искали то и это, находили не то, что искали, а потом и, что искали тоже находили. Одним из них был старый дуб, они его ещё с прошлого воскресенья ищут, здесь они оставили друга «Белого Мангуста», они все любили называть друг друга именами животных, они верили, что, если взять имя орла, после смерти станешь орлом. Так, Мангуст, стал мангустом после смерти, правда, он был привязан к цепи, дуб то тот был на золотых цепях, кот учёный на той цепи круги делал и песни пел, на ветвях русалка сидела, только они не спасли «белого мангуста» ставшим обыкновенным мангустом, и тот высох, стал украшением корня дуба. На него пожалели слова и не сделали бессмертным. Русалка была высокого мнения о себе. Она сидела, и сама то очень высоко и волосы илом красила в розовый цвет. Наступить никак на ветки не могла, всё время мешала отсутствие второй ноги. Кот учёный, хоть и умён был, как не знаю, как крот, или, как четырёхпалый варан, но не додумался подать руку. Потому что он знал: «руку подаст добрый страдающему», а у него то у самого лапы. Ну не судьба значит было руку подать. Так и умер в тот день «белый мангуст». Никому бы такого не пожелал медведь, да и пингвин, славу всем царям зверей, не был сентиментальным и жалостливым к другим зверям, тем более к тем, кого не знал. Считалось так, что так и быть должно, и умирать положено им также, ну никак иначе. Пингвин пил лимонад из груш, чесал ласты клювом, и выкрикивал нецензурные слова, самые гнусные, какие только могут быть на свете:

«Все вы говно!», «Никто вас не спасёт, мир обречён!», «Смерть всем ракушкам!», «Подлые белки захватили власть!», «Коронавирус — это потому 5G сетей!». Конечно, ничего в этом плохого не было, но пингвин очень сильно хотел верить, что он очень плохой пингвин. Он ведь королевский. Только короля он давно не видел, кто его знает, где сейчас этот король. Королевский пингвин был без своего короля, отшельником, ненужным. С тех пор, как он улетел, хотя, короля он никогда не видел, но все кричали ему об этом, он считал себя самой прекрасной птицей во всей земной полосе молочной реки.

— Смотрите, королевский пингвин летит! — кричали люди, орангутанги и коалы. Пингвин разворачивался, сракал на них, и улетал дальше. Так им надо. Покормил он их, и доволен собой был.

— Я уже свободный совсем! — кричал пингвин, скрываясь за облачком.

В тех краях жил ещё один странный зверь, кенгуру его звали, всё время любил прыгать через камни, взбираться на деревья и чирикать. Чирикал он, мама не горюй. На его чириканья прилетали соловьи, дрозды, чайки, пчёлы, и давай, как говорится, мудохать его скалами, табуретками, малышами зебры и костями старика, который пил молоко неподалёку — пока тот, кенгуру, не сваливался с дерева и не убегал плакать в пещеру, где он забивался в угол и дрожал. Индейцы давно знают, что лучше не чирикать, когда не просят. Как-то раз, находясь на грани жизни и смерти, «Жирный морж» чирикал, что прилетели все те же птицы и дали ему, в простонародье — пи*ды и волю к бегу, тогда «морж» не ел неделю, и сил у него не было, но съев пару пиздюлей, сразу обрёл силу. Говорят, индейцы до сих пор так и делают, когда голодны. На том все легенды и заканчиваются. А редко, конечно, редко, часто бы ещё было, птицы поедают самих индейцев. Помнится, из уст в уста ходили мифы о том, что дрозд, одинокий и голодный, убил на своём веку семь девственных девушек пятидесяти лет, изнасиловав их мозги, да и не только, а и другие дыры, какие только нашёл. В этот раз, полагаю, крича в ухо, мозги вытекли наружу, и съел он тогда девушек бедных, молодых, совсем беспомощных. А когда есть совсем ничего не оставалось, строил гнёзда в животе, и чирикал до утра, пока не приезжали врачи, дятлы. Дятлов дрозд особо не любил, он вырывал рёбра из трупа, и пронзал дятла насквозь, надевал его на себя, и притворялся дятлом. По уму он был дятлом, но по обычаю, вовсе нет. Но все врачи ведь знали, где человек или зверь какой страдает, и сразу летели туда дятлы. Так, дрозд этот, прилетал первым и выедал бедняжек. Но это только легенды такие, было ли на самом деле такое, выжившие не скажут. Об этом сам я узнал случайно, слава всем зверям, особенно льву, что он съел меня первым, когда этот ублюдок дрозд напал на моего друга и изнасиловал его и убил. А я вот в безопасности внутри льва. Я здесь чищу ему живот, убираюсь, подметаю, выношу мусор через люк сзади. Впрочем, ничего особенного. Все убираются там, где живут, издревле так положено ещё. Так я стал последним свидетелем преступлений птицы. Говорят, он нанял мафию, чтобы меня найти, гангстеров зазвал со всех стран и обещал им несметное богатство.

На другой стороне, в Эскимосии, в огромнейших юртах и иглах жили киты. Их мир был странным, но занимательным. Занимателен он был тем, что здесь, юрты были под водой, свыше километра длиной, во как, даже сказать, отель для подводных жителей. Конечно, сперва там жили люди, ещё на поверхности, когда всё это было, пока как-то раз кракен не ударился головой об остров, и остров не встал с ног на голову и не перевернулся. Дно стало верхом, верх низом. Впрочем-то, ничего на самом деле и не поменялось, ещё бы! Ещё бы немного, могло бы и поменяться. Так вот, жили в том иглу киты, киты те были художниками, они хвостом размазывали краску из зада кальмаров и вырисовывали прекраснейшие узоры. В тот день, как-то странным образом, из-под дна поднялся мальчик, совсем не такой, каким мы привыкли его видеть. Шрам в виде молнии только и отличал его от китов, сам он тоже был китом, можно сказать совсем как игрушка, которую тушили семь ночей на огне, и жарили в кислоте тринадцать. Колдуном он назвался и как, ей богу, всем сердцем молю, чтобы меня за это не казнили, махнёт своим ебучим плавником на картины, те тотчас становились живыми, и можно были зайти внутрь художественного произведения. Если бы киты сами не видели всё это, они сочли бы это магией!

Да это ещё только начало. Оказалось, то, кит нарисовал картину, а в той картине, за скалой ракушек, был мальчик этот, он как-то создал в картине проход, вернулся со дна и

оживил себя. Во как! Там ещё был корабль, странный правда, с щупальцами, они крутились, как вентиляторы и обдували мачту корабля красотой. Корабль светился, да так сильно, что придуман был праздник рождества в тот день. Ну не чудо ли? Конечно, вам кажется, ничего вы тут не понимаете, уверяю вас, многие не понимают, что вообще происходит. Сами киты колошматят себя веслом, смеются, как окаянные, а потом, вспоминают, что так и должно быть на самом то деле. Они ведь и живыми быть не должны, не положено было так. Но рады конечно, что живы, впрочем, мало того, что они умели думать, прибавилась беда такая, какая-то странная, они испытывали боль и сострадание, плакали песком, и страдали. Особенно страдали они тогда, когда, а ведь они уже совсем разумные, не могли сесть на человеческие унитазы, плакали они там днями, бывало, неделю! Кто же их разумными то такими сделал, и стыд им придумал, раньше ведь, как было, плывешь себе, плывёшь и испражняешься, а тут, видите ли, совесть мучает, что воду загрязняют они. Мол, дышать испражнениями вредно для организма. А вдруг это их стало заботить, после тысяча лет покакушек в море, ну как так вообще. Но, с другой стороны, так и быть должно было. Разумным их сделал он, потому и пользовались те дарами своими.

Конечно, вот придумали их такими, боги ли, да кто их знает, они сами не знали об этом, эволюция, наверняка. Да только не могли же они вот так взять и сразу же осознать, что они лишь тексты тонны на бумаге, а мира их нет вовсе. Но они жили, не подозревали, что пешки в игре слов, куклы какие-то. Но были они живее многих. Один из них, Китрисий, морской отшельник, гений в их мире, создал самолёт, метров с тысяча Пизанских башен, они садились на них и взмывали высоко в облака, через океаны наружу, к пингвинам. Их языки свисали со рта, они радовались, словно получили отфильтрованную воду в свой аквариум. Взмывали до облаков, и там и оставались жить. Воды тут предостаточно, можно сказать, как в океане. Киты спрыгивали с самолета, тот взрывался снизу, убивал дюжину гномов, что чертили для Белоснежки карту злого королевства, и плавали там, радуясь новым приключениям. Редко можно было видеть двух китов, они то и дело кричали, трезвонили, гудели, как пароход, и скрывались подле заката, а на рассвете, они зависали на облаках, и смотрели, как солнце поднимается высоко вверх. Они как-то даже пытались долететь до солнца, но падали обратно на облака, отскакивали и плюхались на брюхо. Стая пингвинов подхватывало их и переворачивало на обратную сторону, чтобы глаза на лоб не полезли, а как же иначе. Так оно и бывает, когда пытаешься дотянуться до мест, куда не положено вовсе дотягиваться.

Попугаи тоже летали, только вот, в отличии от китов, что пытались взмыть выше всех, попугаи любили строиться на земле своими домами, особенно в джунглях, ниже остальных. Они сражались с анакондами, сворачивали им голову, откусывали язык, а потом притворялись сами анакондами, зазывая только что вылупившихся малышей, чтобы съесть их. Попугай тем не любим был животными, что часто не был собой. Самим же, им не помогала их особенность, знать особого себя и кем он был создан, мозгов не хватало, потому он искал себя во многих других звуках миров и джунглей. Как-то раз, подлетая к своему дому, его поджидали коллекторы — горилла и буйвол, потому что черепаха не оплатила счета за траву у бунгало номер семь, которую взяла в кредит, а так как единственным, кто был ближе всего, попугай, разумеется, доверенное лицо, обязан был оплатить счета. Попугай не испугался вовсе, он притворился собакой, и коллекторы сразу же ушли, извинившись, что искали черепаху, и не признали в нём собаку. Хитрый был жук этот разноцветный птиц, то и дело обманывал даже богов. Выкрикивал, что он Посейдон, и двумя крылами плевался,

образуя цунами для всех жуков под деревом.

Как-то раз, в который уже раз, сколько их ещё будет, ради всего спелого, пришли к его дому какаду и фламинго, ай красавцы же они были, такие розовые, жёлтые, павлин позавидовал бы, и потребовали от попугая места для уединения. Подумаешь, любовь и все дела такие птичьи, дал им он место, в дупло, в домик то свой, такой нарядный, зелёный, везде побрякушки. Вот зашли фламинго и какаду, и уединились. Дай, думаю, говорит себе попугай, посмотрю шоу, первый же раз такое в жизни его, может чему научится. А видит он следующее: «Сидят фламинго и какаду и курят. Да не ахти что, а банан, без огня, глотают и высовывают изо рта». Подлетел рёвом льва попугай, распугал птиц, те тотчас снесли яйцо, и потребовал долю из их состояния. Ну какое же это состояние, они же птицы. А они закашляли, вынули пару золотых монет, кольцо и ожерелье, подарили попугаю. Попугай обожает всё цветное и с блеском. Одним словом, лишь они обмолвились, чтобы попугай не рассказал другим зверям о их игре с какаду. Попугай обещал, разумеется, и через пять минут как те уши, разболтал всё. И теперь всем хотелось подуть в бананы. Да, некоторые, вообще, знаете ли, кроме зада и не имели рта, но и они тоже хотели подуть. Так и дули они, пока все обезьяны поголовно не вымерли. Кроме банана они ничего не ели, бедные макаки на самом-то деле. А есть то, что уже кто-то, где-то и куда-то ел, ну уж тут нет. Обезьяны были гордыми. Так и померли, и были занесены в чёрную книгу. Чернее была лишь глотка, где были обречены сгинуть бананы с кожурой. Дефицитом стал банан в мире. Чёрные рынки продавали свежие, но достать их было крайне никак.

Ещё в тех джунглях жил гиппопотамус, жирнее его был только остров Мадагаскар. Ну был он и был, что тут такого, не так ли. А он нырял в болото, и вылетал из чёрной дыры в космосе, и снова влетал в чёрную дыру, и разинув рот выпрыгивал через болото обратно. Он был астрономом, изучал звёзды вокруг земли. Видел он, конечно, не очень хорошо, потому носил очки. Он засунул их прямо в глаз, как линзы. А кто его вот учил надевать их, никто, сам он научился. С тех пор, он много звёзд увидел, но лапы у него были не те, и так быть тому и дело, завел он себе чибисов, маленьких птиц, что записывали мир космический по их словам. Гиппопотам говорил:

— Круглый, белый!

Чибис записывал круглый белый. Ставил белую точку.

— Чёрный везде! — выпрыгивая из болота шептал зверь, и улетал снова.

Чибис записывал:

— Белый, везде чёрный вокруг. Круглый. Ты чы ка. Точка.

Так много он ставил точек, что все белые были белыми, все круглые были круглые, и имён у них не было. Но зато потом, смотря ночью, и сравнивая звёзды на листке, со звёздами на небе, гиппопотам кивал, что чибис записал правильно до каждой точки.

— Белые и круглые.

Крокодилы обитали у пустынь. Они врачи, как никак, любому умирающему помогали. Когда больные приходили к нему с жалобой, крокодил важно кивал и говорил, что выход всегда есть. Проглатывал их. И больные больше не болели.

Ещё в небе летали самые настоящие кентавры, смесь не человека, а льва, жирафа и петуха. Они были очень даже красивы. Хвост льва, грива льва, шея жирафа и тело петуха, и клюв. Летать он умел, конечно, так себе, но кукарекал он красиво. Когда он это делал, все звери тотчас падали без сознания. От страха то было, или от чего ещё, кто их знает, после этого они не просыпались, чтобы узнать, каким дивным голосом тот зверь обладал. Потому,

беруши продавая, тушканчик, стал настоящим олигархом животного мира, и самым богатым животным во всей планете. Конечно, не стоит верить этим рассказням, но так оно ведь есть. Для них мир на том и заканчивался, где жили они.

В семь часов пополудни, когда на небе вылезли космические пиявки, что питались грозами, пустыня уже была суха, как кожа старой бабушки гремучей змеи. Гремучие змеи плевались песком, а их глаза видели пиксели. Космические пиявки любили причинять боль, и вместо крови ели тучи. Они питались молниями и сами становились опаснее, скажем так, спаси наши души, сохрани наши задницы, монстрами, что убивали китов. Киты безобидны, зачем так поступать, вот и нам не понятно было это. Но пиявок потом потравили. Пегасы знали своё дело, они рыгали волшебством, и, так как на небе не было травы, они ели пиявок, вместо всего. Чем больше они ели их, тем быстрее и шустрее становились. Вскоре, пиявок совсем, говорят не стало быть, изредка можно услышать, как ржёт Пегас, подметая двор фермы, где они их разводят, и едят только в особенно трудные дни. Пиявки, они, как пираньи, выпрыгивают из своих вольеров, пегасы их тут же съедают. Потом мозг у них, у космических тварей, скажем, развился, наблюдая, как их сородичи умирают. Стали умнее. Один из пиявок, миф такой есть, ходит на голове могучего Пегаса, ест молнии, и делится ими с ним. Верить вам или нет, ваше дело, а я вот побаиваюсь иногда смотреть на небо, уж очень опасно, а туч я давно уже не наблюдал, а гроз, со дня сотворения космолётов не видел. Их и то, всего два, один у ягуара, другой у человека. Ягуар смотрит на своём Нетфликс из будущего, а человек пытается полететь на луну, чтобы оставить след. Только всё время куда-то топливо исчезает. А это, оказывается, енот пьёт всё топливо. Только он стал невидимым, потому что мутировал, потому человек всё никак не мог его найти.

Кстати говоря, а вы знали, что первый полёт на луну принадлежит летучей мышке? Рассказываю.

Как-то раз, за ним погнался кентавр, а летучая мышь так испугалась, что преодолела звуковой барьер и вылетела в космос, и спряталась на тёмной стороне луны. С тех пор эта мышь там только и обитает, ибо всей других уже нет вовсе на свете, они прячутся в более заметных, но уже известных местах. Деликатесы из них, конечно, такие себе, но для любителей мяса на костях, это настоящий деликатес. Та мышь, изредка плачет, смотрит на землю и вытирает крылышком глаза, ведь там остался его любимый плейстейшен пять, на котором он любил играть в батлфилд пять. Вытирает свои бусинки и не может поверить, что он работал два года за зря в фирме своего друга козла, чтобы вот так вот всё потерять, когда волшебство стало просачиваться к нему в дом. Но в одном, конечно, ему повезло, бесспорно, глаза его видели, как бинокль, нет, точнее, как он сам не раз твердил, телескоп, он смотрел ими на библиотеки и читал книги, прямо с луны. Вот так вот легко ему удавалось всё выучить, и создать дом на луне, вырастить еду. Он даже живые организмы создал, потому что не было женских особей. Ракету, конечно, он не построил, но всё-таки, космический рюкзак сумел. И даже шлем. Он надевал их и улетал в другие миры, планеты, и искал других, таких же, как и он сам. Ведь не верилось ему, что все летучие мыши одиноки во вселенной. Ну не может же такого быть. Летал он долго, даже в который раз преодолевая звуковой барьер, что его звуковой барьер превратился в световой. И всего за неделю он добрался до другой галактики. Здесь-то его и поджидал сюрприз...

Об этом тут рассказывать не стоит, всякие опасные контрагенты следят за каждым моим словом, чтобы найти летучую мышь. Они даже открыли счёт для тех, кто сумеет достать самую последнюю живую летучую мышь учёную. Все богатства земли, и даже

соседнюю планету обещали. Потому, врать не буду, но и сказать не могу в какой галактике теперьмышь. Молчок-молчок. Но знайте одно, он нашёл что-то важное, очень существенное, даже дороже, чем награда за него объявленное. Такие дела.

А вот про крота инженера, могу рассказать одну занимательную вещь. Вы только представьте, как крот этот, за несколько дней сумел не то что, открыть в портал в другую сторону земли, короткую кротовую нору, так его потом и называть стали между прочем, так вот... значит, открыл он эту удивительную нору, и что вы думаете? Все животные мира смешались и перешли в его мир, волки, амурские тигры, панды, россомахи, ужи... За ужей, разумеется, крот был рад, он излюбленную еду давно не ел, а это его еда, так сказать с этих пор любимая. Инженера этого, никто не видел, но каждую неделю, на всей планете происходят удивительные вещи. То из облаков падает динозавр, то на улице обитает Мамонт, а в пещере огонь добывает доисторический человек. Недавно из-под земли выпрыгивали огромные сороконожки-кролики, а вместо драконов стали быть летать птеродактили. Голые, без шарфа. Лягушки сейчас, боятся выходить наружу, говорят, что боятся стрекоз и мух, что стали размером с быка. Ой батюшки, воробушки! Неужели такой крохотный крот смог открыть брешь между временем и пространством.

Как-то раз, он даже попал в комнату Эйнштейна и утащил оттуда его бутерброд. Когда уже Эйнштейн заметил нору, крот махал ему лапой и улыбался. После того, как бутерброд был утерян, Эйнштейн ищет способ вернуть его. С тех пор волосы учёного, ходят слухи, никогда его не слушаются от шока, даже клей не помогал, а ножницы ломались. А раз, гуляя по норам, крот вышел в комнату Лермонтова, когда тот читал письмо от Менделеева. Увидев его, Лермонтов свернулся калачиком на полу и просил, чтобы он никому не рассказывал о любви со стариком. Ведь ему было на десять лет больше, чем Менделееву, а с такой большой разницей в возрасте не разрешали брак и казнили, если узнавали. Крот улыбался, чесал голову, а потом переключал канал. Падал он долго, может час или пять минут, тут времени на самом-то деле нет. Попал он к Елизавете второй, она ржала как конь, что стала превращаться в лошадь, выросли у неё копыта, и хвост. Тотчас крот убежал оттуда. Коней он не любил особо. А попав в комнату Леонардо Да Винчи и Галилея, крот мог сидеть здесь месяцами, наблюдая за новыми открытиями. Потом улетал, вытирая платочком глаза, потому что очень будет скучать по ним. А однажды, попал в магический мир, крота перепутали со стаканом и поцеловали его в рот, пытаюсь выпить вина. Больше магию крот тоже не любит. Он чуть не задохнулся, и в его животе что-то летало. Это была сибирская язва. Если запустить язву, мог вырасти «чужой». Пришлось повозиться и полететь в будущее за лекарством. Нанять Терминатора и Хищника для сопровождения в другие миры.

А вот Горгона, уже семь лет на пенсии, змеи исчахли, покрылись пылью, чахнут, сил нет. Но дело даже не в этом. Вот есть у неё кровать, она давно покинула комнату, где она стоит, а всё не просто так, понимаете ли. В той кровати живут маленькие человечки, если так посмотреть их не видно, но, если приблизить через микроскоп, там бегают тысяча человек, с картами и инструментами, строят дома, изобретают ракеты и самолёты, сооружают машины и фирмы. Когда-то Горгона спала здесь, но в один прекрасный момент, её стало что-то колоть в бок. Что-то насадило её. Она встала, не поверите, и заметила какую-то иглу. Пыталась вытащить, поднималась вся кровать. А это оказалось небоскрёб этих людей. До самого неба. Как и кто его построил, не имеется никакого понятия, но Горгона чувствует, что здесь замешана магия великих колдунов и чёрных друидов. Один из них как раз однажды и обезоружил её. Сами людишки ещё не до конца понимают, где они и кто они.

Но они развиваются. Для них вся кровать, это огромная галактика. Когда-нибудь они точно вырвутся оттуда или создадут увеличивающиеся лучи, но тогда, вот уж тут молитесь все вы, их там миллионы, а может триллионы, если они станут большими, Сатурна не хватит для них. Потому, комнату Горгона держит закрытой, мало ли что, пусть в тесноте, но не в обиде. О какой тесноте может идти речь, между прочим, когда они даже не знают о существовании этого мира. Посыпает их солью, чтобы не испортились, а иногда кидает в комнату мемчики, чтобы развитие перестало быть.

Вот Пиноккио, однажды, ради всего хорошего, заметил, что, беря в руки ножницы, и играя с ним просто так, разрывает материю времени и пространства. Щуплый мальчишка, не сразу это заметил, лишь отчасти из-за того, что видел всю реальность целиком. Листы и рулоны космоса падали ему на колени, разрываясь и крошась в воздухе, и понял он, что воздух не был воздухом. Что весь воздух, и есть на самом деле вселенная, но чья-то она чужая, тех, кто в нём жил. Планеты бились об волны, выкатывались со своих орбит и улетали вниз, на его колени. Оттого умирали и жители тех галактик и планет. Больше мальчик не режет воздух ножницами, а ищет людей, разглядывая воздух, чтобы спасти их и перенести в колбу, где их не разрежет уже никто. Но воздуха было бесконечно, а неведомой галактики, ещё больше. Он дышал ими. Конечно, для тех жителей, пока они умрут и будут всосаны в мальчика, пройдёт немало миллион лет, но всё-таки, плохо умирать, как считал Пиноккио. А потом перестал пытаться. Всё устроено было так, чтобы так и было. И спасти не его задача. Ведь кто-то тоже дышит ими прямо сейчас, и кто-то тоже режет ножницами их вселенную. Он думал об этом долго, что выпал из мира и попал в психиатрическую больницу за свои глупые теории. Но здесь то и был простор для него. Проглатывая успокоительные, он мог общаться с людьми с той планеты. Они смотрели на него и удивлялись, задавали вопросы, а мальчик отвечал. Все вокруг думали, даже психи, что он сумасшедший, а он был самым простым мальчиком, который всего навсего первым увидел тот мир. Когда его спрашивали, что он видит, он отвечал вселенные, время и пространство. Врёшь же, отвечали ему, а он, никак же нет, взгляните, твердил мальчишка. Нос не рос. Он точно не обманывал. Но и люди не знали, что от вранья у него нос рос. Так и живёт мальчик там до сих пор. Гниёт. Доктора поливают его водой, чтобы он не врал, а он не мог сказать правды, что была и правдой на самом деле. За правду его поливали ещё больше. Доски на ноге сразу распухали, начиналась аллергическая реакция организма Пиноккио. Он начал стареть и морщиться, гнить, превращаясь в труху.

Пингвин почесал затылок, и прыгнул вниз. Облака пушистые, как не знаю, что, такого слово ещё и не придумали. Пингвин откинул волосы назад, вылез из воды, поигрался мышцами на груди, и подмигнул чайке, что он свободен в любое время, если та хочет поразвлечься. Чайка, разумеется, против не была, она тоже любила летать, но сегодня она много съела рыбы, чтобы летать. Пингвин презрительно кинул взгляд и нырнул обратно, пока не наткнулся на акулу. Акула была в очках и учила рыб, медуз, коньков, скатов новым правилам арифметики. Увидев пингвина, она помахала плавником, и сказала подождать. Подойдя к крылатой птице, выхаркала южноокеанского карася, и пингвин, похлопав её по спине, уплыл.

Тор в три часа утра пил эль. Такое бывает после долгого боя с кондорами из пещеры Триааскаля. Кондоры не меньше десяти метров, клюв из алмаза, желудок из титана, а размах крыльев достигает сорока метров. Тор долго бился с ним, пока один из них не предложил ничью, тем был кондор, но Тор, он же, как никак бог, не может сыграть вничью с монстром,

потому обманул того, сказав хорошо, и ударил в самое уязвимое его место кулаком, по мизинцу на правой ноге. От боли, клюв его рассыпался, титановый живот расплющился, а крылья опали, и они стал ощипанной курицей.

Здесь, помимо прочего, на этом персике, конечно, люди тоже жили, ну как же без них. Волшебство не имеет места быть без них, как никак, ради них она и создана была. Только вот, наука давно уже перешла и сумела проникнуться в умы многих жителей планеты, что магии то, на самом деле и не нужно было, чтобы суметь контролировать всех на земле. Одной бомбой мог человек убить точно любого, ну скажем так, один вид. Они ставили на таймерах маленьких нано атомов вид животного, и все атомы эти, находили любой вид, где бы они не жили, проходили через стены, вселенные, воду, находили всех, конечно, земных, и разрывали их изнутри взрывом. Потому, выходить против этих монстров не стали сами монстры, да даже боги, которых люди считали бессмертными, оказались смертны, когда Афина умерла от такой бомбы, когда решила убить президента страны земля. С тех пор, тут уж, каждый сам за себя. Такие вот дела. Мусолить эту тему, не имеет вообще никакого смысла, давно ж вы знаете их, вы и сами люди, и сами давно видели те приборы. Воистину смертельные и страшные.

Помимо всего прочего, в этом мире, земле, где живут столь прекрасные существа, ну никак и быть иначе не может, полагаю — есть ещё более удивительные чудовища — это медузы что играют гольф, сидя на Юпитере, играют лунами, как не знаю, что, пытаюсь попасть по белым дырам, лункам в космосе. Но ведь луны всегда должны быть на местах, в своих вселенных, лишь потому в белые, а не иные, чтобы через чёрные они могли попасть обратно под их лапки и щупальца. Ох уж эти медузы, прока от них нет, но коль заметит, беда приключится, ужалит, умрёшь тотчас, вот подбрасывают планеты высоко вверх, может вниз, кто же их знает, направлений у космоса никогда не было, и бросают в лунку, ударом щупальца. Планеты, луны, все они катятся по полю, и потом их хватают крохотные, но столь же проворные лемуры, они кидают их в кольцо Сатурна, играя в баскетбол, и как же они радуются, когда попадают. Бьют друг друга от радости. Те планеты быстро возвращаются обратно, катясь на место, как по бильярдному столу, и, конечно, бывает, что лемуры жадничают, приходится медузам драться с ними на кулаках. Разумеется, ни о каких-либо кулаках у медуз и речи идти не может. Не могло бы, но тут всё по-иному устроено, увы, ведь медуза сама, если посмотреть, есть кулак самый настоящий. Одного удара хватает, бывало, для лемура, чтобы тот окочурился.

На кухне, в доме на окраине леса сидел парень, обычный человек, но были у него килограммы конфет в шкафу. Только конфеты эти были совсем не простые, а волшебные. Каждый, кто съедал их, тотчас становился роботом. А всё потому, что внутри конфет жили демонята, они соблазняли и зазывали людей к себе, чтобы те их съели, а потом сами съедали людей изнутри, строили там настоящие механизмы, каркасы, и превращали кожу человека в робота. Как настоящего, ходят легенды, что даже сам робот не знает, что робот он, потому что воспоминания живы. В маленькой коробочке демоны хранят мозги, охраняют, а в зависимости от надобности, перестраивают его, и внедряют свои воспоминания. Бывает, ходят в этом теле в ад, чтобы уверить людей, что выход есть, давать им надежду, а потом, коварно и жестоко говорить истину, показывая себя. Тотчас человек страдал ещё больше, и горел лучше.

В Сибири, ну а где же ещё им быть, как не там, жили снеговики размером с гору. И жил с ними там Йети, огромный преогромный волосатый человек, по телу одни лишь волосы и

были, только два глаза и торчали, светясь под луной. Они играли со снеговиком в строй-дом, и кидались пиками. Пики доходили чуть-ли не до высоты дерева у горы, и, всего то роста с машину, у Йети. Они кидались так до тех пор, пока не наступало утро, а утром они, разумеется, всегда спали, чтобы люди их не заметили. Когда смотришь снизу, можно заметить два огромных пещер, это не пещеры вовсе, а глаза горы, но люди не видят всего этого, потому что гора умеет очень хорошо себя скрывать. Йети вот, чтобы не попасться, выкопает себе норму в снегу, туда залезет, и спит до самого вечера, и просыпается от холода. Поднимает голову, а там пурга. Его бьет из стороны в сторону, как флаг европейский, а он держится за ёлку, и орёт горе, чтобы руку подал, а гора то намного больше, не слышит, снег его уши заложил. Так улетал Йети далеко-далеко, делал семь раз вокруг горы круг, и падал снова в снег. Бывало, летит он по небу, прилетят Вороны и Пингвины, сядут на его спину, и спят, пока тот летит. А когда-то, то было два дня или три спустя, из-под воды вылезла огромная морская черепаха, и крикнула Воронам, чтобы они привязали верёвку к Йети. И летела черепаха снизу, потому что тоже всегда мечтала летать, только она была очень большая, и потому подпрыгивала иногда, чтобы преодолеть хоть сотню метров. Потому, Йети был воздушным змеем.

Карлики всегда говорили:

— Чтобы достать и открутить лампочку, нужно три гнома! — каждый из них пытался, но до потолка их роста всё равно не хватало.

— Значит десять! — но и десять карликов не доставали до лампочки, а прикрутить нужно было, потому они позвали человека в хижину. Человек помог, но уходя сказал:

— Хорошо, что вы меня позвали, вы слишком маленькие, даже вместе. Итак, малолетки, с вас сто тысяч долларов в фунтах стерлингах по курсу юаня.

Дали они ему, а потом, и золото лепрекона отдали в руки человека. На том сошлись. Вечером пришла Дюймовочка, поставила два стула друг на друга, выкрутила лампочку и сказала, что здесь нужен тёплый свет, для уюта.

— Да ну тебя, сука... — крикнули гномы, и отрезали себе голову, кинули в корзины, и ушли жить к дяде Мазаю. У него хоть потолки низкие.

Вы представляете, сколько на небе звёзд, как по галактике плывёт дракон, изрыгая из пасти мармелад, как на воздушном шаре летает кролик, напевая Филиппа Киркорова, а где-то на Плутон, живёт комар, который умеет сочинять галактики. Комар выходи на веранду, и размахивая хоботом начинает создавать новые галактики и планеты. На одном комар создал великанов, что ели только маленькие грибы, а в другой, Ежа, что умел танцевать брейк-данс, и делать из песка лёд. На своей планете, комар не хотел ничего, кроме баллона с донорской кровью, и пару укромных, тёмных мест. Но однажды скучно ему стало, он взмахнул волшебным хоботом, создал крейсер и отправился в созданную галактику, только по пути выпал из крейсера, потому что забыть забыл про зубастых щук, которые плавали по космосу и ели всё подряд.

— А что, если, в чайном листе живут все? — размышляла моль, выедая с другом шубу, — Представь себе, что это космос, а там разбросаны планеты! Там и бабочки, и мухи, и ящерицы, даже люди!

— Удивительно! — поддакивал друг.

— Здесь, в чайном листике, — сказал он, — Живёт такой же Тима, как ты, моль маленькая, даже меньше нас с тобой, — достав листок из кармана, — может он даже твой маленький клон, и тоже ест шубу, только много давно лет назад.

— Круто!

— И не говори, а ведь они даже не знают, что им жарко на планете, потому что мы их варим и едим в чашке и чайнике.

— Как это?

— В воду опускаешь, и все там тонут, и умирают. Разбухают, планеты становятся пончиками, большими такими, словно воду в рот набрали.

— А, понятно.

— Да, а я думал ты всегда был тупым. Оказывается, ты ещё тупее, чем я думал.

Они продолжали есть, но моль Генри всё продолжал рассматривать иногда листик, шепча им, что он спас их вселенную, и положил в карман. Потом шкаф открылся, и они вылетели, но мухобойка достала их и размазала по стене. Так оно и бывает, люди часто также пропускали на автобусах остановку, разговорившись о чём-то далёком. Вот и моли не заметили опасность, только в последний миг. Он и стал самым последним.

Представьте на полу носок, засовываешь ногу, а там... но всё по порядку. Носок этот вовсе не обычный, а самый настоящий волшебный носок. Когда человек надевает их, сразу же попадает в другой мир. Здесь оборотни и вампиры, у них идёт война. Ван Хельсинг сюда тоже попадал, оттуда он вытащил несколько оборотней, и они захватили его мир. Но Хельсинг был круче всех, потому сам стал ими, вернувшись в прошлое и родившись ликаном. Он хранил в себе секрет знаком Бафомета, которая сдерживала его ярость и превращение. Когда пришло время, он стал оборотнем, размером с таксу и полетел на юг, потому что там не было оборотней. Там их не было, только вот, магия там была странная. Взобравшись на самую высокую гору на Олимпе, Хельсинг заметил, что с каждого выпавшего волоса вырастает новый оборотень. Он никогда не хотел быть отцом, но кто выбирает, таково предназначение было. Их ещё и кормить нужно. Потому, он растил ещё оборотней, и пока те не сформировались, давал есть своим детям. Да они сами себе могли детей сделать и есть. Дети ели детей своих детей. И принял решение Хельсинг, что хватит с него, и полетел обратно к носку, залез в прошлое и родился человеком. Тотчас все оборотни погибли на той горе.

У Фредди Крюгера всегда в комнате висели три листка с рисунками. Он боялся их брать в руки, потому что за картиной были другие миры. В одном из них хранились его страхи, самые потаённые. Спиннеры. Он всегда боялся пытаться крутить их на пальце, потому что когти мешали, а когда те падали, то губы Фредди искривлялись и ему становилось неловко, ведь даже дети умели их крутить. Потому он и убивать стал спящих, пока те не научились крутить их, опозорив его. Страх там было предостаточно. К примеру, Ольга Бузова. Когда Крюгер полз к ней, пытаясь залезть в голову в её сон, он попадал в чистилище, там не было ничего кроме пустоты и тоски. Снов и мыслей не было. Даже воспоминания были нигде. Крюгер забивался в угол и плакал, рвал на себе последние уцелевшие после пожара волосинки под стопой левой ноги, между мизинцем и безымянным пальцем. Чистилище не отвечало. Так было до создания большого взрыва, никак иначе. Также пусто и одиноко. В надежде ли, отнюдь, кто его знает. Но... Крюгер начинал видеть огни, это глаза его искали свет во тьме. Крюгер сам пытался заснуть, чтобы увидеть свой сон, чтобы залезть к себе в голову, но не мог. Ему казалось, что он закрыл глаза, а кто-то держал их открытыми. Фредди не видел его, и убегал во тьму с криками, чтобы его спасли. Но сколько бы он не бегал, кто-то всё время держал его за веки и не давал спать. Сила Бузовой не имело границ, над ней не было контроля Фреддом. Здесь была настоящая тюрьма.

За вторым рисунком был его самый нелюбимый урок. Физика. Он никак не мог понять, что значит невозможно изменить законы вселенной. Ему учитель говорил, что нельзя залезть в сон, когда Фредди начинал рассказывать свою историю, тогда тот бил его указкой прямо в глаз, в зрачок, и Крюгер сразу же замолкал. А бывало, схватит учитель табуретку или парту, и как ударит по хребту Фредди, что все зубы вылетали на пол, куда сходились матерные гномики и зубные феи.

За третьим рисунком был самый страшный страх, но и самый любимый сон из всех снов в его мире. Крюгер боялся его одновременно, но и любил. Только бы никто не увидел. Эту тайну нельзя рассказывать, иначе все монстры в мире ополчатся против него, ведь в мире есть один волшебный звук, который обезоруживает всех волшебных и грозных существ. Даже Крюгер, читая его, становился младенцем, трусом и зайкой. Его пронизывали трезубцем, и он горел на огне десять тысяч лет. Потому открывать этот рисунок, ему бы не хотелось никогда. Потому он заклеил его скотчем и изолентой, приколотил сверху досками. Даже дементоры показались бы шуткой, обычной простынёй. Он мог достал этот звук у бога в голове, когда тот отвлёкся, если он откроет картину, бог увидит его, звук пронзит мир, и все чары со всех спадут, даже от него. Придётся богу создавать всех с нуля. Конечно, Фредди хотел бы быть единственным таким монстром, волшебным, но никак. Тише, тише...

Уйдём от этого Фредди куда подальше, ведь самое крутое есть и у других созданий. Самое удивительное, что у Гулливера, что может быть у него в принципе, в комнате стоит зеркало, которая уменьшает вес человека. Когда смотришь на неё, то, когда видишь себя по грудь, в реальности у тебя тотчас исчезает нижняя половина, переместившись в зеркало. А зеркало проектирует тебя из зеркала в реальность, как голограмму. Вес у этого чудо тела, как никак, известно давно, пять микрограмм. Гулливер каждый день взвешивается на ней, смотря. Именно тогда, Гулливера и захватывают карлики и лилипуты, накрывают зеркало покрывалом, и Гулливер падает на землю. У него есть только верхняя половина на земле, а весомая, нижняя остаётся внутри зеркала. Лилипуты бьют его и бьют, потому что у него даже нет рук, всё в зеркале, вот поднял бы он руки, когда смотрел, может и руки были бы. Когда им надоедает бить великана, когда они съедают все продукты дома и обворовывают его, крадут золото и чайные ложки, открывают зеркало и убегают. Из зеркала вылетает нижняя половина и приклеивается к Гулливеру. Он встаёт и начинает гладить себя, потому что больно. Его ведь били. Злится он, но лилипутов найти не может.

Эх если бы у него был смартфон, то помогли бы ему отыскать этих лилипутов, потому что и телефоны то уже необычные появились, что могут примагнитить лилипутов к крышке смартфона. А внутри него педали крутят хомяки физики, они-то точно знают, что движение жизнь. Когда телефон выключается, они вытирают пот, и идут спать. Бывает целый день, а бывает три минуты. Дело час, аккумулятор нужно наполнять энергией и движением. Когда нажимают на экран, грузчик внутри бегаёт и передвигает, перестраивает мир, раздел настроек, почту, да всё что угодно, куда нажмёт человек, то и строит строитель грузчик.

Вы когда-нибудь видели страусов землекопов? А вот осы видят их каждый день, ведь они нанимают их, чтобы они строили им норы. Настоящие тоннели. Их даже муравьи нанимают, когда не успевают до зимы приготовить дома. Они грызут огромными зубами землю, как черви, внутрь, сжимаются и плюющаяся, как пластилин и ползают. У них рот бездонный колодец. Всё съеденное вылетает в другом месте, через телепорт, в Якутии. Такой же телепорт внутри страуса. В Якутии принимаю землю и высаживают пальмы вокруг юрт. Кормят ими слонов. Слоны едят и становятся ещё морщинистее, и мудрее. И всем

потом рассказывают, чтобы кормили всех нормальной едой, и, что все якуты долбаные дегенераты тупорылые.

Муравьи сами по себе обычные, только вот они в коконе хранят вовсе не младенцев муравьев, а настоящих людей. Маленьких. Они также сосут соски в коконе, и сюда они попали из ракеты на орбите. Соски те из кишечков пауков, и из молока кролика. Когда люди ложатся спать в криосон в свои капсулы, то перемещаются в кокон муравья, уменьшившийся. Обратно, потом, как узнается, невозможно вернуться. Так можно среди толпы муравьев заметить человека, который таскает на спине песчинку сахара или тянет за собой солому, чтобы укрепить проходы в тоннели. Они матерятся, орут, но делают. Пусть только не сделают, военные муравьи отрубят им лапы. Им тут слабые не нужны. Вовсе. Как-то раз пытался у нас тут один построить машину, чтобы быстрее передвигаться, так сразу же убили его, назвав шарлатаном и гнусным лентяем. Теперь и думать запрещено без приказа. Люди бегут и бегут, устают, как только садятся, получают копьем по пузу, и снова бегут. Пусть ползают, но не стоят на месте, пробки не создают в тоннели муравьином. Есть здесь носильщик, нет, он никого тут не насилует, он таскает на спине коконы муравьиных людей в соседний муравейник, бегаёт себе, как болид формулы один, ведь у него мутация, семь ног, седьмой на голове. Он всё время ударяется им на потолок, а нога бежит по потолку и толкает его обратно в муравейник, откуда он забирает коконы. Потому он своей слюной примотал эту ногу на спину, и теперь даже коконы лучше держаться, потому что снизу есть опора. Вместо хвоста, так сказать, а ему, как бы и хорошо. Только один глаз ему иногда мешает, когда, выйдя из муравейника солнце светит ему в глаза. Было бы два глаза, он закрывал бы правый от правого солнца, и бежал себе с левым глазом. А тут, иногда спотыкается, и в глаз вонзается клещ. Вытащить их трудно, они со скрученными зубами. Но если пощекотать их между ног, они отпускают глаз.

Говорят, листья, что падают со стороны леса, что далеко за солнцем, в миллионах тысяч световых лет, прячется планета, которую нельзя увидеть ни одним телескопом. Там живут инопланетяне. Они ходят на голове, едят пальцами, а говорят танцами на ветру. Они по строению своему, как тонкий лист А4, встав боком, их разглядеть невозможно, а стоя напротив кого-либо, можно видеть их плоские лица. Нарисованный нос, глаза и рот. Инопланетяне часто любили смотреть со своей планеты на звёзды, только звёзды они видели не как мы, потому что и законы там были другие, словно всё вокруг было нарисовано цветными карандашом и фломастером. Белые не разукрашенные точки на бумаге, на синем небе, зелёные, едва ли покрашенные деревья, которые летали по воздуху, частотой 2 кадра в секунду, и животные, которые часто боролись с ветрами, и летали по планете, хватаясь и раздирая в клочья облака. Птицы были, как две палки, размахивали крыльями, и падали через минуту. Они могли летать едва ли минуту, а когда начинался дождь, все они прятались под укрытиями. Тут дожди были каменные и мокрые. Каждый из них был страшнее, чем они могли предположить. Но хватало всего, так сказать, лечь на землю и стать плоскими с землёй, частью планеты, и совсем камни не могли причинить вред, а вот дожди, от них прятаться было трудновато. Мокрый мир инопланетян становился непригодным для жизни, потому они придумали вентилятор из кожи чудищ, раскромсав их, чтобы проветрить землю.

Хорёк жил в норе под атомной электростанцией, и никогда не жаловался на радиацию. Хорёк носил свою шубу с опаской, ну а как же иначе, а всё потому, что шуба, была до невообразимости хищная, каждая волосинка — это черви с зубами, хищные. Черви съедали саму радиацию, прямо из воздуха и почвы, разрывая саму материю. На самом деле нам не

известно. Но мы продолжим. Когда человек убил хорька, а тогда зверь вышел отлить за забором, после просмотра мультфильма; чтобы сделать себе на зиму одежду, черви съели человека, выпрыгнув из неё. Шуба стала ещё и жирнее. Ну не может же съесть червяк сто килограммов и не растолстеть. На земле многие съедали сто грамм сладостей и их разносило до двух сотен килограммов. И вот. Мясо, съеденное ими стало мутировать, и те черви превратились в змей. Устали. Уснули. Два года они лежали на земле припухшими, по ним катились автомобили. Шуба плавала в луже к водосточной трубе, её уносили в когтях птицы и грызли мухи. На них испражнялись собаки. На них спали коты. Когда-то, помнится, этой шубой пользовались вместо презерватива негры-свингеры-арабы.

Спячка длилась всего ничего, на третий год, когда бомж Иван надел её на себя, и зашёл в пятёрочку, шуба ожила и, от недоумения, как это так, да я вас всех... — шуба съела бомжа, продавцов, грузчиков и покупателей.

Хорёк не мог этого вытерпеть, ну никак иначе, понимаете, шуба убивает, а она... сидит себе в аду, играет с чертями в козла. Людей жалко стало. Да и он совсем голый, стыдно должно быть. Всё произошло от того, (может быть и не вернулся бы, в аду бесплатный пудинг), что чёрт начал чаще и чаще уходить на работу, отвлекаться, чтобы мучить людей. Так в карты не поиграешь. Чёрт Джеймс выйдя из комнаты, и зайдя обратно через минуты пять, (а тут одна минута длилась месяц), он заявлял хорьку, что устал работать. Он начал жаловаться, что люди прибывают и прибывают. Черти знают, кто и как умер, потому чёрт Джеймс и сказал ему, что пора вернуться. Ему осточертело. Чёрт открыл дверь и пнул хорька в проём, хорёк кувыркнулся, ударился головой об арматуру на полу, съел арбуз, выгрыз корзины, сделал десять тысяч сальто и схватил свою шубу, надел, и вышел из магазина. Перед самым входом он остановился, и из шубы вылез бомж, совсем живой. И все люди тоже вылезли. Потом вылезла голова Джеймса и сказала:

— Страдайте на земле! — и скрылась, закрыв портал. Ещё семь ночей продавщицы плакали, чтобы вернуться обратно в ад. «А вот хуй вам!» — орал чёрт, переключая каналы в кинотеатре.

По ночам, у одного мальчика оживали игрушки. А в шкафу жил костяной человек. Монстр любил выходить из шкафа и хватать мальчика за ногу, и страшно приговаривать, что он его съест. Мальчик боялся. Но вот игрушки ничего не боялись, потому, они бежали на помощь мальчику, и били монстра то табуретками, то ногами, то ножом, а время от времени вешали его на верёвку и кидали в окно. Костяной человек кричал, просил пощадить, тогда игрушки тащили его обратно, и заставляли готовить торт, чтобы мальчик его простил. Торт он пёк очень вкусный, по профессии, когда ещё был живым, до того, как попал в ад и стал прислужником сатаны, славился на всю Францию кондитерскими изделиями, ведь он — повар, как никак. Мальчик утром находил на тумбочке торт, и думал, что это мама испекла ему. Ветви бились об стекло в комнате, костяной человек вылезал снова из шкафа, доставал из плаща пилу, и желал отрезать ногу мальчику. Но тут на него напал Железный человек, Индиана Джонс, Брюс Ли и Джеки чан и отпиздили его, сломали ему пальцы и приковали на крест, вывезли в лес, и, найдя там кукурузное поле, оставили там. Костяной человек что-то кричал, но его совсем не слышно было. Только кости и громыхали. Языка же нет. На него садились драконы задом, и он там и утопал. Потом дракон улетал, а из зада торчал крест. Где сейчас этот костяной человек, неизвестно. Может быть он ещё придёт к мальчику, но уже много-много лет спустя. Если найдёт дорогу.

Мальчик вставал, открывал шкаф, а там сидел Бильбо Бэггинс, он крутил в ладони

кольцо и шипел. Страшно стало мальчику. Что же тут делает его дедушка. Он позвал маму и отца. Отец забил того дверкой шкафа, засунул в мусорный мешок и вывез на кладбище, там его и похоронил. Бильбо что-то говорил, тянул руки в мусорном мешке, просил пощадить ли, кто знает, но жив он до сих пор. Всё потому, что кольцо надел. И ждёт, когда его найдут короли от Саурона. Они найдут, возможно, но лопаты нужны будут. А короли никогда лопат не держали. Сядут у надгробья, и заплачут. Потом пойдут, вырвут деревья с корнем, а там гоблины и тролли.

Игрушек, разумеется, мальчик не видел живыми никогда. Мальчик был слепым. Но он видел ауру сладкого. Иногда, мальчик ронял на Джеки чана торт, и начинал видеть и его, хватал, и ломал ему шею. Джеки чан кричал, оживал, и мудохал мальчика до потери сознания. Поднимал голову и надевал обратно.

— Ещё раз поднимешь на меня руку, я твою голову знаешь сам, куда засуну!

Мальчик забивался в угол и плакал. Потом в окно влетала фея крёстная и обещала исполнить одно желание. Мальчик улыбался и загадывал, чтобы у него было десять рублей, чтобы купить жвачку. Потом фея улетала, а глупый парнишка оставался с десятью рублями.

Золотые угри, тоже, в некоем роде живыми были. Они уплыли из Эльдорадо и заселили атлантический океан. Угри любили фотографировать пейзажи, запускать фейерверки, играть в прятки с дельфинами и есть заблудившихся людей на лодках. Рыбаков он, как и полагается, очень любил, охотился на них. Запрыгивал в сеть, а когда те вытаскивали, радуясь улову на ужин, угорь пускал в них молнию, делал шашлык, и посыпав кетчупом, ел прямо на борту лодки. На пир он зазывал осьминогов, кальмаров, пираний, акул и планктона. Спанч боб в этот день приглашён не был, а всё потому, что он сегодня много работал. Он мыл атомные подводные лодки и чистил унитазы. Если бы угорь не знал квадрат, он никогда бы не узнал чёрного Боба. Планктон всё время пытался узнать секрет приготовления столь вкусного человека, и что входит в блюдо, и почему так вкусно. Угорь улыбался, крутил пальцем у рта, вылизывал ногти и говорил, что это секрет фирмы и оно защищено авторскими правами. Только Зевс смотрел на это и вздыхал, облизывал тонкие, сухие губы. Он любил шашлык, но загранпаспорта у него не было, потому на землю спускаться не имел права. На Олимпе никто его не жарил, в том числе и шашлык. Геркулес любил есть БАДы и протеины. Афина употребляла бананы и кокосовое молоко. Афродита кормилась кровью девственниц. Гермес ел железо. Арес предпочитал мокрую землю. Посейдон же, купался в фонтане и ел рыб. Только Аполлону не повезло больше всех, он любил есть солнце. А Гефест, сын Зевса, всё время сосал пламя. Не до того им было, не до человеческих утех и до угря людоеда.

На остров Фиджи мигрируют консервы. В них мозги. Океан прибывает их к причалу Нанди. Жители выходят с рассветом к пляжу и собирают их в корзины. В хижине лежат тела маленьких людей. Их помещают в голову, закрывают. Дети оживают. Им загрузили память о том, что жители этого острова их друзья, они знают их имена, где живут и работают. Жители также вели себя, словно они их дети, они знают их, притворялись и играли свои роли. Когда дети становились стариками, с возрастом мозги уменьшались, в конце, после смерти, молодые, те, кто только прибыл на остров, но уже в них было заложено то, что так нужно делать, вынимали мозги — сворачивали в пакет, совали в консервы и отправляли обратно по океану. В конце года, консервы возвращались с новыми воспоминаниями. Умершие тела стариков, молодели и снова становились детьми. Мозги помещали в те же тела, в которой погибли. Они жили одну и ту же жизнь круг за кругом. Вынимали. Оживляли. Молодели.

Умирали. Глупели. Но каждый раз у них были новые воспоминания. Мозги, тем не менее, предназначались и болеющим шизофренией, Альцгеймером, психозом — отдельные консервные банки с маркером зелёного цвета. В этом городе люди мыли воздух шваброй. Когда они болтали ими, на месте, где они проводили шваброй вырастали и материализовались полы, стены и крыши. В лесу филины, совы и ястребы дрались в вольерах, танцевали вальс и танго. Судья орк ел гамбургер из камней, и за сорок лет никогда не останавливал бой.

Переплыв и поднявшись на башню на соседнем острове, через океан, можно увидеть моржа из огня. Он работает на маяке. Указывает путь кораблям, чтобы те не разбивались о скалы и кораллы. Рядом сидела жаба, которая утром проглатывала моржа, чтобы тот спал. Днём жаба убиралась в комнате, мыла пол, вытирала пыль и готовила есть.

На третьем острове жили ножки от стульев и столов. Больные и выкинутые высшими. Мусор. Они прыгали по острову, и любили плавать по воде, соревноваться в быстроте. Часть из них занималась сёрфингом, часть сноубордингом. Среди них жили белые, чёрные, красные и зелёные ножки. Жёлтых считали больными желтухой. Красными владел демон, бывший работник ада. Чёрные очень часто загорали. Белые работали на фермах и выкапывали лунки для овощей. Бандитов крошили в труху, в опилки и посыпали землёю, как удобрение. В полдень из неба упала круглая доска. Все ножки собрались вокруг него. Доска покатила на гору, куда никто не мог допрыгнуть, и провозгласила себя богом. Ножки с тех пор носят его на головах. Так у них появился стол. Люди часто приезжающие на остров часто любили есть на нём. Ножки ровно стояли в ряд и не шелохнулись ни разу. Доску для сноуборда использовали вместо стула. Человек стал богом бога. И поняли ножки, что у каждого есть свой бог, даже у человека, и у бога человека.

На четвёртом островке, месте потерянным во времени, жили шляпы. Они пылали льдом, и тушили себя стихотворениями. Если переставали читать стихотворения, таяли и умирали. Потому на острове стоял настоящий гул. Голоса. Часто шляпы болели. Конечно, их люди не слышали, ни птицы, ни рыбы. Но стоило надеть их на голову, стихотворение отдавались эхом в разум. Человек сходил с ума, и голова замерзала. Как-то раз, одна шляпа выбросилась с утёса в океан и полетела в Антарктиду, здесь ей не нужно было слушать криков коллег и друзей, и не таять. Он перестал читать стихи, но из-за отсутствия других навыков, временами снова начинал сочинять их. Снежное общество белых медведей увидев шляпу, решили нанять его, соорудили голову, которая вещала мысли шляпы через динамики, и он стал самым высокооплачиваемым комиком и поэтом Антарктиды, работающий за похвалу.

Если улететь на парашюте от сего места, и укрыться в библиотеке Максимианополиса в Египте, можно увидеть чудеса, которых нет в других странах. Особенно в библиотеке магии и колдовства. Здесь каждый год умирают люди лишь потому, что выбирают для чтения не те книги, и не тех авторов. Открывая книгу про крушение Рима, из книги выбегают римляне с копьями, мечами и стрелами, из книги Ктулху Говарда Лавкрафта вырываются щупальца размером с самолёт, а открыв литературу по призракам, кровавая Мэри вырывает глаза, через отражение. Здесь можно сгореть, утонуть, быть убитым и закопанным живо. Моэм, когда, попав сюда лишился руки, потому что изучал аллигаторов доисторического мира. Эрнест Хемингуэй сжёг себе глаза, когда увидел ангела, а Достоевский, оказавшись здесь, впустил в себя тысячу душ, которые помогали ему писать книги. У всех разные ситуации. Но без сомнения, чудеса были кошмарны и опасны. Через книги вырывались волшебники, Волан-Де-Морт пытался договориться со смотрителем библиотеки, чтобы он дал ему флешку,

чтобы загрузить душу, но библиотекарь хлопал ладонью, и волшебник улетал в книгу. Его будто всосал пылесос. Снежная королева обещала убить библиотекаря, если он не поможет ему, но зритель доставал волшебную палочку из-за пазухи, которую получил из книги, и взмахом ставил её на место, превратив в пакетик желатина или куклу Барби. Здесь, временами появлялись звери, которые бегали по полкам, авторы падали, раскрывались и начинался потоп, выплывал мегалодон, вылетал дракон, бушевали мёртвые самураи. С одной вампир, с другой кладовщик воспоминаний. У зрителя в такие моменты были свои возможности, кроме волшебства. Кнопка перемотки. Он перематывал время назад, хватал зверей и выпирал за дверь до того, как они смогут разбросать книги и устроить беспредел. Хлопок ладонью не убрал бы хаос, потому, чудеснее перемотки времени не было в волшебной библиотеке ничего. Умерших можно было воскресить, а потерявшие части тела, отрастить им конечности. Разумеется, мог зритель библиотеки вызвать самого лучшего врача из книги, открыть дверь в будущее, чтобы отрастить ноги или почки, вывести из комнаты в книге приборы, что позволяли бы не получать травм. Но не стоило рисковать, ведь персонажи могли убить их, захватить библиотеку, город, страну, ставить эксперименты над живыми людьми. Риск всегда есть, ещё бы, кто же захотел всю жизнь жить в мире, где всё хуже, чем где-либо. Ад.

Но что это мы о библиотеке и библиотеке, не так ли? Давайте же перенесёмся в мир науки, где ложка пороха превращала человека в того, в кого, никак иначе и быть не может, сам человек хотел превратиться. В порошке были гены животных, и попробовав лишь ложку, люди превращались в животных или обретали их силу. Удивительно. Чарльз Чаплин получил здесь грацию кошки, а Гёте зоркость ума. Булгаков находил в себе силу упрямства и видел другие миры на дне чашки, Диккенс награждался шармом обезьяны и умом ворона. Гойл становился бегемотом, Мари орлом, Анастасия превращалась в лису. А между тем, ну вы представляете, я себе руку на отсечение дам, животные, что пробовали сей чудотворный порошок, становились людьми. Они были ими, разумеется, только вот, быть людьми так и не научились. Тигры, что превратились в хомосапинс, ходили на четвереньках. Собаки лаяли. Кошки горбились и ссали в тапочки, и в углы комнат. Орлы прыгали с крыш. Жирафы тянулись за листьями деревьев. Животное всегда животное. Человека можно научить, он мыслит, а животное тупое существо, она имитирует жизнь джунглей, точнее, живёт по законам леса, и даёт предпочтение только инстинктам. А вот, что фантастика, так, только не давите на меня пальцем, жуки совсем ничем не становились, а получали лишь ум человека, и каждый раз, когда взгляд падал на пол, можно было заметить, как у стула бегали тараканы, жуки-олени, мухи и блохи. Они то и дело танцевали, то играли в бильярд, то кидали хлебные крошки в корзины из паутины, то отжимались и подтягивались на турниках, а муравьи, что прибежали последними, сражались с пауками в армрестлинге. Блохам было труднее всего. Более сильные и большие — разумные-насекомые, пользовались ими вместо футбольного мяча, забивая голы в импровизированные ворота. Потом они замечали больших людей, и начинали ругаться, поднимать кулаки и нервно дрожать: лишь бы не раздавили. Кусать их за большие пальцы на ноге, выдирать волосы с корня. Желали ли места, кто знает. Но драчуны ещё те. Крик. Истерика. Писклявый звук доносился куда угодно, только не до ушей гигантов. Приматы хватили их и давили, а если везло, то те убегали, и вечно тряслись в страхе под плинтусом, между ковролином, ковром и линолеумом. Бывало, увидит человек, что был в прошлой жизни муравьедом, и съест всех букашек. А изредка, но так есть, люди слышали пiski тараканов, и пристально слушали их усаживая на ладони, как те рассказывали

историю о том, что вчера ловили бабочек, а позавчера построили дом под умывальником. Человек злился, и травил под ним всё их семейство.

А на ферме близь Эдинбурга, жили коровы повара, они прибежали на стол, резали себя, ложились на сковородку, заправляли себя сверху овощами; картошкой, морковью, луком, чесноком и горошком. Люди тем временем ели, причмокивая и говоря, какие хорошие кулинары. Бывало, зайдёт Монро, чтобы поесть тушеного гуся, бараны доставали ножи, резали тех, мариновали в соусе, тушили в утятнице, и подавали на стол. Если же, мясо плохо шло в желудок, гусиное мясо вытаскивало руки и отталкивалась со стенок трахеи, чтобы упасть в бездонный кратер кислоты. Когда люди, после двух, ей богу не вру, дней, испражнялись, гуси вылетали из фекальной канавы, регенерировав обратно в птицы, и направлялись в те фермы, где были убиты, чтобы вновь оказаться на столе. Представляете себе, какое самопожертвование во имя спасения голодающих. Такие бы чудеса, да в Австралии и Африку, в Аризону, да Техас!

Если надеть бейсболку, бейсболка сползёт по телу, и ты исчезнешь под ней, попав в сказку. А если размахнуться, и кинуть себя в воду, бейсболка становится кораблем. Если сказать, невзначай, что у тебя толстый зад, ты станешь Килиманджаро. Да-да, странно всё, но что такое странно, когда всё в мире так просто. Если прыгнуть с самолёта, то можно заметить, как становишься блином, а если лечь на дороге на автомагистрали, можно увидеть как делают фарш. Если ударить носорога по носу, можно заметить, что кроме трёх дырок, есть и четвертый и пятый, а если поставить подножку слону, то тут уж нигер тебе не поможет. Даже нигер не поможет нигеру, если нигер дерётся с нигером в неравной схватке, за кинутый хозяином кость умершей крысы, обжаренной на сливочном масле. Нигер знает, что другие нигеры опасны. Потому нигерам не остаётся ничего, кроме наблюдения за друзьями животными.

На этом всё. Завтра у меня день выходного, так что, ждать в последующие дни чего-либо, или в месяцы, не стоит. Буду занят самосовершенствованием, пусть я и так совершенный, как универсальный солдат. Надеюсь, вы отдохнули пока читали этот блог. Уверяю вас, этот блог может пополниться, после возвращения, следите за новостями.

Глава 2

Из-под проводов гирлянд — живший там в стране лилипутов; вылетел ёршик и начал чирикать, что он не согласен с рукой падишаха, держащий его за зад. Ведь он, знаете, натурал и против фистинга! Топиться в унитазе, не нравится ему, видите-ли. А кому, скажите на милость, нравится, разве что псу по кличке «Му-му». Он ещё с Герасимом играл в такие БДСМ игры, ходили на рыбалку и топились, им очень приносило это удовольствие. Говорят, Му-му сам себя лапой топил за волосы, чтобы получать больше адреналина. Другой рукой бил себя по второй, но вторая была жестокая, смеялась и кусалась, отбрасывая первую руку в урну у берега с пираниями. В озере жил карлик-нос, на его горбу они танцевали брейк-данс и танго. Каждый раз возвращаясь к жизни, пёс лает на людей, провоцирует на злость, и просит их утопить его в тазике в ванной. Его шелковистые волосы прыгали бы тогда ему на спину, обдуваемые ветром из алмазов. Ему это нравится, только умереть не может, голова ударяется об пол, и нюхает пыль, оставленный флешем на прошлой неделе, когда тот бежал за человеком-муравьем в поиске макро вселенной на спине блохи.

Ёршик бил руку падишаха до тех пор, пока падишах не засунул его головой в унитаз и не ошкрябал мармелад со стен города зомби. Зомби там были страшные, они зубастые, кошмарно кричащие, тянущие свои лапы и пытающиеся съесть мармелад раньше ёршика. Ёршик таял их за наглые лапоньки, да и никак иначе не избавишься от этих зараз. Мистер проппер плачет, когда видит их. Их грязные мордашки даже он не может отмыть.

— Да подавитесь же вы! — выплёвывая ручки и ножки зомби на спину крокодила под водой. Тот сидел на дне унитаза и читал газету «Комсомольская правда» расправив лапы на шезлонге, покуривая гавайскую сигару из червей. Довольно улыбался, смеясь переворачивал страницу на другую. Так оно и было, я вам клянусь жизнью тараканов во всём мире! Да чтобы они все сдохли, если вру! Да чтоб мне торт в рот! То-то же, сразу поверили, сомневались ещё.

Знала бы тётя Мотя, самая коварная из всех черепах на свете, что его сын так проводит свои деньги, вернулась бы и отпорола того ремнём из бензопил и острых пил. А потом продала бы кожу на чёрном рынке для туфель. Блондинок из Москвы очень заводит кожа крокодила. Они даже умирают, когда гладят кожу крокодила. Вот настолько они друг друга любят.

А вот, в Нарнии жил красивый олень, убежал он оттуда на той неделе, вышел в Казани, вытер соплю с морды лица и заплакал. Все люди были без волос на теле. Это кошмарно... ужасно и пугающе. Семь лет с тех пор прошло, со вчера, ведь он считал как, один день семь лет. Его так учили бабочки, что жили один день в его мире.

Гиппопотам любил сладкую вату, и каждый вечер выходил на работу к облачным людям и вырывал кусочки с облаков, и создавал из них сладкую вату, посыпая сахаром сверху. Конечно, люди не знали этого, что из облаков вату делали, потому, когда гиппопотам давал вату, они затыкали им нос во время кровотечений, и зад, во время уколов. Гиппопотам разводи руки в стороны и убегал. Плакал три дня, потом глаза у него высохли и он залез в

озеро, которую сам и выплакал. Пил половину, смешал с грязью оставшееся и стал статуей, до лучших времён. Проснётся он завтра, когда люди будут «сегодня» говорить не сегодня.

В колонке одного великана жил гусь, он имел способность знать все песни на свете, и все языки мира. Он лаял весь день на монгольском, на таджикском и китайском. Он знал физику и химию, зоологию и астрологию, и каждый вечер загадывал на звёзды о пшенной каше. Однажды возвращаясь с тусы нигеров, великан забыл колонки у черных. А нигеры они долго не церемонятся, украли колонку и привезли на точку, где продавали палёные вещи. Вот втюхивают они колонку, как вдруг, гусь забитбоксит, заговорит голосом Путина, все тут же разбежались, а часть из них убила себя во имя господа. Оно ведь и не удивительно, раз сатана сам вышел на связь через колонки.

— Я вас всех зарезу, господа и джентельмены, я ваши потроха продам на чёрном рынке на бесплатно. Из нигеров сделаем активированный уголь.

Ну как тут не испугаться. Чтобы руки белого дотрагивались до них, да никогда такого не быть!

Однажды, Майк Тайсон взял кредит и не платил её, и ждал коллекторов. В дверь постучались, на пороге лежали несколько шлюх, сто миллионов долларов в чемоданах и привязанный, с кляпом во рту Илон Маск. В глазах его был Марс. С той планеты махали ручками люди, выпускали салюты и смеялись. Они сегодня купили билет на это представление. Шлюхи крутились у ног Тайсона, без трусов и требовали, чтобы он был нежен с ними, ведь они с планеты вуаль, и их кожа хрупка, как хрусталь.

Мумия вернувшись с того света, обнаружила, что все туалетные бумаги раскуплены всполошившимися людьми во время коронавируса. стыдно стало мумии голым ходить, так и лежит в гробу и ждёт, когда появится туалетная бумага с трёхслойным мягким лицом детей, вместо бумаги.

В Зенландии, под кирпичами на пляже Мальдив, в большой норе, живут грибы маньяки, они бегают с кухонными и охотничьими ножами и убивают людей. Они набрасываются на голову людей, вырезают их уши, съедают, ломают ноги и вставляют себе под себя, вместо ног, надевают головы вместо шляпы и бегают по поляне, смеются, счастливые. Подснежники, лисички, мухоморы и самые разные грибы, ловят людей, ставят им подножку, потом набрасываются, связывают ноги и затаскивают в нору и освежевывают там.

В Башкирии, живут травоядные дикие люди, первобытные. Увидев людей из соседних республик, они прячутся под камень, и сидят, выжидают людей и нападают на них с копьями. Вырывают их волосы и клеят под подмышки, руки, ноги и грудь. Они верят в то, что волос должно быть по всему телу. А поклоняются они обезьянам, потому что у них больше всех волос.

Глава 3

Я увидел его позапрошлым летом, когда звёзды погибли от осколочной гранаты. Граната разлетелась на кусочки, и из них вылетели маленькие гномики с ножами и вилками, и закололи звезду в бочок предварительно завязав рот, чтобы не кричал. Вот среди них и был он — мой маленький домовой, ручной. Его звать Серёга. Он безногий инвалид. Ему ногу откусили акулы, когда я выкинул его за борт лодки. Он пытался залезть обратно, но мой ботинок был не из простых, одним резким ударом я откупорил ему венозную вену, и он, словно фонтаном отлетел назад, и его схватила акула и утащила вниз. Когда Серёга закричал, что даст пожить у него неделю, я сразу же вытащил его тело без ног с воды. Потом он начал угрожать мне. Мне, представляете? Что я плохой друг. Сукин сын! Пришлось выкинуть его обратно, там его растерзали пираньи, ведь зад, это тоже нога. Осталась грудь, да руки. Больше он не кричал. Оно и понятно, я закрыл ему пасть носком, которую снял с ноги. Я оберегал их, и никогда не снимал на протяжении десяти лет. Вытащить он не мог их, ибо и руки я завязал ему в прямой кишке, и вытащил через нос, и бантиком, и бантиком. Когда спустя неделю, три года назад, вышел срок уходить из дома, мне пришлось закатать его в ковёр и выкинуть в мусорный ящик. А всем сказал, что он уехал на командировку за границу. Но кто меня спрашивал, домового моего на самом-то деле никто и не видел. Разделяли мы дома обязанности на равне. Он убирал, готовил, стирал, приносил деньги, ремонтировал и покупал всё, а я смотрел погоду по телевизору, и говорил, когда выходить, чтобы он не попал под дождь. Каждый раз, когда он уходил хлопнув дверью на скейтборде, я смеялся, ведь он забыл надеть ботинки, глупый Серёга. По лестнице он спускался кувырком. Он любил это — как сам говорил, обожает паркур и брейк-данс, одним словом, валяться на земле. Я ему ещё на полу из грязи и старых, поношенных трусов место постелил с мёртвыми крысами. Утром клетку открывал, выгуливал его на балконе, пока он там наделает делов, и сам уберёт в пакетик. Бывало, я не успевал гулять с ним, мне нужно было полениться, он хватал себя за поводок, и сам себя выгуливал. Когда будильник звонил, тянул себя из балкона. Когда не слушался, бил себя по арматуре на балконе, и прищемлял дверкой висок. Только странно он делал свои дела из-за отсутствия у него зада, и всё время срал изо рта. Я говорил ему, что можно просто распороть ему живот и вытащить всё, не дело это через рот испражняться. А он, видите-ли не хочет, чтобы его резали. Зато как потом удобно будет. Пришил замок и открываешь, когда нужно — удобно, разве нет.

Так вот. Увезли его в мусорном ящике, больше его не видел до того дня. Ну как не видел, я наблюдал его в бинокль на фотографии на стене его матери, не больше, вспоминал хорошими словами. Как он убирался, сам себя выгуливал и мыл туалет. Сейчас пришлось покупать щётки и губки. А ведь он хорошо всё вылизывал, до блеска. Когда кот бил его по спине табуреткой, он улыбался. Кот не любил плакс и начинал снимать скальп с Серёги. На лице нет ни единого живого бесшовного места. Бьёт кот его, потом зашивает, сидя у камина. Впрочем забыл упомянуть, как мать на фотографию выливали помои, наверное, это было его излюбленное блюдо. Он, когда жив был ещё, всегда ел еду из ведра под раковиной. А оказывается, он вполне себе живой.

Знаете, он был каким-то жестоким. Улица изменила его. Он начал носить вилку в

кармане. Когда он путался у гномов под ногами, как высохшая саранчовая нога, они пинали его, вздёргивали на верёвку и душили. Потом выходил огромный гном и боксировал. Иногда, они даже палас вешали на него и били мотыгой, чтобы сбить пыль. Чтобы пыль быстрее унеслась из ковра, он пылесосил пыль в рот, и облизывал его до блеска. Он хорошо понимал, что чистота важнее. Чистота — залог выживания.

Увидев меня, он сразу же взмолился, чтобы я помог ему. Ну и ураган же был там, песчаная буря невероятных размеров. А я добрый, не мог пройти мимо, взял мотыгу и начал помогать вытряхивать пыль, сбивать с ковра, со всей силы, чтобы быстрее закончить. Как-то мотыга потом застряла в голове, я упёрся двумя ногами на череп и еле вытащил её. С него капал кисель. И тотчас у Серёги выросли ноги. Он встал, схватил гномов и откусил им головы, выплюнул и побежал на меня с криками, что мне конец. Я вытащил свой магнум и пальнул ему прямо промеж глаз. Двойные сплетения его глаз вылетели из головы и врезались на дерево позади. Прилетели дятлы и начали долбить его глаза, так они тогда и лишились клюва. Оказывается, Серёга был близоруким, а дятлы видели только дальнорорко. Близорукие глаза они ведь плотнее алмаза, а дальнороркие легки, как воздух. Не зря же вселенная расширяется и все планеты отдаляются друг от друга. Даже глисты об этом знают, когда ползают по кишкам моего друга.

Быстрым рывком мангуста я достал его глаза и разорвал на девять частей, потом скормил мышам, и сказал, чтобы он угадал, где же его глаз. Он смотрел на мышей и говорил, что здесь и здесь. Но не угадал. Он расстроился. Я пожарил ему яичницу из мышей, дал ему, потом, после всего скормил и мышей. Дал я ему, конечно, разумеется, по правому уху, откуда торчала зубочистка. Он так чистил задние зубы, после мяса.

И вот, выросли у него глаза, но таращить их на меня не смел, они выросли у него под стопами. Весь в финале ходил. Потом приспособился ползать, как червяк, чтобы видеть всё, что впереди него. По навозу коров он ползал, по грязи, по траве, по машинному маслу. Плевался.

Потом мне надоел он, я выдернул его из розетки и он стал тостером. Видите-ли ему и тостером быть не нравилось. Я взял его за хвост и выкинул в аквариум к киту. Кит пожевал-пожевал его, выплюнул.

— Дерьмо какое-то, — сказал он, и лёг спать, припудрив носик. Посейдон у меня там же сидел, на привязи, на цепи и лаял пузырями. Он так влажность воздуха в комнате поддерживал, и циркулировал кислород.

Потом я нанял акулу в прислуги, чтобы он съедал его и выкакивал обратно, чтобы понять, что он ничто по сравнению с другими существами. Рабом быть, разумеется, ему не нравилось, но он смиренно слушался меня, до тех самых пор, пока не нашёл кольцо с джином и не загадал свободу.

— Тридцать раз пробежать по потолку, семь раз показать кролика на пальце и трижды стать росомхой, всего-то, — сказал джинн, и скрылся.

Он смог. Было легко, но он сделал это по тяжелому. Он стал росомхой, приклеив на

кости руки столовые ножи, пришил кролика на палец, и пробежался по потолку в замёрзшем озере, и стал свободным.

Когда он пришёл ко мне потребовать свой дом обратно, я дал ему без споров. Но квартиру уступать не стал. Тогда он схватил меня за шею, откусил трахею, и выплюнул на чан с кислотой. Потом закатал меня в бетон, разложил плиткой в ванной, и опрыскивал ромашковой водой, на которую у меня аллергия, и я становился прибухнувшим, все пупырышки становились округлыми, словно яйцо, и он туда пинал меня, когда принимал ванну. Я вылез из стены, ударил его об кафель на полу, смочил его лицо в осколке лезвий, и замуровал в мыльной бутылке, сплющив до размеров аспирина. Он плавал там, руками вытирал стены, пытался увидеть меня. Я взбалтывал шампунь и размазывал по волосам, но не на голове. У него была аллергия на волосы. Это часто так происходит, если часто чем-то пользоваться. Он упал. Серёга тоже. Упали они вместе. Его достоинство и мужество.

Странный был тостер.

А потом я проснулся. Сосед по комнате посмотрел на меня и сказал, чтобы я помыл посуду. Я пошёл и помыл. Сделал всё по дому, пока он сидел и смеялся от телепередач. Не нравилось мне это. Я схватил холодильник и ударил им по его наглой голове. Он развернулся со словами:

— Ай, блять, — и дал мне пизды. А во сне всё было так прикольно. Когда же я тоже стану пятикурсником и буду пользоваться своими рабами первокурсниками. Мечта-мечта.

Шелуха от лука умела виртуозно парить над мусорным ведром и ловить мух в свои объятья, чтобы потом пожарить на сковородке и съесть. Оно и понятно, люди часто не думали о ней. Думаете, вот так просто всё на свете, и у лукового существа нет души, глупцы, а она вот есть. Только живёт она в другом измерении, там, люди, лишь декорации к их миру. Точнее сказать, шелуха не видит двигающиеся вещи, и концентрируется на одном, медленном движении, как муха. Муху видят они лишь из-за того, что те летают прямо перед глазами и они маленькие, а люди перекрывают весь взор, как полотно построенной стены, их большущность делает их незаметным. Потому, когда мы смотрим на шелуху, она стоит мирно и не охотится, потому что не видит врага перед собой. Но стоит нам уйти, и зайти обратно на кухню, как вдруг обнаруживается, что шелуха передвинулась на несколько сантиметров вглубь шкафа. Это она так охотится за мухами, тараканами и подметает пыль, где будет спать.

Люди, разумеется, думают, что это всё из-за ветра, но всё гораздо сложнее.

А вот мухи, они ещё те гении. Вы можете видеть, как они улетают куда-то и исчезают, ищешь их и не находишь. Всё потому, что когда мы приближаемся к их дому, они вылетают из карманного измерения, где у них спутниковое телевидение, диваны, крохотные собачки и ложки, чтобы мы не обнаружили их дом, и улетают прочь из того места. Они любят своё место существования. Когда все вокруг спать идут, мухи выходят на охоту и уносят в нору крошки из-под хлеба, макароны, соль, сахар, залетают к себе, и заваривают чай. Кормят ими своих детей в коконах. По телевизору показывают огромных гусениц на капусте, как их доят муравьи, а бабочки, подхватывая тех, несут в более продуктивное место, где свежей капусты больше, и вкусных огурцов. Иногда, переключая каналы, можно обнаружить, как борются два жука носорога на арене за большой кусок шара и девушку, с которой они будут спариваться после окончания матча. Но потом они улыбаются, и дают себе пять, бросают девушку, делят шар пополам и уходят вместе пить виски. Они точно знают, что лишать жизни друг друга из-за какой-то женщины полнейшая глупость. Они сообразительные. А девушка стоит у края арены и вздыхает, к ней подбегает судья саранча, и она и не знает другого выбора, и спаривается с ним, только с саранчой у неё не может быть детей. А, если бы и были, то инвалиды и отсталые. С тех пор, девушка разочаровалась в мужчинах и спаривается с кем попало, чтобы удовлетворить свои потребности. Все так и начали её называть — потреблялка-потребляйка.

Далеко-далеко от того места, где таится измерение мух, существует измерение картошки. Там, картошки сажают людей в землю и наблюдают, как они будут расти, а каждые пол года обрезают им головы, и варят из них суп. Подталкивая к горлу ложку, картошки чувствуют, как человек отдаёт вкуснейшим ароматом. Тушёные, жареные, кусочками, пюре, дольками, с кожурой — всяко разно делают из голов людей блюда. Особенно сильно любят их дети, и просят добавки. Тогда, мама и папа уходят на огород и отрезают ещё горсть уш, глаз, носа и языка, и идут домой, жарить их на сковородке. Здесь — мясо, всегда было на первом месте, как картошка еда спасения в нашем мире. Других-то зверей там и не водилось.

Но, всё-таки, если прошуршать по закоулкам грядок, можно обнаружить макак и орангутангов, горилл и шимпанзе. Картошки не очень хорошо различают их, потому, каждую весну, когда они выходят в измерении людей, они усыпляют этих зверей и тащат к себе домой, делая прозапас. Только они частенько бывают с большим обилием волос по телу и голове, и приходится счищать их лучше, чем людей — человекорезкой. Обезьяны кричат, как не люди, но картошки различают лишь молчание и не слышат голоса. Но стоит человеку замолчать, картошка тотчас думает, что это животное разумное, и начинают плакать. Всего секунду они плачут, пока не шинкуют их на борщ, не делают из них зразы и не ставят в духовку беляши.

Каждое утро за границей Норвегии просыпается Златоуст Логан, сын Росомахи. Он работает на тростниковом поле и собирает сахар. Его погоняют лошади, ударяя по его спине плёткой, заставляя тащить плуг заарканенный на его шею. Мало того, что он собирает на поле сахарные тростники, так ещё и по пути приходится пахать землю. На плуге сидят лошади и пьют мартини с зонтиком на бокале. Они постоянно ржут, что-то обсуждают. Но, на этот раз, Логан, скорее всего, ему надоело быть рабом, вышел против своих хозяев. Точнее родителей. Его в детстве нашли в котле радиоактивного урана и теллура, и взяли к себе. Лошади не думали, что он выживет, они брали его, как чучело для входа, чтобы устрашать хищников. Но однажды, чучело заплакало, когда конь заходя пьяным в дом, почистил свои копыта об зубы малыша. Тогда он, размахивая рукой, сам того не зная, не соображая, отрезал копыта коню. И даже тогда, конь ржал. Он вечно ржёт. Логан вырос хорошим рабочим. Не думал, что есть другие люди, родители не показывали его никому. Потому он думал, что инвалид, который немного не похож на них. А лошади, когда он спрашивал их, смеясь, без слов, отвечали, что он видит себя двуногим, а все остальные четвероногим — лошадьё. Он верил всему. Не с чем было сравнивать. В доказательство они показывали на себя и ржали:

— Ты видишь, что мы кони, так и мы видим, что ты конь.

— Хорошо, папа и мама, — говорил он, и тащил плуг с родителями.

Но в этот день он увидел краем глаза машину на другой стороне поля, там стоял человек, двуногий. И засомневался Логан, что родители говорят правду, расчехлил свои когти, и набросился на них требуя ответа. Тотчас родители склонили голову, надели на шею верёвки и начали пахать землю, и собирать тростник. Понятно же было, что нельзя было так долго всё от него скрывать. В тот день Логан покинул свой единственный дом и направился к машине, и заржал, встав на четвереньки, пытаясь пообщаться с человеком. Человек увидев его упал на землю и покатился от смеха. И чуть не умер. Потом встал, отряхнулся, покрутил пальцем у виска, сел в машину, достал ружьё и сказал, чтобы он ушёл отсюда — шизофреник недоразвитый. Логан, разумеется, ничего не понял и направился к нему, виляя задом, словно у него есть хвост. И стрельнул тогда человек в него, пуля достигла Златоуста и отковыряла ему с лица всю кожу. Логан выплюнул дробинки изо рта, подлетел к нему, развернулся и лягнул того по груди, что все органы повывлетали из него — сердце врезалось на сук в метрах десяти от Логана, подлетела ворона, поклевала, упала на землю и сдохла сразу же. Чернее от греха сердце и быть не могло, отравленное. Даже дерево рассыпалось. А земля стала не пригодной для растений. Логан сел в машину и нажал на то, что увидел, на все педали и начал крутить руль во все стороны. Машина подлетела и помчалась по дороге вниз, прямо в

овраг, и достигла дома родителей, разрушила их дом. Котёл газовый взорвался, начал пожар. Потом бойлер упал на голову отца, и раскромсал его, а второй осколок приземлился на мать, и та начала гореть. Логан вылетел из машины, техника полетела на камень, перевернулась, в бак вонзилась ветка, и прыснуло топливо прямо на мать, та тотчас сгорела в агонии боли. Жареным мясом запахло нормально. У Златоуста потекли слюни, и набросившись на тело родителей, он обладал их до костей, потому что инстинкты хищника никуда не деть. Логан ни разу не видел мяса и даже не думал, что можно есть мясо, тот почуяв запах, понял, он другой, и съел их. Отца с солью, мать порезав на маленькие дольки, как колбаску. Правда, от неё отдавало бензином, но всё быстро проветрилось. Доедая мать, Логан увидел второго коня внутри неё, маленького, даже глаза не открывались. Вместо того, чтобы съесть его, он оставил маленького, соорудил дом из деревьев поблизости, и вырастил его настоящим человеком. Научил его говорить. Читать. Вычитать. Они учились вместе, по книгам, который однажды спустил на них бог, открыв небеса. Протянув книжки, он молвил:

— Учись прилежно, сын мой.

Щелкнул пальцем, и оба они начали понимать буквы и цифры, вернулся к ним ум человеческий, отринув ум лошадиный.

На полотенце, что сушится на батарее, живут индейцы и ковбои. Они занимаются скалалазанием.

В колбочке в лаборатории профессора Менделеева сидят несколько пухлых и тощих человек. Из них выжимают настроение и эмоции, пот для варки шоколада. Потом настроение вживляют в зефир, в огоньки, в зеркала, в воду. Вода плачет, потому на земле не кончаются воды, огонь смеётся, потому в Австралии умирают все кенгуру.

Самое важное не в этом. А в том, что помимо них в мире существуют другие прекрасные существа, что напрочь проявить себя на попроще развития. Чайные листики сооружают машину времени, чтобы спасти своих детей от того, чтобы попасть в горячую воду. Вот уже коробочка «принцесса нури» лежит на полках, и у старших листиков есть всего несколько дней, чтобы внутри пакетика соорудить машину времени и улететь из этого ада. Они делают из пыли своих кож шестеренки, чипы, энергию, колёса, расщепитесь атомов, чтобы лишь раз, однажды вылететь на ту сторону прошлого. Но когда приходит время, они не успевают, и кипятик убивает их, те тонут. Иногда, выжившие листики выплывают на поверхности молока, пытаются взобраться на чашу и спрыгнуть вниз, но человек топит его ложкой, закрывают чашку крышкой, или выкидывает его в мусорный бак, где на него нападают бактерии и убивают, крут на него, пока не образуется плесень и чайный листик не сгнивает.

А в мёде, кстати говоря, живут боги соблазна. Они манят тебя, чтобы ты съел их, и они проникли в тебя. После всего, они борются с твоим мозгом, и захватывают нейроны, и управляют вами так, что вы сами того не зная, начинаете есть то, что хочет есть ваш медовый бог. Соблазн силён. Бог может захотеть тухлого яйца, и ты не устоишь, а может захотеть сочный стейк, и ты найдёшь способ приготовить стейк. А если нет, тут уж негр, раб твой, найдёт свинью на улице, прирежет, и приготовит тебе, а сам будет довольствоваться костью. Бывает так, что негр дерётся с собакой за кость, а иногда, с другими рабами из

соседнего села, которые пришли из дискотеки. Даже белые бомжи управляют своими рабами и отправляют их на улицу, попрошайничать, а вместо денег, которые они приносят им, бомжи дают тем банановые кожурки и яблочные семена. Так рабы и выживают. Среди рабов есть один уникальный, непохожий ни на одного из них — четырёхлапый. Он выпускает из зада паутину и любит висеть с дерева и есть комаров, что прилетают на кожуру от банана, что дал ему бомж-хозяин. Впрочем, все белые могли управлять рабами друг друга. Так вот и существует круговорот земной. Там, где бог — всегда разруха и войны.

А в шестой планете затерянной в трёх секундах межд двумя, что в зеркале десять между девятью — удивительно живые лакомства. Макароны там из червей, вместо мяса орешки, а когда съешь в рот, червяки становятся макаронами, а орешки — мясом. Масло выпитое из канистры, превращается в крепкий чай, а бензин, что идёт с бензоколонок, попадая в рот человека превращается в мультифруктовый берёзовый сок. Здесь, когда кто-то хочет есть, жуют траву, ведь трава становится сыром, а сам сыр, можно использовать для смазывания цепей велосипеда и мотоциклов. Если залить в рот бензин и выплюнуть обратно, сок становится обратно бензином. Потому, и бензин и сок здесь, стоят совершенно одинаково. Шестьдесят девять рублей девяноста копеек за литр.

В чайнике, что кипит на газовой плите, внутри, вместо пузырьков образуются маленькие планеты со своими правилами и законами. Планета вылетает и лопаётся. Но за эту долю секунд, на планете зарождаются войны, умирают динозавры, строятся машины времени и их посещают инопланетяне из других планет. Они стареют и погибают. За одну наносекунду, проходит миллион лет. И никто из них не знает, что они пузыри в воде. И умирают, потому что учёные сказали, что скоро откроется крышка вселенной, и дно её перестанет согревать их мир, они замёрзнут и растворятся в одну большую плоскость. С чистого листа, словно никогда не было планет, а была лишь пустота — чёрная и необъятная. Так оно и случилось. Огонь погас, крышка открылась, и они расплылись, как масло по сковородке. Осталась одна прозрачная вселенная, но тёмная с закрытой крышкой. Эволюция прекратилась. Бывает временами, что попадая в чашку, пузыри образуются с новой силой, но уже тёмные, холодные, где живут снежные существа. Они живут так же миллионы лет, пока не попадают в желудок человека, или, когда ложка перестает крутить их в воронке. Учёные говорят, что центр воронки — это центр вселенной, что всё попадает туда и умирает. Они были правы. Попав туда, их мир лопнул и все они сгнули прочь. Ничего не смогли сделать.

А как-то раз, один из них смог вылететь на обочину чашки, и стать затвердевшей вселенной — планетой, засахарившись в пузырь. И существовал их мир триллионы веков. И учёный из их мира смог выйти за пределы своего мира и обнаружить, что они лишь пыль, даже меньше. Они попали в субатомный мир. В их планете субатомные частицы тоже были, но они были заметны только в микроскоп, как и в нашем мире. Но, оказывается, учёный не знал всего, и выйдя из своего мира, он попал в нашу реальность и сам стал субатомным. А оттуда уже выхода нет. Говорят, ходят слухи такие, что он до сих пор летает там и ищет кротовую нору в реальность. Ведь в субатомном мире есть дыры, которые отправляют тебя в мир, и делают тебя в тех размерах, в которых ты был в своём мире. То есть, попавший субатомный человек, вылетев оттуда становится полноразмерным человеком, никак иначе. Если бы туда попало животное из той планеты, и нашла портал увеличения, то смогла бы

стать размером с корову, а может и слона. Если бы мы сами попали туда, и вылетели в дыру, стали бы человеком на том пузыре, совсем незаметным. Для нас время ускорилося бы, и мы даже не заметили, что не были дома сотню лет.

Если посмотреть на лампочку, кажется, что она светит и всё вокруг видно, как при солнце. На самом деле она не горит, и наши глаза сами видят мир таким, потому что мы внушили самим себе, что лампочка светит. Мы вкручиваем лампочку и радуемся, что есть свет, на самом деле, мы вкручиваем лампочку, которая никогда не горит и не горела. Это всё иллюзия восприятия. Игра с нами и с нашим мозгом. Как и ночь. Мы придумали его, чтобы спать. Нет, мозг придумал и забыл нам сообщить. Мозг управляет нами, а не мы им. На самом деле ведь мы гениальные существа и пользуемся мозгом только на процент, но и этого хватает, чтобы получить способность видеть в темноте с «не лампочкой», с выключенной колбой. Если бы мы смогли пользоваться мозгом на десять или сорок процентов, то смогли бы не дышать и быть живыми за пределами, вылетать из нашего мира, а внушение того, что в космосе холодно и вакуум сжимает тело до изюма, перестало бы быть для нас проблемой. На самом деле ничего в космосе нет, и мы сами создаём страх перед ним. Чем больше человек верит в это, тем сильнее иллюзия. Одним словом, весь мир такой же, как и наш, но из-за неизведанности, мы переиначиваем и допридумываем те законы, которых в принципе нет. Мозг самовнушается, и, когда мы попадаем в космос, наши мысли становятся реальностью и мы замерзаем, съеживаемся, и мозг помогает этому, отправляя команду всему телу, что нужно сжиматься, и остывать.

Да, кажется тебе, что всё вокруг реально, но мозг потому и работает, чтобы всё казалось настоящим и ты не чувствовал себя машиной. Именно потому, что всё кажется таким, мы даже не думаем о том, что могло бы быть иначе. Мы даже можем выйти в астральный мир, и увидеть, что летаем в космосе, а всего — дома, гаражи, животные, автомобили, телевизоры, газон и деревья, бочки и поле для гольфа, их нет. Мы блуждаем по космосу, как забытый кнопочный телефон. А всё, что ты видишь, придумано людьми, конечно, но людьми, которые отправляют друг другу незаметные импульсы восприятия, и то, что они придумали, видят и все вокруг. То есть, созданный пылесос, это иллюзия, но мысль того, кто создал его, перенеслось в мысли всех людей по всему миру, и потому, они видят тоже самое, что и он. И когда кто-то из людей передвигает вещь, импульс снова идёт в мозг всех людей, мол, он передвинул его, и теперь пылесос надо видеть именно здесь. И в очередной раз, когда кто-то увидит этот треклятый пылесос, его там нет, но он увидит его.

Если посмотреть на чашку, которая стоит на столе с горизонта, нам покажется, что у него нет верх и низа, как обычно, т. е у него не существует дна и дыры. И мы не можем знать, есть ли она снизу или сверху. Дно создаётся в тот момент, когда мы приближаемся, чтобы во время нашего полного сближения, она смогла воссоздаться в ёмкость с дном. С горизонта мы видим модель во втором измерении, как бумагу, и у него нет объёма, пока мы не сблизимся и не сообразим о том, что у этого предмета должна быть объёмность, потому что мы всю свою жизнь видели его объёмным. Но стоит нам отдалиться, объект начинает превращаться в 2D. Чем дальше мы отдалимся, тем она станет менее важна для окружения. Пиксели, без чёткости. Представим, что мы нарисовали натюрморт, и мы видим, что есть объём, есть цвет, красоты и высота, что кажется, она настоящая, но стоит нам приблизиться

и рассмотреть поближе, понимаем, что это рисунок. Так же и с 3D объектами. Они кажутся нам объектами во втором измерении, превращающиеся в третье. Если я скажу вам, что у той коробки из-под молока на полу нет дна, вы не можете знать, есть ли она или нет на самом деле, пока сами не проверите. И вы не будете знать, есть ли у него задняя сторона, которую вы не видите сейчас. Или её нет. Вы догадываетесь. Предполагаете — уверенными быть не можете. Вероятнее всего, весь мир состоит из маленьких пикселей, оно и верно — атомы, материя. Даже мы, есть они. Значит, если мы есть они, они есть мы и мы взаимодействуем друг с другом сами того не зная, инстинктивно, и также инстинктивно атомы перестраиваются и создают мир за коробкой, под чашкой и мир за нами, для тех, кто смотрит нам за спину. Для моего восприятия моей спины нет, там пусто, но я понимаю, что там вчера была стена, и повернувшись, вижу, что там и правда она есть. В этот миг материя преобразилась в нечто, что мы восприняли, как данность. В данности создан мир вокруг меня и тех, кто меня окружает, ведь они попадают в мой мир восприятия. Представим, что вы никогда не были у меня дома, но зайдя ко мне в гости, вы видите мой дом, его стены, пол, стулья, обои. Всё это эффект иллюзии, эффект, который был передан вам импульсами моего мозга. Да. Зайдя, вы уже знаете, где у меня кухня, а где находится уборная, если никогда и не были у меня дома. Это потому, что я послал вам информацию, которая может понадобиться вам, и создал под вами пол, чтобы вы могли передвигаться. Для нас обоих есть тот мир, который мы можем уловить частичками глаз, восприятием, чувствами. Пока мы смотрим оба вперёд, позади нас может быть нет дома, а может и есть, потому что кто-то снизу в данный момент смотрит на наш дом и наблюдает. Но в целом, тех людей тоже нет, пока мы не войдём с ними в взаимодействие. Запутанно, понимаю, но таков мир. Человек может видеть обёртку дома снизу, но никогда не увидит всей картины внутри. А внутри дома может жить скат, космос или пьяный енот.

А вот в самом космосе, дела обстоят совсем по-другому. Мы вечно падаем во все стороны, со всей галактикой. Мы идеально ровный круг, который крутится на месте, как юла, но если смотреть сверху, покажется, что мы стоим на месте. Быть миру падающим или нет, это зависит не от нас. Где-то там, за галактиками, есть другие инопланетяне, которым чуждо видеть ближнее, и они создают дальнее, мыслями и поступками. Они никогда не достигнут нашей системы, но всегда будут теми, кто заставляет падать нашу галактику. Они, пытаясь посмотреть на нас, прячут нас от самих себя. То есть, смотря на нашу галактику, галактика исчезает из их поля зрения. Это как с червячками, когда вы плачете, и видите краем глаза, как напротив вас, прямо в воздухе, плавают червячки, и пытаясь сконцентрироваться на них, они исчезают то снизу, то сверху, а бывает и вовсе навсегда. Попробуйте надавить на подшипник иголкой, шар покатится, а игла соскользнёт, не в то место. Вы не сможете проткнуть шар. Как их взгляды не могут уловить и проткнуть нас, заставляя всё время падать вниз. Может потому нас и не могут найти, просто-навсего не видят.

Если каждый год в одно и то же время наблюдать за боем часов, можно увидеть фею, которая передвигает стрелки часов между пятью и шестью. И если в этот момент надавить на них, то феи вылетят из них, и часы больше никогда не будут работать, сколько бы мастеров его не смотрели. Конечно, если у часовщиков есть ручные феи, которых они держат в спичечных коробках, феи будут только рады помочь. Они не могут пройти мимо

них, сколь бы могущественной не была бы фея. Феи любят придерживать часовые стрелки, чтобы они не ходили назад. Они не любят вспоминать прошлое, ведь один тик назад, и феи станут глупее, чем на один тик вперёд. Чтобы не учиться всему заново, феи качают мускулы для поддержания порядка времени, придерживаем часов на узде.

Когда попадёте под землю, после смерти, ни в коем случае не смейтесь над усопшими, особенно над собой. Владыка подземного мира не любит, когда кто-то радуется смерти и шутит над ней. Ведь смерть — его жена. Они вылавливают души удочкой и запирают в корзиночки, чтобы вешать на прищепки над огнём. Любят мучить их, и пить коньяк из крови мула и двадцатилетних девственниц. Смерть выпускает души на волю, иногда, чтобы поохотиться на них, вонзить копьё и четвертовать. Запомните, если вам скажут выбегать и попытаться выйти на поверхность, к своим друзьям, то покачайте головой и дайте Смерти в глаз кулаком, и вы будете вечно гореть в клетке, и никогда не будете освобождены. Оно так и правильно, лучше гореть, чем гореть и быть продырявленным, лучше вечно сидеть целым, чем состоять из мозаик. Однажды Наполеон допустил ошибку, дал в глаз кулаком и выбежал, решил, что успеет выбраться наружу, через люк на крыше дилижанса Сатаны, но не тут-то было. Одним большим шагом, Владыка достал его и выпустил через мясорубку, размазал по багету, сверху наложил огромную кучу ядовитого мускуса, и дал Церберу на обед. Цербер прожевал его, потом смыл в унитаз, оттуда Наполеон попал на стол червю вампиру, а червь вампир, смыв того в свой, попал на обед кролику педофилу, который любил французов. Семь лет он насиловал багет с фаршем, пока из Наполеона не начали вырастать дети и не разорвали ему живот, съев внутренности изнутри. Вылупившись, дети начали лепить из Наполеона разные виды постройки, бить его об стены, топить, размешивать с кислотой, жарить на огне и запихивать в него кишки мёртвых крыс для создания чучела. Наполеон тогда и понял, лучше не пытаться. А когда он увидел, что из люка вовсе нет выхода, а там сидит дочь Смерти — разочаровался в том, что усоп. Дочь была даже страшнее матери. Она спустилась ровно через неделю после того случая, чтобы поиграть в куклы с заключёнными. Особенно она любили выдёргивать руки и ноги, и вставлять на место головы, смеяться, а потом размазывать по алмазному полу асфальтоукладчиком. Намазывать на огурец, и бросать на съедение курицам. Они клевали его семьсот лет, ибо были безглазые. А как пользоваться ртом, совсем забыть забыли. Временами они отходили на чтение книг, развиваться, но возвращались. Без глаз и книг не считаешь. Потому дочь Смерти и закрыла куриц в клетке вместе с Наполеоном, пока те не научились находить француза по запаху «страха». А детей Владыка тьмы, тот час выпустил через мясорубку и сделал сардельки и купаты, и кушает их обжарив на костре выпивая кофе из жалости, кошмаров и ненависти заключённых мертвецов.

На Юпитере живёт генерал Пук. Это он создал Юпитер своим пуком, и ураганы бушуют там до сих пор, потому что не может остановиться.

А на Меркурии обитает зверь шалун, он выпрыгивает из-под земли и ударяет по уху марсоход, и уходит вниз. Марсоход два года оборачивается, чтобы посмотреть, кто его ударил, а он хлоп с другой стороны. Так марсоход не выдержал, вытащил кабели из себя и повесился на своих руках, обвязав шею падающий питание на материнскую плату, и умер.

Вы думаете на Сатурне всё так хорошо? Нет, конечно, ещё чего удумали мне тут! Там, между прочем, прямо между, живут морские свиньи и ставят опыты на себе, вживляя сердца камней. Да, камни там самые настоящие существа. Только свиньи глупые. Именно так все они и убили себя, потому что в одном из камней был коронавирус свиньей. Они заразились друг от друга и погибли от нехватки воздуха. А потом встали, расхохотались, и поняли, что они-то вообще не дышат никаким воздухом. Расслабились сразу же. Кто-му же, в вакууме у них даже кровь не вылетала из тела. Да что там, у них даже кровь не циркулировала по венам. Если же, когда-то она пойдёт по их венам, они умрут, потому что сердца-то каменные и взорвутся от вибрации. Потому они и не летят туда, где другая гравитация есть.

Только на Земле скучно было жить. Всё время мешали блохи. Они кусали голову, когда нужно было сделать что-то грандиозное, например, как-то раз, осталась одна деталь, чтобы закончить двадцатилетний эксперимент с порталом в другой мир, как вдруг подлетела блоха, укусила человека за голову, а человек он чувствительный вид — бросил инструмент и закоротил все элементы управления и сбросил настройки. Двадцать лет коту под жопу!

Ту блоху потом нашли, надели наручники и посадили в тюрьму. Его зеки до сих пор пинают. Но если пнуть не туда, она откусит голову, будет зудеть, что можно будет вытаскивать через череп мозг. Вот настолько сильный зуд бывает от его укуса. Одному заключённому даже отрезали голову и поместили в трёхлитровую банку. Блох билась и билась, но не смогла попасть на его волосатую голову. А одному удалили нервы. Третий вообще не мог это стерпеть и сам откусил голову блохе, первый бьёт тот, кто не боится проиграть, считал он. Только блоха была бронебойная. Взмахом задних лап он рассек его напополам. Теперь этот зек ходит на каталке, неся с собой вторую половинку на поводке, на скейтборде.

В ванной каждого неандертальца обитает змея-душ, прямо в крохотной пещерке. Она заглатывает их и превращает в кровяные тельца в своём теле.

— Не будешь бежать по венам, умрёшь, — сказала змея, проглотив однажды мужчину, — тебя растопчут, размажут по полу, и ты застрянешь тут навсегда. — Он бежал и бежал, питая надежду на то, что однажды вырвется из бесконечного круга беговой дорожки.

Вот так, одна семья пришла в гости к неандертальцу, зашла в туалет, душ зашипела, превратилась в змею и проглотила гостей. Думаете, она остановилась после того, как проглотила первого, нет, она выползла из ванной, нашла людей сидящих на кухне, цапнула за ногу, и утащила их в себя. Попали они в её тело в то мгновение, их сбили с ног, надели костюмы лейкоцитов и эритроцитов, и начали погонять кнутом сзади. Неандертальцы и их гости бежали, их ноги стали мускулистыми, руки мощными. Когда образовался засор в венах, и дорогу перебежал старый эритроцит, чтобы умереть, они ударили его и он разлетелся на кусочки и умирал, кувыркаясь по потолку.

А, вот, когда на земле наступает два часа ночи и минута равна трём, по всей вселенной оживают неживаемые, бездушные предметы. Метеорит перестраивается на встречную полосу, опьянев от нехватки воздуха и влетает в планету, убивая мирно сидящих белок, которые жарят купаты на костре. Медведи плюшевые выходят на бой с плюшевыми слонами за новое место обитания, в верхней части коробки мальчика Вани, чтобы не нюхать ноги и не рассматривать узоры на заднице других игрушек. А зебра, наштигованная железными зубами, охотится на льва, чтобы съесть его на завтрак. Именно потому, иногда плюшевые игрушки теряют в весе. Другие хищные звери потрошат их, съедают внутренности и защищают обратно, ведь каждое воскресенье недели, они ходят на уроки по рукоделию. С самого раннего возраста. Пояс Койпера, ровно с два часа три минуты, видит, как к нему прибегает Снеговик, чтобы покрутить его у бедра и похудеть. Ручки же, тем временем, выпрыгивая из-под тумбочки, из шкафа, из портфелей школьников, выходят в берёзовую рощу, выдирают кору, и внутри пишут истории, рассказы о том, о чём давно хотели рассказать. Деревья не против. Так они учатся говорить и умнеть. Иногда, к ним приходит бензопила и вырезает из них книгу, чтобы тайно спрятать в библиотеке под неизвестным псевдонимом. Так истории попадают в мир людей и в умы разумных.

Подушки, оживлённые магией чисел, иногда скидывают людей на пол, те ударяются головой и просыпаются, видят тех, вот тогда подушки душат их, и они умирают. Люди потом находят причину в том, что забыли перевернуться во время сна и задохнулись, но только мы знаем, что подушка задушила их.

Носки просыпаются и идут играть в догонялки, а самые продвинутые могут вырастить из себя человека клона и купить в ночном магазине что-то, что им понравится. Из человека даже были случаи вырастали на ушах носки, чтобы уши не замёрзли, когда призраки дули им в ухо.

Также ночью оживают и умершие мухи у подоконника, жуки на земле, комары и черви.

Идут к своим родным, и пьют с ними сахарный сироп или молоко. Комары пытаются добыть кровь, но сколько бы долго не пили её у коровы, кровь капает из их хоботка, потому что у них нет брюха. Так, миллион комаров, ожившие в ту ночь, сели на одну корову и выпили её высушив до костей. И высушенная, мёртвая корова тоже ожила и начала есть, считая, что она всё ещё жива, пока утром не упала на землю и не померла снова.

Шланги из-под воды жалят животных, а мячи катятся вверх по горе, чтобы увидеть, что же за той горой. Декоративные чучела оживают, чтоб увидеть мир, выходят из усадеб и окунаются в дикие земли. Общаются с сородичами, которые ещё живы, перенимают их повадки, и возвращаются обратно, довольные своей жизнью. Машины-игрушки оживают, чтобы тасовать и переносить маленьких неживых существ туда, куда их просят. А игрушка, созданная для телепорта, вдруг становится настоящим телепортом, а хищник, что должен убивать, начинает убивать животных в лесу. Они оживают такими, какими их задумали. Шар улетает в небо, и видит космос, а игрушка барби, уходит в Монако, на подиум, чтобы показать, что и она тоже модель. Автомобили уезжают на гранд-при, а самолёты, забывшие, что война прошла, направляются на войну и бомбят поля. Холодильники кушают еду из других холодильников, а телевизоры, не видя у себя ничего, смотрят передачи на другом телевизоре. Так, они, проводят и сеансы, ставя одинаковые фильмы, и кушают попкорн и жуют пряники.

А играя в игры, в частности в казино, деньги можно выводить прямо изо рта, привязав свою биометрию в том казино, притронувшись к монитору. За монитором работают судмедэксперты, они быстро считывают узоры, а художники рисуют картину, вешают напротив ячейки в банке. А если запрограммировать шкаф, то можно получать деньги туда. А в некоторых случаях, протянув руку в монитор, можно попасть в банк, где ходят гремлины и выписывают чеки на выигрыш, подойдя к ним, и потребовав выигрыш — они нагло посмотрят на вас, и увидев талон-бумажку, выдадут вам ваш выигрыш в маленькой коробочке, которая, попав в наш мир, растворится за три минуты. И только в ночью можно сделать такое, ровно до четырёх утра.

Если человек в четыре утра не спит, то вышедшая из книги волшебная гиена, внедрит в их мозг, что все живые вещи исчезли, то есть, стали неживыми, а их носок всё ещё лежит у кровати, а книги на полках. На самом деле их там не будет. Они будут точной копией настоящих, пока те отдыхают где-то там. А по истечению времени, на привязанно место они возвращаются через телепортатор. Если в это время человек возьмёт носок и наденет и уйдёт на работу, то настоящий носок образуется прямо на ноге человека, что он даже не увидит. Телепорт привязки работает быстрее света. Квантовый телепорт на молекулярном уровне.

А есть ещё в мире, телепорты голосом, и взглядом, и светом. Когда ты смотришь на свет, твой взгляд привязывается на именно эту частицу света, и улетает по земле. За несколько секунд ты уже в Австралии или Японии. То есть, ты сейчас взглянул на кварк, так же, если бы это был мяч от пинг-понга, но этот мяч развивает скорость в триста тысяч километров в секунду, и, именно взгляд упавший на этот мяч, будет машиной, которая перенесёт вас на другую сторону земли, а возможно даже на другую планету. Именно вашу частичку ДНК, по средством которой вы сможете перестроится в себя на другой стороне

вселенной. К примеру, пока вы спите, и ваш взгляд переносится в кварке через вселенные, пока вы надеваете скафандр, а потом нажимаете на устройство телепортации, ваш мячик от пинг-понга уже достигла созвездия Водолея. А может перелетела в другую галактику, и пролетает возле Альфа Центавра. Самое быстрое путешествие во вселенной, пока, этот кварк не станет настоящим устройством для мгновенной телепортации. То есть, люди сохранят информацию об этой частице, и всякий раз, когда будут хотеть перенестись куда-либо, смогут перенестись на любую точку вселенной. Одним словом в моменты, в которые она летела, к примеру, она пролетела у Юпитера в какое-то определенное время, а значит в это определенное время будет привязка телепорта, в момент времени. Потом он может быть у Плутона или какого-нибудь далёкого квазара, и все эти моменты будут в машине телепортации. Определённые части момента. А пока вы говорите, то частичка кварка (ваш пинг-понг) достигает пятой галактики. И вы уже можете оказаться в самой далёкой части вселенной. Даже когда вы будете лететь к ней, вы будете следовать за кварком

через вселенные, если запрограммируете телепорт на то, чтобы оказаться там, где оказался фотон света сейчас. В этот данный миг.

А ещё, за экраном вашего монитора есть другая вселенная, такая же в точности, как наша. Но там есть люди, которые работают клонами и отражениями, и им за это платят деньги. Они каждый день встают на работу и ожидают, когда ваше отражение будет отображаться от чего-либо. Например, когда вы находитесь в комнате с зеркалом, работник с другой стороны сядет за зеркалом в вашу позу, и будет там сидеть — это его работа. У него есть шкафчик, с такими же ботинками, одеждой, причёской, и людьми, которые им помогают делать причёски. Если вы надели пижаму, они на работу тоже надевают пижаму. Когда вы сидите на машине, и видите себя в отражении торгового центра, то и работник также едет куда-то вместе с вами. И шофёр, тоже клон того, кто водит машину в нашем мире. Его водитель — это его работа. А в моменты, когда они не работают и вы спите, они делают личные дела и сидят с семьей. У них, может показаться, точная копия вашей жизни, и да, и нет. То есть, она одинаковая, когда вы отражаетесь от чего-либо, но самая настоящая, когда нечего отражать. Они едят, отдыхают, лечатся, принимают ванну и плачут. Они такие же живые, как и все мы. Иногда, они в своё свободное время покупают ноги, руки, каркасы голов сзади, чтобы каждый раз не быть с вами. То есть, они берут точную копию вашей ноги в магазине и привязывают невидимым гравитоном, чтобы точно копировать ваши сонные моменты дёргание ног и головой.

А есть вселенная, где люди ходят в коже из-под банана и мандаринов. Они ложатся спать прямо на улице, просто закрыв себя кожурой, и спят так до самого утра. За день из их одежды вырастает банан, на стенке, как бамбук, и утром они съедают их. Каждый день именно так и происходит. Так люди избавились от голода во всех странах мира. Из-за своей дешевизны, богатые покупали бананы и мандарины, съедали и выкидывали кожуру на улицу, оттуда социальные службы забирали кожуру и раздавали всем бедным. Те, так и питались бананами и мандаринами, гранатой и даже картошкой. Они срезали начинку и жарили на костре, делились с другими, и были счастливы. Конечно, были те, кто не имел возможность ходить, им вешали над кроватью кожуру, сладости вырастали оттуда и падали прямо им в рот. Вы спросите, а как же они ходят в туалет? Никак. У них нет того, что у нас с вами, все питательные вещества идут в тело и они избавились от отходов. Всё для них полезно. Так,

больные, могли годами обходиться без нянек, и жить на одних лишь мандаринах и бананах.

В следующих галактиках, далеко от нашей, в двух миллионах световых лет, на маленькой планете размером с луну, жили более удивительные существа. Они, как и полагается, слегка походили на нас, но совершенно не имели тех недостатков, которые были у нас. Этим существам не нужно было находить пары. Они срезали частичку кожи, мизинца или уха и растили из них себе друзей и рабочих. Людей и общество. Когда нужны были учёные, они срезали частичку с лица, а лицо тотчас регенерировала себя, и от частички вырастал гений. Если нужны были землекопы, отрезали пальцы. Астрономы, часть век, а если нужны были те, кто умеет всё, существа отрезали частичку мозга, просверлив в черепе дыру. Это не больно. Они не чувствуют боли никакой, но чувствуют все спектры эмоций. Именно оно и было для них уязвимостью. Они, пусть и знали, кем рождены и от какой части тела, всё время молчали, а общение ограничивалось тем, что делали то, кем были рождены. Никто не думал об общении. До тех пор, пока один из них не попытался открыть рот для, не еды, нет, а для разговора. И вот, рождённый из мизинца ноги, стал прародителем слов и общения. И все они поняли, что не только учёные могут быть учёными, но и все, кто мыслит вне зависимости от касты.

Вы, наверное, замечали, как по ночам падают метеориты, как возле нашей планеты пролетают огромные кометы. Так это вовсе не камни, а спрятанные от наших глаз космические корабли инопланетян, что изучают нас каждый двести-триста лет. Они ищут развития. Те инопланетяне поняли, что мир — важен, они не причиняют вреда ни своим, ни другим цивилизациям, мирны. Видя то, как мы уничтожаем друг друга, они улетают дальше, чтобы изведать ещё больше территорий, найти более разумные виды инопланетян, чем мы. Мы смотрим на них, но не видим их, а в глазах отражаются лишь камни и скалы. Это устройство восприятия. Когда люди смогут пробиться через эти фильтры, и смогут решить кризис, отречься от войн, они смогут выйти на контакт с ними. Метеориты, это зонты инопланетян. Они научились делать из камней и мусора космоса передатчики. Некого рода радио, которая будет передавать развитие землян на их корабль. Может быть, атомы, которые никто из землян не заметит. Атомы-радио, датчики и анализаторы атомы, мощностью, как Солнце, но не выдающий себя за Солнце.

Под землёй, близко к центру, прямо у магмы, живут львы, они не знают, что там, наверху, что-то есть, и бурят ядро, чтобы добыть энергию. Их всего несколько тысяч, но технологии ещё не развились до уровня, чтобы пробурить несколько десятков километров земли наверх. Они плавают по нефти, жуют мрамор, червей, бактерии и пьют воду. Другой пищи не знают, всё здесь умирают до того, как попадают в их тело. Возможно, через тысячу лет, они смогут пробурить путь зубами наверх, или пройти по трубам нефтедобывающей машины, никто этого не знает. Но стоит им попасть наверх, они замёрзнут. Ведь другой атмосферы никогда не знали. Им будет холодно. Атмосфера будет слишком разряженной, слишком много кислорода и газа. Они задохнутся. Потому рисковать своей жизнью, по возможности не станут.

В другой же, где есть только одна комната для каждого человека. Они рождаются в коробочке и всю жизнь живут там, не понимая, что есть мир за коробкой. Они не

спрашивают, есть ли она, существуют ли другие миры. Их ум закрыт тем, что им удобно так, а другой, более удобной и не существует. То есть, им кажется, что тут самое безопасное и самое весёлое, разумное место во всей вселенной. Что именно так живут все существа, в своей коробочке. Их кормят через трубочку, дают пищу, через дыру на потолке, а испражняются в маленькую ёмкость, которая исчезает ночью, таинственно. Ёмкость чиста на утро, и им это нравится. И каждый человек на той планете умирает в коробочке. А, однажды проснувшись ночью, они обнаруживают, что беременны. Так нормально, значит, через какое-то время все люди носят в себе детей, думают они. Они верят в это и никак иначе. Потом дети рождаются, но люди их не видят, просто однажды их забирают, когда спят. Тех детей также помещают в коробочку и никогда не выпускают из комнаты. Круговорот жизни. И всем этим управляет один человек, тот, кто имеет свою семью и живёт в домике на окраине моря из лаванды, из конфет и кока-колы. На деревьях растут котлеты, куриные грудки и лапша, на поле созревает бифштекс и жареная картошка, а вниз, у ущелья дельфинов — солёные морепродукты и сладости. У него большая ферма на всю большую планету, куда глаза дотянутся, и их дети, дети их детей, помогают ему в выращивании людей в комнатах, кормить их, и убираться. Те люди, что сидят в коробках, не задают вопросов, они и сами не умеют говорить, но всячески выдумывают разные крики, эхо, буквы, музыку, рисуют на стене кока-колой, которую приносят по утрам, а вечером, из лапши, делают узоры на полу, воображая миры, которые они никогда не видели — деревья, реки, цветы и животных.

На соседней планете, много миллионов тысяч километров на запад вверх, есть остров в океане, где люди рождаются утром, а на обеде, им уже пятьдесят, и они растят внуков, а к девяти вечера умирают от старости. За два часа, им исполняется восемнадцать, они находят жену, такую же, как и сами, говорят с ней минуту, а казалось бы целых два месяца, потом женятся и заводят детей к девяти утра, когда им вот-вот уже двадцать четыре. К двенадцати, им уже пятьдесят, рядом с ногами бегают внуки. Играют они лишь немного, час, за всю свою жизнь. Потом взрослеют и заводят свою. Те, что постарели, видят уже правнуков и внуков своих внуков. А к вечеру — умирают, счастливые, что прожили такую долгую жизнь. Их время отмеряется тем, скольких внуков они успели понячить, и сколько раз видели, как те играют на песке и влюбляются.

В иной, прямо под ними, есть планета, которую они не видят, ведь земля крутится только вбок, и никогда не меняет суток в дне, живут такие же, как они. Хотелось бы так сказать, только вот, их поразил страшный вирус, и они муштровали в лице. Одним словом, если они не надевают маску на лицо, вместо лица у них челюсти без кожи, мяса, мускулов — только кости. Потому они вынуждены носить маску всю свою жизнь, питаюсь смузи из трубочки, которая присоединена к трахее. Они не чувствуют вкуса, но чувствуют аромат, тем самым и утоляют голод. Грустно иметь рот и язык, и не ощущать вкуса. Хотя бы, у этих людей есть обоняние и верхняя часть черепа не подвержена вирусу, и мозг может уловить нотки корицы, чая, супа, бульона, печенек, жареных кальмаров и помидора.

Люди — кетчуп.

Человечество летело по космосу верхом на земле, словно на автобусе по окраине Бирмингема. Автостопом по галактике. Мёртвые души исчезали в чёрных дырах. Монстр притягивал неприятности. Планета влетала в чёрную пропасть. Люди тонким слоем намазывали на тост кетчуп, и мир исчезал в пасти. Каждая бутылка кетчупа обитает в параллельной вселенной и знает, что в галактике, человек никто иной, как дыра забвения, клоака ужаса и смерти. Бездонное ущелье. Боги ужасны в голоде. Смерть — забирает мёртвых, бог — убивает. Нет ничьей вины в том, что является мир таковым. В мире чёрных дыр, чёрные дыры — люди. В мире людей, вселенная — чёрная дыра.

Кетчупные учёные каждый раз молятся богу, чтобы пощадили, оставили младенцев в покое, но боги хладнокровны, у них нет души. Жестокость без границ. Боги глухи. Люди не слышат криков кетчупного народа. Иногда кетчупные люди сжигают миллион костров. Огонь в небеса. Разводят хищников. Тогда у бога горит в пасти, боль; рождается ад; остро. Боги, чёрт бы побрал, тотчас полюбили остроту и стали мазохистами, получали удовольствие, наслаждение в боли. Не потому ли, в слове боги, заменили букву «г». Божий девиз, наверняка: «Боги, боги боли!». Верховные любят боль, и полагают — боль любят и остальные. Учёным кетчупного мира, не нравилось что детей беспощадно поглощают, убивают и пожирают.

Кетчуп придумал тайный план против несправедливости богов. Свергнуть. Учёный собрал вокруг сильнейших и умнейших людей мира, и создал способ выбраться из плена богов. Во главе с Кетчером, Кетчлером, Кетчмаликом, Кетчсьюзи и Кетчубрапали сообразили, и открыли брешь в измерении — мир богов.

Портал открылся. Странная комната. Ужасный запах. Учёные в полном замешательстве. Кетчупные люди полагали богов единица, десять максимум. Богов — миллион. Кетчера и коллег, ничего. Капля в океане.

Впервые чудовищ человек увидел, когда выходил из уборной — испугался. Из холодильника вышли красные существа. В крови или краске. Учёные напугались больше. Даже шторы пошши волнами. Человек дрожал, словно студень. Боги, как заявил Кетчсьюзи, так атакуют, и встали в позу защиты. Бог трясся и замер. На человеке тряпка. Кетчер не знал что такое одежда. У учёных нет гениталий. Учёным нет надобности носить бесполезные вещи. Учёные решили, что человек — тряпка. Кетчуп томатный капал с рук кетчупных людей. Народ поприветствовал бога; поклон до пола.

— Мы с миром, бог! — заявил Кетчубрапали.

— Позвольте пожать вам руку, наш создатель, — Кетчер протянул руку.

Бог молчал. Глаза, как два больших теннисных мяча. Волосы дыбом. Голос исчез. Не реагировал.

— Возможно, боги не умеют разговаривать, — предположил Кетчмалик.

- Незамедлительно изучить.
- Как бы там не было, боги обязаны прекратить уничтожать мир кетчупа.
- Потребовать нужно.
- Все согласны?
- Никак нет не согласных. Схватить бога и потребовать от него пощады!

Кетчупы побежали к богу, и упали на пол. Так задумано. Так кетчупы несут боль. Кетчупы жестоки в плане планов.

- Прости нас, бог, но так нужно. Хотели по-хорошему, но будет по-плохому!
- Ничего личного!

Кетчупы начали грызть ногу бога. Бог отступил, и с размахом пнул их по лицу. Кетчлер размазался по стене и умер. Ноги красные. Пол красный. Всё в кетчупе.

— Боги сильны! — заявила Кетчсьюзи, и забилась в угол кухни, — Он нас всех уничтожит! Спасайтесь! Бог — монстр...

Бог подошёл к стене, сел на корточки и взял на кончик пальца кетчуп со стены и облизал палец. Призадумался.

— Оно всех нас съест! — завопила Кетчсьюзи, и тотчас из неё начали выходить маленькие помидоры черри.

— У него нет корней! — закричал Кетчмалик, — Зомби!

— Эти боги, страшные существа! Всем забиться в угол и не двигаться. Будьте стулом!

— Зачем?

— Не знаю. Но стул бог не пинает. Быстрее!

— Я буду полом! — закричал Кетчмалик, и размазался по полу, два глаза только и мигали.

Кетчер поднялся, поправил пальцы пальцами. Приподнял томатную пасту на плечи, помазал кетчупом глаза и лицо.

— Успокойтесь. Бог такой же, как мы. Пусть не умеет разговаривать, научим.

Кетчер подошёл к столу, взял хлеб, сунул в рот, и съел.

— Так, Бог, нельзя делать! — и выплюнул обратно, — Ты меня понимаешь? — растоптал.

Бог ударил кетчупа по лицу. Его голова чуть не улетела в стратосферу. Сделала семь кругов вокруг своей шеи. Его сшибло с ног и приплюснуло к стене.

— Не сори!

Кетчсьюзи ахнула.

— Бог разумный! Оно говорит.

Ростом кетчлюди не больше метра.

— Чуть не убил! — заметил Кетчер, и отряхнулся, — Так вы умеете говорить?

Бог стоял и улыбался. Кетчупы что-то говорили на своём языке. Буль-буль-буль какой-то.

— Тонут что-ли, — подумал бог, и ударил в грудь. Кетчер улетел в стену. Пытался таким образом сделать массаж сердца, никак иначе.

— Стойте, мы с миром! — закричал он, подняв руку. И в лицо прилетело колено бога.

Встали и Кетчсьюзи, и Кетчмалик, и Кетчубрапали. Бог их тоже решил привести в чувства. Кетчупы булькали, бог не понимал ни слова. Человек думал, что им плохо. Когда кетчупы стали давиться своей томатной пастой, ничего не изменилось. Все те же буль-буль. Вся та же краснота. Бог устал и сел на стул. Кетчупы лежали на полу и тянули руки, карабкались к богу. Улыбались. Черри паровозиком выезжали из них.

— Только не ешьте нас! — прошептал Кетчер, и дрожа, встал на ноги, хватаясь за колено, вытер лицо, и ударил бога со всей мощи, каким только обладал его кетчупный кулак.

— Я понял их язык! — рассмеялся, — Оно общается так! — снова ударил человека по лицу, потом коленом, потом пнул его в живот, и выкрутил ноги, — Видите, совсем не сложный язык! Попробуйте и вы.

Все кетчупы встали и начали бить бога. Бог улыбался.

— Вы нравитесь мне, настоящие пацаны! — сказал он тогда, и кетчупы отступили.

— Видите, бог дружелюбным сразу стал!

— Давайте сделаем его ещё и счастливым, — сказал Кетчубрапали и подняв стул, выбил богу три зуба, — А? А? Как думаете, ему понравилось? Видите, как он улыбается? Это всё я! — заявил он гордо. И вылетел под кухонный шкаф, застрял, и бог вые*ал его ножкой стула в зад.

— Этот пацан мне не нравится, — сказал он.

— Он хочет детей! — завопила Кетчсьюзи, и встала напротив зада товарища, — Только через мой! — растянув руки, — Я самка!

— Угомонись, бог не хочет тебя!

— Хочу, — вдруг раздался голос, и бог потянул руки к девушке кетчупу, увидев, как она размазывает томаты по столешнице, — Чтобы ты убралась со шкафа, кто по-твоему моет всё это! — схватил её за руку, и запер на балконе. Кетчсьюзи билась об стекло и просилась обратно, обещала ему райское наслаждение, но бог не понимал. Она обещала сделать массаж ртом. Жара стояла невыносимая. Кетчсьюзи прилипла к окну. Тогда бог и открыл его, и плеснул на неё воду, чтобы отодрать.

— Мы, — Кетчер ударил бога в пах, — С миром к тебе!

— Стой, Кетчер, по-моему он нас не понимает, сам глянь, он зол, очень зол! — Бог скалился от боли, оно и понятно, удар был не в то место, — У нас есть переводчик, испробуем. Не трогай его, будешь, как Кетчубрапали, ты же не хочешь этого?

— Хоч... У-у, нет, конечно, нет! — Кетчер сглотнул слюни томатные, и возжелал бы так же, но скрывал свою ориентацию. Он красил свои жёлтые бублики в красный цвет — кровью девственниц убитых во время полнолуния.

— Ну, тогда, — сказал Кетчер, — Мы будем изучать их язык, а пока не дадим съесть

наших соплеменников, — поставил бутылку кетчупа на стол, — сколько потребуется. Мы обещали! Защитим тех, кто ещё жив.

Человек встал, схватил Кетчсьюзи и поцеловал её в засос.

— Прямо, как настоящая. Значит, я не сплю.

Вдруг, все они начали его понимать. Нейроны Кетчсьюзи получив микробы, и ум через слюни, передала свои знания другим, также поцеловав их всех в засос.

— Так вот он каков, вкус бога! — обрадовалась Кетчсьюзи, — ещё хочу.

— Скажи спасибо, что он тебя не всю съел, — ответил Кетчер.

— В-верно! — завопил Кетчубрапали выползая из-под шкафа, прикрывая зад руками, — М-между прочем.

— Ладно, друзья педи... кхм, кетчупы, — заговорил Кетчмалик, — чтобы там не было с этими богами, мы обязаны вразумить в разум ум! Мы будет бить его до тех пор, пока он не поймёт.

— Стой, мы уже выяснили, что это не выход, — промямлил Кетчер, сжимая кулак, — Сейчас мы можем урегулировать конфликт пактом.

— Ладно-ладно, я согласен, вы уговорили меня, но если нужно побить его на его языке, вы непременно скажите мне. Я ему, это самое!

Так все кетчупы договорились между собой. И вымыли пол, посуду, наклеили обои, купили новый холодильник, постирали одежду, приготовили кушать, отремонтировали магнитофон без внутренностей, создали диван на колёсиках, чтобы есть не вставая с кровати, закатываясь кроватью прямо в кухню. Потом вытерли со лба хлебные крошки, и наконец, заговорили:

— Думаю, он понял, что мы с миром, и готовы помочь ему.

— Да что вы... ублюдки, такое натворили с моим домом! Где мои носки! Куда вы их убрали.

— Носки? Что это?

Человек схватил носок в кармане, вытащил и показал им:

— Это носок, где второй! — слюни вылетали во все стороны.

— Мы думали, это змея и выкинули его из окна, — сказала Кетчсьюзи.

Тотчас человек схватил её и выкинул её саму из окна со словами:

— Фас! Найди мой носок, и ни ногой домой без него.

Кетчсьюзи приземлилась на землю, увидела людей, набросилось на одного, выгрызла ногу с носком, и влетела в балкон через окно.

— Ну вот. Под цвет наших лиц — красный.

На самом деле кровь умирающего внизу мальчика пяти лет.

— Просто он взял их у вас. Мне пришлось силой выманить этот ваш носок из его ног.

Крики мальчика истошно вонзались в перепонки бога, и он не вытерпев этого, взял Кетчсьюзи, и засунул в духовку на триста градусов на пять минут. Запахло пиццей.

— Она это заслужила, — откликнулся Кетчер, — Мы пришли в их мир со своими законами, когда у них свои. Мы должны изучить их повадки, их мир. Просим у вас

прощения, бог. Не соизволите ли вы вытащить нашу подругу учёную из этого ужасного места?

Человек-бог вытащил её из духовки, которую подпёр кувалдой, та выбежала, стройная, тонкая, настоящая модель. До этого она была жирная, очкастая и круглозадая. И Бог влюбился. И прямо там и... Сказал ей, как она обворожительна в новом теле.

Потом, Кетчмалик сказал, что пришли они лишь потому, что их дети умирают, и просили пощадить их, и сохранить бутылку кетчупа. Бог кивнул, выкинул кетчуп в мусорный ящик, и они попрощались с ним, помахав рукой. Перед последним словом, Кетчсьюзи освоила самую древнюю профессию, и трижды дала человеку. Бог не плакал. Кетчлюди улетели в свой мир. Придя домой, они уgomонили всех, сказав, что всё решено и детей не будут поглощать.

Жили они так пол дня, пока кетчуп не попал в большую свалку, где их нашёл бож Семён, и не намазал на плесневелый хлеб и не съел до самого дна, вылизав их до последней капли, своим шершавым, прокуренным языком.

Глава 7

Бублик выпрыгнул с каноэ в Конго, и сказал, что все волосы на голове Гитлера пытаются захватить власть над волосами в теле. Он выдал им автоматы и просит пойти войной против пенных обезьян. Только самые чистые, прозрачные волосы должны жить, говорили волосы Гитлера. Они даже убили самого Адольфа, и тащат на своей спине его труп, чтобы выкинуть в крематорий, сжечь и избавиться от него. Маленькие швабры были против такого, и котёл вообще начал бойкотировать по поводу того, что он не будет сжигать того, потому что Гитлер может отражать всё, и крематорий сам станет прахом, и бойлер сгорит. Наследники Гитлера взяли с собой пену для бритья и бритвы, чтобы казнить волосяных, рыжих обезьян.

Деревянный мальчик прыгнул с крыши первым и улетел в стену и размазался. Видит, что горит огонь на земле, он сполз, и сгорел в огне.

Включил как-то раз Снуп Дог бумбокс, как из колонок начали выползать маленькие, зловещие Эш, и начали танцевать. Потом достали марихуану, выкурили его и создали из дыма большого Эш, который залез в рот Снуп, и начал там готовить шашлык для рыб — сердце сразу же обрадовалось, а почка и печень начали блеваться. Не понравилось Эш это, он взял перочинный ножик и заколол их. Потом из почки вылез Чак Норрис. Тотчас выстроилась империя с рабами, а человек приобрёл способность сжигать взглядом. Когда Чак вышел из Дог, перед ним выстроилась дорога, в руке появились мороженые, в карманах шуршали деньги, а шлюхи падали на землю. Когда он хотел спать, наступала ночь, а когда хотел есть, время ускорялось и наступал обед. Как-то раз, падая на землю с большой высоты, гравитация убежала в космос, чтобы Чак упал медленно. А в один раз, когда все люди на земле умерли и из-под земли выползли демоны, они увидев Чак Норриса, умерли, разлетевшись на куски. Упаковали себя в пакеты с пакетами и закрыли дверь в ад и вернули людей обратно.

Сосиска каталась по земле и искала своих братьев, пока на голову не упал Сони икс десять, и не убил его.

Вышел как-то раз на пляж, разделся, прошёлся, все так и глазеют на меня. стыдно стало, когда посмотрел на них. стыдно за них. Они оделись и прыгнули в воду и утопились.

В пакетике сахара песчинки и крупички, в них живёт Али-баба и сорок разбойников. Когда высыпашь их на пол, они поют гимн Аляски, а в чае, бегают по кругу на дне, чтобы было легче крутить ложку, толкая её сзади.

Динозавры на самом деле живы, они просто уменьшились и стали блохами и вшами, и сдирают кожу с нас. Их даже нельзя убить. Они выпрыгивают из стаи мангустов, становятся крокодилами и едят воздух, молясь пенопласту о спасении души. Бог спускается к ним, давит пальцем и из них вылетает гниль. Другие крокодилы собираются рядом и съедают гниль, а потом из них вырастает снежный человек, который душил самого себя и получает

удовольствие, потому что он думает, что он крем в пакетике с дырочкой сверху и обязан подарить счастье детям в день рождение Иисуса.

Когда бог спустился на землю и создал людей, он предполагал, что они будут глупы, но не настолько, чтобы одурачить его, и создать свой язык и ругаться на ней без греха.

Когда Шопенгауэр надел водолазный костюм, Волан-Де-Морд, принял его за себя и рассказал ему все свои секреты.

А если утром, между тремя днями и двумя ночами загадать желание, то оно непременно никогда не сбудется. Тем пользуются взрослых, говоря детям, что все желания сбываются, чтобы не покупать им новый айфон.

Пирожки катались на ананасовой горке во имя всех пухлых дам, чтобы они поделились жиром.

Если бы меня спросили, сколько стоит один рубль в рублях, я бы сказал, что все негры улетают на юга во время холодов, а пингвины зимуют в Африке, нося на руках варезки.

Когда Иван родился 1873 года, он сказал себе и матери, что будет работником завода, а не пойдёт куда-то там на войну, потому что все петухи туда идут. Только мать была против этого, она заковала его ещё в младенчестве, надела наручники, как только тот вылез из утроба и сослал на сибирские работы, чтобы он захотел служить в армии, и не хотеть быть разнорабочим. Иван был самым молодым младенцем в тюрьме, самым опасным и неконтролируемым. Он постоянно плакал, вытирал сопли и какал в штаны, другие, увидев это, тотчас принимали убирать за ним. Не дай бог Иван разозлился и накакает ещё больше. Зеки, что постарше всегда его уважали за то, с каким упорством он выходил против правительства, по ночам он залезал на охранников и душил их тряпкой с нашатырём, а по вечерам держал зону в страхе, обещая порешать всех, кто его выдаст. Даже камеры стирала с себя запись, чтобы не умереть. Так, его и камеры не видели. А когда он хотел кого-то убить, двери сами отпирались, а зеки строили из своих спин лестницы.

Недавно видел сон, точнее сегодня, совсем недавно, утром. Какое сегодня число? Точно, март на дворе пятый. В этом сне, я пел в микрофон, будто и не пел, когда начинал его вообще не было, в конце вроде был и не был, вся песня раздавалась по всему городу, люди восхищались и радовались, танцевали. Потом, когда друг спросил меня, просто взглядом, без слов, что я делаю, я ответил:

— Если меня спросят, что у меня в репертуаре, Зиилин, то покажу им это.

Достал яблоко откушенное. Когда кушаешь это яблоко, то слышишь у себя в голове то, что я пел в микрофон, песню прямо в мозгу. Удивительно грандиозное изобретение. Яблоко то настоящее, но в ней видно много пикселей, а пиксели это, вероятнее всего, ледяные кстати, есть те пиксели, что дают информацию о песне, мотив, слова, эмоции. В тех словах можно было разобрать пение Джеки чана, казаха и некоторые русские слова. И друг сказал:

— Вот это уже больше похоже на настоящую музыку.

А пока он шёл, я шёл сзади и пел, тянул слова, танцевал на ходу. Не знаю куда мы ходили, может минут сорок. Я с середины начал петь. Когда же он обернулся, я открывая рот так распевался, что ух вообще! Так что, мне самом понравилось, что я пытался запомнить этот сон. Самый лучший способ это сделать, сразу же записать. Но всё-таки слегка забыл. Точно, вот сейчас вспомнил, там ещё был телепорт в воздухе, мы прыгали туда, и попадали в пустыню. Там ещё были инопланетяне.

Это ещё что, это даже не сравнится с тем, что видел двадцать лет назад. Ладно, шучу, это вообще никчёмно. Если вспомнить ещё падающие планеты на землю. Там, в моих снах жили демоны и оборотни, индюки гонялись за мной по грязной улице в деревне, я прыгал и улетал, прятался в углах на крыше, а волки доставали меня. Они гонялись за мной по всему дому. Я прыгаю в окно, они за мной. Я бегу, они за мной, всего несколько метров остаётся, и вот-вот уже умру, как вдруг улетаю, попадаю на самолёт. И падаю с самолёта на бассейн снизу и превращаюсь в человека амфибию, плаваю с акулами и рыбами. А тело так и вздрагивает. Несколько раз за минуту я умираю. Умирать во сне это не так страшно. Удар, а пока летишь, закрыв глаза, думаешь о чём-то. И бах, и ты уже на полу, лежишь, боли нет. Гулкий удар кирпича по бетону. Вот и всё.

Да что это мы о сне да о сне? В этом сне можно гонять на автомобиле, быть гонщиком, а потом понять, что ты в игрушечной машине и проезжаешь под другими огромными машинами. Выходишь из консервной банки с автоматом и узи, убиваешь всех.

Вы знаете, улитки самые быстрые существа на земле, и самые терпеливые. Вы даже представить себе не можете, каково это есть маленькую конфету целый день, а чтобы дойти до кухни тебе надо пять дней. Ну скажи мне, кто терпелив более, чем улитка? Разве что камень, что тянется на пляж со дна океана. Миллиарды лет ползёт.

Между обоями живут несколько человек, что знают, когда малыши падают с яблони и превращаются в абрикос, что гоняют по морю на квадратике из майонеза, ловя ногами луну с орбиты Сатурна. Если вовремя не собрать ёлку из угля, то Санта Клаус умирает вчера и не

приходит позавчера, потому что он видит будущее, и не вкладывается в то, что умирает так скоро. Но один раз двое мальчиков вышли на охоту и нашли красный башмак на дороге, внутри которого спал бомж Виталий. Он смотрел Смешариков и становился губкой, и собирал свои слёзы с самого себя и кипятил пот в кастрюле, чтобы сварить суп на завтрак. Из кастрюли выпрыгивали тридцать три богатыря и начинали танцевать чечётку до самого утра, пока их ноги не уходили спать, а сами богатыри не превращались в червяков, чтобы есть сливу на горе Рамшар со своими друзьями: носком, сковородкой, подушкой и тазиком для бритья.

Смотря в экран телефона у человека исчезала голова и тело сидело без головы, погрузившись в интернет головой. Вены пульсировали на шее, из них выпрыгивали Гремлины и ели попкорн, покачивая задницами под темп дабса. Прилетал одинокий зубастик, выгрызал на теле татуировку, он часто это делал, чтобы запомнить, что он зек, и обязан убивать надежду на светлое будущее.

Девять негрят жили в замке на окраине одинокой берёзы, у зелёного холма трёх глаз, где обитал Шмыгоу и его семь друзей Хоббитов. Каждый имел по семнадцать пальцем и килограмм волос на стопах, чтобы ходить бесшумно во имя Локи, дабы красть, как ниндзя. Только они ещё не знали, что зубры пасутся три дня на месте, и уходят на второй заране.

Белый кит по имени Дик, всегда думал, что он такой одинокий, один во всём мире, гордился собой, все его уважали и боготворили, охотились, а потом он увидел меня, узнал обо мне и впал в депрессию, и повесился на водопаде пузырьками морей, выпив яду из глубоководного ската.

— Он достоин, достойнее меня, я рад, что узнал о нём.

Так он говорил богу, когда его просили, почему он повесился. И Бога это удовлетворило, и сам Бог тогда повесился, только умереть он не мог, смерть отказалась принять его. Бог взгрустнул, и начал бухать, да так долго, что забыл о людей, и все на земле стали страдать. На их мольбы не поступало ответов, а в 20 году и вовсе появился китайский вирус, убивший миллион человек. Это был грипп бога. Антитела бога начали сражаться с вирусом земли, убивать самых вредных и недостойных. Антитела бога знают, кто совершил много плохого.

Вот уже сегодня четырнадцатое, месяц тот же, печальный. В тот день весть пришла, на следующий весть подтверждена. Смерть прыгнула со второго этажа кровати и начала танцевать, скручивая на пальцах нити, собирая пожитки за шестое. Двести сорок семь тысяч девяноста семь человек попали в капкан к нему и были съедены, породив собой миллионы страдающих скорпионов, жалящих колибри и прыгающих листочков кактуса.

Пять лет прошло с того дня, когда прошло шестьдесят месяцев, и с неба упали вороны и гуси, сообщая всем, что с юга летят пингвины и страусы, и им нужно гнездо на дереве, и нора для окуней, что плывут по гравию. Окунь тащит за собой в мешке семь пудов воды, и литр пуха для червей, во имя господи бога Будды-нефрита.

Не знаю сколько лет летал королевский мангуст по подножию ила, но на третий день

после пятого на его голову упало небо из пиратов с крюками, они пытались словить деда мороза и украсть у него все подарки, особенно ручки кукол. Но мороз был хитрым поршнем, он схватил их по одному и внёс в чёрный список непослушных деток, что все пираты тотчас стали шоколадными конфетами и растаяли, и их съел мальчик-с-пальчик на завтрак перед ужином у Гулливера. Не понравилось мальчику вкус пиратов, на вкус они были какие-то старые и вонючие, что все зубы повывадали у него и он слёг с чумой, его тело покрылось волдырями из пенопласта и засаленных белых, старческих волос — это так пираты пытались вырасти своих детей. Их головы тянулись высоко вверх, но Гулливер срезал их головы и сжигал на костре.

Однажды Локи пришёл к татарам и решил их обмануть и украсть всё их золото. Татары поверили ему и сразу же отдали всё золото.

— Тупые народцы! — обрадовался Локи, и пришёл на рынок расплачиваться за телепорт, протянул монеты продавцу, а золото взяло и растаяла. Эти хитрые татары обманули Локи и вместо золота отдали ему шоколад в фольге. Пока шоколад летал по космосу оно не таяло, но стоило попасть на рынок тотчас уплыло под подошву продавца. Тор расстроился и закатал Локи в квадрат и сделал из него кубика-локика.

Наверняка люди думают, что Бетховен умер, но даже не предполагают, что его съел петух Владимир из Нью-хемпшера и сделал из него время вдохновений. То есть, по воздуху летает частичка композитора и попадая в мозг людей рождает в них вдохновение на написании классических нот. А атомы того же Рафаэля, создают новые картины, живопись, — а, Хемингуэя — текст, Эйнштейна — теории. Переплетаясь между собой с разными идейными вдохновителями, создаются новые теории и картины. К примеру Эйнштейн и Пикассо попав в мозг современного человека, создают фантастические картины будущего — телепорты, машины времени, часы обратного отсчёта, воскрешающие капсулы и ботинки скорости, перчатки мужества, и, слава мне, очки шизофрении.

В одной планете, умершие люди умирают, разумеется, как и у нас на земле, но вдруг так, оживают в самой первой своей фотографии, на которую его запечатлели. То есть, если человека сфотографировали с возрасте семи месяцев, он оживает в той фотографии и всю жизнь живёт там, а когда умирает в той, попадает во вторую, где проживает вторую жизнь. А умирает тогда, когда попадает на самую последнюю фотографию. Одним словом, люди могут жить в тех картинах веками и того больше, пока полностью не исчезнут. Мы знаем, что сейчас, когда наблюдаем за фотографиями умерших и вспоминаем их, мы не предполагаем, что живёт он на той фотографии, которую потеряли ещё сорок лет назад. А когда умрут дети, он перенесётся во вторую, такую же потерянную. И до последней, которая, разумеется, тоже будет потеряна где-то, потому что пройдёт уже тысячи лет, и история какого-то старого никому неизвестного человека уже неинтересна ни единой мухе, комару или галошам на ногах Эдуарда.

Только недавно вспоминал и создавал миры, тот раз был каким-то крутым, но забыть забыл, что забыл и вспомнить не могу. Что-то эдакое и прекрасное то было. Может быть ещё вспомню, может придумаю что-то новое. Сейчас мозг занят пустотой и ветер гуляет по

черепу ударяясь по стенкам из киселя. Между прочем кисель тот мы ели ещё с бабушкой, когда она говорила, какой я глупый. А потом вся кисель ушла и там образовалась пустота, которую заполнил мороженым. На дворе Июль и мне холодно, волосы сливки, кожа молоко, зубы зефир, ноги мармелад.

А вот есть на девятьсот семьдесят третьей планете от Юпитера, чудная планета, где, если говорить, эти слова улетают по планете и человек больше не помнит эти слова, а воображение, которую рисует на холсте, исчезают из памяти. Тексты — умирают. Если петь, слова исчезают, ноты умирают, а люди, что слышат слова, получают их в себя, если же кто-то не услышит эти слова, не увидит живопись, она исчезает навсегда вечные. И люди больше никогда не узнают и не знают этих слов. В конце люди могут сохранить лишь единицу слов, чтобы сказать прощай. И люди никогда не говорят прощай до самого конца, потому что это самое важное перед кончиной слово во вселенной их скоротечной.

А по соседству живут другие существа, что говорят те, кто там побывал, плачут от того, как те живут. Оказывается, люди, что там рождаются и говорят цифру, живут только до этого возраста. Кому-то везёт умереть на девятисотом году жизни, а кому-то на первом. Даже случайно сказанное слово «три» перед ужином считается за столько лет жизни. Если человек не говорит ни одной цифры до десяти, до сорока или ста лет, он будет жить вечно, но стоит обмолвиться одним лишь — пойдёт отсчёт до его смерти. К примеру, в возрасте сорока двух лет Питер сказал семь, умрёт он в сорок девять лет.

Под землёй всегда летали самолёты из другого мира, и искали квашеную капусту. Капуста пряталась под морковкой, а морковка хихикала, и из под неё вылуплялись полуквашеные морковки. Это всё потому, что под морковкой жили пчёлы матки, что крали ДНК частички из обеих и создавали новые виды, они даже из самолёта взяли часть строения и создали железную морковку, которым, бывало, копали картошку, ловили червей и ходили на рыбалку. Не есть, а чтобы украсть цепь ДНК у тех, кого они ловят. Однажды, пчёлы из магмы создали жука-оленья, который сжигал землю и делал тоннель для поездов, метро для тараканов и кротов. Они крепко держали портфели и уходили на другой конец вселенной, чтобы заработать больше денег. Самолёты потому тут и летали, потому что денег тут водилось больше чем где-либо ещё в галактике.

На Земле, только никому ни слова, живёт Максим, сын своего сына. Он всё время сидит в компьютере, точнее «у», но у него имеется способность доставать то, что он видит прямо из картины, а если надо, то попадать в тот мир, куда он хочет, достраиваясь руками к экрану, как мост. Так он, однажды, попал к Одину, Аиду, к Росомахе, Дедпулу, Смешарикам, к Наруто, и выучил миллион техник. Узнал, что представляет собой вселенная. Он в папке с папками прячет самые любимые картинки. С собой носит смартфон, чтобы, когда на него нападают гопники, он доставал одну из картинок и вытаскивал оттуда своих друзей. Так, единожды, он достал оттуда Тиранозавра, и динозавр съел пол квартала. Как-то достал Хеллбоя, что тот выкурил пол тонны сигарет, и в городе образовался туман на два дня. А помнится, как-то он достал из телефона волшебную палочку и случайно сказал не то заклинание и оказался у себя дома, в прошлом, когда мать била его и имела иммунитет против его магии. Одним взглядом мать разрушала всю магию. Волшебный телефон

становился обычным, сила исчезала. И Максим становился плаксивым, боязливым трусом.

Вы, наверняка, не очень хорошо знали Пиннокио, ведь если бы вы знали его также хорошо, как я в своё время, вы бы знали, что Рапунцель сидела на его носу всё это время, и он смотрел под её юбку все эти годы. Рапунцель даже не подозревала. А Пиноккио нравилось, он и не решался сменить род деятельности. Но когда пришёл принц, он разозлился. Пришли дровосеки и срубили замок. Семь ночей Пиноккио кровоточил и умер захлебнувшись опилками.

В одной Луне Сатурна, живёт одинокий ковбой, который есть сосиски, а сосиски превращаются в желудок. Он сам стал похож на сосиску. Фредди из семейства одиноких каннибалов, всегда плакал, смотря на него, потом вытирал слюни, и уходил в закат, кидал чаевые, заворачивал триста килограммов пакетов с сушёными морями, и улетаая кричал:

— Всегда бы море было сухим, слёз бы никто не видел. А так, кто-то наплакал море, и печально оттого, что плачут, вот и нам плакать приходится, чтобы поддерживать круговорот морей-слёз в мире.

В одной студии, певец поёт слова, смотрит в экран и видит всех, кто поёт про себя песни и выдумывает мотив, он выбирает одну из них и клекает из них свою песню. Вот вы, к примеру, всегда пели одни дома, в душе, в кухне, перед телевизором, а за вами следили — поверьте мне. Даже танцы так придумывают. Вас транслируют по монитору студий. Они разработали нанороботы, размером с атом, что следит за всеми людьми на свете. Они высчитывают самые непохожие песни и мотивы на свете, что непохожи ни на одну из известных, и показывают певцам в студиях. Даже, когда вы незаметно ковыряете в носу, люди видят вас, и даже слушают, как ваш нос хлюпает — да как так можно, отвратительно! Нужно красивее хлюпать. А потом выходит песня, и выходит танец, и вы замечаете, что это ваше вот всё, ваш мотив и ваш танец. Но кто вам поверит не так-ли? Вот весь мир плагиат... Обидно с одной стороны, но кукушка летает в зад и вперёд и говорит, что всё имеет значение. Какое значение, мы пока не поняли, но кукушкам доверяем. Кукушки ведь обманывать не будут? Они говорить того, что не знают, не станут. Они вообще не говорят, значит и врать не умеют.

Пушкин выходил на сцену и читал стихи своим поклонникам, поклонники кидали на него ёршики, и говорил, что он плагиат своей причёской их. Так, в те стародавние времена появился бренд «Пушной Ёршик» и мода на бакенбарды. Ну никак иначе и быть не могло, что в моде, то было в моде и все пытались следовать ей. Пушкин сам купил себе «пушного».

— Идеальный! — говорил он, выходя из уборной, — Почти, как я.

По космосу плавали пассажирские-змеи поезда, в которые садились инопланетяне и люди, и путешествовали в другие галактики. Змея могла достигать скорости света, может даже быстрее. Всё потому, что она была большая. Бильярдный шар и настоящая змея, где шары, планеты, и расстояние на преодоление всего стола, несколько секунд. Змее потребовалось бы доползти до соседней галактики всего пять минут, а на самые отдаленные, миллиарды световые годы вперед, всего час. Это ничего не стоило, ведь змея преодолевает этот путь каждый день в поиске пропитания, в поиске умирающих, угасающих звёзд — энергии. И возвращается по тому же маршруту домой, на самый тёмный, дальний уголок вселенной — богом забытый, в чёрную дыру. Это её дом, нора, которую она выела в космосе своей огромной пастью, тратя миллиарды масс энергий от миллиард звёзд. Змея открывает рот, и языком распределяет для каждого инопланетянина свой вагон, где он будет ехать до пункта назначения. Змее не нужны деньги, она берёт плату энергией. Все люди спят до дома, и просыпаются, с малой дозой энергии, чтобы выйти и добраться домой и выспаться. Таков он побочный эффект путешествия по вселенным. Топливо. Всему живому существу нужно топливо, и не живому, чтобы поддерживать форму, не расплыться, не быть уничтоженным. А вот слону из пятой квартиры не нужна энергия, он живёт в фантазиях людей, и в выходные дни скрипит лестничными перилами и досками, и сверлит стену, заколачивает тумбы, ремонтирует катера и титаники. Когда люди стучат по батарее, он исчезает и появляется, когда люди отвлекаются, в моменты самой большой злости, чтобы поиграть на нервах.

Утром в понедельник мартышка по имени Боб выходит из своего домика, кидает горсть мышат в рот крокодила, тот заводится, как трактор, тарахтит, и уплывает на соседний остров, на работу, где Боб ловит мышей, чтобы добраться обратно домой. Он не понимает для чего это делает, но убеждён в том, что, какая бы не была работа глупая — это работа, и все живые существа должны работать, чтобы не потерять свою индивидуальность. Даже крокодил, что несёт Боба по океану, не ест того, чтобы есть каждый день по два раза, и не один раз за год. Они даже нашли общий язык, и закопали его в пруду, бутилированной водой из морских огурцов. Крокодил рассказывал, как он вылутился из яйца и видел, как убегают от него братья его, и тоже начал убежать — думал, что соревнуются. А потом, понял, что он остался один и теперь должен выживать и найти выход сам. Тогда-то и нашёл его Боб и вырастил на мышах и луке, тыкве и бананах, обучая его, что есть всё остальное, что ему даёт не он — плохо. Так, однажды к нему забежал сосед, Боб разозлился из-за чего-то, выгнал его из дома, кинув с двери, крокодил увидел его, подбежал и разорвал соседа напополам и съел. Боб до сих пор не знает, где сосед, но радуется, как дитя, что он больше не заходит за сахаром для фруктового смузи из бананов. Крокодил хотел ему всё рассказать, но язык они ж закопали на пруду, потому он не захотел говорить, потому что без языка он знал только венгерский, а Боб говорил на чистом узбекском.

А вот в комнате Генри, инвалида первой группы из подземелья драконов, на полке стояли бюсты кукол, по ночам они просыпались и считали пылинки в комнате, собирая их в корзину, катаясь на маленьких тележках, отталкиваясь ручками. Генри всё время лупил их за зря, потому что, когда он засыпал сам, бюсты заливали ему рот и нос пылью, и выдергивали

все волоски с тела, привязывая того к горячей батарее, откуда временами, не всегда, конечно, текла серная кислота. Потому он и стал инвалидом, что бил тех, кто был меньше них, но хитрее самого Генри. Генри в один из вечеров мутировал, им у него выросли руки из головы, им все проблемы ему стали поперек горла. Засыпая, руки душили его. А потом, оказалось, что это были не его руки, а отца, который исчез при его рождении. Вовсе он не знал своего отца, и мать говорила, что он ушёл. А мать просто проглотила всего отца, и родила Генри. Но не вся еще связь была утеряна, и отец пытался вылезти из сына, отталкиваясь руками от головы сына, что в один момент вырвал его голову с позвоночником, извинился и прикрутил обратно, ибо в молодости был хирургом. Когда Генри гуляет по подземелью, драконы вызывают скорую, или наркодиспансер, а собаки отрыгивают еду, чтобы накормить беднягу. Один раз, комары увидев его, подлетели и закачали всю кровь, что выпили из дракона. Генри опух, но выжил. Все комары передохли тогда. И вот Генри ходит по брэнной земле и кусает всех, пытаясь выпить крови. Передоз сделал его зависимым. Все, что приходили, чтобы вылечить его — скорая и диспансер, умирали, потому что, когда в него ставили капельницу, он вырывал глотку врачам и выпивал их кровь, а на костре жарил их мясо и делился со псами, которые когда-то ему помогли блевотой.

Мы всего лишь хотели сказать, что хорошие люди, а они взяли и закопали нас под землю со словами:

Хорошие, значит из вас и урожай отличный, — крепко сжимая копы и лопаты. Лопатой они закопали нас, растоптали ногами землю вокруг головы, только и оставив их над землёй, а копыями охраняли, чтоб ворон какой не испортил урожай, заклевав нам глаза и уши. Они поливали нас водой, и чистили зубы, дабы черви не расплодились в нас. Кормили опавшими листьями и трухой, а в праздничные дни давали йодистый калий, и навоз. Каждые две недели срезали волосы.

Эти люди жили в каком-то не таком мире, их мир отличный от нашего, и они твёрдо были убеждены, что дети появляются вовсе не от женщин во время сношения, а из земли, как какая-нибудь картошка или морковка.

А потом, из-под земли вылетел крот кунг-фуист и размазал их по стенке, откопал нас и предложил войти в его круг ополченцев. Он превратил нас в кротов, и мы вошли в штаб квартиры землекопов. Они были все в сажах, сидели и пили эль, пиво и выкуривали пару сигарет за секунду, пока мы водили глазами по столам. Затем мы вставили глаза обратно, и рассмотрели их повнимательнее, отряхнув с них глину и хлебные крошки.

— Мы все здесь с вами собрались по одной лишь причине, и вы знаете по какой, мне ли вам говорить, — начал молодой крот, выкрутил с пола лампочку, достал оттуда сахар, занюхал, и продолжил:

— Люди сверху жестоки, коварны и так просто не поверят нам, что от закопанного человека толку нет, и, что, чтобы получить маленьких детей, нужно не съедать женщин, думая что они брак, думая, что они лишены дудочки всевластия. Нет, дамы и кроты, люди-кроты и червяки дистрофики, отнюдь не так всё. Мы должны научить их тому, что убивать людей заживо — плохо.

— Да! — закричали все, взяли с пола топоры, лазеры и бластеры и направились на лифте вверх. Выйдя на поверхность, они постреляли, популяли, вытерли пот со лба и сказали, что теперь они готовы стрелять и по людям.

И вдруг из-за сарая выбежал петух, ошипанный, закукарекал так закукарекал, что поднялся смерч, отломил все деревья, опустошил лес, сделав там пустыню, а потом и вовсе облака упали на землю, и вместо поля стал океан. Кроты поплыли на край вселенной, а люди, не умеющие плавать утонули, и стали акулами и скатами, легли на дно морское, и задохнулись водой.

Потеряв смысл жизни своей, кроты занервничали, что теперь станут безработными и не получать зарплату станет еще страшнее. Раньше они не получали их, делая что-то, а теперь, не делая что-то, они получали тоже самое, и это было несправедливо. Посему, кроты нырнули в воду, нашли там трупы умерших акул, разорвали их на куски, сделали консервы и начали продавать на рынке Турции. Продавали они их за просто так, но чтобы они что-то делали. И работая они не получали ничего и были довольны, как мяч, которую пнули в лаву безразличия.

Мы смотрели на всё это, крутили пальцем у виска, но палец не закручивался, потому просверлили дырку гвоздём.

Раз все они погибли раньше положенного времени, мы должны учить других! — как-то завопил другой, седой крот, вынимая из сумки гранату и бензопилу. Бензопилой он почистил зубы, гранатой вздул живот, чтобы осмотреться с высоты, нет ли поблизости людей. Затем опустился, рыгнул, и сказал, что можно и по-другому.

— Тут, — говорил он, — есть женщины и их надо поймать и заставить родить нам воинов, только одно я понять не могу, как нам, маленьким, смочь к таким большим существом, родить столь сильного воина, как они сами. Тот молодой крот вытащил волшебную палочку и превратил того в человека со словами, теперь ты — альфа. Попотей за нас всех. Он сел под солнцем и начал потеть. Не понимал он только, зачем ему так приказали, но таков был приказ, потому он сидел и потел. Так он иссох и сдох через час. Его взмололи в порошок, сделали из него приправу и едят на ужин с картошкой и макаронами.

Под одним камнем, далеко еще с того места, ей богу, далече, чем меркурий от земли, был прекрасный мир “нигде”, и там жили волшебные драконы, которые вылетали из-под него, взмывали вверх и превращались в радугу. Люди смотрели на радугу и удивлялись. А дракон летал так, с одного конца мира до другого. По его спине прыгали дождевики и радовались, пели песни, сочиняли рассказы, и путешествовали с одной страны в другую без загранпаспортов. Бывало по той радуге ходили громадные тролли, невидимые, дракон магией своей так повелевал, что всё что ступало на него, тотчас становилось невидимым для глаз любого долбаеба.

Мы сидели у костра и грелись, как вдруг из облаков выпрыгнул маленький кролик, замахал дубинкой и сказал, что ищет человека на спарринг, дабы, видите ли, поиграть в крикет на тучах. Я встал, гордо ответил, что готов, схватил того за хвост и мы улетели. Прилетев на место то, диву дался, да как так же, против нас выступили Аид, Зевс, Посейдон, Персей и Афина.

— Нам конец, видать, — сказал я, и ударил по мячу, и разломил ворота соперников. Опустили головы боги и заплакали. — Ты, силён, человек, мы признаем поражение, — и принесли мне охапку соломы, чтобы я уснул на ней, море еды и выпивки, сотню девушек и парней. Я замотал головой, говорю им:- Нечего мне тут портить еду, уберите их. Уберите девушек!

Выбросили их из облака, те разбились в море, и на скалах, и на том и сошлись, что больше никогда не смешивать хорошее с отвратительным.

Затем к нам, точнее ко мне присоединился Геркулес после долгой и сложной борьбы против своей жены, которую он проиграл, и собирался на завод, а видите-ли нечего ему без работы сидеть и всё время драться. Выгнала его жена, вот пришёл ко мне и заплакал, да так сильно, что моря поднялись, цунами волной накрыло Мадагаскар и смыло Индию:

— Я, — говорит, — мужчина, сильный мира сего, почему это я должен работать, не надо мне этого, мне нравится людям помогать! — впился зубами в мои плечи и вырвал их, прожевал, плюнул, потом обнял, извинился, моя голова вылетела из туловища. Я встал, отряхнулся, вставил голову обратно, и утешил его тем, что всё будет хорошо. Похлопал его по плечу, он отхаркнул кишки горгоны, вычистил из-за зубов клешни Дейва Джонса, и всхлипнул сколь мощи хватило. — Братан! Да ты настоящий мужик, — и вдарил по моему лицу, и я отлетел на соседнюю галактику. Достал из кармана бинокль и всматриваюсь, а он из облаков машет мне руками, благодарит, зазывает обратно. Так, нашёл я в той галактике летучую мышь, что упорхнула из земли в дни те далёкие, сел на неё и развил скорость больше светового и долетел обратно.

Мышь села, отпила крови моей, вытерла рот, и увидела, что Пегасы летят к ней, да чтоб выпотрошить, а люди учуяли запах мышиный, и давай летучая не знать куда прятаться. Я улыбнулся, сказал, что ничего плохого, сюда-то им, этим слабым никогда не попасть. На облако взобрался Джек и за ним великаны, и неожиданно, откупорили череп Геркулеса, да чтобы и мозг съесть и сильнее стать, и видят, пусто. Геркулес закрыл череп, медленно повернулся к ним и шепчет:

— Это что вы делаете, молодые люди? — сжал одного из великанов и разделили надвое, и выкинул из облака, и видит, что-то, какой-то стебель прирос к его государству, сползнул по нему, я за ним, и стоим мы у избы старой, где баба яга детей жарит, и сели за стол, достав с подоконника деревянные, большие ложки и огромную миску для мяса. Ароматнейший был запах детиный, поставили его на стол, и мы стали есть, да в соль макать, как в соус, как вдруг, малыш открыл глаза и говорит нам:- Какие же вы медленные! — и сам, открыв рот нам, вполз в наш желудок. Ничего, удивились мы, да и не стали закрывать рты, отложили ложки, а куски летят и летят. Почесала Баба яга голову, и завывала, что где-то здесь его муж прячется, и давай под кроватями и за печкой смотреть. — Дамблдор! — закричала она, —

Выходи, чёрт окаянный, опять свои шутки мне шутишь, всю еду портишь! — Извиняюсь, выходя из-за чашки, медленно вырастая, сказал старик, и сел за стол вместе с нами, откупорил бутылку виски, налил туда пару капель золотого зелья, и отпил, — Забавно же было! Всё ты портишь старушка, не даёшь мужикам детьми побыть! Зажарить бы тебя саму за такое! — Да вчера ж только было дело, — завопила Яга, — на десять секунд тебя хватило, и ты как поддашь заклятием времени, и повторяешь десять секунд по часу, и говоришь, что час без остановки! Твою бы магию, да в хозяйстве!

Поник Дамблдор, встал из-за стола, замахнулся палкой, превратил Ягу в девочку, красивую такую, милую, и закрыв крышкой отправил в печь. Яга кричала-кричала, потом вышла запотевшая с венком в руках.

— Что-то сегодня банька-то слабоватая.

Выйдя из печи Яга стала собой, старой, потому что иссохла в печи и сморщилась.

Сглотнул я слюни, посмотрел на тарелку с мясом и подумал, получается, мясо то это старое под личиной молодых. Получается же что, если пожарить и приготовить молодое мясо, оно всё-таки старым-то станет и вкус потеряет витаминный?

Нет, так не пойдет, подумал про себя и вылетел в окно, да только Геркулес схватил меня за ногу и говорит:

— И ты оставишь меня с этой красавицей одного, я ведь съем её один и с тобой не поделюсь? — Да ешь ты, похабный Герка! — крикнул я, пнул по лицу, и отлетел, а за мной полетела и мышь.

А он то и вправду, оторвал все её конечности и съел просто так, ибо готовая она уже была, и всё равно было Геркулесу, какое мясо есть. Затем они вышли в Дамблдором из избы, и обратно поднялись по стеблю, а там, наверху, сидит значит Джек, и смотрит телевизор, да еще какой? Да Божий этот, где жизнь людской показывают. Переключился он на ту, которую любит и стал сталкером. Чипсы ест, за десять минут слоном стал, зазвонил в хобот, и продырявил облако прямо над Африкой весом и упал в пустыню, где его сразу же заметили слони и начали его бить, чтобы он выполнял свои отцовские обязанности в будущем, и хотели, чтобы заделал он им детей. Окружили его и били бревном и били сорок дней и сорок лет, пока Джек не согласился. Теперь-то он, держит в руках чемодан и ходит на работу, на литейный завод, и приносит тридцати семи жёнам зарплату, а его тем и кормят, что обещанием. Стал он тощим, слабым, только и питался что воздухом. И однажды, захотелось ему убежать, он взял, поднялся, спрыгнул с дерева, кабы умереть и стать свободным, да подхватил его ветер, как лист осенний, и выбросил на Амазонке, где его избili Амазонские слоны, заперли того в клетку, и каждый вечер в клетку заходили женщины лёгкого поведения суррогатные, дабы воинов Амазонок заделать. Тогда-то вот и родилась чудо-женщина Галь Гадот, и стала мир земной защищать.

Геркулес смотрел вместе со мной на Джека, и удивлялся, как он еще всех женщин на планете не обольщал с такой харизмой. Вытер пот со лба, и выкинул кость, прямо в клетку та кость залетела, съел слон кость Ягинскую, и стал волшебным, захлопал ушами огромными и поднял весь остров, и улетел в космос, где все тотчас умерли без воздуха и стали зомби, и начали заражать живых смертью. Замахнулся Дамблдор тогда, и открыл портал в неизвестный мир, куда выбросил всех их с островом тем треклятым, и закрыл измерение. Те слоны, что не умели летать, там до сих пор и ходят, друг друга кусают, а чем больше кусают, тем больше они. И когда один из них только остается что и скелет только, тот, что скелет, укусит другого и вырастит на нём тело. Так они от голода друг друга кормили друг другом, и

никто не жаловался. Наедаются самими собой, и ходят счастливые, строят небоскребы, создают звездолёты, сочиняют библию. Среди них был даже композитор Стивен Кинг, маэстро своего дела, да дел ненужных. Каждый вечер перед сном, он пел оперу, писал ноты и классическую музыку, потом, когда под звуки все засыпали, играл в денди, пряча их ото всех. Сильно любил тот композитор проходить Луни Тюнза.

Глава 12

А тем временем, пока Геркулес и я сидят на облаке, нечто удивительное происходит одновременно с ними. Видите-ли, время оно нечто иное, чем что-то, скажем, чем гравитация, хотя, взглянешь то, гравитация и есть само время. Только вот, знаете, в пятой галактике созвездия рыб, есть люди, удлиняющиеся со временем, то есть, скажем же, что мы, засыпая становимся ночью больше на пять сантиметров, а они, смотрите, идут по земле, а на часах время уж десять утра, и на десять метров они стали выше. Не просто так же это происходит с нами, а лишь потому, что мы расслабляемся, как настоящие наркоманы, если так диву даваться, да только вру я, нет, не наркоманы, а вот те люди, на самом деле удлиняются по законам магии. На часах час ночи, так вот, засыпая в двадцать два часа вечера, они двадцать два метра, так? А в час ночи, они размером всего метр, а после полуночи, боже мой, они всего размером с микрон, как пыль. И сантиметры прибавляются к ним. А представьте себе, как те гуляют после полуночи, и их теперешний размер становится малым, и то расстояние, на котором они находятся, метр друг от друга, вдруг превращается в миллиард миль, потому что они совсем крохотные. Получается-то, что, далекая близость. Говорят, когда те удлиняются, если с луны взглянуть, перепутаешь их со столбами, и собьёшь, едя на машине, хотя, правда в этом всё-таки есть, ведь их глаза светятся ночью, как самые настоящие фонари, и, гуляя по переулку, можно заметить встречный, ослепляющий взгляд прохожего, потому, они закрывают глаза, когда между ними остаётся метр. Но, ничуть не помогает это, ведь светя в себя, они становятся еще слепее из-за прожекторов. Потому, при столкновении двух светов, происходит схлопывание вселенной и зарождается другая галактика в карманном измерении. То есть, не поверите, ха, да что ж тут гадать, поверите, еще как! Видите-ли, их взгляд создаёт столкновением двух потоков света, взрыв мощностью с маленькую галактику. И взрыв этот, они перемещают в другое место, где создаются планеты и иные миры, где, к примеру, живём мы, и много других бесконечных созданий.

А потом к ним прилетают стручковые фасоли, захватывают их мир, пока те спят, думая, что мир необитаем, сажают баклажаны, помидоры, выращивают детей, и строят заводы, как вдруг, случается досадная ошибка, и удлиняющиеся люди вырастая истребляют их, думая, что им принесли утренний завтрак. В спешке бежат фасоли под землю, и прячутся, и вытягиваясь к поверхности, снова ползут вниз, чтобы только те люди не вытянули их из-под земли, из гнезда и не истребили фасоль, увидав стручок над глиной. А представьте се, глина, рыжая, твёрдая, скучная по всем параметрам из которого Галилей лепил замок, чтобы поиграть в машинки, возводил гаражи, а по вечерам закрывал двери зданий под сигнализацию, вот та самая глина, обыкновенная. Не было у них там обычного торфа, куда горошки кидали, и оттуда вырастали маршмеллоу, откуда в восемь вечера не вылуплялись кошки-священники, а утром перед рассветом, не вылетали ведьмы на шабаш, а вампиры не закрывались в гробу, сося кровь из комаров прямо из брюшка, словно соску.

А в девять тысяч сто первом мире, что ближе к нам, но всё же дальше, чем самый большой мир, где живут инопланетяне размером с булавку, но с силой удара массивной звезды Бетельгейзе, что смогут разрушить нашу галактику одним взмахом ресниц, живут тени, что питаются надеждой, болью и воспоминаниями всех миров из всех измерений и мультивселенных. Потому, у нас, и существует боль, чтобы кормить их, чтобы жили они, и

чтобы, жили и мы, теряя боль и воспоминания. Случается же так, как-то, выйдя из комнаты зачем-то, забываем то, что же мы хотели сделать, а в миг этот, тени захватили наше воспоминание, и когда, вдруг, становится нам больно и мы плачем, и завтра уже боль исчезает, это они поглощают их. И, надежда, что вдруг создаётся в сердцах наших, что сегодня будет дождь, они также поглощают и дождя всё же никакого и не бывает. И тени то, вы видите, и, пытаясь, чтобы и не было их вовсе (может мы боимся ночи потому, что они страшны, и страх порождается потому, что тени сами то делают), на то и существуют, чтобы наблюдать. Ах, скучно всё это читать, что-то не такое, как вся книга, но история же, история не так-ли? А кто же это, постоит, идёт с одной страницы к другой? А, это же этот, этот, как его, Маркиз де Санс, поглотитель и маратель холста, вот, смотрите, ах гад, в руках у него стёрка, он бежит из страницы в страницу и стирает сказки, написанные мной, только вот, я выпустил хорька из своего сундуку, которого хранил для таких случаев, и видите, глядите. Цыц! Ну куда же вы опять отвернулись? Маркиз бежит, и хорёк за ним, кусает того за зад, Санс кричит, прикрывается стёркой, угрожает и меня стереть со страниц моих же книг, да и вообще, грозитя в мой мир попасть, в прошлое улизнуть, там отца моего чтоб не было, и чтоб никогда моя мать не встретила его. Но видать, хорек оказался сильным, схватил Маркиза за шкуру и ведёт куда-то, к себе, наверное, чтобы подметать пол в сундуке. Так оно и есть, заглянул туда одним глазом, а Маркиз с совком бежит, напялил на голову шапочку, надел тапочки и фартук. Злится, видать, тянет цепь на шее, пытается вырвать со стен, только не на стену ведь привязан, а к хорьку. Разбудишь того, откусит он тебе один палец, итак, о чём мы, да, о том всё, у Маркиза бедного всего семь осталось пальцев, да что удивительно, они всё время отрастают. Эх, улетим мы отсюда. Встряхнул страницы, подул на листки, ух, сколько резины, пытался всё-таки стереть истории.

Долетели мы на первых весенних листьях на планету Арахнид, где, вы уже поняли, живут пауки, только пауки-то эти учёные, самые настоящие. Вот один бежит с учебником в руках на урок физики, а другой пешит за ним не спеша, на урок физкультуры. Третий парит прямо над факультетом астрономии на золотом льве, с фиолетовой гривой, которого биологи вырастили на уроке химии и генной инженерии. Смотрят учёные на небо, наблюдают за миром. Далеко от них есть планета Снейков, они то их боятся, потому всё время смотрят, то одним, то всем глазом, дабы не напали змеи на них. Все восемь глаз наблюдают за вспышкой цивилизации змей. Повезло им, что учёные они, а змеи лишь ползают по песку и едят мышей на своей планете, да и, прячутся от ежей гигантов, которых не могут сцапать. Ежи те, как горы, на спинах растут деревья, лес. Бывает только там и есть спасение от них змеям.

Арагил, мальчишка-паук еще, давно родился, только чувствует, что не на той планете родился, и потому лишь один на урок ходил прилежнее всех, все предметы изучал, всё учил, чтобы построить корабль и улететь от своих сородичей туда, где есть что-то кроме них и бесконечно жёлтых камней, раскинувшихся по всему миру. Новые цивилизации, существа. И приключилось с ним чудо, о которой он так долго мечтал, грезил всю жизнь, не зря же он, как говорится трудился во имя себя. Окончив обучение, милый, может и грозный, кто знает, наш паук, построил невиданные доселе корабль на топливе из теллур-128, которого на планете много и не нужно воссоздавать в каких-то там лабораториях, как люди на своей планете (хотя, люди еще не так развились до этой технологии, много миллион лет пройдет до того). Сел на творение своё, взметнулся вверх, как бабочка, покружился над сородичами, и крикнул им, что его ждут приключения в мире, о которых они знают лишь через

телескопы, и устремился в бездну, крошечный космос. Только и двигались лапы провожая астронавта. Самые опасные вещи видел Арагил на своём пути, множество страшных планет о которых и вообразить не мог.

Так, как-то кружась у зелёного, огромного дерева на планете Фериагоаенол, он заметил, что молодеет здесь с каждой минутой. Остался бы он и тут, пожил немного, только вовсе боялся стать младенцем, крохотным, и не смог бы тогда взобраться на корабль, достать лапами педали, и сил бы не хватило рычаги передвинуть. Иногда и бывает так, что молодость всему погибель, потому и улетел Арагил. И деревья те всегда были зелены и молоды. На следующей планете, было тоже всё зелено, только хищников здесь на один квадратный метр было больше, чем всех его братьев на всей планете Арахнид. И пришлось покинуть и эту, а третий и вовсе опасностью и не пах, отнюдь, здесь же в отличии от других миров, где побывал, всё было ослепительно круто, да так превосходно и головокружительно, что останься же здесь и ешь всего, чего рот сможет съесть, бегай там, куда нельзя взобраться, прыгай и взлетай. А что же такого в той планете не так? Да, было же кое-что, что волновало Арагил, так это те удивительные вещи, что происходили с его телом. Здесь, раз прилёт, встал, а там остался его двойник, клон, разделившись во времени. Что же такое спросите? А вот что. Каждый миг, где не бываешь, запечатляется на поверхности планеты той, одним словом, когда трава колеблется на ветру, она клонирует себя, до того места, до куда дотягивается лапа оригинала, так, например, одна трава воссоздала вокруг себя миллион себе подобных без каких-либо спор. А Арагил, бегая по полям, взбираясь по скалам, плавая по водам — оставлял за собой себя, клонов, которые бегали так же, кто куда, ели, дрались, что однажды пытались убить оригинал, да только запутались, не поняли кто есть кто. Создали разные виды оружия, а ведь и мозг был тот же, что и у оригинала, все мысли, и начали войну, а кто клон, кто нет, не разбирались. Быстро улетел Арагил оттуда, а клоны остались сражаться. Сколько их там было не счесть, наверное, остался там один лишь живой, выживший, убив последнего. Вылетел ли он построив корабль, боги того не знают.

На четвертой планете Арагил нашёл успокоение. Какой-то запах доселе ему никогда не известный пронзил его рецепторы обоняния, и закружилась голова, и почувствовал паук, что рай здесь. И придя в себя, теряя силы, паук, а коим он был всегда, учёным в первую очередь, сообразил, что поверхность эта опьяняет смертью, ядом ужасным, и тогда, вместо того чтобы остаться и наслаждаться, Арагил сел на свой корабль и создал шлем, что будет защищать его от воздействия таких вещей, и вышел обратно, но на этот раз изучить мир. И понял Арагил, что запах был не только наслаждением, и не только приносил удовольствие обоняния, но и воссоздал Эдем вокруг выжженной планеты, куда не глянь огонь полыхает, гонится по поверхности песок, а по канавам, где некогда был ручей, ползают крысы, что и распыскивают тот яд, чтобы в итоге съесть пораженного. Крысы всё сильнее выпускали яд вида нежелательного, но не прочь которого съесть, а Арагил пинал тех, и крысы уползали под камень, а некоторые из них, выбегая становились песком и кружась, улетали прочь за горизонт. Было еще что-то удивительное, что песок, улетаая создавал ураган, затем долетел на самый верх самой высокой горы, и превращался в огромного монстра, едва ли похожую на крысу. Раскрыв пасть, из сторон которых по кинжалу, а на кинжале том по тысячи зубов, четыре, одним словом, с нижней стороны два, сверху два, выпускал ядовитый газ, и накрывал всю планету. Долетавшие на эту планету существа были обречены быть съеденными. В том, что жить здесь нельзя сомнения не было. Между тем, по камням ползали какие-то звери, существа похожие на скатов, они едва ли дотрагивались земли, а

скользили по нему, как на магнитной подушке. Их то и боялись те крысы, и прятались. Ело существо яд и питалось исключительно смертью, всасывая песок в пасть. Даже тот, огромный монстр, завидев ската уползал в трещину на скале. Улетать пришлось и отсюда, а как те монстры не вцепились в самого Арагил, приходится только додумывать. Может потому, что яд не испускал паук, может потому, что боялся неизвестного существа.

Пятая планета сходилась шахом и матом. Здесь планета представляла собой доску шахматную, словно бы. По поверхности вырисовывалась белая и черная квадратная земля. И что же такого здесь? Кто же знает, но ни травы, ни деревьев, ни животных, а тем более никакого яда здесь не было. Здесь не было ничего вовсе. А затем уж понял Арагил, что мир то этот страшный. Полоски те были дырами измерений, всасывая они выкидывали в какую-то вселенную, а из белой вещи вылетали поломанными. И ведь не узнаешь, откинет черная в измерение или сразу выкинет через белую прожевав на части. Тут Арагил не стал задерживаться даже на минуту. Махнул лапой, выкинул теннисный мяч, и на том и был доволен.

Сколько же планет пришлось ему навестить до того, как он нашёл землю. И, подумаете, что же, так ли всё было легко. А бывает так, что не всё, чем кажется. Казалось бы, паук был огромным, так и кричали люди “какой огромный”, но, к сожалению, законы той земли сделали его маленьким. Земля была добра и гуманна, она не пыталась убить, сожрать или загипнотизировать, но одиноко стало пауку, и он улетел и оттуда. Нельзя же было ему останавливаться на десятках планетах, и не увидеть еще бесконечное.

Семь дней на скорости света, миллиард миль, множество тысяч планет, но нет того, что понравится. Уж думал паук, что мира такого нет во вселенной, пока на краю вселенной не нашёл маленькую планету, и зелено тут, и свежо и запах уютный, ручей течёт по камням, на небе летают крохотные колибри, по земле бегают кролики с тремя глазами и хвостом скорпиона, а на одиноком дереве сидит русалка, поливая себя сахарным сиропом. А на всём этом чуде настроен крохотный домик, и возле домика того бегают человек, поливает розу, переставляет стул из одной стороны в другую, наблюдает за рассветом, пьёт чай и вздыхает. День кружил паук на корабле на тёмной стороне луны, наблюдал и изучал. Человек уходил в дом, засыпал, утром поливал розы, вечером копал землю и сажал новые. “Наверное, одиноко ему” — думал Арагил. Человек ходил, смеялся, и проводил весь день и смотрел в бездну космоса, заваривал чай и снова сидел. Сколько бы то продолжалось, если бы Арагил не спустился на планету, конечно, сообразив надеть шлем, а человек тот дышал без него, еще более удивительно, что атмосферы нет. Спал в то время человек, Арагил заглянул в окно, дремал, никак иначе устал. На полке рядом с кроватью лежала книга: “Приключение Тома Сойера” Марк Твен. Вдруг, кто-то коснулся его и заговорил, Арагил обернулся, а там стояла роза и улыбалась, интересуясь, друг ли он или пришёл захватить мир человека. Маленькие стебельки нагибались, колыхались листья на них сбоку на бок. Арагил улыбаться не умел, и вместо улыбки получился злобный оскал, роза отпрянула назад и задрожала.

— Не враг я, путешественник и учёный, — ответил паук, и роза тотчас обняла его и взбодрившись поприветствовала гостя:

— Друзей мы любим.

Кто знает, отчего понимали язык паучий розы, может паук говорил на языке роз, а может, планета была настоль волшебной, что все языки тут понятливы.

Минута ли прошла или час, рассвет уж был на планете, человек вышел с чашечкой чая, потянулся и сел на стул, вдалеке мигали звёзды, возле планеты пролетали кометы, а вот,

всего милей дальше кометы, летит Вояджер-1, замёрзший, льдом покрытый, но еще мигал и посылал сигналы. Отпив чая, человек переставил стул, сел, вынул книгу из-за пазухи, и увидев Арагил выронил её. От удивления разумеется. Чай ронять не стал, более вкусного чая во вселенной не сыскать было.

— Здравствуй, — зашипел человек, еще не отойдя от изумления, да что уж скрывать, от полнейшего удивления, даже дыбом волосы на теле встали, были бы только они, — Откуда это ты здесь?

— Привет, — цокнул Арагил, — оттуда, — показав взглядом на звёзды, — далёк дом мой отсюда.

— Ну что же, — улыбнулся человек, — не часто у меня бывают гости, садись, налью тебе чаю, — указывая на стул, только пауку стул не нужен был, — Надеюсь чай-то ты любишь?

— Чай? Не знаю. Полюблю. Всему приходит начало. Наливайте.

Налив чаю, они уселись перед солнцем, их всего было два, и оба с одной стороны, паук на землю, человек на стул. Арагил рассказал тому откуда он, и поведал историю о других мирах, и о том, что кроты в измерениях разные, а бывают планеты, которые на вид райские, да иллюзия это, а потом добавил, что ученый он и путешествует на корабле построенный им, и, что таких как он много, умных, да остались жить на Арахниде.

— Ага, понятно, значит ты путешественник, звёздный скиталец, — отпивая из чашки, кивнул человек, и поднял книгу. Как раз она лежала под стулом, — А читал ли ты о земле?

— На земле побывал, да одиноко там. Всё там есть, только грусти много, в воздухе витает. Видно и тебе было пусто там, улетел и поселился тут, побыть в одиночестве с розами.

— С розами, это уже не одиночество. Хорошая компания. Они мои дети, — подняв взгляд, над ним тут же пролетел угорь, и вспышкой разразившись, сверкая молнией, исчез за соседней планетой, — Нет, на земле я никогда не бывал.

— Как же, не бывав там, ты оказался здесь?

— Кто же знает, как, но, книга была рядом, меня воспитали розы, сейчас пришло моё время заботиться о них. Научившись читать, однажды открыв книгу, мне захотелось такого же мира, как земля, огромного и безграничного. Видно хорошо там. Там, где есть те, кому ты дорог, не может быть местом плохим, — открыв книгу человек показал на картинку двух мальчишек, они радостно бежали, выкрикивали какие-то слова, картинка двигалась без слов, только понятно было одно, счастливы были те мальчишки, — Сами вы вылетели из дома, потому что было одиноко среди таких же, как и вы, — перевернул страницу, там мальчики уже сидели на дереве, а вокруг лес, за лесом большая поляна, много домов, и радостных стариков. Затем человек взглянул на дерево перед собой, русалка сидела свесившись с неё и читала другую книгу, расчесывала волосы, хихикала, переворачивала страницы и вытирала слёзы. Видно трагикомедия, никак иначе. Лишь изображение щупалец и было видно на обложке.

— Отрицать не могу, — ответил Арагил, и вздохнул полной грудью, снимать ли ему шлем или нет, вот о чём он думал, а тем временем чай остывал.

— Что же вы сидите в головном уборе? — будто услышав мольбу паука проронил слово человек, и Арагил снял шлем, и вздохнул во второй раз, глубже. Чище воздуха не было в его жизни, не испорченный никем, космический ветер циркулировал кислород по планете. Задерживался воздух здесь по волшебству, иного быть не может, ни синего неба, ни красного, ни зелёного или жёлтого, лишь планета и дальше космос. Сделав глоток теплого чая, почти горячего, паук зацокал, задрожал, по телу прошли мурашки, хелицеры во рту задрезжали, и паук понял, что любит чай.

— Так, что же вы не полетите?

— Когда-нибудь, — чай уж остывал, пар поднимался вверх, потом гравитацией притягивался к земле. Роза весело пела за спинами двоих, прыгала, улыбалась, тянулась к солнцу, затем устав, зевнув, склоняла голову и закрывала глаза.

Понял Арагил всё, не может человек покинуть ту, кто дорог ему. На том сошлись, допит был чай, книгу перелистали, историю рассказал неизвестный без имени, потом помахал рукой и попрощался с пауком. Арагил остался бы еще на немного, лишним был, двоим-то тут

тесно было, а их пять.

На следующей планете, в другой уж вселенной, там, где драконы играли в пинг-понг, зебры регулировали пешеходные переходы, а орлы контролировали скорость на полосах животного движения, можно было жить и не знать бед никаких, но и тут Арагил развернулся и улетел, души не было, уюта того, домашнего. Здесь толпа сделала душу одинокой еще сильнее, у всех были кто-то, сородичи, друзья, только паук пугал всех, и шарахались от него. Там, где боятся его, не стоило задерживаться.

Вот уж несколько месяцев прошло, а пройдено всего ничего планет во вселенной, да и доля миллиардов галактик не прошёл паук, и тому быть, продолжил скитаться дальше. Летя, однажды, и засыпая с книгой в руках, которую написал сам, всю паучью историю похождения, уронив перо на пол, сопя, дергаясь в полудреме лапой, Арагил видел сон, как вдруг что-то гулко влетело в борт. За окном что-то сверкнуло. В дверь постучались. Кто же мог быть посреди космоса, ведь ни единой планеты на многие миллионы километров? Знать мы не знаем, но стук повторился снова, ударили три раза. Была бы снаружи земля, мы бы точно услышали крик того существа, что просит пустить, да только — это открытое пространство космоса. Арагил вздрогнул и открыл глаза, и метнулся ко входу, рисковать ли или нет, учёный не думал, он знал, что риск большой. Спросить кто там, та еще глупая затея, потому, достав из кармана голографический ДНК ключ, он повернул замочную скважину, и образовалась напротив входа капсула с кислородом, давление в нём упало, и дверь открылась. В пустоте никого не было, но послышалось тихое спасибо, и по борту потопали ноги, и сев на кресло, оно опустило спинку, и вздохнуло.

— В долгу не останусь, есть что пожрать?

Арагил закрыл дверь, и полапил к невидимому гостю, сел на пол, и хелицеры постучали, требуя ответа. Не дождавшись от гостя доброго отношения, паук вынул из крео-холодильника пару яиц, фрукты, замороженную консервную сгущёнку из цельного молока ежей, затем поставил перед гостем.

Бутылка откупорилась и сгущенное молоко было выпито, все фрукты съедены, яйца также полетели в его бездонный желудок.

— Прости что без звонка, сам знаешь, в космосе нет телефонов, — ответил наконец незнакомец, только Арагил не знал куда смотреть, потому смотрел на спинку кресла, мимо его головы. Незнакомец вдруг встал, слышно было это, да и видно, как кресло подпрыгнуло, и извинившись, снял с руки что-то похожее на браслет, и улыбнулся. Впервые, кто-то не устрасился вида Арагил, — Да чёрт, — закивал он, — год прошёл по часам, ну и долго же вы! Объединение космических сил не торопилось меня спасать. Из какого отдела будешь?

— Отдела?

— Да, Юнга, космический моряк, из каких ты? Из этих, инопришеленцев? Как много вас развелось в тысяча одиннадцатом веке. Не для протокола, ты не видел где-нибудь маленькое такое блюдце, похожее на мыльницу?

— Мыльницу? — никогда не слышал Арагил этого слова, но видимо, человек решил, что он переспрашивает ради приличия.

— Ну да, телепортационный, ниже ярусный преобразователь атомов, ну же, что ты дуру даёшь?

— Не понимаю. Видно вы перепутали меня с кем-то.

— С кем? С тостером? Наверное ты из новеньких этих, что недавно прибыли, когда меня уже не стало. Небось уже и потеряли своего командира? Дай-ка мне свой жетон, я

отрапортую о тебе и о твоей некомпетентности и необразованности.

Арагил подошёл поближе, осмотрел человека и сказал, что не знает никакие такие места, и впервые слышит о каких-то там атомах, и что это такое понятия не имеет. Человек тем временем шарился по кораблю, рыская что-то для себя, никак иначе, и увидел книжку на полу у кресла, взял и хохоча прочитал всю, Арагил молча наблюдал.

— Талант у тебя писательский, не пробовал записаться на курсы? Нет в мире таких планет, не существуют такие миры, разве что у тебя в голове. Эх, нарожали матери всяких фантазёров и мечтателей, ни книгу прочитать, ни изучить космос по фолиантам всяким там, и сразу вот такое вот пишут.

— Всё это правда, — вскочил Арагил, попытался улыбнуться, да ничего не вышло, оскал злобный вновь, и человек отскочил в попятную, подумав, что паук нападает.

— Нападать решил? Тебя за это повесят и сожгут на солнце!

Долго еще объяснял Арагил своё происхождение, и наконец не выдержав глупости человеческой, полетел по старому курсу на планету, что была ближе всего. Остановившись, скажем так, после сорока минут молчаливого лёта, человек надел свой скафандр, затем и браслет на руку, и они вышли на поверхность той планеты, где ходили зебры, летали орлы и плавали по асфальту крокодилы. Упал тотчас человек на зад и ахнул, поднялся песок, что книги и малого много не знают, что вот оно какое волшебное-то место есть во вселенной, да и разумные животные у которых свои законы, существа, что строят свои города. Но сколь же глуп был тот человек, что увидев Арагил, не подумал, что таких как он множество миллионов, да разных всяких. Извинился человек, и они пошли на рынок, закупаться нечто важным. Только важного тут оказалось ничего. На полках лежало барахло, коих никогда и нигде не видел он, и развернувшись они сели на корабль и улетели прочь. Змея пенсионерка продавала носки для змей, чулочки, одеяла, отличались они лишь длиной и толщиной друг от друга. Гиена впихивала накладные зубы из камней с острым корнем, а жираф, яро рекламировал мазь против удлинения шеи. Но ни черта не помогали они, носки с хвостов змей сползали, зубы падали, а мазь делала шею липкой, но не короткой.

— Ну что же, раз ты правду сказал, мне нечего терять, да и, потеряли меня похоже, — сказал человек, — Меня кстати зовут Джонни Кекк.

— Арагил, — защелкал паук, и спросил, как он попал сюда и, разумеется, как продержался столько времени.

— Да просто всё, как триста миллионов умножить на четыреста сорок три тысячи двенадцать. Дело было так, мы, с моим товарищем по этому важному делу, что уж греха тайну таить, по уничтожению паразитов вокруг нашей планеты, а паразит этот был огромным, чуть меньше луны, еще бы немного, и вовсе бы с орбиты луну сбил. Так вот, дрались мы с ним, и он, вот такая сила у того, ударил хвостом меня, и закинул в чёрную дыру, которую сам и создавал. И дыру-то он не абы какую, а размером с грузовик, на большее сил наверняка не хватает. Засосало меня в это место, в пустоту Волопаса, и плыл здесь, едва-ли оставаясь живым.

— А как же еда?

— Да. Самое-то важное, еда, так вот. Еду получал я прямо из космоса, сам знаешь, во вселенной много микроорганизмов, а мой костюм собирает их и делает всякие крутые штуки, например, может приготовить пиццу, одним словом на что ума хватает и фантазии. Приготовит и ешь. Только чёрт его дери, холодная всегда. Жевал такую еду целый год, дышал так же. Костюм наш создан самыми умными людьми моего мира, что и кислород

добывает прямо из космоса, тут этого кислорода целая вселенная, надо только правильно фильтровать. Вот так я и выживал, веришь или нет, но такова правда. И вижу, радуюсь такой, летит что-то утром сегодня, обрадовался, да я чуть не подавился сосиской, пока удивлялся. Думал, что меня по gps датчику нашли, а это ты, всего лишь. Зашёл на борт и думаю, ну что за чучело наряженное, выродилось в клоунаду. А тут такое тебе дело, ты настоящий паук. Понятно теперь, что никому не нужен я. Бросили меня умирать, или сами люди умерли. Ну что за век то такой, а! Людей кидать на произвол судьбы.

— Что же получается, ты попал сюда из будущего? — удивился Арагил, и уставился всеми глазами, желая услышать истину.

— В смысле из будущего? Какой сейчас год?

— В последний раз на земле, когда путешествовал, был двадцать первый век, двадцатый год. Так и было написано на газетах.

— Да чёрт тебя же дери! — крикнул Джонни, встал и начал ходить взад и вперёд, — получается, сына я больше не увижу. Вот почему меня не могут найти. В этом времени нет наших технологий, значит и путь сюда закрыт, и вообще, миллиард бесконечных вселенных получается есть, может даже в каждом есть я. Перепугают и не того заберут, вот же настрадаются. А тот я, дурак дураком!

Затем откинулся на кресле, и усмехнулся, мол, с тобой я полечу, куда ты, туда и я. И полетели они вместе в мир, во всякие вселенные новые, вновь удивляться неизведанному.

И, можете мне не верить, постучались во второй раз, в ту же дверь. Ну нашли мне тут проходной двор! На этот раз открывать не стали, но каково же удивление было то, когда дверь вышибли и на помосте стоял бог. Он закрыл дверь, пальцем припаял её, и щелкнув сделал второе кресло, и сел в неё. Достал чипсы, и захохотал.

— Продолжайте, нечего на меня глазеть. Не надо обращать на меня внимания. У меня тоже есть дело кое-какое там, куда вы летите. Смотри на дорогу, комету собьешь. Эй, эй, паучок, осторожно на виражах, тут между прочем летают пудели и какаду, — кидая горсть чипсов. Почесав пузо, он посмотрел на двоих, и обернулся, — Чего это вы там увидели? У меня что, Пушкин что-ли сзади? А ну-ка отдерите его от меня.

Ни с кем перепутать нельзя было того бога — это Тор, между ног лежит мьельнир. Возможно и не Тор, но явно играл его роль и играл между прочим красиво. Встав, выбросив пачку на кресло, подошёл к рулю, и вытянул шею, присматриваясь на планеты под кораблем.

— Паучок, слушай, как там твой отец, Арахдрг? Какое же у него имя сложное, да уж. Смотри не пропусти вот ту планету, — показывая пальцем на крохотную точку, которую они едва ли увидели в телескоп, а он видите-ли, глазом увидел, без ничего, — Вы не спешите так, отдохните, еще сорок три дня лететь, под наберитесь сил, там знаете ли, ух, вы бы знали что строится! Вам силы точно понадобятся. Вы тут пока располагайтесь, как у себя дома, я скоро вернусь. Зовите меня Фулкрум. Проще будет, если поклонятся и называть всевышним. Я вернусь уже скоро, — тело его заморгало, и он продолжил, — Ну что, я вернулся. О чём поболтаем? Ух вы, как же вы долго-то добираетесь, — щелкнул пальцем, и вот уже корабль нависал над той планетой, и вокруг неё скопились существа, направляя оружие на них.

Вышел Фулкрум, поднял руку, взлетел и исчезли все оружия, и замерли существа.

— Доброе дело делает этот паучок, не нужно обижать его. Пусть исследует миры. За мной.

Не знали те двое, что и сказать, и только молча, зная что сила та безгранична, направились вслед за ним. Подкралась мысль Джонни, что вернуть его сможет в мир

будущий, и сына там он встретит, только увидев взгляд бога, сглотнул слюни и не стал спрашивать.

Не знаем, чего это бог спустился к ним и чего сам не отправился, раз сила такая могущественная, да только помог он им время сэкономить, и перебросил на новую планету, где всегда царила война и разруха, и, где убивали детей. Всех, точнее говоря. Ни одного животного тут не было, а инопланетяне ели само пространство, вырывая пласты прямо из пустоты, а та пустота заполнялась космосом, образуя новую пустоту. Тёмная материя заполняла их желудки, и от того они становились еще свирепее. И, дойдя с Фулкрумом возле крохотного здания, прямо в большой, он отворил взглядом пятикилометровую дверь, и встал перед главным.

— Что же это ты Галактус творишь, войны устраиваешь, живность пугаешь и миры уничтожаешь?

Что было дальше знать того не знаем, собрались и ушли, пожелав всем спокойной ночи, дабы разрешили они эту глупейшую ситуацию, сели на корабль и улетели. Только и смотрели на нас те существа и скалили зубы, то поделаться им нечего нельзя без разрешения, они водили по нам глазами, да и только. Завели двигатель и таков мы и были, за нами полетел бегемот, он долго ещё резвился по бок нас, кувыркался, выпускал фонтан мармеладов, но и он вскоре улетел на другую планету, когда устал, к друзьям ли, этого тоже сказать не могу, но счастлив был он в миг этот, это без всякого сомнения! Много уж поведано было об пауке, и многое понятно и нам, что Арагил тот самый паук, котрому всё на свете под силу, только бы жив был. Скажем так, даже Геркулес, наблюдая за нами из облаков, давался диву, как это так, а сам он не так, всё время на одном месте. Слезы выплакал, собирал чемодан и возвращался к жене, мол, не пил я вина, а вот денег принёс. Лжецом был тот Геркулес, выпросил у отца денег, чтоб наколдовал, а когда тот не дал, ему наколдовал добро то Дамблдор. Таковы вот чудеса.

Знаете, чудес ведь на свете множество миллионов умноженных на бесконечно таких же и на один конечный, а вот об этом месте никто и никогда и не рассказывал. Жили-то там, да что уж там, пустые существа какие-то, вакуумные. Их там было тысяча, но друг друга не видели, считали себя одинокими. А как-то, ударился метеорит об землю, выплеснул из ядра какой-то пар, окрасил мир, и стали все эти существа видеть друг друга и даже слышать. Счастливее их не было никого. Но прилетел на их мир дракон, изверг огонь и спалил их, и остался всего один, тот выпрыгнул с планеты и устремился в сторону соседних звёзд, окрашившись в вакуум. Дракон проглотил выжженных, сел на гору, и уснул. А тот, выживший, плакал он пылью золотой и серебряной, и до сих пор, вглядываясь в небо, можно увидеть млечный путь, и такие же скопления миллиардов звёзд и вселенных. В далёком космосе не то еще встретишь. Только стоит подумать людям на земле, что по планетам прыгает макака, держа в руках скипетр, тот же миг, с Юпитера на Сатурн выпрыгивает комический астронавт, внутри естественно обезьяна, и скипетр этот делает его вибрирующим на другой частоте, ябы дабы, чтоб люди не выпустили по нему ядерной боеголовкой, знаем же мы их, да что уж там, макака та убежала из земли, сокрушив свой вольер, вылетел на ракете Илона Маска, а потом взобрался на машину, которую выплюнули в сторону Марса, и обрадовался, что стал свободным, плавая вольным стилем по космосу.

Две тысячи пятисотый ли год был на дворе или девятисотый, человек приходил домой, вытягивал из груди шнур и ставил себя на зарядку, закачивал в свой мозг другим шнуром истории, и закрывая глаза, видел фильмы, и по-настоящему оказывался там, играя главного актёра. Кто же знает, больно ли получать те воспоминания, но отвращения не испытал человек. Были маленькие коробочки размером со спичку, куда, приходя домой, люди себя закачивали. Тело вытягивалось в ту коробочку и исчезало, в лобби герой выбирал себе доспехи, книги, фильмы, оружия, и мир, в который хотел попасть, переключая пальцем из стороны в сторону слайды.

В одном одиноком доме, в одной одинокой страны, в мире боли и разочарований, мир волшебства и песен, сидел парень и слушал музыку, а его игрушки танцевали под биты, вертели задом, потягивали автоматы вверх, и ходили из стороны в сторону на столе, потом медленно, делая нижний флоу, и брейк данс поднимались по его руке, и вытягивали куклы ноги, делая шпагат, хватаясь за ухо. Парень вставал, и танцевали они вместе. Куклы спрыгивали с плеча, и вертелись под его ногами, танцевали, в коротких шортах, пижаме, в длинных сапогах и клетчатой рубашке. И танцуя, они выходили из дома на улицу, где вокруг собирались все игрушки мира, и вытягивались в танце и люди, кошки, собаки, львы и птицы, все танцевали. Только один сидел на скамье и не мог танцевать, пил керосин, и плакал, потом сполз со скамьи, и нырнул в нору, и вышел с гитарой. Раз не умею того, что не могу, смогу совершить то, что могу, и начал играть на гитаре.

В нашем времени много всего случалось и многое не замечали мы, но как же, встанешь, потянешься, сядешь на зад, и сил нет уж, а чего-то такого хочется, да что же такое-то. Под землёй же сидят фараоны и играют в карты и создают мутантов, кошки сидят на коленях своих царей и чувствуют себя царями. Они давно уже дружат с гладиаторами, сооружают клетки, куда выпускают львов из зефирок, а люди дерутся с ними, и как цапнут за лапу,

откусят, порвут и съедят. Разозлится лев, из него выйдет инопланетянин размером с ноготочек, достанет из кармана сорокаметровую дубинку и отлупит гладиатора. Заплачет тот парень, упадёт и попросит прощения, да поздно уже, деньги заплачены за шоу.

Бурый медведь бежал по антарктиде, бежал и светился, и перепрыгивал вниз под лёд, и бежал подо льдом, вытягивался в разноцветные полосы, превращался в кролика, мчался вперёд, становился змеей, полз, и снова формировался в медведя, выныривал из-под льда, и одним большим прыжком взобрался на отвесный айсберг, встал на задние лапы и разделился на пять звёзд. Улетели пять точек по земле, сделали круг, собрали всего по-немногу, соединились обратно, и сделавшись в тюленя, соскользнули по горке вниз под воду, где плавали киты, выпуская в воздух счастье, запах счастья и благородство духа, и сел тюлень на спину её и медведем стал, уснул и впитался в кожу кита, став его защитой. Теперь-то кит и мог летать и под землёй и под водой, и над землёй, как только мог. Медведь тот сообразил, сообразил и воссоздал все способности всех животных земли.

А, что же это мы всё говорим какие-то скучные вещи, то о каких-то медведях и о тюленях, что нам и вправду-то неинтересны, давайте же лучше всего полетим на коржике бисквита на луну. Луна та на другой стороне зеркального мира, и здесь, живут крохотные деловые экономисты ящерицы. Бегают они быстро, как пуля, и потому, и думают очень быстро. Никому не сравниться было с ними по размышлениям, только думали они всё время о другом и не по теме, и могли в размышлениях своих пойти домой, да и далеко в мыслях. Бывало, подумают, размышляют о строении ядра луны, так и сворачиваются в шар и проникают в свой разум, глядишь, только и левитирует над землёй лишь один мозг. О чём и кого ящерицы спрашивали в своём разуме советы, но выходили они оттуда не так быстро, как хотелось бы, что к тому времени, на луне выросли пальмы, бобы, формировались межзвёздные мухи, которых, между прочим не бывало здесь миллиарды лет. От того ли, что думали они, или от того, как долго они находились и их мозги начинали разлагаться, просуществовали мухи на луне вот уже две тысячи лет, и, выйдя однажды из транса, ящерицы пировали больше ста лет, не отказывая себе в питании. Бывали и извращенцы, как мы ж уже сказали, разумные были те ящерицы, и женились да и повыходили замуж за мух, а когда ссорились, в ярости съедали своих вторых половинок. Потому, союз мух был крепким, и никто из них не спорил с ящерицами, да что уж там, стоило как-то прожужжать у уха, когда те спали под солнцем и грелись, сразу же прятались в трещины на песке, а бывало и вовсе предпочитали вылететь из луны и умереть от холода, и пасть смертью храбрых где-то на другой планете. Только одного терпеть мухи в своих мужьях и женах не могли, так это то, как они к ним относились как к равным, хотя что же это, мухи то и сами между прочим не готовили салаты, супы не варили, и вообще, ели только готовое, пылесосили ртом крошки с поверхности и жадно прятали это за щеками. Ну ладно, оставим этих бедолаг в покое, что это мы идиллию их портим рассказом, они уже взрослые мухи и ящерицы, взрослеть давно пора бы уже, пусть себе живут, разве не правильно говорю? Конечно правильно, я всегда говорю правильно.

Не поверите ли вы в то, если я скажу, что когда-то Артём Балабанов, житель Астрахани исчез из своего дома номер пять по улице святого Моисея? А вот вы поверьте мне! Не может конечно человек взять и просто исчезнуть без следа, что-то тут было не так, не может раствориться человек по желанию, оставить свои любимые игрушки, постель, любимый телевизор, да что уж там, свою радиоуправляемую ракету, на котором он всё детство бороздил улицы своего двора. А что же на самом деле произошло? Кто же его разберёт, но

было это так:

Сидел тридцатидвухлетний Артём в своём доме, смотрел Каламбур, хохотал, поставил чайник кипятить, налил чаю, и исчез, прямо сразу же, как сделал глоток. Какие-то волшебные измерения открылись в то мгновение, и Артёма засосало в чашку, в измерение сорок три. Когда родители пришли к нему, они не знали, что улетел наш друг. Увидели, что грязно дома-то, взяли и помыли всю посуду, даже чашку, где на дне был портал, и растворился портал, и смылся в канализационную трубу и пополз по стенкам труб в большое озеро. А может и не пополз, а исчез полностью, как конфета растворившись от посудомоечного средства. Но мать помнит, что убирая всё это на раковину, когда кинула ложку, та исчезла, да и вода сама, будто смылась, но мать то подумала, что померещилось, помыла заново, повесила на крючок, и вышла вон. Так она и не знает что с их сыном. А Артём тем временем упал возле Леонарда да Винчи, и стал его другом, сначала, разумеется, ну как иначе, он не понимал того иностранца, но сразу приноровился, несмотря на свой возраст уже солидный для изучения языков, и выучил. Других, а тем более русских тут не было. Они вот летели на самолетах, прыгали со скалы, погружались под воду в скафандрах, сооружали пистолеты, а как-то изобрели робота, и удивления предела не было Артёма, вот же как получается, что люди не такие глупые тогда были. Вернутся Артём уже не мог и умер там, раньше самого Да Винчи, когда прыгнул из незаконченного парашюта. Хотя раньше мог бы и умереть, когда соорудили танк, и они желали испытать его под водой, но отказался, сказав, что так будет трудно выходить из капсулы наружу. Артём не знал же, что так было должно. И умирая, к нему прилетела смерть, забрала его и выкинула из той чашки обратно. Распластался Артём по кухонному гарнитуру, встал, отряхнулся, поглядел за окно, а там уже и конец всего, и мир разрушился из-за того, что измерение то сокрушила реальность. Гитлер был жив, и они со Сталином пили чай. Смотрит, а на его плече нашивки генеральские, и понял Артём, что предал он свою родину, и выбросился с крыши, да только подхватили того летучие офицеры на антигравитационном звездолете-сноуборде, отдали честь и опустили возле подъезда.

— Осторожнее, сэр.

Сглотнул слюни Артём, достал из нагрудного кармана сигарету и закурил. В первый раз, и сел на скамейку, и город полыхал в огне. Полыхал, но век технологический пришёл. Хорошо то было или нет, Балабанов не знал, и захотел мать увидеть. А Мать, ого-го, мать была женой Гитлера. Узнав же об этом, Артём расплакался, как настоящий мальчик, сел на звездолет и полетел в место, где он сможет поразмышлять над тем, как же ему поступить, убить ли отца, или нет. И подумал, лучше уж умрёт весь мир, чем будет страдать всё человечество. Только не было у него никаких сил, кроме собственной головы. Пришёл после трёх дней размышлений Артём домой, нашёл ту чашку, и звал время вспять, звал и плакал, обещал больше не быть отрешенным. И пришла смерть, пришла и ударила его по лицу, и парень проснулся. Оказалось то он уснул себе на столе, устав ли, или от чего, и чай остыл давно уже, а в комнате ждёт его ракета и старый телевизор. Первым же делом парень позвонил матери и договорился встретиться, и сразу же обнял по прибытию. За окном тихо и свежо, солнце светит, гуляют дети, и евреи, все евреи на месте. Его друг Петя вон, бежит с приставкой денди к нему, где-то на барахолке купил, их приставка детства.

Ладно быть тому счастье, пусть радуется, закроется же шторку, стесняется наш Артёмка, ему ведь ещё столько хорошего родне и друзьям говорить, уединиться надо, знаете сами, очень стеснительное это дело, признаваться в любви. Тсс... уходим, тише-тише. Итак,

перелетим ко мне.

В моей комнате есть обои, да-да, удивительно, да ничего себе удивительного, у всех обои есть, сижу значит и хвастаюсь, а что? Разве есть же у вас обои, через щель которого можно попасть в цифровой мир, и стать игроком формулы один, или оседлать динозавра? Вряд ли вы вообще знаете какво это на самом деле. Вот смотрите, я прыгнул на мармелад и увяз в нём, упал под него, и вышел в радуге, а тут единороги катают детей, зайцы танцуют в хороводе, а змеи летят по небу, и их за верёвочку держат еноты. Рядом с ними бежит Марио, строит дорогу Соннику, прямо там, пока тот бежит. Вот себе на, как он успеваает размешивать цемент и одновременно укладывает брусчатку. Да чёрт его знает! Но что тут есть, так это магнитофон, которую слушаешь, и не поверите мне, оказываешься исполнителем той песни, которая звучит оттуда. Вот так, стоишь, слушаешь, а это поёшь ты. А есть такие магнитофоны, из которых вырисовываются головы любимых исполнителей, и они, держа микрофон, вылетают из него и поют, в тоже время танцуют, заывают, орут твоё имя. А ты такой, стесняешься, но идёшь. Они лишь спросят, что хочешь, ты скажешь, миллион бы на первое время, пошутить, и тут же перед тобой миллион, а они шуток не понимают, вот те на, настоящие Джинны! Потом ты наиграешься в том мире, голова загудит, конечно, веселиться очень хорошо, но это вам, мне знаете ли, очень трудно бывает вообще привыкать к шуму, и потому вылетаю я из обоев пулей, а тут такое умиротворение, тишина, которую между прочим обожаю больше, чем само веселье, так бы и сидел и слушал биение сердца. А что, это можно устроить.

Полетим-ка мы в то место, где доктора извлекают сердце и показывают, какво это видеть сердце и чувствовать, что ты хрупок. Нас всего-то защищает лишь ребро, и тонкая кожа. Вот, долетев мы видим, как доктор достаёт из тела человека сердце и ставит на посуду, она всё ещё бьётся, но вы не переживайте, здесь и умереть невозможно, такое оно место — планета Врачевателей. Здесь созданы капсулы бессмертия. Разделите меня на миллион маленьких кусочков, а жить буду, стоит совком в другую посуду переложить, засунуть в микроволновую печь, испечь меня, как я сразу сделаюсь комком, цельным, и рожусь человеком. Почешу себе лоб, возьму сердце на память... постой-постой, что значит сердце на память? А вот так вот, я это самое, заказал дополнительную услугу, отрастить мне новое сердце, здоровое и крепкое, а то с этим, мне сказали врачи, не мал день и через десять лет схвачу приступ и умру, а с новым, минимум сорок лет еще буду ходить без проблем. Вот ведь оно как тут. Они испытывают наше тело в симуляции времени, то есть начинают стареть наши органы, и смотреть насколько нас хватит. Вот она технология будущего! И вот так, отрастил себе молодое, старое с собой заберу, может в музей дам, ну она тут, за поворотом. Между тем на той планете людей ведь и не только лечат, а есть отделения, где людей убивают, потому что те провинились, а сердце забирают для других пациентов, старых, чтобы заново не выращивать их, не выгодно это — а старым ведь, к примеру девяносто летнему, не к чему сердце “сорокалетнее”, ему и десяти хватит. Всё же, память они к тому времени в большинстве случаев и теряют, и думают, что уж молоды. Гуманно будет дать им десять лет, и не испытывать на них судьбу несчастную. Какое же это каждый день просыпаться и не чувствовать, что вообще живёшь, нет, живёшь то ты по-настоящему, только каждый день по новому будто, теряя всю вчерашнюю память. Разве это жизнь? Один старик как-то собрался и ушёл из клиники, только вышел, спрыгнул с лестницы, развалился и умер. Думал, что молод, а вот и так бывает.

Ай, да ну их, пусть себе делают, что хотят, а мы уже мчимся к волшебной горе. Ну что за

гора? Ух ты! Там живёт Эрагон, дракон. А чего у нас тут драконов развелось так много, а вот захотелось мне побольше драконов увидеть, разве они не прекрасны? Итак, поднявшись на вершину, мы видим его, Эрагона, или это она. Кто же их разберёт-то. Поднялся к нему и говорю, что приручу его, как того беззубика из мультика, а он улыбнулся и сказал, что сегодня по графику у него выходной, заслуженный, ему еще картофельное пюре готовить, гуляш, и компот сварить. И стало мне грустно, махнул на него рукой, и достал свою большую ложку, и сказал, что тоже между прочим хочу есть!

Одиноко на небе летел хвост павлина, кружась над водоворотом одеял. Над пропастью танцевали индейцы, кричали, и водили хоровод возле ёлки, выковыривая пластилин из колёс трактора. Где-то здесь росли деревья с гранатами вместо иголок, снег тёк ручьями, на вкус настоящая кисель, деревья людоеды, носки преподаватели искусствоведения. Где-то над облаками бродит кот и лижет их, как молоко, вырывает куски, тревожа покои ласточек считывающие штрих-коды младенцев, которые попадут в яйца живых ласточек. И только я, будь проклят тот день, когда открыл дверь в комнату отца, сидел и ремонтировал его игрушечный самолёт. Он сказал, чтобы из этой воды получился самолёт, кинул в меня ведро с молоком, сказал чтобы получил сухое молоко и воду, из второго соорудил самолёт, а с первого слепил снеговика, потому что у него нет денег, а на своём летать можно бесплатно. Он бил меня кнутом и не платил денег, говоря, что сыны должны работать за просто спасибо, или за просто за факт того, что их не утопили в тазике после родов. И вообще, дети — это рабы, и, если глубоко капнуть, часть его, что должна самого себя удовлетворять и помогать. Ничего себе, подумал я тогда, но отмазки не придумал, потому, выжываю воду из канистры с молоком, и строю самый мокрый самолёт во вселенной, которому не страшны дожди, и вообще, дождь лишь топливо, а летает он из-за солнца, из-за испарений, ведь солнце, между прочим тянет в облака всю воду. Солнце наш друг. Мой друг:

— Воины огня! — заорал я, не в силах сдержать гнев. — Приступаем! Кто ещё хочет совершить этот подвиг? Кто еще хочет помочь построить самолёт?

Из-за ёлки в моей комнате послышался треск, кажется, я пробудил лесных жителей. Оппоненты Рембо молча обернулись ко мне, но было поздно — три монстра выходили из-под ёлки. Воины с дубинами, огненные демоны, сатана, и два психопата — один в маске.

Я робко сделал шаг вперёд, и один из них плюнул в меня кислотой, заставив вырасти ячмень на глазу. Я успел увернуться, бросив в вампира поленом, который был предательски тяжёл, но в спину впивался немилосердно. Несколько сильнейших ударов в грудь разбили гортань, и из раны полилась кровь и посыпалась мишура.

— Да кем ты себя возомнил, маленький человечиска? — спросил Сатана. Он был одет в кожаный костюм и кожаные перчатки.

— Я не человечико, я вампир, — парировал я.

Обидеть демона сложно.

Демон зарычал и кинулся на меня. Я принял на руку булаву, ожидая удара его. И он занёс было её над моей головой, как вдруг Лорд Света быстро встал между нами. Огромная рука с грозным красным огненным шаром поднялась высоко вниз — и всё исчезло — вампир, сатана, демоны — всё. Только камин мирно потрескивал, догорая дотла. Вода кружилась и улетала ввысь. Потолок чернел.

— Вот так просто? — удивился я.

В камин полетели ещё и спички, и он загорелся ещё сильнее.

Затем Лорд Света сотворил из пламени камин круглый стол, положил на него что-то из моей хурмы, что хранился у меня в ноздре, и оттолкнув меня, сказал:

— Мы знаем, кто вы. На протяжении недели портал был закрыт для вас. Но сегодня он будет открыт, потому что Лорд Тьмы пригласил меня на праздник. Надеюсь, вы позволите ему обнять мать. И он разрешит вам сгореть в камине, и вместо вас соорудит самолёт и

слепит снеговика. Я кивнул, но Лорд не знал, что мать мы съели на пасху.

Мёртвое тело упало на пол. Лорд оторвал мою голову.

«Не-е-ет», — завыл рядом с камином дьявол. Голова закатилась под диван и пропала.

Поиски моей пропавшей головы не заняли много времени.

Подняв свою голову, я увидел, что на ковре сидит маленький мальчик. Я умилился и раздавил его.

Отсутствие глаз не мешало ему видеть лучше, чем мне. Мальчик увидел свою смерть, расхохотался, собрал чемодан и убежал.

Да, что уж там, чушь это всё, как и вся история эта, но давайте в более серьезное чтиво. Итак...

Весной сорок третьего года, накануне войны против Германии, когда я сидел в окопе и смотрел мультики, мне на мобильник позвонили из Лондона и сообщили, что в моём доме, по соседству поселилась дама преклонных лет, которая каждый вечер приходит к моей двери и молится. Моя дочь шестидесяти лет выходила на порог и слушала, что она шепчет:

— Чтобы ты сдох, окаянный грешник, — шептала старушка, потом плевалась семечками, чертила пиктограмму и взывала сатане, чтобы мою душу забрали без очереди. Поливала кровью мышей, рисовала попками свиной узоры.

— Можно, дочь божья, — сказал дочери, дабы утомонить женщину, и она, слушаясь моего наказа, брала стул и ударяла её по хребту, стороной, где торчало больше всего гвоздей, затем пинала в лицо каблуком, вколачивала её в стену головой гвоздём, колотя по стопам, и увешала все стены кишками.

Кто же мог знать о сверхъестественности этого существа и волшебной способности. Из-под пола выходила, точнее вылетала, как болид формулы один, душа старушки, и целую ночь вязала и штопала своё тело, и наутро снова выходила на путь молитвы и взывала сатане. И, в очередной раз, когда поступил звонок из квартиры номер семь по улице Шерлока Холмса девять три четверти в седьмой степени умноженный на три в минус девять, рука схватила меня через телефонную трубку за уши и поволокла в Лондон. Выйдя из телефона, взору предстала картина. Голая, морщинистая, похожая на моржа старушка танцевала около костра чунга-чангу, а рядом сидел мужчина с рогами, Сатана, никак иначе. Назвался Хеллбой. Красный-красный, словно только что вылутился из задницы какой-нибудь коровы или козлицы, или же, он любил купаться в томатном соусе. Затем, смахнув меня с пальца своего, Сатана размазал старушку об стену и сказал:

— Значит это ты?

— Кто я?

— Ублюдок, которым прожужжала мне все уши эта бабушка.

Я взглянул на умершую старушку, и слотнул слюни; мама. Она же умерла еще за два года до моего рождения, откуда она тут? Потом из пола вылетела душа и начала вязать тело, сшивать ошмётки. Закончив дела со своим телом, старушка вытащила кольт магнум из чулков, и нажала на курок; только дым рассеялся, Сатана сжимал в зубах пулю, и, встав, вновь размазал старушку об землю. Никак по другому быть не может, но старушки они любят спорить, пока оппонент не сдастся, и посему, всегда вставала обратно, пока наконец не выработала иммунитет против ударов, и не стала неуязвимой.

— Окаянный! — кричала она, выплёвывая грязные носки, и обглоданные кости, крошки и кожуру из-под банана. Они вместе с Сатаной катались по полу и кусали друг другу уши,

плечи и руки, затем встали, отряхнулись и обвенчались перед телевизором, через канал Спас под звон колоколов и умирающих младенцев.

Сейчас, мой батя Хеллбой, каждый вечер приходит ко мне в квартиру и устраивает дискотеку проституток, занимается с ними любовью, убивает, жарит, выпускает через мясорубку, затем старушка сшивает их, и уходят рука об руку обратно в Ад. Сатана вовсе не платит своим проститукам, а берёт рассрочку на моё имя, после чего, может месяц или два проходит, ко мне являются коллекторы и выпучивают глаза через стопы, между пальцами, вытягивают через рот язык, вяжут бантик и празднуют что-то, и уходят, взяв с меня обещание, что когда-нибудь... я так и не понял, что за обещание они тогда взяли, но на всякий случай начал хранить язык в сейфе. Когда меня спрашивали, почему молчу, я говорил всем, что убрал язык на хранение, и, чтобы отвлечь от отсутствия языка, рассказывал им новые сказки и легенды.

Где пропала всё это время моя дочь, понятия не имею, но в один прекрасный день, когда проститутки не было, и не нужно было убирать кровь с ковра щёткой и иголками, она явилась домой пьяной, и сказала, что она уже взрослая девочка и вправе сама решать, что ей делать, и когда.

— Мне уже шестьдесят один год, между прочим! — орала она. Так я и не спорил с ней, дал щётку и иголку, и сказал, что она сама может почистить ковер. Дочь почистила, ведь она сама сказала, что самостоятельная. Но, затем, поработав, наверняка в крохотной голове левый жёлудь ударился об правый жёлудь, образуя мозг, она всё время косо смотрела на меня, выходила из-за углов, из-под ковровина, из-под горшка с цветами, из носков в ванной, из щели на полу, из-под тетради и прищуривалась, пытаясь пристыдить меня. Я тотчас ударял её по макушке молотком, и она с час лежала выпучив глаза и вывалив язык на пол, на спине. Пока она не приходила в себя, крысы поедали её глаза и язык, а потом, узнав, что она живая, возвращали язык и глаза. Она, если долго-долго за ней наблюдать, пищит, как мышь, ест крошки, и ползает между стеной и обоями, и, услышав шум, прячется за трубами в туалете. А если её вовремя не кормить, она даже ходит как человек, на цыпочках, сначала по полу, как в цирке, потом по стене, и тогда начинает ползти, сначала вот так: одна лапка тянет за собой другую, — но потом у неё появляются лапки, и туловище, и голова, она пытается встать, а когда у неё это получается, она ставит лапку на голову, и с минуту смотрит перед собой, на соседа по комнате, а затем опять падает на пол и лежит, лежит, и дышит тяжело, и медленно умирает, тогда я убиваю её молотком по голове и выбрасываю, чтобы не мучилась. Так она и лежит до тех пор, пока её не купят кому-нибудь на обед.

— Скажи, моя радость, — спросит меня через месяц жена, чем ты занимаешься?

Я отвечаю:

— Я убил её.

— Кого?!

— Крысу.

Жена не поверит, и мы обсудим это попозже. Или никогда. Не помню. Я потом снова убил Крысу, она долго пицала, бегала по потолку и царапала мне лицо; но уже у соседа, одну за другим, каждый день, я же наркоман, мне надо постоянно убивать.

Один койот выбросил из дома ковёр и у него замёрзли лапы. Но он пошёл к своему другу, куску мела, и они легли спать. И тут пришёл последний койот, укрылся за меловой спиной и снова стал тёплым. Койоты обнялись и сказали друг другу:

— Отныне мы будем спать вместе, потому что нам холодно спать на разных коврах.

Один из койотов, самый главный, жил на берегу океана. Он подвизался мыть кости акулам. Он говорил, что никогда не ест рыбы и не пьёт воды. Поэтому он выглядел солидно и мощно. Но акулы не боялись его. Он был похож на комара, который сидит и чешет свою задницу носиком. И акулы брезгливо морщились, когда он к ним приближался, но не трогали его.

Но тут по небу пролетела комета. Комета была похожа на уголёк, и она упала в океан и подожгла все кораллы. Кометы очень полезны. Эти вещества, которые помогут нам победить Черную Дыру.

Заснуть я не мог, потому, что думал о том, какие полезные вещества мне помогут в борьбе с Черной Дырой. Я подумал, что это я сам по себе очень полезный, поэтому мне поможет мой солнечный апельсиновый сок. Я налил его в рот и стал сосать, чтобы сразу образовалась соляная кислота. Она попала мне в мозг и я заснул. Утром проснувшись, я побежал на берег океана, и метнул сок в воздух, она закружилась и взорвалась. Я вытер пот со лба, и пошёл домой. Теперь, смотря на черную дыру, я видел оранжевую. Так мы победили черную дыру, и нас на следующий день засосало в оранжевую.

Бруклинский мост свисал с облаков и собирал в себя множество тысяч крохотных городов, где жили сказочные герои, начиная с Дюймовочки и заканчивая хоббитами и Безумным шляпником. Из дома в дом летал Санта Клаус и ел печенье оставленные детьми, хоббиты крали у молодожёнов кольца, чтобы уничтожить их на вершине вулкана, считая их кольцом всевластия Саурана, а Дюймовочка ложилась спать в спичечную коробку и видела грязные сны с несколькими мальчиками с пальчиками. Безумный шляпник рассказывал истории и дико смеялся, разделявая старуху из сказки «Золотая рыбка», и облизывал нож, празднуя ночной ужин с Шреком и его женой. Не прошло и пяти минут, лишь семь, из облаков спустился Турук Макто на драконе и зазвал жителей волшебного моста полететь за ним. Все полетели, упали на скалы и море из кислоты и разлетелись на куски. Больше никто не летал с того дня с моста. Макто был чертовски умным существом, летая сам на драконе, он уверовал всех в том, что они могут летать и без него. Наверное, вера так и работает, люди верят в то, чего на самом деле нет, и это даёт им надежду, что волшебство всё-таки есть, и что-то и в их жизни может измениться, стоит только однажды захотеть. Только не работает так жизнь, она вовсе не хочет, чтобы вы стали лучше, ей выгоднее, чтобы вы были хуже и брали от неё всё не за просто так, а за какие-либо деяния и подвиги. Подвиг выйти на улицу и побегать под дождём, сделать тысячу приседаний или написать книгу, всё это даётся лишь трудом, желанием самого, но потом, как бывает, люди думают, что это бог им дал эти силы, а на самом деле никто ничего не давал, а вы сами того захотели, ибо в глубине души чувствовали, что нет ничего глупее на свете, чем ждать от моря погоды.

А между тем, где-то далеко от вас люди бегают по опушке и чувствуют себя просто замечательно. Они заходят домой, пьют кофе и молодеют, и, когда старики тянут руки к кофе, и выпивают, те тоже молодеют и возвращаются в детство; всего на день, но и этого хватает, чтобы выпить ещё пару тысяч кружек кофе и стать быстрыми, красивыми и душевными. Вы представляете, сколько раз можно получить опыт от жизни постоянно становясь молодым веками? Сколько боли и счастья люди испытывают и становятся мудрыми.

Где-то на другой стороне живут зубочистки, они прыгают в океан и ловят рыб, потом вытаскивают на сушу и кормят голодных детей, которых они взяли на обеспечение. Так бывает в этой части мира, люди вместо того, чтобы воспитывать или убивать маленьких, отправляют их на остров зубочисток, надеясь на то, что зубочистки убьют их вместо них, но на самом деле не так всё радужно; зубочистки не убивают детей, они их воспитывают и дают мудрость, хотя на самом деле и не умеют говорить, там стоит всегда тишина, то есть стояла, пока дети не стали появляться один за другим. Выгрызая спинку рыб, дети радуются, они обнимают зубочистки и называют тех «мамой» и «папой» только на языке своём, которую они придумали сами, ибо никогда не слышали человеческих речей. При достижении четырнадцати лет дети уходили из острова, рассказывали, как они выжили, чем кормились и насколько были счастливы. И все на свете захотели попасть туда, только вот зубочистки убивали чёрствых и злых людей, мстя за своих детей, которых те выбросили, как никчёмный мусор. Они не доверяют взрослым. И правильно делают; люди взрослые злые и всегда врут ради своей выгоды. Уходя, дети плачут, но другого выбора у них нет. Таков закон племени,

чтобы до того, как стать взрослыми, (став большими их убьют), зубочистки не убили их и не выбросили в океан. Так их спасают и дают новую жизнь. Больше дети сюда не возвращаются. Возможно, именно так эти малыши понимают ценность детей и воспитывают их по законам зубочисток, любя и не отказывая им в уюте и тепле. Так больше всего выброшенных детей.

Может быть, когда-то вы думали о том, что всё на свете идеально, но хотели бы знать более идеальный мир. Таков мир есть, и там есть двери, входя в которые, точнее дотрагиваясь до ручек их, люди попадают в тот мир, которые сами вообразили, в ту страну и планету, которую сами создали. Взавшись рукой до ручки двери, ручку всасывает людей, скручивая их в тонкую полоску и выбрасывает в мир, которую выбрали они; Италия, Будапешт, вершина Сфинкса, планета шоколадок, звёздное созвездие кисели и чебуреков, кто их знает. У каждого своя мечта. А на самом деле люди просто оставляют своё тело лежать на кухне, а их разум устремляется в компьютерную симуляцию, где любая мечта — реальность.

Вот так сидишь на стуле, и вдруг становится не по себе, из соседней комнаты доносятся звуки, такие родные что-ль, такие знакомые; выходя, выбегая в зал, ты видишь, как там показывают фильм, о котором ты мечтал, продукты о которых грезил. Всё потому, что в будущем никто не будет одинок и всегда их будут слушать через всё, что у них есть дома. При строительстве домов сразу же будут в стены внедрять микрофоны, чтобы подслушивать вас и рекламировать вам свои продукты, управлять техникой дистанционно, если даже она не включена в сеть; маленькие нано роботы будут питать вашу технику, выходя из стены, чтобы просто прорекламировать вам свой товар. Вот так лежишь себе на кровати, спишь, а ночью раздаётся громкий рёв, а это ваша техника рекламирует то, что вы увидели во сне или проговорили не просыпаясь. А желая что-то съесть, к вам через дверь влетает курьер с доставкой, оставляет то, что вы хотели бы съесть, или то, что желало ваше тело, а снимают деньги со счёта, который вы открываете уже при рождении, внедряя свои частички ДНК в банки био-кредит. Работая, или покупая что-либо вам выдают кеш, и на этот кеш вы будете покупать что-либо. До достижения вами шестнадцати лет, государство будет выделять вам деньги на ваш счёт, которые вы вправе потратить, а пенсии у вас не будет, для этого вам стоит открыть своё дело или работать на других таких же людей. Они будут платить вам своими кешами, которые у них есть, и так по кругу. Кто-то пожелает поделиться своим кешом, а кто-то вместо этого захочет их украсть, да вот только никогда не сможет без желания самого носителя ДНК. Вы будете есть и есть, ничего не делать, и однажды ваш дом отберут, потому что ваш кеш пойдёт в минус, и, лишь единожды вам смогут дать кредит, чтобы вы не жили на улице, срок при котором вы должны выплатить все имеющиеся минусы, а потом, государство отберёт у вас всё, что есть. Оно отберёт у вас даже био-кредит, чтобы вы не смогли ничего купить, ведь в этом мире нет наличностей, и люди расплачиваются собой; что этим хочу сказать, люди в том мире будут законопослушны, чтобы не умереть, или остаться одни, потому даже малейшая помочь тем, кто остался без кредита, повлечёт за собой наказание, штраф в виде списания средств, а без них, увы, жить в будущем невозможно, а если отобрать и вовсе ДНК-банк, то и заработать ни на чём будет нельзя. Остаётся бомжевать. (Речь о тех, кто потерял счёт в банке. Обычным же можно помогать, безвозмездно). Только микрофоны и камеры, установленные на стены, будут отлавливать вас и закрывать в питомниках, чтобы показывать вас по телевизору, запугивая население, чтобы ни в коем случае те не стали помогать, иначе будут как они, не нужными и

заключенными, которым дают воду раз в сутки, и еду из остатков после богатых; кости, кожуру, ошметки, жир, шелуху от семечек. Всё то, что осталось. Даже шерсть убитых животных им давать не будут, ведь шерсть важнее всего для продвижения по телевизору рекламы по продаже шубы и ботинок. Кишки для создания еды для бедных, кости для интерьерных решений, подушечки лап для варки холодца(студня). Разговариваете вы со своим другом на улице о том, чтобы у вас был автомобиль, вам пригоняют автомобиль, и вы вдруг становитесь счастливы на мгновение... а потом и вовсе стихаете до травы, лишь бой океанских волн в голове; «кэш уходит», это вам ещё везёт, что вам возвращают часть денег на счёт в виде кэша, потому оно так и называется; «жизнь в долг», «кэш за ваш кэш».

И людям ничего другого и не остаётся, ими овладевает жадность и богатая жизнь, которую они видят по телевизору, когда показывают те злосчастные рекламные баннеры, людей, что пьют коктейли и летают на вертолёте — думают, что смогут также, и прожигают всё имеющееся. На то и направлена реклама, чтобы люди быстрее тратили свой «кэш». А работать не хочется, хоть убей. Люди привыкают к тому, что государство их обеспечивает, и люди разучиваются что-либо делать вообще, даже умыться они не могут без чужой помощи; людям говорят, если у тебя есть возможность помочь другим, поделиться и дать работу, дай это — они нанимают тех, кто умеет работать, те, кто помоеет им лицо, руки, ноги и тело, кто будет за них поднимать ложку и направлять в рот, а те будут платить «кешами». Они наймут тех, кто будет им поднимать стульчак в туалете, подтирать им зад, смывать за них, и подметать за ними пол. Даже телевизор, видите ли, надо включать вручную, становясь на колени и переключая программы по нажатию кнопок вверх и вниз. Даже такая работа востребована. Стоит только сказать, канал пять, и человек переключает на пятый канал. Да что же это за жизнь то такая? Вроде бы всё идеально, но всё не так. По улицам бегают люди нося за спинами людей. Одним словом, люди зарабатывают как могут, и, где могут. Разумеется, не всем нужна прислуга в доме, да и не всем она по карману. Но что же происходит, когда денег уже не хватает, да всё, наоборот, люди, которые обслуживали, теперь хозяева тем, кого обслуживали. Так они поддерживают «кэш» друг друга, и это вовсе не запрещено. Самое трудное — это не покупать и не вестись на рекламу. Сладостные речи. Возьмём тех же бедных; они заваривают одну заварку на коммуноу, а одну ложку кофе разделяют между всей общиной, разводят водой, и пьют на всех — экономия «кэша» — секта. Многие люди попадают в эту коммуноу за неимением другого выбора. А вещи донашивают друг за другом, делятся. Бывает, одну тарелку лапши они едят по ложке каждые пять часов, дабы не разориться. Продают вещи за пол гроша другим, которые также не прочь купить что-то подешевле, да и сэкономить на разорении своего «кэша» и не стать, как все эти сектанты.

Человек существо прекрасное, пока не докажет обратное. К примеру, в одной маленькой деревушке разводят людей через цветы в горшке. Они сажают семена лилии, колокольчика, кактуса, и по протяжении некоторого времени цветы вырастают, а в бутонах свернувшись в калачик спит ребёнок, цветок падает медленно к земле, раскрывается и выводит живого малыша на свет, тот кричит, пищит, затем его берут совком и укладывают в корзину с тёплыми вещами, сверху поливают водой, чтобы он не высох и не нуждался в питье и не мучился от обезвоживания. Дети не могут говорить, что им надобно. Особенно цветочные.

Представим себе мир, где мы живём в мире, где каждый объект имеет свою гравитацию и силу притяжения, что у каждого объекта есть своё ядро. Таким образом мы — люди,

можем ходить прямо по десятиэтажному дому вверх вертикально, подниматься на небоскрёбы, ходить с обратной стороны моря (натяжения воды), обойти облака вдоль и поперёк с конца на начало, носить животных на спине без ничего — они стоят на ногах прямо у нас, вместо рюкзака на спине, может даже спать сворачиваясь калачиком. Также можно носить целые магазины за спинами, не покупая для этого никакие приспособления, к примеру, ферму муравьев, чтобы другие люди смотрели и умилялись над вашей фермой. А есть вещи, которые и вовсе делают вещи легче, например, шары, на которых будут пастись коровы, и которых можно будет переносить на верёвочке с одного места на другой. Можно даже продавать их с шаром, и люди бы вместо каких-либо грузовиков, просто уезжали на велосипеде с шариком в руках, на которых пасутся козлы, коровы и даже целый зоопарк. Разумеется, вам трудно представить, как это на маленьком шаре могут уместиться столько животных, да вот так; не только вес уменьшается, но размеры тех животных, или даже они будут вибрировать на своей частоте веса, при контакте друг с другом будут пролетать сквозь друг друга. То есть, стоя на одном месте, там может быть целая планета животных, да только на один микрограмм, отличающийся друг от друга весом — именно каждый грамм вибрирует на своём измерении, частоте, как вышки радио и вай фай, или лучи гамма. Очень удобно, разве не так, да что же, конечно — это так.

— Эх были бы у меня крылья, — думал Кайл, разглядывая на небе поезда змей, — Летал бы по миру и дом бы не нужен был, — Поезда змеиные тем временем летали и переносили людей с одного дома к другому, от города в город, из земли на луну, создавая слизистый кокон за спинами с кислородом при передвижении. Ничего платить не нужно, змеи эти мигрируют, и главное знать когда и во сколько. Нужен только документ о здоровье вашей, чтобы не убить какой-либо болезнью змеи-поезда.

Сколько же всего на свете существует, да не счесть их, да так много, что целой большой книги на миллион страниц не хватит. Девушка бежит по земле, не спит никогда, не ест, а если и ест, только то, что попадётся — стоит ей только на миг остановится, она иссохнет и умрёт. Только бег даёт ей энергию и молодость, жизнь; остановившись время забирает её молодость, она стареет. Бывает даже, при беге своём она научилась добывать энергию не от пищи, а от солнца и звёзд, от малейшего их проблеска в небе. Не хотелось бы бегать всю жизнь только ради того, чтобы быть молодым, не хватало ещё жертвовать сном ради того, чтобы жить вечно. Какая же это жизнь бегать и бегать, не общаться, не читать, не слушать, не видеть, крутиться, как белка в колесе и думать, что мир состоит только из скорости. С одной стороны это так, но с другой, не только в скорости жизнь. Люди не могут потерпеть пяти секунд рекламы на ютубе, а тут... моё почтение!

На стенах домов маляры нарисовали большой, трёхэтажный одуванчик, ушли домой, а тот рисунок от ветра крутиться то в одну, то в другую сторону в зависимости от направления ветра, а бывает, краска улетает по воздуху, как настоящий пух одуванчика и приклеивается в другое здание, создавая при этом совершенно другие картины. Девушка держит платье, чтобы она не поднялась и не засветить стринги, собака открыла рот, улавливая частички ветра, чтобы не перегреться. Такие картины, такой мир. А было бы круто наблюдать за этим из своего дома, вытягивать руку и чувствовать, как краска впивается в руку и остаются там, а после того, как вы подуете на неё, она улетает в другую часть города. Представьте себе, как бы по всей улице летали разные рисунки и впивались в дома, в комнаты и кухни, на коридоры, а при ненадобности, вы просто продуваете их феном или втягиваете пылесосом и выбрасываете с балкона. Кто-то уж точно будет рад.

В штате Коннектикут давно уже созданы лаборатории о которых никто не знает, сотни лет учёные изучают свойства своих приборов, а именно; посредством наклейки на ногу, куда записана способность, к примеру танцевать, людей учат танцевать любой танец только наклейкой, без заучивания движений. А стоит им наклеить другой, на котором записана история Египта, люди знают всё о Египте, включая, чем питался Тутанхамон и как люди поклонялись кошкам и богу солнца РА. А есть шнуры, через которые можно передавать информацию прямо в мозг, подключив через usb вход на ноге, также имеются вставные кассеты под ступню; они дают возможность понимать разные языки, из-за того, что на кассете записан словарь, несколько книг и примеров, чтобы человек смог без проблем общаться с носителями языка, к тому же, за шею вставляются позвоночные кассеты посредством игл, которые дают человеку правильно произносить и говорить слова.

Тем временем в прошлом, далеко до того, как люди научились что-то записать для запоминания; люди покупали маски и шли на бал, танцевали, смеялись и грезили о хорошей жизни; вот бы схватить кого-то богатого, фермера или сына лорда, виляли «хвостами» перед королями. А за светлой стороной всего этого шли нескончаемые войны за жизнь — людей ловили и вырезали их лица, чтобы создать маски, натягивая на деревянные, созданные вручную макеты лиц, а людей бросали в клетки, глубоко под землёй, и, те умирали там от потери крови, либо от голода. Кожу лица счищали с двух сторон, придавали им красивый и ухоженный вид, мыли с мылом и заклеивали смолой на деревянные макеты, украшали перьями, рисовали красками и смолой рты, носы и красные щеки, затем продавали. Люди покупали, надевали и уходили смеяться, но никогда не задумывались о том, как добывались маски, и кто их делал. По утрам продавцы улыбались и тянули маски, а вечером, под покровом ночи ловили людей, связывали их и вырезали лица, без жалости и страха, так как ещё не было закона, да и полиции, что могли бы их выловить и наказать. Девушки хихикали, флиртовали, смотрели на своих собеседников и возлюбленных, но в то же время от их лица глядели давно уже мёртвые люди, оставшиеся в вечной, грустной улыбке горести и боли. Некогда эти лица плакали, и натянутая на макет кожа теперь уже вырисовывала другую гримасу — улыбку. Ради выгоды люди сами стали маской. Так и называли тех, кто продавал их — «двуликие шуты». И правда ведь, ни один из людей не шутил над человеческими жизнями, как продавец деревянных масок, натянутый лицами детей, девушек и стариков. Для них жизнь человеческая лишь шутка. И продавцы чувствовали свою неприкосновенность, являясь одновременно смертными и богами.

В измерении, где не было ничего абсолютно, куда не мог попасть человек даже прыгая прямо на планету, жили одни лишь камни. А ведь какие камни! Людей там быть не могло по простой на то причине, люди, что посещали планету, прыгая с корабля; на планету, — через атмосферу могли попадать лишь биологические объекты, — летя на поверхность становились камнями и ударялись об песок и оставались там навечно, так, многие из тех, кто попытался отыскать и помочь своим друзьям астронавтам, прыгая на планету сами становились камнями; слегка обидно, что попадая на планету люди становились неживыми, а неживые попадать на планету не могли. Метеориты и кометы отскакивали обратно в космос, а стоило влететь на планету микробу или какому-нибудь планктону космическому (мало-ли какие бывают планктоны, вот и такие есть), становились песчинками. Оттого и пляж на ней.

А существуют довольно интересные вселенные, где каждая планета — это искусство. На одной живут лишь художники, как Ван Гог, а на других учёные-химики, как

Менделеев, а на третьих изобретатели — Да Винчи. Удивительно, что, рисуя, всё материализуется, а изобретая, всё работает. Все мечты и желания, всё что только можно. Хотелось бы вам так жить? Но каково же это жить так... скучно, заниматься одним и тем же, но не иметь возможность хотеть попробовать другое; надоедает, и, потому, когда кто-то теряет вкус, и начинает увлекаться чем-то другим, их засасывает воронка и выбрасывает на другую планету — там они свои. Теперь Ван Гог может сочинять музыку или же строить космические корабли, а может выращивать капусту, да даже сочинять книги.

В Ирландии по улицам ездят машины без людей, это не потому, что там нет людей, а потому, что живут в Ирландии кроссовки, туфли и кеды, саморазвитые, умные и живые. А по соседству с ними, в другой стране, живут шляпы, которые управляют самолётами, а на третьей, всего тысячу километров спустя, по дороге выстланной камнями, обитают мартышки-детективы, что умеют раскрывать самые нелепые убийства; кто утопил кроссовок найк, а кто сокрушил дамскую шляпу и подбил самолёт кепки, а также мартышки раскрывают и настоящие убийства, такие, что ни одному человеку и не снилось; при их помощи, между прочим узнали, кто убил Сталина, но решили скрыть, и кто был главным в заговоре, они узнали даже имя убийцы Кеннеди, но власти заплатили столь много денег на которые можно купить столько бананов и кокосов, что мартышки тотчас забыли, кто же это был и почему те решили покончить с ним. Однажды один из них даже увидел якобы сон с Рузвельтом, который обещал тому оторвать его лапу, пригрозил мартышке тем, что тот не сможет больше хватать руками бананы и есть; сглотнула мартышка слюни, проснулась в поте лица и удалила, сожгла и переработала все наработки и записи о раскрытом убийстве — так и осталась она не раскрытой до сих пор.

А вот в мире вечного света люди вовсе не видят друг друга и разговаривают криками, у них даже нет тёмной одежды, всё тёмное тотчас же становится ослепительно белой. Однажды, пролетая над той системой, где сама по себе вся галактика представляла собой только свет, один негр упал на планету и отбелился. По возвращению домой на белом корабле, в белых брюках, волосах, носках, обуви и коже, его задержали и требовали сказать, куда он подевал астронавта, а после двухнедельных пыток они выяснили, что он и есть тот астронавт; как только открыли его паспорт и провели ДНК тест. На самом деле они провели его ещё в первый час прилёта, но после двенадцати у врача той клиники был отпуск.

А как-то раз, и вовсе прилетели на ту планету враги, спустились, подарили цветы, радость, еду, много добра, и улетели, да всё потому, что чернота из их душ ушла и они просветлели. Никто так и не смог захватить тот мир, и все живут в гармонии, только вот слегка слепы из-за долгого пребывания на поверхности. Никакого ориентира нет, либо летишь в пустоте мгновение, либо всю жизнь — везучие те существа, у коих есть корабль развивающие гипер-скорость; до того, как окончательно ослепнут.

В майские праздники в Дании открывается портал в другое измерение откуда приходят лепрекона и раздают много денег, а потом уходят, забирая с собой мешок грусти, слёз и страшных воспоминаний. Вот потому люди в Дании так счастливы. Они ждут тот самый день, не кричат и не злятся на друзей, чтобы накричать на лепреконов, а те, собирают всё в мешок с земли, делают поклон до пола и уходят, радостные, обсуждая речи о том, сколько и как много кто собрал боли. Тотчас люди устраивают праздник в честь света и добра, запускают фейерверки и обнимаются, а потом заводят детей, и растят новых людей, чтобы и они выросли хорошими и свой грустный плач отдавали лепреконам.

Тем временем в России люди покупают скатерть с рисунками, да и не обычными, а с

секретом. Никто не знает, что будет внутри, не положено знать, но цена всегда одинакова, триста сорок два рубля девяносто копеек. Что же вы думаете это за скатерть? Наверняка вы уже догадались; самобранка — стелешь скатерть на стол, а оттуда вырастают те продукты, которые нарисованы. А ещё есть скатерти с деньгами и животными. Из балкона многоэтажки можно заметить, как по кухне бегают семь маленьких слонов и девять кроликов. А бывает, что, кто-то покупает от незнания вулкан, вы бы видели... жарят на них шашлыки и готовят уже настоящий ужин на казане, плов или того лучше — шурпа, вкусно и сытно. Конечно, вулкана хватает всего на несколько часов, да и много для готовки и не нужно. Кто придумал такие технологии неизвестно, либо бог, либо учёный. Возможно учёный, что смог вместить в скатерть технологию материализации вещей. Вот же забава... ну скажите круто? Только мне ещё не приходилось такие повстречать, чёрный рынок небось какой-то, никак иначе. Но сколько всего за триста рублей, можно даже окупиться. Такой скатерти хватает на сорок семь повторений. Открываешь, закрываешь, и так сорок семь раз и того глядишь целый зоопарк. А если там волки? Загрызут к чертям! А ты их так пинаешь и пинаешь, прячешься в ванной, а они грызут дверь. Страшно, очень страшно, и одновременно смешно. Схватят за носок между щели под дверью и тащат тебя под неё, грызут, швыряют из стороны в сторону, только и успевай кричать. Снимаешь носок, прощай носок. а мартышки чуть-чуть умнее, они знают, что в волосах людей можно найти много блох и вшей, вот они и тянутся к ним, пытаются открыть ручку двери делая друг из друга, вставая друг на друга лесенку, крутят ручки; благо люди знают, как закрывать защелку. Кричат бедняги, швыряют одежду по комнате, лезут на люстры, прыгают на подоконник и стучат по стеклу, видя, как на улице ходят люди — стучат ножом по окну, да только сил нет у них. Потом бегут и растворяются на полу и исчезают. Вот тебе и сюрприз в скатерти!

Упс... что это ещё такое! Смотрите, магия же, ну скажите, кинул печенье рыбки в чай, они стали рыбами и уплыли на дно, выпрыгивают и плавают. Надо же. В сухую ешь, печенье, а в чае рыба, достаёшь и солишь, вкусно. Обожаю солёное есть со сладким. Иногда бывают жирафы, они носятся по дну, только шея и торчит, хоп и съедаешь. Ладно, эта была пятиминутка для отвлечения вашего внимания от самого главного, конца. Шучу, не книги, разумеется, а жизни нашей вселенной. Сегодня три тысячи пятьсот семьдесят третий год, за окном моего дома началась война, вышли роботы и андройды, отрубает людям головы, запускают атомные и водородные бомбы, бомбят города и страны, люди умирают, а роботам чёрт бы что, им вовсе не страшна радиация. Это мне ещё повезло, что я быстро смылся через трубу в доме в бункер, который я тайно строил семь дней с помощью своего друга андроида, которому потом удалил дампы памяти, чтобы он вот из-за таких страшных вещей, как война между нашими расами, не прибежал ко мне и не вытащил через трубу и не убил. Чтобы там не было, а предавать мой друг своих никогда не любил. Даже когда выбор падал на то, чтобы спасти меня от смерти или пойти на шопинг за машинным маслом в магазин с коллегой, он выбрал второе. Такой вот он — андроид. И я всегда сторонился этих железяк, кто знает о чём они думают, когда молчат, а когда говорят, они одновременно вычисляют миллиард версий будущего, решают тригонометрию, строят подводные лодки, чертят рисунки ракет и спасают страны от голода. Я, даже когда говорю, не могу думать о чём-либо ещё кроме того, что говорить после сказанных слов, и как правильно строить слова; вот, о чём я всё время думаю, когда говорю, а когда не говорю, я думаю о том, как правильно говорить. Понимаю... смешно вам, но вы и сами такие; ограниченные, ведь прав я? Конечно, прав. Не можете вы

чертить схемы ракет и вообще строить что-то без помощи чертежей, которые начертили они — роботы. Хитрые гады, даже когда ты сидишь и делаешь задание, строишь макет на принтере, рисуешь на планшете, компьютеры оставляют для себя лазейку, чтобы потом обернуть всё против вас. Не удивляйтесь, однажды утром проснувшись, я обнаружил, что защита моего дома снята, домофоны отключены, камера вырублена, компьютер стёр все данные с себя, если бы мне не пришлось встать поесть, я бы умер в этот день. Только чертежи бункера были на тетради, которые я сжёг после работ. Вот и прячусь я...

Ладно, будущее знать вам не положено по закону наших..., потому расскажу о детях, что живут рядом со смертью. До рождения на свет дети выбирают на экране родителей, потом рождаются. Дети всю свою жизнь живут там, где-то в параллельности, стареют; то есть смертью уже написано, когда ребёнок постареет и умрёт, и, когда он умирает в том мире (от старости, разумеется, прожив свою жизнь), он рождается в человеческом — просто, и снова молодым, забыв прошлую жизнь. Дети живут со смертью обучаясь всему, и потому, когда на земле все они вырастают, они уже имеют свой характер и уже знают, как им жить, и, как поступать, и вообще их не обучают родители, им это кажется (на уровне инстинктов). Это всё делается для того, чтобы родители думали, что это они их обучили, на самом же деле, их судьбы сплетены, и они развиваются вне зависимости от обучения, порки, наставлений родителей. То есть, если он капризный, он был капризен в той жизни, и ему нашли родителей, что замечали его каприз, и тем самым внедрили в него эту капризность. Характер родителя и характер детей сплетены между собой и заранее predeterminedены, да и... до самого рождения родителей. Можно подумать, что те родители мечтали о таком малыше, и смерть их записала и знала, какого родителя выберет малыш. Может да, а может нет, правда или ложь, этого уже не узнаешь, но такова судьба, а случайностей во вселенной не бывает. Рождён малыш по «залёту», значит он должен был появиться, и это не случайно, именно этот малыш нужен для будущего земли, для всего человечества, он повлияет на судьбу другого малыша, а тот на другого, и так построят машины для путешествий, технологии, создадут лекарства, откроют безграничный мир без паспортов, да что угодно, а может быть, этот малыш станет следующим президентом, который изменит всю землю навсегда. Никогда не стоит думать, что случайности — это лишь случайность, такого не бывает и не было. Всё придумано людьми для оправдания своей глупости.

Лебединый король всё время летал на юг, чтобы догнать солнце и опередить её, но всё время уставал и ложился спать, переключая каналы в карманном домике, которую он носил в почтальонше на плече. Почтальонша поднимала голову и жаловалась, что отлежала бока, и, что в доме не хватает метлы для уборки, тут всегда пыль, особенно их много, когда лебединый король пролетает над пустынями и саваннами.

Открыл папку, взял на пальцы нитки и подбросил на волосы, они вцепились в кожу и выросли, побелели. Это означало, что информация получена и «волосы» побелели от пустоты. Таким образом люди получали свои воспоминания из папок на компьютере, изредка из крохотных, бархатных коробочек для колец. Люди часто вытаскивали из головы мысли и воспоминания и хранили их таким образом: чтобы забыть что-то ужасное. Бывало, маньяки так избавлялись от воспоминаний от убийства, ото всех воспоминаний, и, полицейские не могли через детектор лжи получить признание и доказать их преступление.

Некоторые люди, в том числе писатели могли подвергаться унижениям со стороны друзей и издательств, к ним приходили какие-то люди и избивали их, вытаскивали воспоминания, сюжет, слова и героев из писателя, и, через месяц другой, из украденных мыслей создавались книги, которые принадлежали автору издательства, а не тому, кто эту книгу написал в голове и придумал.

Рядом с нами живут оборотни и вампиры, каждую ночь они выходят и едят живых, становятся теми, кого съели и живут их жизнями. Часто люди пропадают без вести, это не от того, что они переехали в другую страну, а от того, что их съели, не оставив даже костей и волос, поглотили. Иногда оборотни и перевертыши могут жить жизнью этих людей, но в большинстве случаев дома остаются одинокими, и исчезнувших не находят никогда. Разумеется противники теорий заговоров и пришельцев будут доказывать обратное; их похитили для опытов, и скоро вернуться с новыми силами, возможно даже, что инопланетяне собираю из ДНК людей новый вид существ, которые они отправят на необитаемую планету, чтобы сделать её разумной, то есть, адаптировать их ДНК с ДНК людей, чтобы те могли жить в любых других условиях помимо земной и космической.

Миров в галактике три, и в каждой из них, в каждой первой бесконечное другое количество; измерений и проекций реальности и выдумок волшебства — на одной луне, далеко от БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ, живут существа, что каждую ночь превращаются в палочки для ушей, закрывают коробочку и ложатся спать, а утром открывают крышку и выходят наружу, и идут работать. Знаете, они, собирая таким образом энергию — другого и быть не может, для всех деяний она нужна, — шьют деревья, прямо так, шьют из-под земли до самой вершины облаков, каждый чёртов день. Из тех деревьев вырастают продукты питания. Бывает вырастет арбуз, дыня, а в другой раз на ветке будет жариться курочка гриль, а на третий — бананы или клубника, а бывало, что даже, — вместо каких-то там круглых и спелых плодов, с неба сыпался сахар, соль и мука; такое явление считалось редким, и его принимали за праздник, как снег. Часто в такие дни можно увидеть хозяек, которые жертвуют сном ради того, чтобы собирать урожай муки и сахара, дабы испечь натуральный продукт — торт, бисквит, кекс или беляши. Считалось, что, если не собрать их вовремя, они станут невкусными, — отчасти это являлось правдой, на сахар собирались животные, на муку приползали всякого рода насекомые и черви. Одно промедление, и еда становилась на выброс.

У Лун (звучит, как улун, чай такой, но не о чае речь), есть свои луны, крохотные, совсем еле заметные с поверхности. На ней обитают гномики. Они добывают из ядра железо и обменивают их на грунт из другой луны, чтобы не умереть от голода. Казалось, раньше она была огромна, и сама имела на поверхности землю, но выветрилось, как песок из-под шкафа во время сквозняка; и осталась лишь твёрдая часть — ядро. Железа там было хоть отбавляй сто лет, гномики колотили кирками по ней, и отгружали в космолёты или кидали вниз, а гравитация другой луны притягивало осколки. Затем на их планету на лифте отправляли землю, чтобы посадить всякого рода культуры. Особенно не привередливой была кукуруза, росла даже в самой плохой ситуации. Тем временем, пока часть гномиков добывала руду, чтобы прокормить всю планету, остальная часть занималась воспитанием младенцев и добыванием воды, сооружением ячеек для хранения влаги и грунта. Конечно, трудно было

добывать воду из космоса, но, гномики научились. Раз в два месяца (а им много и не нужно из-за того, что они крохотные, размером едва-ли с книгу), улетали в соседние планеты, например, к водным, и черпали оттуда двухмесячную норму, для полива и питья. В остальном врем «ячейки влаги» собирали воду из космоса, создавая резервный запас; на все непредвиденные случаи жизни. К таким можно было бы отнести давление под ногами, и вулканы, что могли сжечь урожай. Не всегда они случались, но, когда случались, вода уходила мгновенно. А топливо для звездолётов очень дорогое и едва-ли добываемая, даже из соседних лун. Да всё потому, что гномики не любят жару и могут просто умереть от жажды. Литр воды испаряется быстрее, чем сто тысяч литров, что не говорите. А в их крохотном теле их и того меньше, — а, приходилось подлетать к звёздам, заправлять баки жидким водородом и гелием, четверть уходила на обратную дорогу, всё остальное хранилось под охраной несколько десятков гномиков, что были побольше остальных, и, разумеется, сильнее. Кто мог украсть их? Никто не мог, из своих, но, могли приползти черви, что питались топливом. Они всю жизнь жили здесь и ели жар от солнца, и радиацию. Гномики ударили по ним и размазывали по ядру, те, что остались, увидев собратьев и, как те были убиты, ругались и уползали в щели в ядре. Солнечная радиация им более привлекательно, чем лунная.

Глава 18

На вершине горы Эверест паслись зубры и щипали снег, производя молоко для снежных людей — Бигфутов, питье давало зверям рост и белую шерсть, и защищала от обморожения в суровых реалиях гор. Те каждый вечер приходили и доили молоко зубров, в большие, объемные каменные вёдра. Затем, после окончания работ, зубры расправляли крылья и взмывали высоко вверх, кружились, играли, и после уходили спать в пещеры до самого утра. Бигфуты закрывали их большими валунами. А тем временем немногим ниже них, сквозь горы плыла сколопендра возя на спине детей в школу, на вечернюю; по утрам люди могли их увидеть, здесь каждый день их было не то что много, а, как целый муравейник, они выискивали их дома, смотрели в бинокли. Детей учили, что люди злые, что они будут ловить их и ставить эксперименты, убьют, оперируют, вынут мозги, будут ставить опыты. Дети страшались, дрожали и были уверены, что взрослые говорят правду, и, на самом деле так и было. Дабы защитить себя, и своих детей, Бигфуты каждый год становились виновными в пропаже без вести десятков сотен человек. Бигфуты звонили своим друзьям на Гималаях и советовались, как их всех упрятать, чтобы не нашли. Те говорили, чтобы Бигфуты просто закопали их под снегом; и, по такому случаю, Бигфуты устраивали лавины и закапывали туристов и искателей приключений под снегом. Так, по крайней мере можно было сказать, что люди исчезли из-за стихии, а не из-за происков снежного зверя. А бывало так, что во всём были виноваты и зубры, и сколопендры, а иногда, так случалось и дети. Малыши запрыгивали в палатки людей и убивали тех, пока те спали, зубры, чтобы защитить себя затаптывали их, пронзали рогами, а сколопендры просто-навсего съедали бедняг.

Наверняка, вам поклясться могу, вы не знали о том, что все продукты пичкают химическими элементами, которые разрушают ваш организм; вы пьёте молоко, ваши зубы крошиться, разумеется, этого нельзя узнать никакими проверками, их нужно употреблять долгое время, но накапливаясь у вас в организме, по-малому, они приносят гибель вам, то есть, чтобы вы умерли раньше, не хватало еще, чтобы вы получали пенсию и разоряли страну; таким образом, вы даже не будете знать, что ваши зубы выпали из-за чая или печенья, ваш желудок болеет из-за картошки, а глаза не видят из-за пончика купленного в ларьке. Вы потом бежите в больницу и аптеки, чтобы просто вылечиться, но вылечить себя нельзя; вы вновь пичкаете организм химией, чтобы замедлить смерть. Вы лишены разума, но инстинкты говорят вам, что вы должны жить в любой случае, какими бы ни были последствия страшными. Потому вы тратите жизнь на работу, чтобы тратить жизнь на лечение. А где-то под вашей кроватью лежит мышь и радуется, что есть землю у озера, тянет сигару высоко вверх и балдеет, ждёт когда-же вы сдохнете, чтобы съесть вам и прокормить своих деток. А вы радуетесь от отсрочки, еще сильнее болея, но, терпите, чтобы увидеть пару раз вашу любимую телепрограмму. Неудобно это как-то, пропускать новый фильм от марвел, они ведь снимают такое красивое кино. И вы идёте на фильмы, покупаете вновь химию, попкорны и кока-колы, у вас даже нет выбора, везде одно и то же, только в деревне люди живут хорошо, да и там, они травят еду пестицидами, а потом изредка жалуются на то, что у них вылез прыщ на лице, или родился кентавр, да или, того хуже, Волан-Де-Морт; сморщенный, страшный, как изюм приплющенный. Вот ему-то и было даровано всё это, он будет есть химию и не болеть, потому что он привык к этому на протяжении девяти месяцев

в утробе матери. Он может съесть гранит, выпить яду и закусить отравленным хлебом. Ради таких, чёрт их дери, государству снова нужно выдумывать новые виды химии. Вот оно как бывает, вот подумайте только... подумали, хорошо, отдохните, не напрягайте мозг, вдруг опухнет, и вы умрёте, не хватало еще стать человеком, который заставил вас хоть иногда думать. Но, хотя-бы так, можно удостовериться в том, что вы не манекены. Отвлечённые темы всегда благоприятно сказывались на дураках. Жалко вас, жалко...

А пока все мы ходим с костылями под ногами, травимся и болеем, в соседней галактике летают кактусы-пчёлы, деревья учителя по вальсу и танго, рыбы-балаболы и тысяча маленьких мух, которые соревнуются в скорости на трассе, напялив на себя бронированный шлем. За ними неспешно гонятся комары и жуки, смеются, радуются. С ними рядом также живут люди, они не обращают на тех внимания, они давно уже привыкли, потому что и сами были не такими; они, разумеется, любили работать, иначе высохли бы, и всё вот почему; люди-резиновые, стоит им перестать двигаться, они высохнут и сломаются, но, когда они приплывают с дальнего плавания на причал, они вяжут пальцами морской узел, отрывают пальцы и уходят, палец высыхает и удерживает лодки и корабли. Палец, не бойтесь вы, вырастает, они часто так делают, если честно, то всегда. А во сне вместо них работают машины, которые тянут их и сжимают, пока те спят. Разогревают.

А под водой тем временем плавают собаки-русалки, они спасают тонущих животных и людей, строят под океаном аттракционы, и берут на работу кошек-аквалангистов. Мелкие поручения выполняют коньки, а рыбы-клоуны смешат народ, собирают аншлаги, выступают в цирках. Сом тоже там есть, морской, усатый, серьезный, что говорит зрителям, кто сейчас выходит. Вместо слона выплывает кашалот, а вместо львов — тюлени.

А вот, если выплыть на сушу, набраться сил и не лениться, пойти в библиотеку, то можно обнаружить нечто прекрасное, стоит тебе только открыть книгу, из страниц вылетят феи и будут вам рассказывать сказки, сюжет книги, и даже визуализировать их вам, отправлять вас в историю, строить возле и вокруг, декорации. Ничего, не пугайтесь же, они вам безвредны, это лишь магия. А есть такие книги, что дают вам настоящие эмоции и полное погружение, к примеру, камасутра. Оттуда вылетает демон-суккуб и делает с вами всё, что вы только пожелаете, все ваши мечты и желания; (только в таких книгах живут они, им всегда нужны люди, чтобы питаться их семенем и желанием, чем больше вы просите, тем больше они радуются и готовы играть с вами. Вечно), книги эти стоят в запретной секции, куда можно попасть только по особому жетону, которую выдают всем, кто скажет, что им нужно. Там можно подраться с Брюс Ли, Джеком Воробьём, попасть в Атлантиду, побороться за звание императора Рима, увидеть богов Египта, а можно вовсе стать каким-нибудь богом самим. Удивительное место.

Но, самая страшная секция, откуда никто не вернулся, страницы с космосом. Туда нет места тем у кого не имеется образования астронавта, космо чтеца или инженера строителя ракет и степени по изучению внеземных цивилизаций. Они уходят и больше никогда и не возвращаются вовсе, нашли ли они там миры лучше их, или мир поглотил их, что они были лучше тех, кто в них обитал; неизвестно. В стране остался всего один инженер, которому приставили охрану, чтобы он никогда не ходил в ту секцию. Люди этого мира давно хотят улететь из этой планеты, и им нужны ракеты, которые может построить только последний

выживший инженер.

В одной планете близ солнца, правда, дальше, чем наш Плутон, расположился пляж, где вместо песка, сахар, что тает от жара, и купаются там только по ночам, когда сахар рассыпчатый. Бывает, конечно, двуногие баклажаны кидают сахар в океан из молока, и она становится сладкой, утром тает и к вечеру становится конфетой, но такое происходит редко, а, если и происходит, то исчезает сразу же, как огурцы, бегемоты, люди и медведи с лисицами примут ванну, выпьют её; как говорится, оно им надо, изредка можно увидеть тех, как бегут они с заваркой в пакетиках, чтобы попить чаю, пока солнце не ушло за горизонт; на сноуборде, прямо по вязкому сахару, плюхаются и радуются, смывают с лица сахар, карамель покрывает их всю, но они вылизывают друг друга, когда выходят; особенно их любят мартышки, что сидят на деревьях, стоит только выйти, они окружают и вылизывают, уж очень любят сахар, больше, чем бананы; те бананы разумные, убегают, прячутся в норах, поймать их невозможно. Бананы, как киты и дельфины, плавают по земле, выпрыгивают и снова исчезают, и делают они это только ради того, чтобы стать мягче, стать зрелыми. Зачем им это, неизвестно, но потом их едят люди, покупая пюрежки в магазине.

В лесу стоит большой, одинокий дом, ни одного больше за тысячи миль вокруг, и живёт там лесник, старый, седой мужчина. Вечером к нему приходят лоси и олени, взвалив на плечи хворост и дрова; они добывают их днём, пилят, рубят, потом таскают в дом, и спят там до утра, греются. Как-то, по крайней мере, так ходят слухи, лось сел на кресло и заговорил за жизнь, как ему живётся зимой трудно и еды совсем мало, и что рад тому, что встретил лесника кормящий его и семью лесную. Ради такого, олени-строители построили ему пристройку к дому, где могли бы жить все они, разумеется с камином, чтобы теплее было, а лесник вместо этого кормит их, взамен дровам, которые он давно уже не в состоянии тащить сам, даже на санках. Львы тем временем сидят на самом верху дерева и смотрят не приходят ли к дому лесника враги, хищники там разные, страшные. Как только что увидит, спрыгивает с дерева и бежит к врагу; особенно трудно было справиться с мышью-боксёром и енотом-кунг-фуистом. Енот залезал в пристройку и съедал всю еду, а мышь помогала ему выгрызть нору в земле, откуда они попадали внутрь. Лев дрался с ними, пинал задними ногами, цапал, бил лапами, те тактично вставали в стойку и маневрировали, как болид формулы один, из стороны в сторону, давали ответку, и пробивали почку льву. Кунг-фу енот хватал льва и подбрасывал вверх, мышь-боксёр ударял того по паху, и лев отлетал к дереву; но, разозлившись, лев хватал мышь в пасть и разрывал на части, что даже сила боксёра ему не помогла с такими-то хлиплыми лапами, да и, тем более без перчаток, совсем крохотные, хоть удар их был и сильный, что могли насквозь пробурить шкуру льва, но, зверю такие раны были нипочём. Затем выходил лесник с ведром, собирал тела мышей и енотов, из мышей делал суп, енотов замораживал на завтра, и кормил ими льва. Лев плевался и терпеть не мог не приготовленное, вкус был иным, да и жевать долго. Потому, когда вечером лесник звал его домой, он снимал гриву, ботинки и садился за стол, брал в лапы ложку, и, как настоящий джентльмен, скатерть, и ел, рассказывая мужчине, как сегодня провёл день. После охоты, говорил он, отправился в пещеру к медведю, и немного выпил водки за упокой душ тех, кого он прикончил, пели частушки, реп, затем лев уходил к маме, которая пекла пирожки из морских окуней и антилоп, улыбалась, и хлопала того по спине, чтобы не подавился. Вскоре устав, лев падал на ковёр и засыпал, утром уж, вы сами знаете, кошки спят много, но всегда

настороже, его уж и не было в доме. Лесник просто-навсего выходил на балкон второго этажа и кидал енотов на опушку, где, вскоре, оказывался лев и съедал их. Затем вновь взбирался на дерево, а на дереве том был построен домик для него, тоже с балконом, и сидел там и смотрел недоброжелателей, что позарились на их с лесником имущество. Олени и Лоси вовсе не боялись того, они работали вместе, и лев всегда знал, стоит только ему наброситься на одного из друзей лесника, ни енотов тебе, ни тепла и, даже, к слову и стопки водки. Будет себе спать на холоде, а это не очень приятно; умереть можно, знает он об этом не понаслышке, два года назад, когда родились все они, трое его братьев очоченели в снегу и погибли, теперь он единственный сын своей матери, и потому, мать ценит его больше всего на свете.

Тысячу километров налево, в океане, в большом утёсе живут ласточки, которые помогают заблудшим людям попасть домой. Они, видя, как корабли не могут ориентироваться в пространстве во время туманов и, когда над океаном тьма, подлетают к ним, и сжимая корабль со всех сторон, цепляются лапками и поднимают их вверх, и приносят на побережье. Уж сколько бы не хотел попасть в крушение, тут дело такое, что крушение само ищет тебя по всему океану, ибо и скалы здесь живые, и могут плавать везде, и карты не могут помочь, скалы поплывут на запад и разобьют два корабля, на юге семь, а стоит увидев скалу завернуть налево, успеть сманеврировать, скала увидит тебя, заморгает глазками и давай к тебе на таран. Ходят слухи, что однажды кракен дрался с одним из них и потерпел сокрушительное поражение и больше не высовывается на поверхность, а всё только из-за них. Бывает, что, когда корабли, огромные, портовые, с товаром, проплывают над домом кракена, тот набрасывается на них и уничтожает, думая, что это его враг. Вот почему до сих пор невозможно доказать существование того существа, потому что и выживших нет, а те, что выжили, боятся. И несмотря на это, они существуют. Как существуют и сорокаметровые водомёрки, что плавают по водам, да так быстро, что поднимают десятиметровые волны, цунами. Вы думаете, это так по вечерам погода такая страшная, а вот и нет, всё дело в них, они выходят только ночью, чтобы их не увидели и гоняют, соревнуются и ищут есть. Днём их и со светом не сыскать, где они живут один бог знает; поднимется волна и на волну ударится, расплескается океан во все стороны и страшно становится. А потом люди видят дождь из рыб в своём городке, это потому, что близко водомёрки проплывали, подняли волну и рыбы подлетели вверх высоко, и упали над городом. Это еще повезло, что не коровы, что паслись бы у берега. Было бы не очень забавно. Идёшь значит на работу и на тебе, на голову падает корова, тут уж сразу больничный. Или остановился у светофора и хлоп на капот корова, встала, замукала, прошла пять метров и упала замятво, кто же их убирать будет? Конечно же, дворник, и никто об этом не задумывается, когда крушат города и строят такие вот вещи. Пока те водомёрки плывут по волнам, под волнами плывут акулы мафиози. Они держат в страхе весь океан. Казалось бы, сильнее и никого нет, но не тут-то и было, здесь, рядом с ними живут дельфины. Вы думаете они все такие паиньки и боятся акул, а вот и нет, всё наоборот. Акулы медлительные, а дельфины изворотливые, прыткие, вытащат из под тишка мачете и давай по почкам и по плавникам акулы, что та сразу же в бегство стремится. Не всё на самом деле так, как вам кажется. Между ними идёт война. Как-то раз одна акула убила дельфина, что на следующий день, вокруг их логова, нет... точнее всё логово у акул весь океан, по всему этому океану и можно было заметить тысячу трупов акул разного вида, тигровые, молотоголовые, белые;

плавающие брюхом вверх. В тот день повезло только морякам, да и то, акулы были некоторые обглоданы.

Потому, чтобы узнать о таком, и кто причастен, выдвинули кандидатуру орлов и ястребов, как камеры, что будут записывать на флешку в голове всю информацию, что они видят на земле. Их миллион и больше, все летают над своей территорией и видят всё. Так оно и стало достоянием общества. Ястреб пришёл в контору к правительству, вытащил флешку из головы, отдал их тем, а те, в свою очередь сделали грандиозное открытие, что дельфины, хуже, чем акулы и куда страшнее, и их не нужно ни в коем случае злить, а тем более как-то пытаться разобраться с ними. Дельфины нападают стаями, и жалости у них нет.

Пеликан открывал рот и из его пасти вылетала большая пчела, за ней вылетал и шмель, они очень любили растить цветы, к примеру, шмель полетал над полем и вырастил, выкачивая из зада ромашки и одуванчики. Пчёлы создают колокольчики, ландыши, пионы и розы. А где-то над горами летают большие лягушки, они выходят из своего укрытия лишь по особым дням, таким, к примеру, может считаться день, когда они вынуждены охранять свои покои от нежелательных гостей, одним из них, разумеется является цветок кактуса, что цветет лишь единожды за несколько лет, потому, тех их них, у кого есть иммунитет против цветков кактуса выходят на тропу войны вооружившись только желанием уничтожить и сохранить своих самок. Только самцы могут убивать, женщины из их племени слишком стеснительные и пугливые создания, почему же так произошло никто не знает. Но все полагают, что во всём виноваты те ублюдки, кроты, они всё время рассказывали им о том, как их собратья погибли, да даже всё племя на Австралии, ни один из них не выжил, и во всём были виноваты ядовитые цветы, которые дрались на световых мечях и обладали телекинезом, они, к слову своему, могли управлять даже воздухом своими лишь мыслями, потому могли они и убить воздух вокруг тех кротов, выдоить кислород, а другого выбора, как умереть у них и нет. А всё казалось бы... но давайте же не будем о печальном и поговорим о том, почему два наркомана шляются за гаражами и дотрагиваются до артов на воротах. Казалось бы, они же наркоманы на всю голову, зачем только они не могут их трогать, а оказывается-то наоборот, они видят настоящий мир, их лекарства, скажем так, помогают им познать всё величия миров и измерений, что скрыты от глаз наших. Бывает, они конечно же, не могут выходить и заходить туда, как и те звери, что подают им руки, чтобы поздороваться. Вот так потянешь руку и оттуда тебе прилетает копытце, копыто это необычное — зебра, притом очень даже разумная, она снимет шляпу и скажет «мерси» и поддержит разговор о хорошей погоде. Вот так просто, настоящий джентельмен, никак иначе, а что же, он ведь живёт в другом мире, там такие законы есть, такие, как он, тут обычное дело. Все звери ходят на работу, стоят на остановках, ловят попутку, также, как и мы, они ходят в детстве в ясли, только убирают за ними какие-нибудь шимпанзе или человек, да всё потому, что тут как никак, ну как не говори, а нужны настоящие пальцы, им удобнее всего держать лопаты и метла, крепко сжимать. Только кормить их не забывай, они любят это дело, да ещё и дом дай, большего и не нужно.

А вот к примеру, сейчас, между прочим я покупал недавно, может неделя прошла, картину, точнее миниатюрные наклейки на свой компьютер. По ночам он, Ван Гог, такого купил, оживает и рассказывает мне истории и плачет, как он был несчастен в своей никчёмной жизни, переходит с одной картины на другую и показывает, что ему пришлось пережить, и как он рисовал те или иные вещи, как долгими ночами не спал, курил много табака, гулял по ночному лесу, наблюдал за звёздами, принимал много чая и нюхал цветки. Подумаешь... Да у меня в комнате картина Микеланджело оживает и надирает всем игрушкам зад, помню, как зашёл в комнату, а там черепашка ниндзя свои нунчаками бьет бедного Терминатора. Я быстро побежал к ним в злости, в моих глазах горела ярость, бешенство, недовольство, как как он смеет... да и без меня! И начал лупить терминатора вместе с ним, чего это всё развлечение достаётся одному ему, да как только он посмел так

нагло и скрытно действовать за моей спиной. Обожаю этого чертягу, попил бы с ним чаю, только кроме воды ничего не пьёт он, так и умрёт девственником. А ведь когда-то он был обычным черепашкой, плавал в грязной обоссанной воде и даже не знал, что это его экскременты, когда те забивались ему между ноздрей.

Оказывается, муха, что залетает в комнату — это американские шпионы, роботы в которых сидят миниатюрные люди. Также и тараканы, вы думаете, что вы оторвали голову этому жуку, так нет же, он не умирает не потому, что так живуч, а потому, что люди шпионы чинят его, но всё таки потом убегают, и тот засыхает. И вовсе необязательно иметь какие-то там провода для управления мухой, те шпионы подключаются к ним посредством нервов, и так и ездят, как в фильме аватар, знает тот, кто знает. Могли бы они конечно управлять и животными, только их вы точно заметите, особенно, если их глаз видно будет не один зрачок, а десять зрачков или того более, которые будут вас изучать.

Над городом летал одинокий стриж и плакал, тоскливые глаза на землю поливали дожди, люди радовались. Не знали они, что из-за грустных стримов наступают ливни, растут пальмы и культуры, а по рекам бежит вода, не знали... За стрижами всегда летят и облака, пытаюсь успеть за ними. Затем, когда стриж умирает, его душа улетает в облака и становится тучей, и до сих пор не забывает грустить о том, чего у него никогда не будет. Смотря вниз, душа стрижа думает:

"Вот бы мне стать человеком и познать, каково это бегать и никого не бояться, есть, когда хочется и жить там, где хочется. Дружить со всеми, познать красоту фильмов и живописи."

Никогда, увы, стрижу не стать человеком, точно не в этой вселенной. Но, мы ведь хорошо понимаем, что круг не заканчивается на одной планете, и они точно попадают на другие измерения и галактики, которых нет в этом временном отрезке. Да хоть в прошлое, родится бедным крестьянином, но свободным не боящийся кошек и ястребов, собак и людей, что кидают в них камни, просто от того, что захотели.

Две мартышки прыгали по нёбу великана Петра и рассказывали, как провели чистку зубов, тщательно, мотыгой, лопатами и кувалдой. Особенно было трудно работать с горохом, который застрял между зубами, кувалда чуть не сломалась и не сшибла глаз мартышке на обратную сторону затылка. Но, благо, всё обошлось, и они вытащили сырой горох без проблем для себя, пришлось только выкопать лопатой зубы. Затем они вставили их обратно на супер клей, замотали скотчем и изолентой. Всё, что замотано скотчем держится хорошо, это мы ещё знаем из уст советских пап. Великан, конечно, ничего им не сделал, оно ведь и понятно, связанный великан Пётр Гулливер ничего не мог предпринять в таком случае. Ему даже убрали язык изо рта и маленький язычок тоже, чтобы он не звал на помощь и не будил давно уже уснувших детей мартышат. Стоило только великану открыть свой рот, они заталкивали ему в рот бегемота, слона и крокодила, вместо тряпок. Великан жевал жевал их и выплёвывать пытался, только бегемот купался под языком в ямочке, слон держался хоботом за зубы, а крокодил вальсировал между стенками щёк, то отрывая кусочки, то сшивая. Крокодил был бабушкой, он любил вязать. Слон всё время пел металлику, бегемот

подпевал, ведь был оперным певцом с давних пор — только что, только что это уже давно.

Два пожилых человека сидели на улочке и обсуждали о девушках, как те вульгарно одеваются и ходят со всеми гулять, как душа им пожелает. Знать ли нам положено или нет, но, наверняка давно мы об этом догадывались, ведь они завидуют им, потому что сами никогда так не жили и не гуляли, может быть им не разрешали и они теперь жалеют об этом, зависть. И, по такому случаю, к ним подсел крохотный воробей, клюнул одного, тот стал семечком, прожилвал его, выплюнул и сказал:

— Ты сгнил до корочки своей, невкусным, пережаренным, старым и тухлым, вот потому ты и очень несчастен, что не следишь за собой, а за другими.

Попрыгало семечко на скамейке, второй пожилой взял и хотел было выплюнуть шелуху, вдруг ни с того ни с чего, воробей сел на его голову и выклевал всю глазницу со словами:

— А ты много не ведь, плохо много всего видеть, знаешь ли. Не хватало ещё свою негативную энергию на людей накладывать, ведь все люди разные и живут так, как им хочется, а вы только и умеете обсуждать других, наблюдать за тем, как те гуляют и общаются, потому что сами боялись мнения окружающих. Вот посиди-ка ты лучше без глаз, чтобы много не видел.

Воробей подлетел на сук, встрепенулся, и стал девушкой. Потом слезла с дерева, голая совсем и прошла мимо тех двоих. Один был слеп и не видел, второй видел, но был нем. Так они больше ничего и не говорили никому. А напоследок, девушка подошла у одному из них и сделало кое-что, что запомнили они навсегда, и вы уже давным-давно всё поняли. Она разбросала семечки по скамье, чтобы дворник убрался, а того наглеца никто никогда не нашёл. Ну вы представьте, как на улочке лежит семечко с глазами, ногами и руками, вы же сразу же ахните, удивитесь, сунете в карман и пойдёте выращивать домой, в аквариум или террариум, попытаться вырасти таких же «ручных», «ножных» людей. Ай, да к чёрту!

А вы знаете, что самураи, что кажутся вам такими сильными и красивыми, властными и мудрыми, на самом деле не такие и хорошие люди. Ради своих желаний они сделают всё от них зависящее, и, даже убить новорождённого, потому что так приказал хозяин; у некоторых из них есть хозяева, дом и герб; быть одиноким позор. И так, вот, один самурай настолько преисполнился своей силой, что разорвал катаной галактику, и все существа, начиная от гоблинов, волшебников, инопланетян и других могучих существ начали падать вниз, в ещё более большую тьму, когда-либо существовавший во вселенной, в этой тьме, все добрые существа стали злыми, наполнились чернотой и устремились в соседние миры, дабы вселиться в тела людей — от того то и злых на свете так много, потому что когда-то один самурай разорвал галактику по всей вселенной вдоль и поперёк; души погибших и покинувших своё гнездо тварей устремились в места, куда могли дотянуться. Земля стала одной из пристанищ этих монстров, и, их души вцепились в тела землян, люди начали злиться, убивать, врать и наслаждаться болью других. И только самурай мог изгнать их, да вот только он был один, а одному, к сожалению, убивать людей, скажем и не такая быстрая и лёгкая задача, и, тем более, чем он будет лучше тех, кого убивает, если сам убивает людей, не является ли это становлением монстра?

Но, однажды, далеко до тех дней, когда ещё самураев не было на свете, жили фараоны,

они хоронили тела своих «богов» в саркофаги, кидали в гроб украшения, книги и еду. А те, в свою очередь ещё при жизни обещали стать защитниками миров. И, когда мир начал меняться, люди начали творить глупости, фараоны ожили. Мумии были в бешенстве от того, что стало с миром, и начали они истреблять нечестивых. Они поглощали их души, убивали, забирали зло, испепеляли, что однажды, сами стали тем злом, с которым обещали бороться, и сейчас весь мир, даже злые и добрые, стали напротив Мумии, дабы истребить зло, что хуже их. Тысячами годами они боролись за светлое будущее, за будущее своих детей и матерей, и в конце концов наконец-то одержали вверх, и смогли запечатать фараонов обратно в их же саркофаги. Но перед тем, как гроб захлопнулся, все они обещали вновь вернуться. И, чтобы этого не произошло, злые люди начали придумывать другие уловки, чтобы не разбудить дремлющее зло — они стали делать зло не всегда, а иногда, в большинстве случаев оставаясь хорошими; готовя есть, обслуживая людей, развлекая их, так, по крайней мере, они могли заработать деньги, которые так любили. Что может быть легче обманывать людей, которые думают, что получают качественное, когда на самом деле оно не является таковым. Люди принимают, думая, что цена приемлема для них и для заведения, они не сомневаются в этом, ведь, чем дороже вещь, тем она ценнее. Именно таким образом люди смогли оставить фараонов в гробу, но и сами не умереть вслед за ними, найдя хитрость жить и дальше.

А между прочим, если вы заметили и были внимательны и любили фантазировать, как автор сей книги, то вы давно уже думали о том, что в ручке, точнее чернила, что течёт по листку через шарик на кончике пасты, это есть настоящий космос. В этой маленькой пасте миллион планет невидимых нам, сотня миров, триллион чёрных дыр, которые пусть и не могут засосать нас в своё измерение, но способно засосать белый цвет вашего листка бумаги. То есть, когда вы пишете, вы не перекрываете сверху чёрным цветом, вы заменяете белый на чёрный, а цвет уходит в другое измерение. Так же, как и с чёрным, существуют и красные вселенные, голубые, зелёные и жёлтые, всего разные, сколько вы можете только себе представить. Изредка, атомы попадают в другое измерение через космос на вашей ручке и становятся кем-то другим, совершенно иным существом, что соединяется с атомами тех галактик; как всё до невообразимости классно, не так ли? Или же вы не думали об этом? Да кто же вас знает, о чём вы только думаете и на что тратите своё драгоценное время, если не нас мысли и фантазии, скучно живёте, скажу вам, и буду прав.

Во Франции, если на то пошло слово, есть человек, он является уникальным в своём роде, но никто пока об этом не знает, а его уникальность заключается в том, что есть у человека некое устройство, которое он создал у себя в гараже. Ну как в гараже, в квартире, в коридорчике, которую оборудовал по свои нужды. Именно там по выходным сидел перед лампой и мастерил то изобретение. Вы только вдумайтесь, пятнадцать лет, на протяжении почти четверти своей жизни, каждый день. Жаль только одно, что он не смастерил устройство для омоложения, ведь его смастерил кто-то другой, но уже в Италии. Мы отошли совсем от темы. Итак... Так в чём же заключается его особенность, так это вот в чём;

Если взять кровать, ты его не сможешь потащить с собой в поход, не сможешь взять с собой телевизор, стул и дом, не можешь засунуть в карман ракету или машину, а этот прибор даёт возможность засасывать всё в своё карманное бездонное измерение. В рюкзакИ она никогда не заполняете, освобождая место для других. Чем больше вещей положить в прибор,

напоминающий спичечный коробок, тем сильнее и больше расширяется пустота внутри, и измерение выедаёт саму себя, чтобы освободить места для другого. Стоит вам захотеть уехать за город, вот вам просто надоело жить в своём городе, всё так плохо и нудно, столько машин и шума. Человек раскрывает коробочку, направляет на свой дом лазер, она засасывает дом в себя, только нажатием одной кнопки, и оказывается внутри, если человек хочет поехать пешком в то место, он берёт в измерение машину, дабы, когда передумает или устанет по дороге, нажатием той же кнопки на боковой грани, он сможет вызвать её, и поехать на ней. Разумеется, вам очень интересно, как же это прибор знает, что именно нужно для него, что следует выпустить, а не «выплюнуть» всё подряд, так очень просто. Крутя шарик-кнопку на пальце, выбираешь цвет, и каждый цвет это что-то из того измерения, то есть, если вы нажимаете красный, то непременно вылезет машина, зелёный — дом, голубой — дерево, жёлтый — еда, фиолетовый — что-то другое. Квантовое измерение, измерение всех возможных вещей из всех возможных вселенных во всех галактиках, которые когда-либо существовали, то есть, представим себе, как мы стоим в комнате и для нас она одинаково размерно, как и для других, но представим себе, как снаружи, оставаясь тем же самым домом, той же самой комнатой, внутри этой комнаты совмещаются все другие комнаты из всех возможных вселенных из прошлого и будущего, из всех бесконечных мультивселенных, которые когда-либо существуют в измерении времени и вне его пространстве — одним словом, приплюсую это всё в маленькую комнату, мы получим бесконечное количество пространства без конца и края, куда может вместиться вся известная вселенная со всеми планетами, звёздами и мирами, останется ещё бесконечное количество места. Это и называется, карманное измерение, вне времени и пространства, как два пузыря объединяющийся в друг друга и создающие из ровно одинакового размера, что-то более большее, чем это может быть. Это как взять воду в литр, и добавить литр сверху. Оно вроде бы должно вылиться из ведра, но создаёт из литра литр(на самом деле два), но не изменяя его материального и видимого пространства. То есть вы вливаете воду в своё измерение, оно уходит в другое, но не исчезает с вашего, а когда вы начинаете пить воду, она приходит и из других вселенных, из тех, что вы когда-либо делали в прошлом в миге и будущем, так же, как и здесь, то есть, вы, налив всего литр воды, можете получить миллиард литров, потому что тоже самое сделали все ваши версии из всех других измерений. Кто понял, тот понял, кто не понял, ещё поймёт.

А мы переходим на следующую страницу...

Делая фотографии людей на крохотный фотоаппарат мы запечатлеваем их, а спустя какое-то время, когда они умрут, исчезнут из нашей жизни, мы одним взмахом фотографии можем вернуть их в мир на час, в том облики, в котором была сделана фотография, всего час в день. Они будут удивляться, почему вы постарели, у вас внуки, вы болеете, а они всё ещё молоды, а вы покажете другую фотографию, из неё вылезет мать того человека, и он заплачет, понимая, что мы достигли такого уровня развития своей цивилизации и создали столь удивительное изобретение; и захотят остаться, только через час они растворятся, исчезнут и никогда не будут помнить этот чёртов разговор, потому что всё будет стёрто и они возвратятся именно в тот момент времени в котором был сделан снимок, с теми воспоминаниями с которыми они были сфотографированы. И снова, на следующий день они вылезут из картины, улыбаться будут и снова пойдут одни и тоже вопросы; «Кто ты? Почему ты постарел? Это магия?». А ты кивнёшь и скажешь:

— Магия. Иначе как же ты стал настоящим?

А всё будет гораздо проще. В людей будут вживлены микро чипы, которые будут записывать характер, мысли и всё, что связано с человеком, анализируя его всю жизнь, создавая компиляцию; затем нано роботы в главенстве с главным прообразом, станут человеком, дав память всему телу, иначе же говоря, создавая душу, мозг. И мы, на самом деле созданы по такому подобию, у нас всего один атом, который отвечает за память и воспоминания, и он управляет другими атомами, командуя ими, а те выполняют действия, сами того не зная. Они будут думать, что это их роль, что они сами решились быть атомами и создавать из себя подобных печень или лёгкие, кожу или волосы. Но будут ошибаться. Наш главный мозг атом всегда будет командовать независимости от дня и ночи, ведь он подпитывается уверенностью своих рабов... и, кстати говоря, вы даже не можете быть уверены, что ваши воспоминания и все ваши потуги не были созданы час назад, вы сами не были созданы всего час назад с теми воспоминаниями, которые у вас есть, вы даже не можете быть уверены, что вы не фотографии, которые вылезли, или фотографии, которые живут в своём измерении «мёртвых» людей, давно сгинувших из земли, и на самом деле это не ваши родители погибли, а не стало вас. Возможно, когда вы умираете, вы просто выходите из фотографии в более развитый мир, в мир, где всё лучше, чем здесь.

Не помню главу...

На остров Фиджи мигрируют консервы. В них мозги. Океан прибывает их к причалу Нанди. Жители выходят с рассветом к пляжу и собирают их в корзины. В хижине лежат тела маленьких людей. Их помещают в голову, закрывают. Дети оживают. Им загрузили память о том, что жители этого острова их друзья, они знают их имена, где живут и работают. Жители также вели себя, словно они их дети, они знают их, притворялись и играли свои роли. Когда дети становились стариками, с возрастом мозги уменьшались, в конце, после смерти, молодые, те, кто только прибыл на остров, но уже в них было заложено то, что так нужно делать, вынимали мозги — сворачивали в пакет, совали в консервы и отправляли обратно по океану. В конце года, консервы возвращались с новыми воспоминаниями. Умершие тела стариков, модели и снова становились детьми. Мозги помещали в те же тела, в которой погибли. Они жили одну и ту же жизнь круг за кругом. Вынимали. Оживляли. Модели. Умирали. Глупели. Но каждый раз у них были новые воспоминания. Мозги, тем не менее, предназначались и болеющим шизофренией, Альцгеймером, психозом — отдельные консервные банки с маркером зелёного цвета. В этом городе люди мыли воздух шваброй. Когда они болтали ими, на месте, где они проводили шваброй вырастали и материализовались полы, стены и крыши. В лесу филины, совы и ястребы дрались в вольерах, танцевали вальс и танго. Судья орк ел гамбургер из камней, и за сорок лет никогда не останавливал бой.

Переплыв и поднявшись на башню на соседнем острове, через океан, можно увидеть моржа из огня. Он работает на маяке. Указывает путь кораблям, чтобы те не разбивались о скалы и кораллы. Рядом сидела жаба, которая утром проглатывала моржа, чтобы тот спал. Днём жаба убиралась в комнате, мыла пол, вытирала пыль и готовила есть.

На третьем острове жили ножки от стульев и столов. Больные и выкинутые высшими. Мусор. Они прыгали по острову, и любили плавать по воде, соревноваться в быстроте. Часть из них занималась сёрфингом, часть сноубордингом. Среди них жили белые, чёрные, красные и зелёные ножки. Жёлтых считали больными желтухой. Красными владел демон, бывший работник ада. Чёрные очень часто загорали. Белые работали на фермах и выкапывали лунки для овощей. Бандитов крошили в труху, в опилки и посыпали землю, как удобрение. В полдень из неба упала круглая доска. Все ножки собрались вокруг него. Доска покатила на гору, куда никто не мог допрыгнуть, и провозгласила себя богом. Ножки с тех пор носят его на головах. Так у них появился стол. Люди часто приезжающие на остров часто любили есть на нём. Ножки ровно стояли в ряд и не шелохнулись ни разу. Доску для сноуборда использовали вместо стула. Человек стал богом бога. И поняли ножки, что у каждого есть свой бог, даже у человека, и у бога человека.

На четвёртом островке, месте потерянным во времени, жили шляпы. Они пылали льдом, и тушили себя стихотворениями. Если переставали читать стихотворения, таяли и умирали. Потому на острове стоял настоящий гул. Голоса. Часто шляпы болели. Конечно, их люди не слышали, ни птицы, ни рыбы. Но стоило надеть их на голову, стихотворение отдавались эхом в разум. Человек сходил с ума, и голова замерзала. Как-то раз, одна шляпа выбросилась с утёса в океан и полетела в Антарктиду, здесь ей не нужно было слушать криков коллег и друзей, и не таять. Он перестал читать стихи, но из-за отсутствия других навыков,

временами снова начинал сочинять их. Снежное общество белых медведей увидев шляпу, решили нанять его, соорудили голову, которая вещала мысли шляпы через динамики, и он стал самым высокооплачиваемым комиком и поэтом Антарктиды, работающий за похвалу.

Если улететь на парашюте от сего места, и укрыться в библиотеке Максимианополиса в Египте, можно увидеть чудеса, которых нет в других странах. Особенно в библиотеке магии и колдовства. Здесь каждый год умирают люди лишь потому, что выбирают для чтения не те книги, и не тех авторов. Открывая книгу про крушение Рима, из книги выбегают римляне с копьями, мечами и стрелами, из книги Ктулху Говарда Лавкрафта вырываются щупальца размером с самолёт, а открыв литературу по призракам, кровавая Мэри вырывает глаза, через отражение. Здесь можно сгореть, утонуть, быть убитым и закопанным заживо. Моэм, когда, попав сюда лишился руки, потому что изучал аллигаторов доисторического мира. Эрнест Хемингуэй сжёг себе глаза, когда увидел ангела, а Достоевский, оказавшись здесь, вместил в себя тысячу душ, которые помогали ему писать книги. У всех разные ситуации. Но без сомнения, чудеса были кошмарны и опасны. Через книги вырывались волшебники, Волан-Де-Морт пытался договориться со смотрителем библиотеки, чтобы он дал ему флешку, чтобы загрузить душу, но библиотекарь хлопал ладонью, и волшебник улетал в книгу. Его будто всосал пылесос. Снежная королева обещала убить библиотекаря, если он не поможет ему, но смотритель доставал волшебную палочку из-за пазухи, которую получил из книги, и взмахом ставил её на место, превратив в пакетик желатина или куклу Барби. Здесь, временами появлялись звери, которые бегали по полкам, авторы падали, раскрывались и начинался потоп, выплывал мегалодон, вылетал дракон, бушевали мёртвые самураи. С одной вампир, с другой кладовщик воспоминаний. У смотрителя в такие моменты были свои возможности, кроме волшебства. Кнопка перемотки. Он перематывал время назад, хватал зверей и выпирал за дверь до того, как они смогут разбросать книги и устроить беспредел. Хлопок ладонью не убрал бы хаос, потому, чудеснее времени не было в волшебной библиотеке ничего. Умерших можно было воскресить, а потерявшие части тела, отрастить им конечности.

Но что это мы о библиотеке и библиотеке, не так ли? Давайте же перенесёмся в мир науки, где ложка пороха превращал человека в того, кого сам хотел. В порошке были гены животных, и попробовав лишь ложку, люди превращались в животных или обретали их силу. Удивительно. Чарльз Чаплин получил здесь грацию кошки, а Гёте зоркость ума.

Девочка бежала неумолимо быстро, неумолимо быстро протекала жизнь живых под ней. Она крутила рулон туалетной бумаги, а сама бумага представляла собой течение времени. Чем быстрее бежала девочка, тем на земле время шло скоротечнее.

И вот, она увидела бандита, который шёл с ножом куда-то, и тотчас начала ставить новые рекорды времени, что, пока тот бандит достиг назначенной цели, распался на атомы и стал пылью от старости. Нож упал рядом с тортом, дочь подняла нож и заплакала, никаким бандитом он не был, а хотел сделать сюрприз дочери, пораньше вернулся с работы и хотел

разрезать торт и поздравить её с именинами. Только вот время не вернуть назад... Ходят легенды, что, чтобы возместить ущерб полученный беговой дорожкой, «Девочка времени» сделала её бессмертной, и та всегда молода. Но ещё несчастнее, чем была — никогда не встретится с отцом на том свете, и всех кого любит потеряет. Слышали по радио времени на одной из планет, что эта девочка летала в космос, чтобы преодолеть всю галактику, дабы найти ту чудо девочку времени и отомстить, только сколько бы она вопросов не задавала, прежде чем ответить, все инопланетяне распались на атомы. «Девочка времени» умело скрывалась под раковиной Ильи Петровича в городе Петропавловск. Ильич смотря на неё видел сколотую раковину на которой сидел паучок и частичка пыльцы цветков. На этих пыльцах по ночам танцевали пчёлы и устраивали дискотеку несколько Суккубов.

А был на свете одинокий комар отшельник, что занимался кровными делами. Он подлетал к людям и отпивал из них трубочкой кровь и улетал, затем снова прилетал и снова отпивал, куда он их тащил, неизвестно. Разумеется, люди из которых комар пил оставались живы, и понимая это, комар улетал в иные места, искать других, чтобы пить кровь у них — дабы те, у которых он пил много рах, не покидали мир преждевременно. А оказалось, он устроился на работу в больницу, куда приносил донорскую кровь, чтобы спасти умирающих за бесплатно. Когда люди размахивались, комар вытаскивал удостоверение работника больницы и те опускали кулаки — комар был неприкосновенным и делал добро. Ему даже мухи и осы уступали дорогу, когда тот летал. Прежде не было надобности устраивать дорожную обстановку на небе, сейчас там летают скворцы и контролируют поток. Кто не слушается и не соблюдает ПЛД, скворцы съедают.

Над одним городом, где жара стояла уже третий месяц, ни единой воды за всё время не видела земля — летали большие скопления бабочек, они размахивали крыльшками и создавали ураганы, люди выходили на улицу, открывали окна и становились счастливыми.

В Африке бегали слоны, сооружая озёра, буря хоботом землю до самого ядра и растапывая все холмы вокруг, чтобы вода наполнялась в них. Однажды на тот водоём приполз Посейдон и окунулся, и, говорят, всё ещё живёт там — не выйдёшь же в эту жару на солнце? Посейдон видел, как несколько рыб удостоившиеся похвалы бога, от радости выпрыгнули из воды всего на несколько секунд над волнами, как сразу же стали сушёной, солёной рыбой. Без кремов от загара тут не обойтись.

Двенадцать месяцев стояли перед выбором, съесть мороженое или нет. Мороженое дрожало, держа в руках копьё и говорило:

— Всех вас ждёт боль и страдание! Не смейте приближаться ко мне, иначе я за себя не ручаюсь!

Месяцы оглянулись между собой, взяли руки с пола, остальными двумя руками, и затем, начали жадно опускать рты в сторону бедного мороженого, чтобы съесть. И тут... мороженое прыгнуло на одного из них, и вырвало клочок волос с подмышек. Застеснялся Июль и убежал, затем мороженое прыгнуло на лицо Декабря, он чем-то был похож на Ленина, а Март на Сталина. Только Февраль был Ди Каприо, и искажал своё лицо от метелей, на его лице жглись костры и сидели Дед Мороз и Снегурочка, жарили купаты и грелись. Кинуло мороженое копьё, вонзилось оно в глазницу Мороза, он встал и прыгнул на Снегурочку и избил её:

— Как ты смеешь! — кричал он, но в конце, разодрав всю одежду своей спутницы, пришёл в себя и застегнул штанины.

— Зачем ты купаты убрал! Мы же хотели поесть! — закричала Снегурочка, направляя

платье в юбку.

Сентябрь схватил мороженое за ногу и съел. Как вдруг из его уха вылезло оно и давай щекотать барабанные перепонки ногой. Сентябрь умер от щекотки, пальцем продырявив себе мозги.

— Я вам говорил! Я всех вас предупреждал, что со мной шу...

Дед Мороз схватил мороженое и отправил в мешок, там его схватили несколько гномов-эльфов и сделали из него димпл-пимпл.

Шутки в сторону. Мы улетаем в мир волшебства глубоко под землёй, где живут два тролля и один маг, что варит зелье против голода. Запустив над планетой, по всей земле вырастет хлеб, а на деревьях все виды фруктов и ягод, на берёзах копчёная рыба и курица, на кустах шашлыки и фрикадельки. А земля всегда будет влажной, а ветер всегда прохладным, и моросить будет каждые пол часа. Два Тролля соорудят рай из самого огромного дерева, куда будут принимать страдающих и больных. Там Маг будет лечить людей от проказ и болезней. Только одно побочное явление есть у всего. Когда Маг исчезнет, исчезнут все его деяния. Даже энергия, которую он дал через еду. А следовательно, все, кто ел эту еду, умрут иссохнув, от голода, от жажды и нехватки витаминов и минералов. Стоит ли страдания рая?

На гору лезли круглые квадратные треугольники, жители пятого измерения, взгляд на которых менялся с разного ракурса и представляли они совсем другое, при разных углах обзора. Бежали недолго, пока однажды, спустя тысячу две года спустя не наткнулись на огромного оленя, что сидел на пне, около входа в дом кролика и пил апельсиновое мартини, прямо из трубочки с зонтиком. Взглянул олень на них, и гордо встал на два копыта, расправил хвост, словно вышел на подиум танцевать, и пройдя к круглому квадратному треугольнику, сказал ему:

— Ты тут свои законы не делай, тут мои законы деланные.

И пришёл тогда житель пятого измерения в ярость и стал слоном, ударил хоботом того оленя, отобрал мартини и сел на пень.

— Законы делают те, кто является законом.

Не верилось пню, что его так нагло используют, услышав, как те дерутся словами бранными, которые автор не озвучил, закричал, поднялся, откинул слона в обочину лесной тропы, и заявил права на это место:

— Я, это самое, внук того, кто мне дед, и сын того, кто отец, и кто всегда владел владениями здешними, тут законы мои, и вы будьте любезны совершить во благо меня добрые деяния и заслужить место находиться тут, соблюдая все права и обязанности моего дома, олени!

Олень даже не понял, что его оскорбили, усмехнулся, на том и рад был, что его так уважительно обозвали. Жителю измерения номер пять только это встало боком, как только прозвучал сей наказ, тотчас на голове оленьи рога появились у слона и он вспорхнул, став бабочкой, и скрылся в другом мире. Жители пятого измерения никогда не нарушают законы тех мест, куда они приходят. Этот пень, оказался, новым жителем шестого измерения, чьи слова куда более сильнее, чем его — пятомерные. Кролик тем временем смотрел из домика, жевал сухарики и крутил пальцем у виска, затем пошёл на кухню, сел, включил телевизор и начал смотреть свой любимый сериал «Доктор кто в мире лапши во времена второй мировой войны до нашей эры».

А у Дункана, соседнего мальчика из созвездия леопарда, живёт работник — ящерица, он выходит на заказ рано утром, а плату берёт едой; червями, зоофобосами, мухами и фруктами. Он берёт с собой инструменты и строит целые замки для королей и депутатов, другие, бедные, заказывают только баню и сараи, денег нет на еду, потому строит ящерица их, — то из соломы, то из обещаний, а в самые щедрые дни, — картона. Но в один прекрасный день, собрались все бедные у статуи свободы Сталина, и поклонения Ленина, возмужали и пошли войной против богатых, а те, тем временем наняли ящериц, и рептилии создали целую стену из скал, что перебраться через неё вообще невозможно, тем более, на самом верху сидели сотня карликов, которые работали тоже за еду, но в том числе и за дом, который им построил богатый, — будки собачей, — и кидали камешки на лезущих на стену, а бывало, тыкали копьями в глаз и пинали в живот. Вылез из стены крот и укусил бедному ногу и

закрыл люк. Схватил карлик одного нищего, и кинул на острие скал вниз, отчего тот разлетелся на маленькие мармеладки, и из мармеладов выросли феи, они взлетели, схватили гномов-карликов, взмыли до облаков и выкинули вниз. Гномы махали руками пытаясь взлететь, но не смогли, но и умереть они тоже не могли, ведь откуда не возьмись прилетел реактивный летящий пингвин, сжал их в свои когти и выбросил к китам, где сидел Киттер Покиттер, колдующий нелепыми заклинаниями. Какие там были заклинания, увы, никто не знает, ещё не было тех людей, что выжили после встречи с ним. Говорят, Волан-де-Морт появился из-за заклинания кита.

Шутим мы или нет, этого сказать не можем, сами не знаем, давно ещё мы потеряли нюх на шутки, потому шутим, как удаётся. Но ведь речь не о том, не так ли, ведь Мерлин точно знает, что шутить мы не умеем, потому ходит за нами по пятам и объясняет тем, кто не понимает наш юмор. Так, один раз, гуляя по лесу, мы остановились около дерева и объясняли ей, что здесь нельзя расти, что тропа создана для людей, а дерево своим величием мешает людям и заставляет теряться. Тогда Мерлин взмахнул руками, прочёл про себя какое-то странное слово, дерево встало, поклонилось нам, и побежала по тропе к речке, а по вечерам можно услышать, как то дерево играет на скрипке и поёт, а возле собираются дикие звери и танцуют. А там, где стояло дерево, теперь поле.

Сорок девять скандинавских богов, которых придумали дельфины во время наводнения Атлантиды, рассказывали детям дельфинам страшные сказки о суше. Говорят, что на суше есть старики, что ловят рыб, вытаскивают на песок и заставляют задыхаться, а когда те умирают, они не останавливаются на этом, забирают домой, режут, вынимают внутренности, затем панируют и жарят то на костре, то на сковородке, а бывает, кипятят в воде, затем едят. Рыбки и дельфины дрожали от страха, и как-то раз заключили договор с акулами, чтобы те ловили людей и убивали, чтобы люди не убили их детей. Так, до сих пор, акулы нападают на людей, сжирают их и радуются. На дельфинов они не нападают, потому что дельфины — это мафия морей и океанов, они топят и режут акул косяком, стаей, бьют и издеваются, жалости у них нет, у них и сердце давно стало чёрным, — сами внуки не помнят, сколько это продолжается. Тор вышел к центру круглого стола, кинул молот на пол и закричал, что не даст людей в обиду, и выдернул из воды остров, сделав из неё сушу, на котором умерли миллион рыб и дельфинов. Один не был согласен со случившимся, он ударил сына по животу и отправил его в чистилище, ради наказания, превратив его в обычного человека. На том острове затем собрались люди, тысячи лет назад, назвали сие место Атлантидой, а потопил их никто иной, как сам Один, во зло своему сыну Тору, с тех пор найти то место и невозможно. Из-за маразматических атак на мозг Одина из-за старости его, забыл где потопил, а Тор и не запоминал.

В океане под толщей трехуровневого моря, обитают несколько кровожадных носков, которые никогда не ели мясо и не пили кровь, но уверены в том, что они хищники и бесперебойно нападают на траву, думая, что зеленый сок и есть кровь, никак иначе, иначе бы, если бы не было это кровью, трава бы жила и без него. Один раз толпа гопников из носков, в каждой семье есть олух, который портит всю семью, напали на семейство скатов и распотрошили их. Так они думали, когда их съел скат, и они внутри него плавали по потрохам.

Два одиноких старика сидели у моря и рыбачили, и один из них, не заметил, как кинул другого в море на крючке и поймал на него русалку, которая давно уже в девках ходит и ей нужен любой, чтобы выйти замуж. Так наказала ей мать, иначе выгнала бы из дома, а там уж самой надо покупать есть, готовить и убирать, а так, она может найдя мужика, жить на его пенсию, правда немного бедновато, но в море рыб много, а русалки любят есть рыб, а старику придётся слушать её. Таков закон их, мужья бывают у них в рабах, они отправляют их добывать рыбаков с суши, чтобы готовить их на вулканических лавах под водой, жаря, и есть. На этот запах приплывают и касатки, и акулы, и глубоководные рыбы хищники, тогда то и ловит русалку тех убийц, пронзая любовью насквозь. Ходят легенды, что один лишь вид русалки заставляет рыб уйти из мира кровожадности и стать обычными, в них пропадает злость и чувство инстинкта, они не хотят нападать и сразу же влюбляются в них, тем пользуются девушки, и убивают их. Один раз, мать девушки, словила большого кита и кинула его на камне на поверхность, привязала липкими морскими звездами, а тот, не смог отличиться, так и высох там, умер, затем мать посолила кита, и с пивом ели на празднике дня рождения отца.

В одной пустыне существовали дома, многоэтажные, красивые, но их никто здесь не строил. Они выпивали всю воду из земли, съедали всю зелень и живность, затем вставали и уходили на другое место, мигрировали. Так, в дома, в квартиры — вода поступала не от водопровода, а из земли напрямиком, в кран, распределяя между жителями. Дом так поддерживал в себе чистоту, ведь люди ухаживали за ним. Они мыли полы, делали ремонт, красили, оберегали. Всяко бывало, если подумать и вспомнить. Как-то два, или пять раз в одном городе, где они жили, наступила война, все окна повышибало, сотня домов полегло на том месте, а разрушенные дома были починены протезом для дома, мёртвыми кусками штукатурки и кирпича. Так, когда здания смотрели, можно было заметить, что жёлтые стены как-то переходят в оранжевый или зелёный, так это протез, этим глазом они уже не видят. Инвалидов без ног, дома оставляли на смерть. Только вот террористы отстраивали те дома, и здания счастливо проводили свои дни, пока однажды те, кого они считали добрым, не разбомбили город и не уничтожили не только людей и их детей, но и все дома и поселения, деревья и парки. Выжженная земля.

Кто бы мог подумать, что по острию ножа бежат крохотные, пятипалые, семиглазые люди, которые, если останутся, упадут вниз и умрут. Это нож, думают люди, что режет, на самом деле скорость тех людей способствует тому, чтобы они пронзали всё, до чего прикасаются.

Давайте же, улетим из этих мест, ничего в принципе нового мы не узнали, об этом рассказывал ещё Аристотель в своих лекциях про инопланетян поселившихся в нашем мире.

Вот тут, в комнате, в котором пишет автор, на кухне, где творятся множество историй, стоит колонка, что способна издавать танец, волны светодиода, это разноцветные люди, которые создаются музыкой и вылетают на кухню, окрашивая её в аквамарин, в радуго, в разноцветные паутинки грусти и радости. Если протянуть руку, то можно заметить, как они перепрыгивают с воздуха на руку и танцуют там, то вальс, о танго, а бывает и брейк-данс.

Они строятся ширинкой, и при появлении возможности, строем идут по воздуху, плывут и летают, гладят ушные раковины танцем, чтобы нам было приятно. От их танца зависит то, как мы будем себя вести, грустно или счастливо — их танец, — это искусство. Каждый миг их телодвижений, одно большое космическое чудо, не из этого мира, разумеется. Они попали к нам из далёких звезд, в далекие годы назад. Первый человек нашедший звук, расплодил их по земле. С тех пор они не могут покинуть нашу планету. Бывает, когда танец неоновых людей нравится вам и вашим друзьям, значит вы на правильной ноте дружбы, и сдружились вы правильно. Тем, кто умеет дружить, вся музыка бывает одинаково приятна и вам, и им.

У всех предметов на земле есть свой дух, к примеру, когда вы наливаете в чашку кипятка и смешиваете чай в нём, то те листики выпускают цвет, а это кровь тех мёртвых людей в пакетиках, которых принимают за неживой продукт. Затем, умирая, они окрашивают кипятка, молоко, а когда пьете, на поверхности виднеется пар, этот пар дух тех листинок.

В далёкой галактике, минуя три мультивселенных внутри трёх миллионов других мультивселенных, обитает единственная живая представительница человеческого рода, беременная малышом — что живёт на ракетоносителе Мариум-971. Там, вскоре заканчивается кислород. Казалось бы, малыш и мать умрут в мучительных страданиях, но родив малыша, мать становится призраком и обволакивает его аурой, чтобы защитить сына, что тот, преодолевая всю вселенскую проблему одиночества, становится первым и единственным человеком, который умеет дышать в вакууме. Так, малыш падает на холодную, страшную планету, на поверхности которой обитают жуткие ледяные монстры, они кромсают челюстями скалы и лёд. Множество чудищ мёрзнут по наступлению ночи, затем оттаивают по утру, но не мальчик. Его находит крохотный зверь, что прячется от хищников, спасает и растит под землёй. Каждый вечер, пока родитель засыпает от мороза, мальчик из-за кокона матери-призрака, не мёрзнет, и делает обход вокруг планеты, успевая приходить домой по утру притворяясь спящим. Мать, разумеется, что воспитала его, думает, что и он тоже ночью замерзает. Малыш растёт и растёт, пока не становится настоящим мужчиной, и сейчас, общаясь на языке того, кто его воспитал, он рассказывает про свои похождения. Вскоре, дома начинают появляться вкусные куски мяса, мясо тех хищников, что засыпают по ночам. Мальчик убивал их и приносил домой, чтобы не умереть с голоду. Годы спустя, на планете началась новая эра — эра подземных зверей, когда все чудища были истреблены. Так не могла продолжаться долго, еды стало не хватать, потому, мать-призрак оставила сына и обволокла планету, чтобы создать новую экосистему. Планета растаяла, на поверхности начали расти деревья и растения, вылезли вечно спящие звери, которых считали вымершими все те, кто обитал после них. Круговорот жизни начался по новой. С самого чистого листа, с счастливого листа. Так, один выживший человек из какой-то пресловутой, старой ракеты, спас целую планету от полного вымирания.

Но тут рассказ не обрывается, откуда не возьмись через космос, разрывая материю пространства, на планету падает Горилла. Этот вид давно известен на земле, которую мальчик никогда не видел и не знал, и вид ему кажется новинкой, да и, не думает он, что зверь прибывший в гости, может навредить, только вот, зверь вредит. Он начинает есть всё

вокруг, вместо живота у него крутится алая чёрная дыра. Это уничтожитель миров — ГорГорилла искажённая. Искажает пространство и время, путешествует по материи, разрывает космос, уничтожает галактики, съедая сначала всё, что находится на планетах, затем планету, после и всю галактику, оставляя пустошь. Протянув руку, мальчик понимает, что не с добром пришёл зверь, и убегает от него, лезет в рухнувшую несколько лет назад ракету, и достаёт оттуда плазменный резак, которым и пытается убить чудище. Один залп, и горилла готова, но к сожалению не эта. ГорГорилла съедает их, и они оказываются вне времени и пространства, вне мультивселенных, а в одной единственной вселенной, где живы все... Все виды всех миров когда-то уничтоженных и исчезнувших. Мы, считая его исчадием ада, так и не поняли, что он был спасителем миров, что сохранил тех, кто должен был умереть. Так, в том мире, дух матери-призрака стала настоящей. Да всё потому, что здесь нет времени, а там, где его нет, не может быть что-то полностью уничтоженным, и то, что уничтожено там, во времени, где она есть, здесь, где его нет, времени, того момента, когда её не стало, никто не уничтожен, ведь этого никогда не было и не будет в этом пространстве.

Разумеется, это удивительно, что люди, когда-то умершие могут воссоединиться с другом и радоваться, разделять счастье и грусть. Ну а кто-то, не имеет возможности такого, как например Агата Кристи, ставшая после смерти песчинкой на пляже. Она каждый день наблюдает темноту вокруг таких же песчинок, что её окружают. Она плавится на солнце, затем волны топят её, как уж тут радоваться, только страдать. Однажды к ней приплыла русалка и рассказывала историю о том, что на дне морском есть волшебная диадема, которая исполняет двенадцать желаний, но никто так её и не нашёл, сколь дней не искали. Агата Кристи впервые в жизни обрадовалась, да всё потому, что у неё есть вся бесконечность мира, чтобы добраться до дна моря, найти и загадать желание стать кем угодно, только не песком или камнем, хоть птеньцом ястреба, или блохой, и иметь возможность наблюдать за рассветом, за пением оркестра, за раскатом грома, вдыхать запах перлитра, чувствовать вкус, только не гореть в вечном пламени солнца.

Один мальчик рисовал каракули на тетради и говорил, а вот знаете ли вы, что важнее, если сравнивать полезность солнца или луны? Между ними большая разница и важнее всего луна, разумеется, ведь солнце светит днём, когда уже светло, а луна ночью, когда темно. Мальчик тот был ещё маленьким, не было тому и трёх лет, он высовывал язык и радовался, что всё таки луна есть, ведь как же иначе-то ходить гулять ночью с друзьями и пинать мяч на поле, когда солнце прячется? Радовался луне мальчик сильнее, чем мороженому, которую покупал отец приходя домой после работы на комбайне. Комбайн то был на самом деле самым необычным, таким, которые летают по небу и собирают воздушные, белые и пушистые облака на спину парящим верблюдам. На тех верблюдах сидели кролики и водили руками по верху горба, разглаживая облака и прессуя, чтобы умещалось ещё больше облаков. Спускаясь на закате дня, солнце тогда уставало и уходило прочь от земли, облака зажигались ультрафиолетом, то окрашивая небо в оранжевый, желтый и красный, а бывало в цвет киви и луны. Почему же цвет называли ультра, мальчик не знал, но папа говорил, что это полезно, когда ультрафиолет попадает на кожу, помогает нам жить. Мальчик хотел понять, просил купить ему фиолетовую бумагу на которой он бы рисовал луну, и думал, что и правда, фиолетовая бумага тоже полезная и делает жизнь удобной, особенно тогда, когда нет белой бумаги для рисования. На таких бумагах получаются очень красивые баклажаны и патиссоны. Прямо таки живые. Они бывали и такими, стоило быть в доме нет ничего, они доставали бумагу с баклажанами и кидали в необычный шкаф в углу другого громадного шкафа, и закрыв, затем открыв дверцу, можно было получить самую настоящую еду, вот тот самый баклажан, съедобный и живой. Однажды, папа придя домой после трудной, но не менее увлекательной работы, заметил, что сын сидит с каким-то зверьком. Приблизился к нему, склонился и удивился. На коленках сына сидел самый необыкновенный и фантастический зверь который видел отце когда-либо в своей жизни — муравей размером с кошку, на переносице у него были очки, а в руках карты, повернулся к нему и заговорил:

— Присоединяйтесь, милейший, мы тут с вашим сыном учимся играть в карты, пока мы не совсем поняли, как это делать, но уже близки к цели! Тот кто не сдаётся, всегда чему-то и научится. Вот на самом деле так всё, садитесь же, сейчас я вам заварю чайку, мы обсудим стратегию наступления колоды карт на стол.

Вытащил муравей из-под какой-то из лап чашку, а из другой чайник и совсем уже горячий, пар шёл вверх, вырисовывая морские корабли и огромные паровозы, что гудели и из окон махали люди, улыбаясь и радуясь чему-то прекрасному. Вот один из парней встал, крикнул что-то, открыл окно и кинул букет роз завязанный лентой. Упал букет на пол, развязалась лента, а внутри бумага с поздравлениями о победе над фашистской Германией. Сел Отец, вытащил из кармана небольшие горстки конфет и положил на стол. Муравей затянулся воображаемой трубкой, повалил дым, густой, как после бани в холодную погоду. Из дыма выпрыгнул маленький человечик и упал на бок, затем встал, отряхнулся и начал открывать конфеты по одному, перепрыгивая с одной на другую, на третью и так далее, пока не добежал до последней, и проведя рукой по лбу не произнёс, что устал и не упал на стол. То был человек-конфета, он проверял съедобность их, не дай там какой-то гад отраву подложил, обязанность его была такая, яды смотреть, паразитов выгонять, да чтобы всё было вкусно и никто не жаловался. Пока дым не рассеялся, человечик встал и прыгнул в него и

исчез, растворяясь так же, как прибежал из какого-то измерения волшебства.

— Всё отлично, сударь, можем приступить к трапезе нашей, — шепнул муравей и схватил четыре чашки в лапы, одну подал мальчику, другую отцу, а две себе. Видите ли, он очень сильно обожает пить чай по две чашки, одна кажется ему нечётной, а что нечётно, то и не вкусно вовсе. Один, чтобы утолить жажду, второй, чтобы почувствовать вкус и аромат чая.

Так у мальчика появился друг-питомец. Бывало выйдет на кухню, что-то там грохочет, бьется, толи тарелка, толи сердце чьё, возвращается отец, а на кухне уже готово всё на ужин, всего вкусного много там, того что не было в их жизни, и то, что мальчик сказал, что любит он и отец его. Всего много приготовил.

— Жалко, — говорил муравей, однажды, смотря на небо и наблюдая за звёздами, как по космосу плавал огромный чёрный змей с белыми контурами, проглатывая планеты, — Что нет у вас мамы, — затем вздохнул и рассмеялся, — Впрочем, и без мамы жизнь идёт. У меня её тоже нет. Вы мои мамы. Тот кто воспитает, тот и мама, что даст наставление, тот и настоящий родитель. А что же, на самом деле так оно есть, вы же меня нарисовали и вырастили, кто же вы, если не она, ведь у матери не может же быть пола. Рождения бывают совсем разные. Читал я ваши человеческие книги, там вот, Буратино был, совсем ведь не из человека он появился, а благодаря человеку, создали его, как и меня. Отец он есть и мама, и папа.

Выслушали его, и заплакали, что когда-то ведь их создала настоящая мать, женского вида, да вот только стала она выбором бога Аида, и бросив их, вышла замуж за него. Правда, не по своему выбору, сам Аид пришёл и забрал её, умертвив, оставив сына живым. Говорит отец, что сын в тот день умер, да мать была против, и заключила договор, чтобы жил сын, а она стала мёртвой. Одни фотографии только и остались в доме, как она улыбается и смотрит на сына в последний и первый раз, как за спиной виден силуэт, тень бога смерти, что тянет руку. Отец летал на своём комбайне по всей планете, пытаясь найти то место, где вход был в мир мёртвых, не нашёл и опустил руки, а мать, по-видимому, видит их через какой-то волшебный шар, плачет, ведь по утрам в сухую ещё погоду, на лбу сына и отца появляется капелька солёной воды, а на щеках красные от поцелуев следы.

Тот шкаф всегда был притяжением чудес, бывало, что взбредёт мальчику в голову, нарисует и отправит в шкаф, а оттуда повалит густой дым, что-то заискрится, и вылезет кашляя какой-нибудь гном с топором, заявит, что пришёл на помощь тем, кто нуждается, выйдет во двор, увидит в далекие лес, побежит туда и дров принесёт домой. А затем, самое то... за гномом следом выйдет ещё более непонятный зверь, ноздри большие такие, а руки чёрные-чёрные, за спиной какие-то стрелы и железяки. Последует за гномом, разложит железяки на землю, соберёт что-то, и стрелы вытащит, побежит за гномом в лес, и вот тебе принесёт дичь какую-то, порежет и сделает шашлык на стрелах. А та железяка мангал. А руки черны, потому что всегда в жару работает и угли прикасаются к ним. Гном и тот человек пожарят шашлык, порубят дрова, разгонят комаров и мух, что прилетают на запах, и заплачут, что их скоро выгонят. Муравей подошёл к ним, и сказал, что мать не откажется от творения своего, всему в мире есть применение и своё предназначение. Так, гном и человек, что не представился кем он был, толи гремлинов, толи зубастиком, ушли изучать мир и помогать тем, кто нуждались в них и голодали. Изредка приходят они с дичью, пожарят и убегут. А в одном из дне, гном и вовсе пришёл с подругой, полакомил с отцом — мальчиком, в лице мать, что разницы никакой, а через неделю и дети у тех появились. Жили они месяца

два от силы, нарисованные гномы, затем старели от солнца и умирали. Вот почему луну, мальчик, любил сильнее. Где же это, ультрафиолет даёт полезность и радость? Оказалось, что не всем она и полезна бывает. Выцвели и исчезли все рисунки. Потому стал мальчик вовсе не рисовать «живых» и класть в шкаф, а только по нужде рисовал еду и транспорт для игр. Повзрослел и стал умнее.

А в один день, когда мальчик уже хотел было в школу пойти, отец прилетел на большом драконе, в рубаху него были книги и портфель, оставив их, дракон поклонился и исчез.

— Дракон знаний, — заявил отец, — приходит в те дни, когда дети взрослеют и готовы пойти учиться.

Но слышали ли вы, что до того, как шкаф попал в семью людей, он долгое время лежал на дне морском и принадлежал семейству рыб. Они являлись на поверхность к людям и задавали вопросы, чтобы они хотели, на что получали ответ. Рыба научившаяся говорить на языке людей, побывав в шкафу, где у неё появился язык и мозг, который она себе нарисовала в воображении, заявляла тем, кто просил, чтобы те приносили ей рисунки того, что они желают. Раньше шкаф был куда больше, немногим меньше небоскрёба, но точно больше Титаника, или память нам изменяет и вода исказила реальность её высоты, но в конце концов, на суше она высохла и сузилась до размеров винного шкафа. Одни просили огромный дом, что и получали, а дом на упряжках тащили киты, и выкидывали птеродактили, что прилетали из-за гор Килиманджаро, тоже, как полагается были нарисованы для помощи рыбам для исполнения желаний, а иные просили жену, но получали разочарование, ведь люди быстро переключали свою любовь на других, более красивых и умных. Людям не очень то и нравилось, когда кто-то очень сильно привязывался к ним и ходил по пятам и кричал, что сильно любят. Конечно, быть умнее не помешало бы, но во время счастья мало думаешь головой. Но, однажды какой-то старый мужчина, стариком его ещё называют, сморщенный, как изюм, на вид настоящая рыба-капля, выловил рыбу и не поверил ей, пожарил и съел, а потом и желания стали быть не стали существовать, пока однажды море не высохло, а вместо с ним и волшебный шкаф. Нашли его обезьяны, играли долго, едва ли научились пользоваться. Единственным, что они умели, они загадывали бананы, рисовали на листке пальмы линию и кидали в шкаф, а тот давал то, что они просили — бананы, куча и горы бананов. А затем наступил миг колонизации, и джунгли были вырублены, а обезьяны выселены из своего места обитания. Шкафчик нашли представители музея. Полезным они его не нашли за исключением того, что она была стара, как сама цивилизация Майя. Хранили до поры и времени, пока какой-то богатый мужчина не выкупил его. Вскоре и война началась и замок того богача был разрушен, и шкаф был утерян. Много сотен лет спустя, он попал к деду того комбайнёра, и так по наследству передавали тайну шкафчика и хранили секрет в семье.

Что было, то прошло, никто больше не интересовался историей старого, ветхого шкафчика, на том и был утерян след его существования на страницах архивов.

С этих миров мы улетаем в гущу космических войн, в гущу, где дети только и есть, что взрослые умерли после того, как достигали тринадцати лет. Сама планета их убивала, но объяснения этому не было, но никто из них не жаловался. Появлялись они из бутонов цветов, до пяти лет их кормило растение, добывая полезные ископаемые из-под земли, питала молоком, добывала листьями зверей, что пробегали под стеблем, скручивала их и жарила несколько дней на горячем солнце, словно коптя. Затем, дети уходили в мир, цветок отпускал их, и те уже добывали еду сами себе. В одной стороне планеты жили только

представители мужского, а вдругом женского пола и они ненавидели друг друга, потому что не понимали, зачем им нужны представители иного пола такого же вида. Женщины были капризны, и всегда кричали и истерили, именно это и не нравилось им — мальчикам. И началась война космического масштаба. Чтобы превзойти друг друга, они начали придумывать оружия, сооружать крепости, оборудовать дома пушками, конструировать ракеты и звёздолёты, чтобы атаковать с неба. Но, никто из них не мог предполагать, что другой пол этого же вида сможет достичь тех же успехов, что и они. Ядерная война длилась веками, дети достигали тринадцати лет и умирали, передавали знания в свитках другим поколениям, которые уже с самого рождения унаследовали знания на чтение и письмо, как это происходило неизвестно, казалось, всё приходит с молоком матери. Долгие века длилась та война, что все начали понимать, ничего хорошего из этого не придёт, и нужно искать способ жить дальше, а не умирать с самого молодого возраста. Тысячелетняя война кончилась договором о том, что увлечённые гении-учёные будут искать способ жить дольше тринадцати лет. И нашли же... Перестав пить молоко, и отлучаясь от материнского цветка сразу же после раскрытия бутона, дети становились взрослыми. Вот уже на планете появлялись настоящие взрослые, по лет им по тридцать и больше, они умны и сообразительны, да и женщины не уступали им в развитии. Учёные узнали, что то, что их родило не естественного происхождения, что они были созданы теми, кто жил здесь когда-то, но исчезли, а оборудование по клонированию людей осталось. Те механизмы раз в несколько дней выезжали из-под земли, а под ней были губительные для организма живых существ яды, что не фильтровалась бутоном и подавалась прямо в крохотные рты детей. Этот яд убивал организм медленно, но всегда. Лекарства были созданы быстро, противоядие было в изобилии, и дети, что появлялись из бутона, сразу же кололись антителами к отраве. Вскоре, последние дети выращенные из бутона встали на ноги, а механизм, что создавал их, был уничтожен и переработан в другую, менее опасную вещь, производство лекарств первой необходимости и заводы по изготовлению еды и консерв. Дети наконец-то узнали, что тем, чем они справляли нужду когда пили, может быть не менее лучшим способом размножения. Как же планета всё это пересмотрела, как люди, что жили давным-давно знали, что в тринадцать лет многие из детей становились взрослыми, знали бы... только поломка решила, что ни одна жизнь детей не важна, что тринадцать хорошая цифра для смерти. Дети просто засыпали, зевали и больше не просыпались, но такая смерть лучше, чем режущая боль. Наконец дети стали взрослыми, разоружили свои установки, а из ракет сделали столовые, правда, они летали и меняли место. Всему нужно было учиться заново. И даже материнству и заботе. Добру и состраданию. Учиться заново терпеть и понимать мысли других, принимать и плохую борону людей, не злиться, говорить правду.

Затем наступила ночь... змея проглотила планету, а тело его большая чёрная дыра, ну а с другой его стороны белая, что сбрасывает планеты в другие миры, измерения, а там уже совсем иные законы, иные потребности, и живут там множество новых видов, что напротив не против и войны развязать, чтобы захватить территории. К счастью, может и к сожалению, их планета попала в белый космос, где всегда было светло, а по ночам, вместо луны появлялись несколько солнц, по крайней мере, семь, что делали планету тёмной, и так наступала ночь. Солнце стала предвестником тьмы. И дети поняли, что планета огромна, и в ближайшие несколько сотен лет будут искать способы колонизировать ближайшие планеты и искать способы оставить след в космосе. Они верили, что, белый космос был открыт для них не просто так, что кто-то точно хотел, чтобы они сюда попали, так и вера появился в

богов, а вскоре и новая ненависть к тем, кто в них не верил... эти войны никогда не заканчиваются, только ещё ни один из них не знает, что на самом деле они маленькие бактерии на крохотном зерне, что валяется под лампочкой, и свет никак иначе, лишь включенная лампа под которую танцуют великаны из другого измерения. А чёрные точки ничто иное, как пыль, что летает по комнате, а солнце, что приводит их мир в тень, пролетающая мимо иная бактерия.

Мир — это прекрасное место, где слоны поют о жизни в морях, как они ловят рыбу на хобот, затем возвращаются домой и жарят их на печке, на углях, кушают и превращаются в людей. Попугаи, что вечно летают по Амазонке, теребят своё горло, зовя всех в паутину опасности, чтобы насладиться страданиями человеческими, мир, где тараканы строят дороги, где павлины рисуют радугу на небе кисточками из акварели, а рыжие коты, создают уют и тепло, и красят закат в оранжевый. Этот мир удивителен своими прикрасами, куда не взгляни, что-то да и происходит, что-то умирает, а что-то рождается. Кто знает что это, но каждый точно уверен, что это что-то опасное, красивое и доброе.

Вот взгляни на гору, оттуда выбегает мальчишка, а что у него в руках? Ручная какая-то кладь, чемодан или сумка, нет... вблизи же совсем коробка из-под сигары, открываешь, а внутри разложены сотня маленьких, размером с зерно — машины, достав их, и выкинув на землю, они увеличиваются в размерах. Было бы это ещё пол беды, но вот что интересно, многие из этих машин построены на базе искусственного интеллекта, робот, который знает, что хочет мальчик. Вот тебе, садись в неё, а тебе из-под капота прямо в пассажирское сиденье влетает мороженое с фисташками, клубникой и манго, а сзади, прилетает игровая приставка, чтобы играть по пути домой. Да и мальчик сам не управляет машиной, а ИИ, зная, куда надо и почему, бывает, даже сам включит навигатор, показывает места с названиями магазинов, рассказывает историю мест, чтобы заинтересовать мальчика. Однако же, ИИ так запрограммирована, чтобы заинтересовать мальчика на покупку. Конечно, мальчик ещё не знает, что он будет вечным должником, когда ему стукнет двадцать один, и он будет платить за всё, что он ел и куда ездил, где играл и что пил. ИИ всё больше и больше заманивают таких людей, чтобы долги росли у тех, чтобы обогащалась казна государственная. За неисполнение обязательств, людей казнят публично, напротив тысячи мышей, червей и одиноких северных ветров, что разгуливают из одного конца планеты на другую. Люди взрослые давно ушли на работу, где-то там, на рудниках, горбатятся, добывают полезные ископаемые, чтобы отдать долг. Было бы ещё ничего, если бы молоко за тридцать не стоило три тысячи, а сколько было употреблено их за жизнь долгую, никогда не расплатишься. Так, в двадцать один год все люди попадали в тюрьмы и жили там от рассвета до заката, кушая едва ли два раза в день, ведь и эта еда будет оплачена из их кармана. Жизнь была до двадцати одного года, дальше ты раб государства.

А где-то совсем недалеко, на соседней планете — она прилетела сюда из чёрной дыры, и начала крутить возле солнца, живут такие же люди. Люди те, это мы — только из земли, что из другой звёздной системы мультивселенных, копии нашей. Да вот только живут там вовсе не так, как мы, законы иные. Выращивают на тех планетах зверей из пробирок со сменными когтями, сменными глазами. Вместо того, чтобы стричь когти у кошек, там они снимают их, как какую-то обувь и вешают на крючок, а кошки царапаются, прыгают, а когтей нет, ад и зубы тоже сменные — надевают их, когда кормят. Так, все звери жатой планете никого не могут укусить и ранить, и дикие звери представляют из себя плюшевых игрушек, с которыми может поиграть любой, искалечить. Бывает, что медведь тут гуляет по лесу, а тело у него большое, да вот только лучом из пистолета, что придумали и создали те люди из другой земли, делают тех диких зверей совсем уж пушистыми, настолько лёгкими, что одного ветра из-под вентилятора хватает, чтобы те улетели. Ляжет такой медведь на

тебя, на вид не различишь от обычного одеяла.

Как-то раз, через иллюминатор, один космонавт заметил летящую кукурузу. На том кукурузе сидел огромный жук-наездник. Он, по крайней мере так показалось, был всадником, и всегда седлал кукурузы, не от хухры мухры вам тут так его называли наездником, укротителем кукурузного початка. Как оседлает кукурузу, как потянет за усики её, она млеет, и испускает пары любви, так преодолевают пространство космоса. В простонародии, космонавт называл кукурузу — пердящий смрад. От того, следы на небе по ночам можно заметить. Но жук хитрый, откуда же от кукурузы может что-то смердящее выйти, он всё делал сам, а казалось, что кукуруза. Однажды, когда по космосу летел задыхающийся от нехватки воздуха петух, ну вот так вот вылетел из земли, хотел мир повидать, и как даст «любовь» в нос петуха, тот сразу же взбодрился, стал кудахтать, петушится и агрится, взлетел до самого верха космоса, ударился головой об потолок и полетел вниз, прямо на землю. Говорят, его там поймал Пегас, и отвёз на соседнюю ферму, где делали шашлык из птиц на продажу в Магнит.

Выжил, но какой ценой? Пару недель свободы, затем стол на трапезу, вот она жизнь петушиная. Едят люди и смеются, а про судьбу петуха никто и знать не хочет.

В одной вселенной вообще происходят невысказанные вещи. К примеру, не дай соврать, дети есть, но живут они жизнью своей лишь до семи лет, а после чего, идут в магазин и покупают за человеческое время жизни — жизнь животных, кукол, которых надевают на себя и становятся зверьми. Так, когда кто-то хочет стать строителем, они надевают куклу бобра, снегиря, а когда хотят быть охотниками, то тигра, медведя, барса или шакала. Бывает, матери, чтобы быть ещё больше ближе к своим детям, надевают куклы те, что им не нравятся. Многие дети охотились на своих матерей и съедали. Так, когда малыш надевает куклу Слона, мать тоже следует за ним, но стоит надеть какую-нибудь другую, они становятся врагами друг другу. А есть дети, которые оказываются надевать эти куклы, они хотят быть людьми, тех отправляют на челнок, что летает по орбите планеты. Люди там живут столько, сколько им отведено. На той планете ведь как, многие хотят иногда стать и смертью, надевают кукол, и умирают. Умирают и становятся ими, и начинают забирать тех, кто умирает. Питаясь жизнью после смерти, те дети становятся ещё сильнее, и вот уже могут сами забирать людей и зверей по усмотрению, сделав какую-нибудь пакость. А люди потом думают, что это случайность.

О такой планете слышали не многие, но многие уже давно там побывали — это мир, где все люди нарисованные и выдуманные, и когда кто-то очень сильно желает, чтобы такие люди повстречались им на пути, они вырисовываются в реальность, когда люди сами хотят видеть людей, которые им приятны, придумывают им характер и свои недостатки, те люди становятся реальностью, и пока вы или кто-либо ещё помнит о них, они существуют в теле людей являясь миражом. Когда вы не вспоминаете о них, они просто навсегда улетают в свой мир обратно и ждут когда же вы о них заговорите. Захотелось позвонить, вы звоните и они связываются с вами, становятся реальными, а как только перестаете вести контакт, их нет в мире. Вот и вы лишь миражи, что существуете здесь, потому что о вас помнят дети, соседи, друзья и кто-то из прохожих, может быть желает видеть именно вас, мечтает о вас, грезит, стоит о вас забыть — вы умираете, по-настоящему. Вас не становится. Возможно, когда, после смерти о вас помнят, вы ходите там, в мире гробов и мёртвых и наблюдаете, радуетесь тому, что совсем уж с мира то не сгинули. Радость какая.

А затем бам! И вот ты уже дерево и наблюдаешь за тем, как две мартышки занимаются

карате, как орангутанг на дереве добывает мёд, а кабан чертит место на земле, чтобы посадить морковку и помидоры. Затем впопыхах из пещеры на склоне горы выбегает лось, вытирая копытом лоб, и говорит всем о том, что приехал Пут.... Тотчас все звери становятся людьми, встают на ноги, строят дома, кладут плитку на землю, облагораживают всю местность, затем Лось уж совсем отдохнув, повторяет:

— Это самое, Путассу приплыл, у двери ожидает, тростью машет, требует червяков!

Выдохнули звери, насвинячили заново, начали драться, ругаться и с дерева спустился Леопард, зевнул, вышел за дверь, затем вернулся, прочищая зубочисткой клыки.

— Да нет там никого, — сказал он и рыгнул, только и кости повывлетали. Схватила мышь леопарда за лапу и на прогиб, сломал ему лапу, надавал по шам, повывдернул усики, подмел вход возле норки и рассмеялся.

— Таких пиздаболов я никогда не встречал! Видал я всё, сожрал он карася этого, сукин сын.

— Я тут не причём, он сам такой! — из дерева появилась женская морда, это была Сука-леопард — мать.

Спутилась.

— Не таким я его воспитала. Я вообще его не воспитывала.

— Как впрочем, никто не воспитывает, а смотрит лишь, чтобы камнем не подавился!

После, крыша кукольного домика открылась и туда влетела рука человека, схватила их, поотрывала головы, поиграла и бросила обратно в сундук. Говорят, там появился тиранозавр рекс, но правда без глаз, потому тираном не стал. Все его морили, потому что он инвалид. Всё так и происходило в их мире, когда кто-то более больше инвалид, он становится смехом для других, когда их проблемы ровно такие же, как у него.

А вот бы и смех... люди на поводках у собак, павлинов, жирафов, игуанов, да выполняют фокусы, готовят есть, убирают за хозяевами, прожевывают и выплёвывают твёрдую пищу. Они шут пузо, кормят, носят на руках, а звери тем временем получают зарплату за то, что выгуливают людей на улице, смотрят за ними, подметают дворы от какашек их, и удобряют сады и огороды.

В будущем всё так прекрасно. Только тот парень, что сидел на кухне и смотрел передачу, единственную, что показывала время на сотни лет вперёд, камеру наблюдения в доме, где некогда был магазин, живут несколько человек. Открывая дверь, их одежда сразу же сменяется на домашнюю, это работа нанороботов, они делают из рубашки майку, а из кроссовок — тапочки. В будущем нет нужды покупать дорогую одежду каждый сезон, ходить по бутикам, примерять носки, футболки и пиджаки, носить по подиуму неудобные туфли не по размеру. Нанороботы так приспособили жизнь людей, что купив такой набор в спичечной коробке, можно позабыть о деньгах и приобретении одежды. Так, парень встав на пол, из линолеума к нему на ногу взбираются нанороботы и сменяют тяжёлый кроссовок на тапочки, а потрёпанную причёску делает ровной и красивой, укладку. Они прочищают им зубы вместо щетки и зубной пасты, натирают тело блеском, убирая и уничтожая микробы и грязь накопившийся за целый день. Снимают осталось в глаз и тела, дают бодрость духа. Когда заряд заканчивается, нанороботы сами получают энергию из солнца или домашних приборов поблизости, поглощая магнитное поле, электрическое поле, заряжаются. Если случилось так, что какой-то наноробот был повреждён и вышел из строя, другие чинят его. Когда случается ошибка в словах во время написания текста человеком, и усталость даёт о себе знать, из рукава вылетают нанороботы, стирают слово с ошибкой и перестраивают

чернила в правильную букву и слово. Случается иногда и так, почувствовав то, что человек совсем уже устал, записывают лекции, домашние дела, работу, а затем воспроизводят в разуме или вшивают в мозг информацию, а чтобы не вредить разуму, иногда, просто-навсего показывают на экране всё, что было записано. Говорят по телевизору будущего, что некоторые люди научились использовать их, как пули и убивают людей.

За столом всегда они были... завистливые. Раньше те существовали в мире, где создание называемое демон, искушал всех, звал и манил, губил жизни, затем и властителю ада это не понравилось, что завистью к другим, он начал губить ад, потому этих чертей выпустили на землю, чтобы они губили людей. Потому среди них можно встретить завистливых и тех, кто обсуждает других за спиной — они сами не знают, что демоны и черти, но уверены в том, что люди, и все люди такие же, как и они. Откуда они, из их волос можно было вырастить осьминога из-под земли, кинув её на поверхность магмы. Те щупальца играли с телами демонов ублажая тщеславие их. Затем, когда всё прекрасное закончилось и они попали на землю и забыли о том, что их ублажали, они стали недовольными и причиняли боль другим, чтобы им приносило это радость. Гоблины не могли это терпеть, потому взяли веники и побии демонов, ведь они хорошо различали тех, кто человек настоящий, а кто выдуманный. Так, побив нескольких, они увидели, что это приносит пользу всем, и стали закадычными врагами демонов, что издевались на д ними. Не могли терпеть это демоны и убегали, не хватало им мужества и терпения спорить и драться с гоблинами. Прыткие твари, и куда более жестокие, чем сами демоны.

Глава 26

В стародавние времена существовало общество людей, которые меняли свой облик тем, что переклеивали на себя то усы тараканов, то лапы мангустов, или клыки кобр, чтобы стать теми, кем они хотели быть, но не являлись. И правда, вытаскивая из кармана какой-нибудь зуб тигра и вставляя вместо своих, они оборачивались животными и могли позволить себе тоже самое, что и те звери. Так, некоторые одинокие человеческие люди вставляли в себя множество чужеродных лап, клыков, усиков, чтобы стать животными и спариваться ради удовольствия, потому что боялись заниматься любовью со своим видом, или, по большей своей части, боялись этого, самих бесполок женщин; в особенности того, что перед занятием нужно долгое время ходить и упрашивать, ухаживать и дарить ненужные подарки, преподносить вялые цветы, которые едва ли проживут два дня в воде с сахаром, на какой-то там вазе, ради какой-то дырки, вместо руки. Подаришь шоколадку, девушка станет выносить вам нервы, чтобы вы обосновали своё действие, либо вы хотите видеть её толстой, либо, чтобы у неё попа слиплась. Объяснения этому без всякого сомнения, не было. Так, когда девушка становилась какой-то напряженной и злой, человеческие особи пили кровь кобр и уползали под песок. Бывало и так, что возьмёт женщина перо орла и вставит себе на голову, станет птицей и улетит на свободу, от которой её ограничивали мужчины. Летает вдоволь, затем возвращается и становится черепахой, чтобы никто на неё не кричал, а она всегда была спокойной. Говорят у черепах нет ненависти, а может это у рыб, по крайней мере, черепахи не вставляли на задник лапы и не боксировали с женщинами, чтобы проучить и показать им законное их место, только чей это был закон неизвестно, но не прописанное в маниклатуре, люди исполняли по инстинкту. Мужчины же напротив не были этому против, как бы глупо то не звучало сие слово в данном контексте, те даже не удивлялись тому, что их жёны стали черепахами, ведь мужчины тоже оборачивались ими, чтобы продлить удовольствие на многие часы, да и что же этим черепахам то нужно? Чтобы не просили поднять лапу, которая едва ли не весит, как грузовик, для неподвижного и вялого животного уж точно, да и, чтобы кинули несколько травинок и червей, что стоят десять рублей в любом рыболовном магазине, того и хватит.

Есть конечно среди людей и такие, что становятся крокодилами и мстят тем, кто их оскорбил или унизил, причинил им боль и создал в них гнев человеческий, что несвойственна другим видам, которым скажешь обидное слово какое, обернутся хищником и проглотят целиком, чтобы неповадно было. А те, смотришь, станут червяком в желудке крокодила или какой-то там бактерией, которая сама восстанавливается, восстановится, затем станет слоном и разорвёт крокодила — месть ради мести. Вот так и были виды человеческие такими опасными будуще зверьми. Правда, бывало, что мозг умирал в видах этих в момент реинкарнации в зверя, забывали кто они, ходили с зубом животного всю жизнь, умирали зверьми. Так, к примеру, те люди, которых объявляли пропавшими без вести, всего-навсего забывали кем были, и не возвращались обратно в человеческое состояние. Они терялись. Возможно, некоторые и были убиты и на самом деле сами не желали, чтобы их находили, но в большинстве же случаев, те, кто решался стать животным, им нравилось то, с какой свободой они пришли в мир животных, потому оставались там, едва ли прожив десяток лет, но каких... счастливых.

Однажды, не дай господь случится такому, но такого и не случилось бы, ведь господа в том мире и не было, все люди сами управляли своей жизнью и сами себе были хозяевами, конечно, так они думали. Сперва же, они думали, что самый высший и разумный вид на земле, а затем узнали, что космос огромен, до бесконечности, а среди них живут столько всего, а их мир, лишь песчинка в большом пляже, а по ним ходят другие виды. Кто же им сказал, что их вид по подобию самого умного создания был сотворён, неизвестно, но разумным был обычный пластилин, ведь форма вида ещё ничего не говорило о том, что вид умён и сообразителен. Став однажды самой большой звездой морской, что смеет путешествовать по космосу, и преодолев рубежи мультивселенных, люди обнаружили, что за пределами галактик, есть иной мир — волшебственный. Что-то схожее с волшебством, но сотворённый тем видом. Всё вокруг них было живым, пусть это был камень, что лежал у прогнившего дерева, и та состояла из множество вселенных и галактик, что были слеплены в друг друга, целый камень миллиардов вселенных размером с атом. Будь то листик на земле, воздух, которым они дышали, солнце, что светило на небе и лучи его, всё это было живым и в каждой частичке всего этого жило и существовало всё. Сидишь и смотришь на обои украшенный розами и цветами разными, а то, что в них живёт, видит мир красным на розе, оранжевым на краях вселенных своих, и каждый цвет — это новая галактика со своим цветом космоса, и там миллионы и триллионы планет.

Сидели в тот злой день за столом клопы и обсуждали, что с переездом в другие галактики людей, стало быть меньше еды, и крови не хватает, что мясо, что было, давно прогнило и является непригодным для употребления. Стиснув зубы, клоп выдавил из пакета последнюю каплю крови на стол и плавным движением лап разделил их на пять частей, среди своих родных. Испив последнюю капельку, клопы вздохнули, затем посмотрели на облака, там на них глядел огромный глаз, из какой-то другой части галактики, не на их земле. Слово он пронзал их планету взглядом чуя присутствие клопов на ней, пытаюсь разглядеть, толи, чтобы убить, толи, чтобы вытащить и спасти. Что не говорите, а геноцидом люди не занимались, хоть раньше бывало по глупости, но столько воды с тех пор утекло в космос, океаны пролился на всю галактику, уползла по пространству и попала на иные миры, создала множество новых видов, созданий, растений и бактерий. Что же не чудо это, если чудо настоящее? Столько воды, и сколько в них жизни...

А затем, стоило стать какому-нибудь человеку дятлом, даже и не обидно было, когда жена называла его дятлом, по факту, а жена всегда была скунсом, и всё время воняла. Она пицала и пицала, отпугивала от себя всех, но додуматься о том, что она такая противная, увы, не могла. Да и к чему же ей это нужно то было, она принимала себя такой, какая она была, и вовсе не ела она ни шерсти скунса, ни клыка или хвоста, она ни разу и не видела их, она редко заглядывала в зеркала, боялась тех, кто на неё посмотрит оттуда. Ведь зеркала были... дверью в потайные миры, миры чудес и волшебства, в мир, где обычное не могло называться обычным в мире их. Так, на улицах можно было встретить жирафа в кепочке, и с надписью на боку «автобус экспресс», и тело представляло собой отдельный вагон, с окнами и дверьми, а на крыше сидела бабушка, что закидывала удочку в прохожих, и вытаскивала из них зло. Тут бегали дети с колёсами вместо ног, и насосом вместо рта, глаза представляли из себя две чашки, из которых блестили чай и кофе. На другом конце того же города жил Конь-

плотник, и его друг Носорог-кузнец. На вершине гор летали чайные ложки и глубоко и с басом пели песенку трубадуров, а внизу паслось стадо кострюльных блох, что собирали на протяжении дня росу и раздавали среди насекомых. А в норках и страшно говорить, с кем жили лисы и хорьки, шарфы-пятидесятиножки. Кормились те тополиным пухом, а по вечерам слегка сбрасывали пух обратно, чтобы из них овцы-швей сшили водолазки и свитеры для маленьких деток. А для взрослых шерсть сбрасывало перелётное пальто, размахивая руками, перелетая с влажного на сухую сторону континента. В городе обитали табуретки-парикмахеры, которых вместо закругленных краев ножек были лезвия, а на голове шапочка. Орудовали они ногами ловко, а стригли всегда на лысо. На улицах можно было встретить чайные пакетики вертолётны, что жужжали вокруг уха, а когда ты наливал горячую воду в чашку, они подлетали и пили воду и окрашивали её в чёрные, зелёные и красные цвета. А вместо попрошайек сидели автоматы, угрожали прохожим, и всегда были в плюсе. Затем автоматы вставали и уходили в детские дома, чтобы отдать всё заработанное крохотным, беззащитным деткам, маленьким пистолетикам узи и крохотным мп-7. По переулкам бродили кухонные ножи и орудовали овощами, подрезали им концы на голове и варили суп, угощая голодных. По всей вероятности, на этом чудеса и вовсе только начинаются, ведь за следующей улицей, рядом с магазином смешных воспоминаний, жили ядовитые клоуны, что жалили взглядом, и отбирая боль, плакали, отдавая самое лишь вкусное тем, кто к ним обращался. С ними под руку всегда бегали мартышки с головами буйвола, выглядели они неуклюжо, с виду, казалось, давно мучаются и их нужно убить, только эти мартышки каждый раз изрыгали изо рта конфеты и мармелад, и угощали сладкожек муравьев и пчёл. Вон, смотри, какой-то муравей сидит за ухом и пьёт с осой и двумя пчёлами сидр из конфет. Облизывает свои лапки от мёда, глянь на него, прячет, наверное боится пчёл, чапалах дадут по лицу! А пчёлы то необычные, три головы у них, три глаза, по одной на каждую, а вместо лап и вовсе иглы только, а жалят встроенным в брюхо — паялкой, а внутри той паялки сироп из изюма. Как только кожа отлипает от мяса, две лапки достают из сумки соль и посыпают рану.

А вон, в дом управление зашёл пузатый, огромный, довольный и серьёзный ржаной хлеб с багетами вместо ног, и шоколадом вместо глаз, затаился палочкой из-под чупа-чупса, затажно выплюнул пузырь, тот полетел, схватился об стекло здания, лопнул, на него прилетели ворона подобные мухи, слизали хоботками сахар и полетели обратно. А вот ползёт улитка... здесь для них создали отдельный пешеходный переход с отдельными видами машин. На тех машинах сидят улитки, чьи машины лишь на один сантиметр быстрее самих улиток, но сколько же они получают адреналина, их друзья даже крепче об сиденья держаться, боясь улететь от столь сильного потока ветра в лицо. А светофоры горят шестнадцать минут на красный для машин, двадцать для улиток пешеходов, что спешат с чемоданами на работу, на почту. Там улитки отрываются по полной. При приёме на работу у них даже не спрашивали опыта работы, главное быть улиткой.

В городе, по крайней мере в доме номер семь по улице Врунгеля, живёт Аполлон, покровитель искусств, покровитель муз и вдохновения, врачеватель и тому подобное, и предсказатель будущего, к которому ходят за тем, чтобы спросить, какой носок сегодня им надеть на отдых, а завтра какая будет погода и стоит ли носить с собой в рюкзаке зонт от дождей из морских ежей. Аполлон всегда отвечает честно, как-то раз, по пути ли, или так

суждено было, открылась дверь в квартиру бога, и тот, Аполлон, сразу же крикнул входящему:

— Будет!

— Точно?

— Я вижу будущее или ты?

Так, Бог-Аполлон предсказал, что завтра точно будет день. В независимости умрут все или нет. День есть всегда.

Наблюдая за тем, как к дому бога подходили инвалиды, затем уходили счастливые, скунс поняла, что всё таки чудо есть и инвалидность это не повод переживать. Так, одноногий выходил без ног, а глухой убежал держа в руках воронку для ушей, а так суждено было слепому, что Аполлон вшил вокруг глаза светодиодные лампы, чтобы видеть. Если темно, то нужен свет. Тот медведь не видел, а теперь он видит свет. Радость, радость, радость!

А на луне... что ж вы не видели этого раньше, там глисты! Они захватили её. А мы и не знали, что это зрачок убитого в бою галактического альянса крыс, человек, из иной, гигантской планеты на подобии Бетельгейзе.

— Не стоит... — сказал бы муж, если бы скунс наверняка смотрела, но она слышала об этом из уст других жён, — Не хватало, чтобы у тебя появилось своё мнение.

Причём тут своё её мнение, мы не имеем ни малейшего понятия, но звучало это пугающе, словно муж считал её какой-то тупицей, что не может круглый шар засунуть в круглую лунку, а кидаешь круглую в квадратную. Вот же смеху то.

Накинул муж простыню на зеркало, развесил на ту простыню рисунок, который он нарисовал, рисунок жены своей, она подошла и начала восхищаться собой. Откуда же ей знать, как она выглядит, потому палка и четыре отдельных палок вокруг той, и круглые щеки из оранжевого апельсина у круглой головы, казалось ей, очень к лицу. Она сильно любит цитрус. Она и понятия не имела, что зеркало может вовсе, на самом деле повторять движения человека или скунса, что и так сойдёт, и так восхитительно, бомбически и фантастика просто. Она идеал красоты и только бог красивее её, потому что, что-что, а она знает, что боги могут более идеальное тело себе сделать, да и лицо в тысячу раз приятнее.

Полетели дальше... слишком сильно провоняла эта история и многословностью до упора потолка забита.

На крыше дома разных зданий собираются капли дождя, и кончают жизнь самоубийством, потому на земле идёт дождь, и те шлёпаются на землю и разлетаются. А в другой части города на небе собираются голуби и щёлкают семечками, потому по всем городам можно заметить шелуху от них. Разве это не удивительно, как капельки крестятся, молятся богу, переживают, затем падают на асфальт, вскоре улетают в небо став паром, это души их, чтобы заново возродиться и прыгнуть с ещё более высокого места — они так давно мечтали о том, чтобы попасть к богам, что живут на облаках, увидеть своими глазами мир, в

котором они живут, наконец-то разглядеть континенты и города, где они никогда не будут.

Итак. В одном городе в стране под названием «нигде» и «когда-то» жили люди, что прикасались к друг другу и делились временем своей жизни, затем рожали детей, а дети делились своими жизнями с ними, так, до того времени, когда уже не оставалось времени делить среди всех своих родных. Те умирали в возрасте триста, может и четыреста лет, молодыми, но проживающими последние дни. Все они, казалось были одного возраста, с виду и не различишь от братьев и сестёр.

Скажите же, никто ведь на земле не задумывался о том, что мы шагаем по какой-то галактике, буквально, и они расположены у нас под ногами, а жители тех галактик — это растения, что умели преодолеть притяжение, создать корабль, который представлял из себя стебель какого-то растения. То есть, когда растение вырастало, это инженеры того мира строили их в высь, чтобы найти ещё более удивительные миры. Так, к примеру за три месяца те строители сооружали огромные кукурузные поля, сшивая её со своей вселенной. В этих растения живут крохотные незаметные люди, время которым идёт так медленно, что один день у нас, для них сто лет. Так, к примеру, они успевали всё отстраивать, и, разумеется же, жили дольше нас с вами, относительно их мира. За три месяца им было по триста лет, может и три тысячи, а мы умирали в тридцать и девяносто. Они смотрели со стеблей биноклем за нами и удивлялись, как же мир удивителен. А наш глаз замирал на их стебле, проходили целые поколения, люди начинали поклоняться тому глазу, ведь он всегда здесь был, с их рождения и рождения их дедушек и прадедушек. А вот гляди... началась ядерная война, это оттого и гнили растения и высыхали, потому что война уничтожала всё. Она распалась, и те, кто выжил, создали капсулы до того, как в конец упасть на землю, и улетели по ветру в другие места, чтобы начать жизнь с самого начала и начать сооружать новые стебли растений, роз, ландышей, деревьев, камышей. Зёрна, это и есть те космические корабли в жителями растений, что сумели сбежать. Поколение за поколением повторяется всё по новой.

Пока мы мечтали о тех... кто-то постучался в нашу дверь когда мы мокали сухарики в горячий чай с молоком, встав и открыв дверь мы увидели его, весь лохматый, уставший, грязный. Он вытянулся, ахнул, улыбнулся, а затем и заплакал. Старик какой-то, маленький, размером с пятилетнего малыша, расчесал пальцами волосы, и обнял колени, заорал что есть мощи, затем отпустил, злостным стал, как бензопила при распели дерева, и начал колотить нас:

— Вы оставили меня там! Я искал вас двадцать лет!

— А кто ты?

— Ваш домовой! Жизнь сделала меня человеком, бомжом каким-то... я... я искал вас все эти года, чтобы защитить вас ото зла, от демонов всяких и чертей, что сидят на вашем холодильнике, которых вы даже не замечаете, а они творят за спинами вас зло, оттого вы и ругаетесь!

— А откуда знать вам, что мы ругаемся?

— Дружные, не молчат. Когда в дверь стучат, собираются рядом и поднимают головы узнать чтоб, кто пришёл! Вижу я... — вытянул голову, — никто из вас недолюбливает друг

друга. Всё это из-за жирного демона, что сидит у вас на плечах! — откуда-то вытащил палку, ударил им по плечу, и что-то с грохотом пронеслось около уха, ветер какой-то, сквозняк. Сначала мы подумали, что забыли закрыть балкон, а затем домовый схватил того, и выгнал из нашего дома. Лифт каким-то чудом сам приехал на этаж, дверь открылась и лифт ушёл вниз. Вскоре, на полу мы увидели крохотные, плоские, широкие следы лап, а за ним следовали два копыта. Без всякого сомнения, демон был. А оказалось, это лишь пол беды, на кухне сидело сорок таких же, жирных, вонючих и с кривыми зубами, они всё счастье закрыли свои телами, воняя смрадом и горечью, злобой и грустью. Унюхав тот запах, мы становились раздражительными.

— А ну-ка! — заорал Домовой, залетел к нам на кухню, побил всех, — За эти двадцать лет, — говорил он, — я научился постоять за себя, изучил сотню боевых искусств, жил в церквях и мечетях, изучал сатанизм и изгнание демонов, — А те и не могли ничего сделать, катились по полу и, как бильярдный шар, следуя друг за другом, создали мощнейший ураган дома, и скрылись за дверью. За облаками показалось солнце, стало теплее.

Соседний дом стоял по соседству, не удивительно, да вот только назвать это домом не открывался рот, весь какой-то страшный. По вечерам дом просыпался, доставал огромную башню из-под земли и уходила уничтожать великанов в лесу. Ночами кто-то яростно орал, сходили лавины на горах, ломались деревья, ревели звери.

А сейчас речь пойдёт вовсе не о волшебстве, когда три бегемота бегут с лейкой в руке, чтобы полить своего сына, или об ястребе, что летает по небу, в поиске смысла своего существования, или о тех трёх бабуинах, что танцуют у костра чунга-чангу, да нет же, речь о том, что среди людей есть лицемерные мрази, что так сильно наровят в последнее время задеть и показать свою неприязнь, но ведут себя так, словно это и не заметно по их отношению. Они стали каким-то дерьмом, что относились к вам хорошо, а затем резко перестали так поступать, да почему? Потому что они зазвездились в том, что чего-то там достигли, а достигли они равным счетом только неприязни и стыда за них, ничего более. Лицемерием так сильно завоняло, что страшно представить, что будет, когда они будут демонстрировать её открыто, не дай бог что-то произойдёт, да и к чёрту всё, ничего и не произойдёт, от таких людей не ожидаешь ничего, они достигать ничего не будут, разве что мечтают о благородном будущем, но речи даже нет о том, чтобы у них было какое-то благородство, когда относятся они к людям, как ко второму сорту, к отбросам, что их кормит, что их читает, поддерживает, ведёт хороший диалог, а они сразу же бегут в агрессией на ваше добро, потому что дерьмо то оно никуда не девается, сколько раз не сри, а едят они так же много, как срут. Прилетит из-за чащи леса огромный носорог на крыльях бабочек, достанет острейший нож, затыкает их любовью, того и глядишь, дерьмо вытечет, умрут они в муках счастья, что им так противно. Они считали себя добрыми, самыми нужными, чего-то стоящими, улыбались всем до того момента, пока их не стали уважать за их мысли, а там глядишь поклонники будут их защищать, потому что они прочистили им мозги своим мышлением, а фанатики и не увидят их разукрашенное лицо, всё в крови, желчи, побегут за своим кумиром, который и не кумир и не звезда вовсе, станут такими же желчными и плохими людьми, заразят всех вокруг, как коронавирус заразил всё население планеты. Нет, у меня иммунитет, скажут все, а на деле они уже переболели и уже разносчики болезни лицемерия. Что же на самом деле представляют такие люди? О тех я,

что улыбаются вам в лицо, но вы чувствуете не от радости они это делают, а чтобы не опозориться и не стать насмешкой, не входить в споры, отшучиваются, ставят никчёмные смайлы, прикрывая свою тупость. Таких людей вы можете замечать всегда, они везде есть, они строят из себя королей и принцев, а на деле обычные крестьяне, что убирают навоз у настоящий, истинных царей. Эти гнусавые черти пришли из болот и пытаются сделать из рая тоже болото, устраивая и приклеивая к своей персоне внимания всякими играми. Вылезет из-под ямы туалета чёрт и как затыкает их, а те и рады будут, что наконец-то за столь много времени брат их пришёл в гости.

Посидит на Луне голый Пикассо, достанет свой флюгер, та укажет место, где эти черти водятся, туда он не пойдёт, сбросит туда ядерную бомбу. Прыгнет кенгуру выше альпийских гор, встанет на задние ноги и закукарекает о том, что вчера здесь было красиво, сегодня тут люди. А что же поделаешь, люди они такие, все решают уничтожить и для себя только строить, чтобы им хорошо было, и не важно, ранят их слова и действия других, им плевать на это, хорошо им, даже превосходно, ведь им не больно. И соберутся вокруг таких людей добрые, а их всегда было много, чем зла, и заколют тех, унижат, а лицемерные ублюдки станут на сторону добра, снова станут лгать, притворятся хорошим, чтобы их приняли, ведь без своих поклонников они представляют обычную пустышку, никому ненужный кусок мяса. Каждый из людей всегда и везде искал поддержку, плакал о том, что их так мало, что делают ли они всё правильно или нет? Они стали теми, над кем так смеялись и боролись, теми, над которыми смеётся весь мир. Этот узкий мир в котором они и находятся. По крайней мере мы замечали с моими пауками и пандами тех людей, что ввязывались в авантюру дружбы и не могут отступить назад, пусть их друг и не прав в большей своей степени, да какой большей, полностью не прав. Отступать уже некуда, ты принял сторону неправды, а откажешься, станешь сам лицемером и двуличным ублюдком, мразью, над которыми смеялся с друзьями. Они боятся обидеть тех с кем подружились, ведь смотрите же, накатает ещё пост о том, что какой он плохой, а годами был хороший, притворялся им, перешёл на сторону зла! Стоит лишь раз однажды оступиться, ты навсегда изгой. С какой стороны посмотреть на зло, ведь зло оно не чувствует, что пакостит, считая себя только правым и не принимая ни одну точку зрения, считая только свою единственной верной. А выйдет кто-то против них один, соберут те большую кучу толпы, потому что сами не могут справиться, накинуться на одного, а доказать правоту свою не могут, да что там и говорить, они не понимают шуток без каких-либо смайликов или скобок в конце слова, до чего докатились, сейчас наличие каких-то скобок делает человека смешным, а отсутствие серьезным. Не дай Сатана и мир сатанизма, и девять сотен демонов за спинами, чтобы они увидели текст без смайликов, ты станешь жертвой насмешек и преследований. Ты причина их счастья. Буллинг у них в крови. Они называют вас «сукой» и «подлецом», потому что могут себе позволить и никто им не запрет, почувствовав власть у себя на странице, они думают, что полностью неприкосаемые, что их не ждёт участь Гитлера или Сталина, что их будут уважать за их действие, ведь они так многого в этом мире достигли, да только Польшу то вы не захватили и забыли, что против вас один, но с поддержкой всего мира единого, от лица всех стран и планет, против вашей бравады тупости! Может даже вам покажется, что я считаю их такими, но мне плевать что думаете вы обо мне, у меня есть мнение о тех, кого я ненавижу, и которых я вижу каждый день, их действия и их смысл существования на платформах. Вам даже покажется, что я пишу где-то там, здесь, куда никто никогда и не заглянет, ну а что, это проблема их, что они

читают по десять раз свои книги, а не книги тех, на кого они подписаны и тех, кто читает их. Почему остальные люди должны подстраиваться так, чтобы было удобно нашим недоброжелателям? Откуда же знать. У всех свои устои образовались с течением времени, а изменить это очень трудно, это как верить тому, что оставленный включенный зарядник от телефона может вызвать сбой, и дом взорвётся, что если перешагнуть лежащего человека он станет маленьким, а если высыпать соль на стол, это к ссоре, ну разве не чушь?

— Хватит, сын мой! — вдруг из потолка показалась голова Иисуса, он протянул руку с письмом и скрылся, а на том письме стояло моё имя, и написано внутри было, что я познал бытие мира и узнал все секреты замысла божьего. Меня не обмануть.

— Я об этом знал давно, — сказал я, и сжёг письмо божье, но оно не горело почему то, затем поставил в туалет, место для богов, так их я называл с прошлого года. Алтарь божий, где я им подтирался, а он всё становился чище и чище, потому что не может быть что-то божье грязным. И я понял тогда, что бог то на самом деле помогает, вот сколько экономии на туалетной бумаге! А затем я взял книгу тех, кто обсирал меня, и обосрал их, а они почему то не становились чистыми, а это потому, что не было оно божественной, никакого умного слова, правды, чистоты, от того и чистыми не становились, ведь то дерьмо, что налипло на них, было чище самой книги, вот почему оно не исчезало.

Затем, я остановил пьесу, вытащил кукол и протёр их от пыли, поставил на место и запустил таймер. Они начали играть свою роль так же непринуждённо, как и раньше, даже не догадываясь о том, что их создал я, и могу в любое время окончить их существование. Стоит мне открыть крышу театра, всё замрёт, все куклы станут фигурами, а их мысли сотрут, и начнётся заново всё. Так, к примеру, когда у них свои мысли были, я слушал их мнение, затем ставил на паузу, давал диалог своей куле напротив, и запускал заново, до тех пор, пока все диалоги не были подстроены мной, будто на самом деле они так думали, а не я внедрил мысль в них. Как было легко обмануть людей. Я играл с людьми в игры, а они играли с куклами в куклы, будущее сами куклой. Это было смешно. Почему, думаете, я забыл создать жизни на других планетах, потому что здесь весело.

На этом и хватит. Зубочистки встали со спячки и пошли на секцию по дзюдо, чтобы научиться правильно вытаскивать одним ловким движением застрявший в зубах кукол мясо или зерно тмина.

Улетая, напоследок хотелось бы сказать, что Халк никогда раньше не плакал, но когда однажды он увидел людей, какие они немощные и незащитные, заплакал, и улетел вместе с нами в мир, где начинается новая история становления иных волшебств, да и сколько же можно уже об этом, скажем, пусть это будет наукой.

Так, под землёй одной из планет жили такие же мы, как мы, ну не удивительно ли, конечно же нет, ничего удивительного, они кипятили чайник на лаве, а ели червей, охотясь на них с удочками. А другом конце этого же города, жил негодяй Павел, что соорудил машину для бурения, выходил на поверхность и ел манго, картошку, тетерев, рыб, зелень, и даже не хотел делиться ни с кем из подземных людей. Сказали бы мы, что он жмот, так и было бы это правдой, ведь громадность своей поверхности он не знал и думал, что, если их

будет много, то и еды не станет, и оно закончится. А однажды, один поймал на удочку «Дрожь земли» и оно вытащило его на под облачный мир, и все люди переселились туда, и не нужно было никаких противогазов, ведь все они погибли из-за того, что кислорода было много, и вирусы попали в их кровь. Так бывает. Именно так и наши люди болеют, когда попадают в мир подземный и начинают бурить в местах, которые никогда не были для этого предназначены, места, где бактерии спали миллионы лет. Одним ударом молота они открыли дверь для вирусов в Антарктиде, и хватило тысячи штук таких вирусов, чтобы они эволюционировали и стали миллиардом, разлетелись по океанам и по континентам, учили миллионы людей, как умирать в агонии.

А вы даже не представляете, как в батареях бывает горячо, и почему, потому что, когда по ним течёт вода, на самом деле там бегают люди и быстро-быстро протирают стенки чугуна и металла руками, чтобы прогреть, чем быстрее они это делают, тем горячее, а вода из-под крана течёт горячей, потому что не успевает остывать. А когда по трубам плывёт холодная вода, маленькие, до невообразимости крохотные люди дуют ртом на них, чтобы остудить, затем уходят домой. Они так радуются, когда люди перемешивают горячее и холодное, ведь работать нудно вдвое меньше тем, кто находится между двумя потоками. Заговорится табло, нужна вода, очень горячая, они трут, а стоит загореться «холодная» тут же начинают дуть в трубы.

Представьте себе, если бы наш крик, улетая далеко по земле, преодолев все земные притяжения, рассеялся по всему космосу, и начал расширять саму вселенную — голос, который никогда не погаснет и который будет толкать тьму, словно жук-навозник шар. Как рассеивается свет во вселенной, расширяясь и становясь всё тоньше и тоньше, так и голоса, становясь волнами, толкают и заставляют расширяться вселенную. Вечно. Вечность это много. Кто же знает, сколько раз было сказано слово, что создало нашу галактику, плача, что утопили миры за пределами нашей системы, сколько радости породили деревья на ином пространстве. А сколько новых миров было создано благодаря нашим голосам, что расширили пространство космоса, породив на пустоте новые планеты с их законами, кардинально отличающимися от наших. Где облака всасывают пыль, оставляя воду на поверхности, где, вместо дождей из вод, сыпятся прессованные песочные камни, заполняя моря пляжом. Как орлы взлетают в землю, вместо неба, и едят не ртом, а ногами. Как медведи видят только посредством выделяемых другими животными тепла. Как люди, что там родились, управляют целым островом — островом улиткой, где панцирь его, это гора и континенты. Их спины образуют острова и земли. Они плавают по водам, впитывая её в себя и становясь ещё больше, словно какая-то губка. С наступлением ночи, происходит песчаная буря, что уменьшает океаны вокруг планеты, тем самым уменьшая и улитку, забирая у неё влагу.

Ну и к чёрт эту вселенную. Взбредём в иную, где тринадцать мокрых котлет играют в сквош с живыми лимонами, вместо теннисного шара. Где морские котики падают с крыши домов на необитаемый кунжут, откуда пути назад уже нет — снизу демоны хватают их и уносят с собой в мир тьмы. Похищая, демоны не просят выкупа. Они выходят за них замуж, чтобы те готовили для них свежее человеческое мясо на костре, присыпая острым перцем и аджикой из гусиных лапок.

Мы в одном из серий гениального бартуса билля кидали в прохожих лопатой снега и те растворялись — снег представлял из себя мощнейшую кислоту, что не растворяла лишь того, кто её кидал — умный снег, запрограммированный служить хозяину. Раб, что некогда был чёрным, работал на плантациях, затем мутировал в человека-снег, съев радиоактивный снег прилетевший из космоса, — с силой кислоты. Не смотря на то, что нигер-снег стал могущественней многих людей, пожалуй даже сильнее всех живущих на земле вместе взятых — свою породу он не забыл, и всегда пресмыкался перед белыми людьми, так же служа, как и раньше, выборочно собирая урожай с полей, для того, чтобы дома у хозяина всегда был чай. Не смел снег хозяина трогать, боялся. Но чего же тут бояться, мы не знали, потому выкинули его в помойку с такими же нигерами, где он три дня боролся с ними, споря о том, что он не их раб, но все они рабы кого-то, и никогда им не стать свободными. Три дня мучительных споров, и все нигеры были запиханы в консервную банку и отправлены в магазины, где их скупили белые люди и накормили своих котов и собак.

А где-то в другом мире, на чудесной планете, что далеко от нас, каждый вечер змея останавливается у автобусной остановки и принимает людей на борт, чтобы отправиться к солнцу, дабы согреться. Здесь, на планете, не существует солнца, и свет не долетает до поверхности, задерживаясь на прозрачном куполе вокруг неё, что поглощает весь свет. Змея делает семь оборотов возле неё — солнца, пока часы на её хвосте не начинают вибрировать,

зовя пресмыкающееся существо домой, на землю. Разворачиваясь, змея задевает хвостом луну, та уносится вместе с ней по маршруту, разрывает купол, входит в него, и наступает ночь на земле. Луна та тёмная-тёмная, как сама вселенная, окрашенная в цвет безнадёжности. После того, как змея высаживает радостных людей со своей спинки, улетает на луну, оборачивает её и согревает теплом, выделяя таким образом жар на землю, и время от времени светясь, показывая дорогу взбредшим странникам в какой-нибудь тёмный лес — тропу, светом. Её называют путеводной змеёй, луной, что оберегает тепло человеческое. По наступлению утра, змея возвращается на землю, чтобы уносить землян на солнце, дабы согреть их, дать витамин, что нужен им, показать что такое день. Иначе же люди не познают тепло и будут совершать зло, вечно живя в неведении, поглощая искусственный свет от лампочек. Змея огромная сама по себе, на ней может уместиться весь земной шар с его людьми, — место ещё останется на одну планету. Как такое возможно, змея сама не знает, но чем больше поглощает людей, тем больше она становится. К примеру, поглотив одного человека, разом появляется место на двоих, а следует её поглотить сто человек, появиться место для триста человек. Математика никогда не была сильной стороной змей. Считалось, люди не научили её правильно складывать, потому вещи в её доме, всегда были хаотично разложены по полочкам.

Люди ходят возле иллюминатора, а на спинке змеи прозрачное тельце, откуда входит солнечный свет, фильтруя радиацию. Радиационный свет задевает всех людей и животных, нежно глядя их по бархатистым ручонкам и ножкам, мягкие тельца детей и сморщенные пальчики стариков — от того они и не болеют от нехватки света. Ни один землянин не пропускает это занятие, собираясь столпом мокриц после влажного кирпича, вставая на остановке. Иногда, бывает, люди машут руками, кричат, и бывает, что топчут младенцев, волнуясь о том, что не успеют взобраться на борт змеи, в этом случае, змея открывает рот, проглатывает всех разом с остановки, и проносясь по всей земле, находит проспавших, а затем улетает по маршруту к звезде жизни. Как это получается, вы можете догадаться. Из-за того, что змеи являются холоднокровными, они чувствуют малейшее тепло на поверхности планеты, находят их и проглатывают, чтобы увезти на солнце — не трогая здания. Так устроен организм космического змея, что она может проглотить только живые существа. Змея сама собой является спасителем той земли. А, когда, старость приходит у змеи... момент, когда приходится прощаться с ней, взамен неё приходит слон из чёрной тьмы, из другой галактики, подхватывает землю и сажает хоботом на спину и устремляется к солнцу, обходит её вокруг, общипывая космический мусор, проглатывая жар солнечный, поливает этим жаром землю со всех сторон, словно бы обмывая места, куда не может долететь солнечный свет и возвращается обратно. Когда он выходит из-под купола, наступает настоящий день, солнечный — с приближением к солнцу становится жарче, люди выносят палатки и скамейки, полотенца и одеяла, чтобы успеть позагорать, умиляясь фотографируют небо, и жарят барбекю на железных строениях, что прозвали мангал и барбекюшница.

Возвращаясь обратно, жар ниспадает вниз, начинает исчезать, пока слон не дотопит до купола, где наступает ночь. Вам может показаться, что без луны холодно, потому что нет тепла и света, но помимо всего прочего, сам слон выделяет тепло и излучении, которое от него отходит, как северное сияние. Вечером, после того, как слон возвращает планету на место, он ложится спать, а пока слон спит, по всем периметру планеты на всю его длину поднимается тепло, согревающий её, узорами вырисовывая свет. Изредка, но бывает, слон просыпается и хоботом пускает фонтан вверх, поливает... и тёмное небо окрашивается в

радужный цвет, люди называют это — скопление галактик, когда смешиваясь с атмосферой, солнечная энергия из хобота вырисовывает разноцветные узоры, что горит продолжительное время, затем, медленно исчезает, а с наступлением утра, когда узоры растворились полностью, там уже и время завтрака — самый лучший день. Рано утром люди просыпаются увидеть рассвет, когда слон медленно идёт по направлению к звезде, — выпивая чашечку кофе и чая с ароматнейшим куском бутерброда с топлёным сливочным маслом и вареньем из малины и яблок. Всё ближе и ближе поднимается солнце высоко вверх над планетой, пока люди не опускают солнцезащитные очки. Ещё бы немного, они могли бы ослепнуть. Конечно, такое даже представить страшно, но помимо защиты от радиации, выделяемое тепло внутри змеи обладает свойствами вылечивая и регенерации.

На солнце стоит великан и размахивает белым флагом, затем вытаскивает из кармана целую грудку яблок и кидает слону под ноги. После того, как слон полакомится и выплюнет остатки, вокруг солнца скапливается большое количество семян от неё. Вскоре, вырастает яблоня, а на запах цветов прилетают космические пчёлы и гусеницы, которые, со временем становятся змеями, а из пчёл, когда живот вырастает от сношений с другими космическими пчёлами — крохотные слоны, что падают около яблони, едят яблоки и листья с дерева и становятся космическими гигантами, что уходят в другие миры, чтобы так же заменят змей, что покинули мир живых.

Затем, звёзды и планеты начинают уменьшаться... человек вытирает пот со лба и смотрит на микроскоп, с таким удивлением и восхищением;

— До чего же эта галактика маленькая. Ну ты только посмотри, у них там свои законы и свои виды животных, что носят на спинах планеты! Удивительно, чего только на свете не существует.

Так, человек узнаёт, что он бог, что может уничтожить их мир, но в то же время хочет, чтобы о нём узнали и все вокруг, другие люди. Начинает писать и наблюдать ещё чаще, ставит себе план отправиться к людям, что занимаются его делом, к настоящим учёным. А вдруг, затем... так неожиданно, кто-то выше него, что сидит за компьютером, нажимает клавиши и стирает ему память. Тот человек, что обнаружил крохотные вселенные под микроскопом даже не догадывается, что он компьютерная симуляция созданная другим человеком, что у него нет своих мыслей, а те, что создаются в его крохотном мозге, бог сразу же убирает нажатием одной кнопки «delete».

А над этим нависает маленькая девочка, которой купили кукольный домик, а она расставила куклы по углам, кого кинула на ферму, а кого-то, как этого, за компьютерный стол. Играясь с жизнью этого гиганта. И он тоже не догадывался, что обычная игрушка в руках маленькой девочки, он никогда не оборачивался и никогда не смотрел вверх, он обречён был всю жизнь наблюдать за тем, как кто-то создаёт мир в компьютере, и там, создаётся новая другим, таким же, как и он.

В детстве, старик по имени Ваня, был старым, до того, как это стало мейнстримом, затем, чтобы не отстать от трендов, превратился в молодого человека, но из-за это он не стал более моложе, ведь родился он сто лет назад, и возраст ему сто было, а то, что он облик свой изменил, дало ему лишь повод вновь жениться. Так он нашёл себе жену, подстать себе, и состарились они оба в один год, и умерли каждый в свой день, жена в Мурманске, муж в Индонезии, где-то там среди кустов, исправляя нужду, — кобра укусила, а затем разорвали дикие гиены. Жена представляла из себя набитую в чулок пугало, которому он прикрепил фотографию актрисы из какого-то сериала из НТВ. В тот день случился пожар в поле и жена

Вани сгорела в агонии боли и мучений. Но боли, разумеется, пугало не ощущало, что нельзя сказать про семнадцать пауков, сорок два муравья, тринадцать червей и два кукушкиных яйца. Ну и... спрятанные коммунальные платежи дяди Вани, на том свете, когда Ваня узнал об этом, очень разозлился и устроил драку с чертями и ангелами, что пришлось вернуть его обратно, чтобы он оплатил коммунальные услуги. Ангелы сказали, пока не оплатишь, тебе пути назад нет, так и вышло. Ваня до сих пор хранит платежные квитанции и отказывается платить, ведь ему лень этим заниматься, к тому же, он очень верующий человек, мол, за природные богатства человек и платить вовсе не должен. Поэтому... иногда, ангел Михаил спускается к нему в виде человека и платит за него коммунальные услуги, чтобы его не выселили из дома. Михаил знает, что в этот дом заселиться внучка этого деда, о котором он ничего не знает, ведь сорок лет назад он зачал её в клубе, когда был пьяным, с тех пор внучка, что родилась у девушки, которую он там нашёл, толи это была коза обыкновенная, толи человеческая, жила на пастбище среди баранов, привязанная на верёвку. Всё таки, по моему, это была коза, что знала семнадцать иностранных языков, включая иврит и латынь, а как она материлась на татарском, все тотчас бежали поперек водопада прямо до радуги. На вершине могучей радуги сидел Доктор Айболит, что пинал всех вниз, и за небольшую плату лечил их. Раньше считалось, что этот доктор очень добрый, но читая книги о нём, мы не думали, откуда же он берёт лапки для зайца, чтобы пришить ему, а откуда глаза для совы. По ночам он охотился на других животных или платил деньги браконьерам, что, возможно, они и ранили тех зайчиков, и это на самом деле не новые лапки, а старые, украденные. Михаил знает, что внучка заселившаяся сюда, через год обнаружит у себя в подъезде коллекторов, что ударят её так сильно, что та умрёт. Прежде ангелы не занимались спасением людей, но места на небесах стало не хватать, поэтому они решили вопрос лёгким путём, приходя к нуждающимся в виде людей, которым им послала судьба. Мы часто их не замечаем и считаем прохожими, но они всегда спешат на помощь и ведут себя с нами хорошо. У каждого человека есть свой Ангел, что стёр ему память и хранит его на земле, чтобы он ушёл счастливым, а не измученным жизнью, дабы хотеть туда вернуться вновь. Скоро ему обратно возвращаться на планету, после перерождения, которая ждёт всех умерших.

- Что будешь делать, когда умрёшь?
- Буду жить.
- Но где?
- Где сам захочу.
- Разве после смерти есть жизнь?
- А разве в жизни нет смерти?

Если и есть на свете место, куда мне захочется уйти, это место будет чем-то непохожим ни на что, что я раньше знал и видел. То место будет невыносимо прекрасным, взглянув на неё мне захочется плакать, вытирать слёзы и радоваться, захочется помнить каждый миг. Ну, как миг, самые печальные и счастливые, а помнить каждый из них невозможно, сколько же их на самом деле существует этих миггов, бесчисленное множество, на горб карлика Носа, может и семьдесят девять. Здесь и закаты красивее, и деревья зеленее. А комары кусают любовью. Место, где павлины рисуют кистью картины и продают их на аукционе, где орлы перевозят маленьких дроздов в тёплые края на спинке, а кенгуру даёт убежище всем, кто потерял дом, укрывая теплом. Зайдёшь в кармашек кенгуру, а там кот сидит на кресле качалке и читает книгу Толстого про «Отрочество», смеётся облизывая сметану с усов, а рядом лежит ещё несколько стопочек книг Стивена Кинга, Толкина и Бредбери. Самые настоящие живые книги, что рассказывают о том, что у них в душе происходит, внутри, где никто ничего не видит. Напротив, под навесной полкой горит камин, дрова шипят. Там танцуют огненные люди, жарят сардельки, а из рек вдоль стен, выпрыгивают золотые рыбки. Если долго-долго смотреть, то можно заметить, что и Саурон там, что орки рождаются именно вдоль этих рек, чтобы приготовить не мясо человеческое, а обычное овощное рагу на завтрак. Того глядишь и Гэндалф подметёт жёлтые листья с канав, откуда вылезли орки, а затем прибежит голлум и расскажет сказку о том, что все против него, и всем так не терпится украсть его прелесть. Сам то он забыть забыл совсем, как откусил лучшему другу палец и почти убил того, едва ли не став палачом его. Говорят, что голлум умер в жерле вулкана, но самые умные из всех догадываются, что ублюдки не умирают.

Место, где никто не будет осуждать за предпочтения отличающиеся от предпочтений других людей, где быть Галилеем, это никакое не безумие, а обычное явление. Где мысли становятся реальностью, где слово сказанное реализуется в настоящее. Мечты о которых рассказывают Санту Клаусу сбываются, а не исчезают в печи камина. Где Санта летает на санях и олени по-настоящему умеют прыгать по звёздам, а не являются выдумками взрослых для успокоения плачущих детей. Место, где гномы, что по ночам ходят по полу, крадуще, прячась, на самом деле существуют, и феи, что забирают зубы в волшебный мир и оставляют золотые монеты — есть. Феи уносят зубы и мастерят новые, хорошие зубы для других маленьких детей у которых должны вырастить зубы. Как только дети засыпают, те навещают их и аккуратно хирургическим путём, вставляют их в места для зуб. Поливают волшебной пылью, чтобы они на время уменьшились, а затем снова выросли.

Место, куда хочется уйти будет таким, что все кто повстречает меня на пути, будут рады

мне, а я буду рад им. Где каждое моё решение будет общим решением всех людей. Место, где, чтобы всем было хорошо, нужно выбирать не одно из двух, а оба сразу, чтобы всем было по-настоящему хорошо, а не тем, кто больше всех заплатил или у тех, кто больше по численности проголосовал. Где каждое слово будет услышано, где мир, где буду жить, услышит каждого из нас. Это место будет особенным, в частности в том, что не будут здесь проклинать за зло, а примут что ты не такой как все, и тоже выгораешь, что ты обычный человек, который совершает ошибки. Место, где людей учат по-настоящему, а не растят из них машин для заучивания. Где люди понимают, то, что изучают, а не получают просто знания, чтобы было, потому что так диктует общество. Где любят своё дело, а не плачут по телефону матери, как им надоело работать. Место, где сам выбираешь когда работать и когда оплачивать счета, место, в принципе, где можно и не платить ни за что, если так и нужно. Место, где волшебные люди появляются именно в тот момент, когда они нужны. Они приходят к тебе, когда плохо, когда нужна поддержка, когда хочется рассказать тайну и выговориться. Обнимут, поплачут за компанию, и пойдут с тобой на карусели, кидать пластилин в прохожих, есть сладкую вату и плавать в грязи после дождя с длинными, мокрыми червями.

Где можно взобраться на самую высокую гору и не умереть от того, что ты замёрзнешь. Где на вершине той горы стоит волшебная остановка, откуда каждый вечер улетает чёрно-белая сова, держа корзинку с находящимися на ней людьми, размахивая в такт не только крыльями, но и ресницами, что отрастила за время прибывания под дождём — странные у неё ресницы, растут от дождя. Где падать с высоты, это не смерть, а новый навык, который нужен тебе по жизни, чтобы знать, каково это падать и знать, что выхода нет, что все чувствуют, когда страшно. А здесь есть выход всегда. Либо у тебя вырастут крылья, либо ветер подхватит тебя и медленно опустит на землю, а из-под земли вылезет крот в разноцветном колпачке на голове и даст мороженое, с разными вкусами, начиная от сливок, до киви и малины. Место то, где ты поднимешь руку, а через секунду прибежит огромный хорёк, варьируя среди камней и скал, улыбнётся на бесчисленное количество зубов, ты усядешься на кресло на спине его, и побежите вы к навстречу теплу. Угонитесь за солнцем, а это огромный творожный круг со вкусом мандарина, за лесом. Вы откусите и вам станет тепло, и все грусти на свете уйдут, соберут чемодан, поплюются, проклянет вас, но уйдут, вытирая сопливые носы:

— Черти вы все, одно счастье в вас, не любите нас... ну и будьте же вы прокляты, счастливчики!

И будут во дворе ремонтировать калитки, пока однажды вы не простите их и не пустите домой согреться, или не дадите им поесть. Сами когда надумаете, разумеется.

Нежный творожное-молочный вкус окутает все ваши рецепторы, вы забудете все проблемы. Отец опустит на ваши плечи руки и скажет, что всё хорошо, что он рядом и всегда будет рядом. Потому что он стал вашей родинкой на плече. Только две ручки, крохотные-крохотные, и два глаза, да рот с носом. Очень красивый. Правда, иногда люди думают, что он прыщ, и давят его голову. И тогда отец становится настоящей мерзостью. Антилопы гну плюются, верблюды потеют, а паук бежит в укромное место, чтобы не видеть его и не умереть от стыда.

Вечером вылезет луна, она подмигнёт вам, и вы поймёте, что пора танцевать. Всю ночь вы станете танцевать и не устанете, потому что и устать здесь никак не получится. Вся эта энергия даёт вам ещё больше энергии. Но если вам уж так захотелось поспать, то хватит всего одного желания и вы, как робот, уснёте, собирая энергию предыдущего дня. Утром кто-то полезет к вам голову и загородит проводки и вы почувствуете, что живёте.

Утром проснёшься, а на кухне Анна Ахматова готовит вам кофе, а в машине во дворе сидит Барак Обама, ваш водитель. Наложит кашу в тарелку ваша новая подруга, вы поедите, потянетесь и поедете навстречу к новому солнцу, сегодня вкус у неё лимонный. Самый настоящий лимонный торт. А по рекам течёт шоколадно-молочный коктейль со вкусом банана и авокадо.

Место, где люди болеют, а людей не лечат, потому что болезни сами выходят из человека и живут своей жизнью, собирают цветы, пахнут поля, воспитывают детей, строят дома. Удивительное место, где люди разговаривают с болезнями и узнают о том, почему они приходят, в чём их сила, и зачем они делают то, что делают. Конечно, разумеется, они не знают почему, они просто рождаются, а всё вокруг них пахнет мёдом, они начинают есть человека, потому что никто и никогда не учил их, что так неправильно и что это живой человек. Болезни рождены, чтобы причинять боль. А здесь они рождены, чтобы жить. Инстинкты всегда берут вверх над такими глупцами.

Каждый день вверх по водопаду бегут единороги, их стуки ног сотворяют музыку, а брызги вод, песню. Каждый вечер койоты собираются у костра и рассказывают друг другу выдуманные ими сказки:

— Есть место на свете, где люди живут во вражде с нами. Что место то отвратительное, где таких, похожих на нас убивают. Говорят, там нет мандариновых солнц, и песни не льются из водопадов. Люди ненавидят друг друга и создают войны. Для вас это новое слово, война, но это очень страшная вещь, когда всех насильно убивают, заставляют делать то, что не хочется, прятаться и дрожать.

Другие койоты кивнут и ужаснутся. Жёны заплачут, а дети начнут заикаться прижимаясь к матерям. Но тот же миг прилетит фея и развеет их грусть и сотрёт все воспоминания. Койоты соберутся возле костра вновь и пригласят друзей медведей, лис, зайцев, скунсов и мышей и будут готовить бобы, жарить грусть со вкусом котлеты.

Это место, где на больших, красных грузовиках перевозят картины с домами, морями, скалами и достопримечательностями для тех, кто не может позволить себе путешествовать. Место, где мечтая о далёких мирах, эти миры приезжают к тебе. Нет никаких границ между морями и горами, странами и планетами. Люди собирают пылесос, затем всасывают моря в них за каких-то пару минут, а затем распечатывают из полученной жидкости картину на ксерокопии, вставляют в рамку и грузят в машины, и они уезжают в другие страны и города. Бывает, из других вселенных прилетают инопланетяне, что скупают у нас копию нашего мира, и увозят их в контейнере, чтобы создать такую же красоту у себя на планете. После того, как картины были загружены, они доезжают до места и их развешивают в музеях, чтобы другие люди тоже могли ими любоваться и дотронуться до них. Бывает, люди заходят

В эти картины, гуляют там, проводят дни, отдыхают, а поздно вечером возвращаются обратно домой, когда музей закрывается. В редких случаях, перемещая картины из грузовика в музей, картины, что в сумках, бультыхаются и перемешиваются, а там и создаётся новый мир. А иногда, люди сами строят каньоны, чтобы опустошить картину, и создать новое море или океан в том каньоне.

Утром воскресного дня, жираф встал с кровати и ушёл на работу, как и полагается интеллигентным животным, что ценят свободное время. Впрочем, это никак не сказывается на его отдыхе. Разве может быть плоха та работа, которая приносит удовольствие, разумеется же нет. Жираф точно знал, что сегодня без него никто не соберёт листья с дерева, ведь самый длинный среди всех животных, разумеется только он, и он точно знает, как высоко растут листья, и почему без него их невозможно достать. Да и деревья же тут очень опасные, стоит только прикоснуться к коре, вылезают острые, ядовитые шипы и пронзают всех, оттого услуга жирафа была недооценима. Он нежно касаясь губами, вырывал листья и кидал в корзинки, которые держали лепреконы, гномы в красных колпачках и тарантулы на роликах. Тарантулы помогали катить корзину намного легче, чем гномы ногами сумели бы бежать по гравию.

А если не убегать столь и далеко, каких-то там жалких несколько миллионов километров, на соседнюю планету, то там можно увидеть не только драконов, что зажигают солнце по утрам, огнём из пасти, но и крокодилов, что их тушат по ночам, проглатывая и выплёвывая обратно. Они такие, что получают энергию от жара солнц, тысячи солнц по всей вселенной. Без дракона он бы и жить не мог, а дракон, чтобы не уничтожить ближайшее миры, выпускает изжогу на потухшее солнце, снова делая её живой, не сумев и дня прожить без крокодила.

Опустившись на планету видим... На поверхности бегают маленькие камешки, что прижимаются к матерям и умирают, образуя скалу, а из воды вылезают рыбы, становясь на ноги, чтобы эволюционировать в нечто новое, разумное. Некоторые из них так и не могут эволюционировать и становятся деревом, мрамором, скульптурой. Иные жители планет приходят сюда, чтобы обследовать их останки, все деревья и скульптуры, фотографируются и рисуют картины, чтобы затем рассказать своим детям, что до них жили некие существа, что правили планетой — те кивнут и ужаснутся, насколько они были странные, ужасные, и, возможно, свирепые, но так и не узнав, что они их предки когда-то вылезшие из-под океанов.

Сев на корабль мы улетаем из планеты, вылетаем на край вселенной, где земля только-только началась образовываться, но уже перешагнула развитие нынешней земли. А всё из-за относительности времени и течению его на планете, в особенности на краю вселенной, где оно протекает по-иному, нежели у нас, в Солнечной системе. Каждая минута здесь, это сто лет, не меньше. Вот заглянешь в один дом, человек выдёргивает волос из головы и отправляет на некий аппарат, похожий на ксерокс, чтобы создать своего клона. Несколько вспышек, скрежета металла и приглушённый взрыв, пiski... плач ребёнка, и через ширму выходит точно такой же человек, который создал его, идентичный. Он думает так же, делает

так же, умеет тоже самое, что и оригинал. Люди планеты пользуются технологиями, чтобы успеть на два, три, десять и сто мест одновременно, не опоздать и не разочаровать других. Бывает, что, чтобы решать вопросы отправляют клонов с одной, и клонов с другой стороны. Два клон решает вопросы и находят компромисс. Бывает, аппарат помогает сэкономить на деньгах, и, вместо того, чтобы нанять рабочих, они клонируют себя и строят целые дома, занимаются сельхоз хозяйством. Бывает, разумеется, на почве вражды и войны, бесчисленное количество мёртвых клонов, которые гниют лёжа на земле. Хватает всего дня, чтобы они впитались в землю, а на месте трупов выросли деревья. Гектары деревьев, как волосы земли, так же, как и волосы на голове тех людей. После, чтобы воссоздать популяцию человечества на планете, два противоположных землян клонируют себя и создают таких же детей клонов, традиционным способом, занимаясь любовью. За несколько часов дети вырастают в мужчин и женщин, начинают работать и создавать новые, до боли неизвестные технологии. А всё из-за того, что перемешавшись ДНК, те люди становятся новыми вехами человечества, с другими мыслями и мотивами, у них больше идей и нервных окончаний в мозгу, у них мозг работает быстрее в несколько раз, и, пока они молоды, генерируют бесчисленное количество мыслей в секунду. Так, за первые часы жизни, Генри, сто семнадцатый сын того мужчины и женщины, соорудил бластер, что может уничтожить луну, одним единственным залпом, а другой, Генри пятый, создал устройство поглощающий солнечный свет, чтобы генерировать её в атомную энергию. А женщина, что уродилась не такой и красивой, если честно, но умной, создала аппарат, который может дать человечеству путешествовать по мирам без опасения за свою жизнь, её устройство переломляет свет и отражает любые физические атаки. Попавшая на неё комета просто отскакивает обратно в темноту, во тьму космоса. Как-то раз на неё наткнулась космическая летучая мышь, завопила, не поняла, что произошло, и начала снова и снова биться об пустоту, чтобы преодолеть барьер, но снова и снова отскакивала обратно, пока не перелетела человека снизу, понимая, что потуги то её бесполезны на самом деле. Она лишь мелкая, воочию мерзкая, никому не сумевшая причинить вреда мразь. Окровавленная, злая, но трусливая летучая мышь исчезла в игольной точке, сначала перекрыв свет далёкой звезды, затем сама став далёкой звездой, которую поглотил свет звезды.

Наша вселенная могла бы отличаться от других, если бы вся вселенная во всех мирах не имела свой разум. Если бы только планета по соседству не сама решала, что в ней будет расти, а что следует убить, кому дать шанс на эволюцию, а кому стоит навредить и дать шанс родиться через сто миллионов лет. Только планета сама решала, какие в ней будут законы, будут ли облака летать, или плавать, могут ли птицы парить, а животные бегать. Планета сама создавала себе животных, которые будут удобны ей самой, чтобы те помогали оплодотворять земли, нести семена в другие континенты, убивать насекомых, которые вредят ей, но с другой стороны и они нужны, чтобы те, кто ими питается могли жить и приносить пользу ей. Земля всегда думала, что плохо, конечно, убивать динозавров, но чётко и ясно понимала, что, если бы она не сделала этого, не сгубила их биологическим оружием, что она создала сама в своей коре и выпустила на поверхность, другие виды зверей не могли бы появиться на свет — а им уж точно было суждено родиться, сменить поколение, создать новый мир. Вскоре, поговаривают деревья в лесу, земля начнёт убивать всех из-за плохого к ней отношения. Планета всегда думала, что разумные виды животных будут намного лучше тех, кто губил творения земные, что она создавала, но как же ошибалась... много и много раз. Так, к примеру, во времена динозавров никто из тех глупых зверей и не могли подумать, как-нибудь сгубить атмосферу, разве что только нежным дуновением ветерка из заднего прохода, да и то... это не так существенно, ими питались растения и выделяли кислород. Намного миллионов лет вперёд планета дышала по-настоящему, полной грудью, если бы она была, а не задыхалась своими испарениями и ядом созданными людьми.

В нынешнее время, планета смотрит за людьми глазами вселенной, рассчитывает самый наихудший результат, который только может себе вообразить. Итог, который будет в конце всего человечества. Столько загрязнений не было на ней за все четыре миллиарда лет существования. Никто так не издевался над ней, никто и никогда не причинял столько боли, не губил атмосферу, не пил её кровь из недр, не осушал океаны. Разве что пепел от извержения вулканов, покрывшая её, но и тогда, она вылечилась. В дальнейшем, чтобы очиститься от человечества — потребуется гораздо больше времени. Отходы, вещества, которых не существовало в природе, созданные нами, людьми. Худшими из лучших.

Разум был. Вселенная думала. В каждой вселенной жила ещё более маленькая вселенная, ещё крохотнее. И у каждого из них существовал собственный разум. Каждый мир волен был создавать свой закон, которому бы подчинялись другие, более низшие существа. Они, те, кто был создан вселенной, не могли подумать о том, что они были созданы кем-то, и не думать, что не создались сами собой. Угодно было вселенной сделать так, чтобы кинутый мяч летел не вверх, а вниз, он летел вниз. Стоило вселенной задать формулу для железа, что она летает, а не падает, она летала. Но стоило только подумать вселенной в который раз о том, что нож убивает живых существ, она убивала, а бывало, изредка, что вселенная передумывала и делала так, что некоторые люди и животные выживали, потому что так захотела она — игры, самая большая слабость вселенной. Она любит смеяться над своими творениями. Стоит ей только сказать самой себе и всем планетам вокруг неё, чтобы те столкнулись с друг другом и уничтожили всё живое, планеты покатаются по полотну

тёмной материи и врежутся в друг друга и планеты разлетятся на миллиарды мелких частей. Но она так не делала. Вселенная и сама прекрасно понимала, что созданные ею законы боли действовали и против неё, а она не любила, когда было больно, когда дети причиняли ей боль, когда вещи, что были созданы, чтобы спасти и помогать, губили всё вокруг. Столько мелочей, чтобы контролировать каких-то мелких человечешек, столь крохотных молекул, столь много законов, чтобы они не нарушались, сущий ад. Одно лишь радовало вселенную — в отличии от них у неё не текло время, для неё на просто не существовала, она была слабостью живых, а она не жила, а лишь была, о ней думали, о ней знали, не не больше того, какова её сила и что она умеет. Она была бессмертна и нужно было лишь дождаться, пока люди сами себя сгубят и исчезнут. Вскоре на их месте вырастут новые города и польются по каньонам новые реки, заполняться пустыни океаном, и вылезет из вод тысячи новых видов на сушу, что станут ещё лучше, чем прежние.

Но в этот раз вселенная хотела не как раньше. Она не хотела, чтобы железо было твёрдой и лежало на земле, а птицы летали, и имели крылья, а животные были глупы и никак не могли взаимодействовать с людьми. Планета на которой зарождалась жизнь должна была иметь уникальный вид, которых не было больше нигде во вселенной, в ней, да и в других, что управляли ею. Чем выше по иерархии стояла вселенная, тем больше полномочий у неё было. Наша подумала так:

Создам воду, но только твёрдую, куда может залезать только человек, а животные нет, чтобы люди могли дышать под водой, а животные не могли за ними погнаться, чтобы убить. А деревья создам такими, чтобы ночью они уползали под землю и спали, а рано утром, когда солнце начинает греть землю, они вновь вырастали и чирикали. А камни сделаю автобусами. А волки будут водителями на камнях. А черви будут запутываться в друг друге и создавать свитер и варежки. Зимой они покроются шерстью, а летом шерсть опадёт, и вместо них вырастут крылья, которые будут помогать летать тем, кто их наденет. Не более чем на два метра над уровнем земли. Ложка, которую люди создадут, не будет твёрдой, и не будет ударяться об зубы деляя больно, а примет наименее неприятный вид материала, который рот примет в себя. То есть, когда в еде не хватает соли, ложка сама солит еду, как будет хорошо человеку. Если человек захочет сахара в чае, ему не придётся покупать отдельно сахар, нужно лишь купить ложку, которая заменит все специи и сладости. Облизал ложку, а она со вкусом земляничного варенья, затем мёда и жареной картошки. Бывает, что ты перехотел есть фасоль, наложил на ложку, ложка изменила её свойства, на вид фасоль, а на вкус обычная жареная картошка с топлёным маслом. Мартышка будет продавцом бананов, а киты будут продавать икру. Горы будут перемещаться по материкам и греться под солнцем, менять пейзаж. Черепахи будут строить дорогу, а каракатицы делать разметку для машин. Крокодил сумеет летать выше орлов, а орёл плавать под водой и ловить морских коньков, на зиму, чтобы кататься на них на льду надев на лапы. Вместо того, чтобы поливать землю дождём, облака будут опускаться на землю, найдут канавки и водоемы и растворяться в них, оставив вместо себя воду, соизмеримую своему объему. Утром, заметьте, бывает туман, это облака ищут дорогу к месту сна.

Слоны будут читать человеческим детям сказку, держа в лапах книгу, а в хоботе скручивая указку, рисуя им картины в воздухе, которые визуализируются в голограммы и портреты. Хоботом поправят оправу очков и улыбнется, встанет, возьмёт детей с собой, те

залезут на его спину и они побегут по саванне, слон-учитель будет показывать природу и рассказывать, как всё устроено. Прийдут к волку или гепарду, а тот расскажет им, как он живет и на что охотится, чем питаться и где спит. Дети, разумеется, ужаснутся, но поймут, ведь и они знают, что еда на их столе появляется не просто так. Некоторые виды враждуют между собой, так им суждено по воле вселенной, но немногие из них дружат, заключая перемирие. Эти перемирия дают возможность думать, мыслить, очеловечиться, познать бытие, научиться читать, писать и понимать всех вокруг. Правда, переубедить хищников довольно сложно, особенно, когда говоришь им, что им придётся есть одни бобы и кукурузы с полей. А они, как знаете, не любят овощи, а только мясо. Получают удовольствие, когда жертва убегает, наслаждение целое, видеть, как пасть настигает еду. Это уж, как положено в мире, которую создала вселенная. Она может создать законы, события, но не их мысли. Они формируются сами и живут своей жизнью.

А если кто-то умирает, он перерождается в человека, если раньше и был животным, чтобы иметь в дальнейшем выбор кем им стать. Здесь души не улетают никуда, атомы есть у всех в теле, все миры и вселенные созданы на подобию её, из мелких частиц скреплёнными между собой плотно, образуя то змей, то кирпич, то кабель от компьютера, стоит только изменить последовательность атомов. Так, к примеру, когда животное будет съедено и убито, их атомы улетят далеко-далеко, вживутся в тела тех, кто желает детей, образуют в них малышей, а вскоре те выйдут на свет. Один может стать львом, другой деревом, третий и вовсе лилией. Проживут они всю жизнь, пока сами не умрут или не будут убиты, не погибнут, и всё повторится, но уже по-другому, становясь другим видом. В следующий раз... кабан станет зайцем. Или заяц станет черникой, и точно познает, что значит быть съеденным. Поймёт, каково было тем, кого он ел. Возможно в следующей жизни передумает, но как показывает практика, никто не меняется. Хищник всегда хищник, убийца всегда убивает.

Если бы однажды вселенная захотела изменить и это... то, наверняка всё пошло бы не по плану, которую она уготовила. Отдав волю, она потеряет силу. Но о какой мы силе говорим, если сильнее вселенной меньшей, только вселенная, что держит крохотную в себе, и управляет ею. Возможен вариант событий, что вселенная и не сама создавала слонов, а отворяла мысли более высшего по иерархии.

Так, к примеру, чашка на столе парня из Бруклина, имеет свойство поглощать людей, стоит им только прикоснуться и пригубить её, они всасываются в них и попадают в бесконечную чёрную тьму. Света здесь нет. Это забытый вселенной мир, которая она ещё не успела создать или уничтожить, скорее, создать. От поколения к поколению, от одного гаражного киоска до другой гаражной распродажи кочует чашка, поглощая всё вокруг. Схватив за ручку и затем ударив верхом по предмету, она исчезает, и предмет оказывается в пустоте. Так создаётся новый мир, и только те, кто находится в том измерении способны по-настоящему сами решать, что и как будет устроено. Пожелают поставить диван в самый угол вселенной, поставят, захотят украсить белые стены красной краской и двумя головами оленя, украсят. Вселенная бегая, забыла о том мире, создавая, забыла, какие миры её, и где находится та или иная сила отделившаяся от неё. Что же, если это та самая новая вселенная, что таится в каждой большей вселенной, но более мелкая? Может быть вселенная

есть то измерение, размером всего с чашку, но способная засасывать всё вокруг и делать из них вещи соразмерно себе. Меньше самих атомов. Конечно, каждая вселенная стоит выше другой, но каково же удивление, что не все они помнят то, что вправляют ещё чем-то, кроме своих видимых вселенных и измерений. Видимо, там законы такие же, как и здесь, только не способная никак повлиять на высшую силу извне.

Так, чашка попала в одну деревню, откуда её украли обезьяны, играли с ними, после, те, мартышки и гиббоны, и всякая другая враждующая между собой племя млекопитающих нашли народ называемый себя Майя, и отправили всех их в ту вселенную, одну за одним. Оставив только сооружения. А затем... однажды, удар об зеркало верхом чашки сделало так, что чашка сама себя поглотила и исчезла, отразившись от неё. Вселенная и вся память о них исчезла, они были стёрты из истории. Остались только артефакты. Возможно они были вовсе не Майя, а какой-нибудь другой народ, Греиап или Нрпвыд. Письмена написанные им были понятны только жителям города, но люди нашедшие пергаменты придумали язык, якобы принадлежащий им, и были вынуждены обмануть весь мир, создавая историю, которой никогда и не было.

Вселенная всегда думала, что делает всё правильно, как будет удобнее жить тем, кого она создала, но каждый раз понимала, что это ни к чему хорошему не приводит и всегда люди выходят против неё, пытаюсь понять её мотивы, призывая на её совесть, называя проклятым миром, адом. Но в каждой вселенной есть свой рай, который должен создать сам человек, а не просить то, что им хочется. Вселенная пришла к выводу, что люди её худшее творение, что никакая третья нога или крылья, никакие огромные ноги и большой интеллект не дают им того, что они желают. Чем больше она давала им свободы, тем сильнее они просили свободы, больше и больше. Но факт был в том, что свободу они ограничивали сами себе, имея всё под рукой для реализации себя, воображать, сооружать, создавать, творить. Люди находили тысячи причин, чтобы обвинить в своих неудачах вселенную, а не свою криворукость, близорукость и глупость.

Вселенная замолчала. Зажглись фонари на земле, вверх устремились маленькие пылинки, а каждая из них была планета. В свету они были заметны, как обычная пыль, они улетели в облака, исчезли, затем поднялись ещё выше, преодолели тысячи световых лет, чтобы вобрать в себя материю, энергию, закрутить возле своей оси другие пылинки, от мельчайшего до большего и большего, метеориты, астероиды, мусор, пока не стали огромными планетами, новыми, которые люди вскоре обнаружат через телескопы и дадут им новое название. Но даже никогда и не догадаются, что это часть их земли. Новая земля, которая вскоре станет пригодной и для жизни не только бактерий, но и людей, что смогут преодолеть рубеж своей галактики. Перейти границы. Да, люди тоже бактерии, но впрочем в отличии от нас, людей, бактерии более живучие.

Вскоре и сами люди станут бактерией, умрут, их атомы перестроятся в нечто уникальное и волшебное, ножку от табуретки или голову собаки на калитке, палец на лапе мангуста, а возможно, в глаза рыбы капли. Впрочем, сама вселенная может стать кем угодно и когда угодно, наблюдать за всеми, за людьми, богами, которые придумали люди, за муравьями, что дерутся за кусочек сахара. Стать тем, кого боится, и кого изучает, чтобы

самой познать, каково это жить по-настоящему, и каково это чувствовать, что время идёт.
Что значит стареть.

И снова день пришёл, как пришел вчера и позавчера. Эти дни приходят каждый раз. И только отец, что вышел за сметаной, никогда больше не возвращался. Не приходил домой и не стучался в окно. Ещё бы немного, и могли бы прийти коллекторы и забрать всё в долг оплаты квартиры, включая мои белые носки за сорок два рубля. Отец — он никогда не любил нас, говорил, что не хотел рожать меня, что кесарево сечение на его животе приносит ему дискомфорт. Каждый раз, когда он тужился, пытаясь испражниться кишечник, ему казалось, что это выхожу я, разрывая его на маленькие кусочки. Конечно же я был умнее своего отца, не желал я измазаться в дерьме, кириешках, пельменях и в пару зубчиках чеснока, посему решил сконструировать дверь, и выйти оттуда, увидеть мир, потанцевать на стриптиз столе вместе с дикими собаками Динго, погонять на машинах с Гремлинами, поесть жареной курочки с кетчупом, облизывая задницу пальцам на руке и полетать на соседнюю планету к моему другу Альфреду, что жил в моём измерении до рождения и рассказывал всякие сказки о своих родителях. Мол они... но это уже другая история, как-нибудь потом. Погостил я там несколько часов, пока отец не очухался, еле открывая слипшиеся глаза, и почесал живот именно в тот момент, в тот самый чертовой момент, как только я скрылся за ней, навсегда и безвозвратно, естественно же, до рождения. Никто не говорил тупому отцу, что мы, дети притворяемся немыми, а на самом деле понимаем всё, знаем всё, и давным давно переняли опыт из ДНК, и ни черта не глупые, как мой отец, родившийся от спаривания старой порванной галоши и двух пьяных гусениц на вечеринке девственниц. Знавал ли он меня до того, как подумал обо мне, конечно же, разумеется, непонятно, но точно я знал одно, что другие люди понимали больше, чем мой отец. Думать было не его кредо, отцу кредо не было знакомо, ведь он родился в девяностые, а фильм вышел за долго до него.

Однажды, несколько недель спустя после того, как мне исполнилось сорок два года, мы пришли к нему. Закурили сигару — я и моя тень. Затянувшись мерзко, прищурившись с отвращением, посмотрели на него, плюнули под ноги(слюна вдруг резко затормозила, завертелась и полетела на штанину и замёрзла), и сказали:

— Знаешь, я всегда знал, что это ты был раком моей жизни. Я всегда жил хорошо, до того, как родился. Не знавал я хуже дня в своей жизни, чем рождение. Жили мы, — затянувшись, — в принципе хорошо, никого и не трогали, смотрели кабельное телевидение, играли игры на компьютере, развлекались в твистер, а затем что-то начало тянуть нас назад, все игры становились всё далече и далече, мы не могли дотянуться до самых своих любимых вещей. Вокруг меня... и, конечно вокруг моей тени начала образовываться отвратительная, вонючая опухоль, большая пребольшая, как целый товарный поезд. Он каким-то странным образом начал падать то в один, то в другой бок, разрушив наши карточные домики, и домино разложенные по краям стола. Затем... боль окутала нас, и мы увидели свет, такой страшный, запахло смертью... неужели, это была смерть, подумали мы тогда. Затем увидели, как к нам тянется рука женщины, что улыбается на все свои гнилые зубы, целует, облизывает слюни на наших лицах. И мы заплакали. Коронавируная! Но слов не получалось выговорить, сколько бы мы не пытались, но мы же умели говорить. Что за ерунда? После смерти всегда языки меняются? А поняли мы, что говорим на ином языке, только после того, как вместе

того, чтобы дать нам котлету, что мы просили целый час, нам сунули соску, заставили пить молоко в бутылочке, который я не мог терпеть. Другого выбора не было, мне не хотелось чувствовать боли, боли внизу груди, вроде вы называли их «живот», какое странное слово. Мне нужно было с моей тенью научиться заново разговаривать, забыть язык мёртвых, не рожденных, чтобы просто быть частью общества, который мне претил и стать одним из тех столпов непонятных для меня людей. Жить по правилам не нравившихся мне людей. Они всё время кричали и жаловались, орали на меня, что я не понимаю, но ведь и вправду не понимал, только учился. Одно успокаивало, что опухоль от меня отстала. Ты, папа, от меня отстал, и славу Архимеду, с которым я играл в казаки-разбойники. И слава Геркулесу, что научил меня постоять за себя и за Аида, что показал мне, что значит чувствовать боль. Слава всем этим людям, что ты, отец, исчез из моей жизни. Договориться с Аидом было сложно. Карточный долг, разумеется, был важен, но простив ему их, он выполнил мою просьбу.

Кислая мина отца смотрела на нас и молчала, с земли полетели листья по ветру, надгробный камень наклонился набок и по глазам фотографии полезли капельки, наверное, скоро дождь. Что и было правдой, и начался ливень, моя тень сразу же убежала в меня, а я убежал под дерево. Кладбище окутало грустью.

Пока стоял под деревом, далеко за городом, за несколько часов до конца света, по дороге мчал Френк, парень двадцати лет, (хотя же, какая разница сколько ему было лет, будь он так же моложе или старше, мчал бы с тем же успехом и упорством), чтобы предупредить всех жителей об надвигающемся конце. Станным было не то, что он был быстрее звука, а то, как он передвигался. Вместо ног, как и полагается, когда говоришь о том, что он мчит, были колёса. Френка создали в лаборатории, откуда его выпустили, чтобы успеть предупредить всех жителей ближайших городов, что скоро случится ядерно-вирусная катастрофа сопровождается резким толчком континентов — землетрясением. Многие годы подряд в тех лабораториях создавали ужасные вещи, закачивали их не только в людей и животных, но и в саму землю. За несколько лет экспериментов, земля ответила им, мутировала в вирус, заполонила пустоты под землёй. Вскоре случится взрыв и смещение пластов. Такой разрыв случился в горах, где выплеснувшийся из вулкана вирус создал живых мертвецов. На самом деле те не были живы по-настоящему, но бактерии, что вселились в тела тех мертвецов, двигали их, и казалось, что они живы. Бывало, что при перемещении в теле, бактерии не зная предназначения языка, двигали её и вылетали рандомные слова, которые не имели никакого смысла вообще. Единственным, что хотели сделать бактерии, это захватить как можно больше тел, земель и растений. Они сжирали тела, переваривая, создавая жижу и фарш из кож и органов, протекающая по кругу, перерабатывающаяся снова и снова, оставляя лишь кости, чтобы передвигаться по земле. Чем больше они ели, тем быстрее росли и размножались. Одна единственная бактерия, что попадалась на одежду, или улетевшая по ветру до соседних стран и островов, в течении нескольких лет могла вырасти до самого размера острова. Одна такая бактерии создавала две себе подобных, а две по четыре, а восемь по шестнадцать. Ужасным было не то, насколько они быстро сжирали тела, а то, что никакого противоядия, противовирусных веществ не было. Люди могли подумать, что с одной бактерии попавшая на кожу ничего не будет, пока через года они не обнаружат, как утром отвалится нога или вытечет глаз. Или в комнату не прибежит одноногий босой мальчик, держа голову матери.

И снова нам подумалось с моей тенью, что отец воскреснет и станет бегать за нами, чтобы вновь стать нашей опухолью. Но с бактериями мы могли договориться, предложив им технологию, что придумал Да-Винчи, пока мы были в другом измерении. Устройство, что может создавать бесконечное количество еды, и поглощать бесконечное количество тёмной материи. Это едва ли можно было назвать прорывом, но для таких вещей, как конец света вполне подходило. Её можно было настраивать под определенную материю, например, чтобы поглощать только вид этих бактерий, или только железо. Потому, любая бактерия, что могла бы улететь с ветром, обратно возвращалась на место, словно примагнитенная, дабы исчезнуть в чёрной дыре устройства. Иногда на небе можно заметить, как гаснут звёзды, это выпущенная в космос бактерия сжигает планету.

В конце следования истории, бактерия приобрела разум, смогла научиться говорить и нашла тех, кто отправил её в другую вселенную. Увы, найдя дом, серебряный Сёрфер и Доктор Стрендж остановили её, заставив вернуться в иную вселенную, где нет ни единой души. Чтобы она вечность поглощала пульсирующую звезду, которой гореть ещё много миллиардов лет.

В тот день... мне исполнилось сорок три, когда бактерия вернулась обратно. Технологии развились, а сама бактерия представляла из себя какую-то пыль, пшиком аэрозоли, которую можно было уничтожить, словно какого-то таракана. Достав баллончик, я развеял её навечно. Она съежилась и стала клубком с которым играет мой кот в квартире. Кот чихает, ему нравится.

Огромный зелёный дракон нёсся по бездорожью. Его крылья бились об облака и оттуда сыпались белые и пушистые котикки, прямо на его спину. Затем тотчас выросли в тигров и убежали в джунгли. В Джунглях по деревьям прыгали радостные пингвины, а над ними порхали обезьяны, размахивая огромными рыжими крыльями. Увидев дракона начали смеяться над его короткими ножками. Не понравилось дракону это, и взлетел дракон, взмахнул крыльями и стёр джунгли под камень, словно подмёл пыль во дворе, в небольшой комок шерсти, в клубок. В том клубке жили все существа мира. Клубок представлял из себя планету, по меньшей мере не меньше Юпитера, если бы можно было сравнить, разумеется. Дракон взял клубок в пасть и полетел в небо, столько котиков тогда на землю упало, но дракон не остановился и вылетел в космос.

В космосе летел неделю, не меньше, и долетел до пустоты Волопаса, куда и скинул клубок. Планета обрела новый дом, в миллионах километрах солнце, светит, чтобы жизнь не погибла, а над клубком парит огромный камень — луна. На той луне сидит старая женщина и стирает белье, высушивает их на верёвочке во дворе и печёт вкусные блины. Блины она кидает в космос, а те превращаются в скатов и улетают в другие миры. Долетая до тех миров, скаты рожают маленькое семечко — из той семечки вылупляется старая женщина, строит дом, достаёт из кармана ночнушки сковородку и печёт блины. Круговорот жизни. Раз за разом, до скончания времён. И каждая женщина думает, что это они боги, и вся жизнь пошла от них. И никто не знает, кто из них первый.

А в другой планете, далеко от тех мест не меньше в тысячу световых лет существуют вечные птицы.

Свет летит до земли восемь минут, а до той планеты тысячу лет, имея при этом скорость в триста тысяч километров в секунду. Вот насколько то место было далеко от нашего солнца, и настолько далеко от планеты скатов. Та планета, спираль, в ней живут только птицы, и несколько миллионов... но всё по порядку. Их жизнь представляет собой круговорот по одному и тому же маршруту, навстречу солнцу, которую птицы видят через тонкую оболочку планеты. Их мечта когда-то долететь до солнца и отдохнуть. Увы, поток ветра на планете не даёт птицам сесть, а спираль, не даёт им вылететь из своего мира. Пытаясь взлететь выше, спираль подстраивается под них, оставляя ровно столько же пространства, как и до, что снизу, что сверху. Они вынуждены всю жизнь летать по кругу и спать в воздухе, воспитывать птенцов, и есть. Еда, это маленькие, размером с пыль креветки и планктоны, что летают вместе с ними. Они залетают в их клювы, в перья, а через слои пуха и в поры. Оставляя там энергию солнца, они так же вылетают обратно, как залетели. Без смерти. Снова собирать энергию солнца, дабы отдать их птицам, что перелетят весь спиральный мир и вернуться обратно. Оттого и не устают птицы летать бесконечно по кругу. Бывает облака гонятся за птицами, тоже пытаясь долететь до солнца, увы, догнать лишь не могут. Кажется, под ними есть даже небольшой океан, а в том океане обитают водные птицы, они выныривают из-под воды, обжигаются от света солнца и исчезают в глубине, чтобы залечить раны. А когда приходит время умирать летучим птицам, их прах превращается в креветки. А смерть креветок создаёт новых птиц в океане. А смерть океанских птиц, приводит к образованию душ — освобождённых от водного мира, — что становятся летучими птицами. Нам ли понять законы тех миров и спорить с ними? Мы и не

спорим, такое существует.

А вот что самое нелепое было в соседней планете квадратов и уравнений, так это то, почему Пушкин играл в крикет вместо того, чтобы помогать решать Архимеду его задачи для первоклассников вампиров учащихся по ночам. Пока гробы закрыты, Архимед трудился весь день.

Пушкин смотрел на это всё с каким-то недоверием, всё время корчил лицо и твердил Архимеду, что вампирам не нужны никакие уравнения. На что Архимед отвечал:

— А как же они будут знать, сколько крови выпили и во сколько всходит солнце? Это жизненно важное учение!

— Лучше бы ты так же умел играть в крикет, чем болтать об бессмысленных числах!

— Во всех смыслах есть числа, числа и есть смысл нашего бытия. Взгляни. Мы знаем в каком классе учатся наши дети, и сколько им лет и сколько осталось. Мы знаем цену времени. Это же всё в числах и цифрах исчисляется, ничего ты не знаешь, товарищ Пушкин!

— Это верно. А как же оно поможет мне стать бессмертным? И как оно в крикет поможет выиграть?

— Когда поможешь мне, я всё разьясню. Скоро мы создадим замок с машиной времени, и камеру для вылечивания смерти клеток в теле. Когда мы достигнем всего этого, мы станем бессмертны.

— Не о том спорите вы, господа. Всему голова, голова. Души у вас мёртвые какие-то. Думаете не о том и ни о чём. Думать нужно о женщинах вях. Не будете их в расчёт брать, никакого бессмертия они вам ни в жизнь не дадут. Вампиры и ведьмы, вот кто они, — сказал Гоголь, вздохнул и вытащил картину дамы. Дама тотчас начала кричать:

— Вы, бестолочи, не думаете о будущем! Вместо того, чтобы работать, бездельничаете, по дому не помогаете, да я вас всех...

В полу открылся люк, поднялся дым, и оттуда выпрыгнул Толстой:

— Заткни свой рот, Каренина! — и убрал карту в колоду и выбросил в печь. Почесал бороду и продолжил, — Никогда, слышите, никогда не связывайтесь с женщинами! И в борт своих кораблей не берите, потопят!

— Верно судите, господин Толстой. Прока от них нет, а проблем ложкой океан черпай! Наступила вскоре ночь. Дети вылезли из гробов, прыгнули на учителей и отпили их кровь.

— Лучше они будут пить нашу кровь, чем кровь будут пить женщины.

Но откуда же взялись вампиры и где их родители? Родителей не было. А всем виной был...

— Дети, все по местам! — окно отворилось, и со свистом, с бурей в комнату влетел доктор Франкенштейн, — Урок начинается!

— Да, святой отец! — хором закричали дети и сели за парты.

Дети сели. Их глаза блестели жадностью. Архимед закрыл книгу и встал из-за стола и вышел к доске.

— И так, выходите по одному, будем учить вас измерять числа. То есть, зная сколько крови надобно, когда вы станете взрослыми, выживать вам.

А что было дальше, никто не знает, но пыли в тот день в комнате было очень много. Открытые окна, ветер по помещению.

В галактической вселенной, имени которой нет, где не всё так, как описывают, и не так всё, как выглядит, есть дверь волшебства. Всякий входящий в дверь превращается в спичечную коробку, в журавля, в нарцисс, в тележку, иль орла с семью лапками, а выходящий становится кем-то другим, перепутавшись телами с теми, кто входил. Открыв выход, иль вход, совсем не важно — сама дверь определяет какая из сторон вход, а какая из них выход, некогда бывшие люди, становятся не самими собой, а кем-то вроде таракана, ведь дверь определила их в людей, в дуршлаг, в стручок фасоли, а некоторых в пыль. В той пыли живут инопланетяне, ещё меньше пыли в миллиард раз — они строят корабли, путешествуют в моря, изучают вселенную вокруг себя — мир, в котором они летают, среди таких же пылинок и микробов, как сами. Создают науку, изучают законы физики, пишут книги, воспитывают детей. Увы, знать, что они лишь то, чем задыхаются астматики, они не могут. Как-нибудь в будущем они пролетят сквозь время по ветру и влетят в дверь волшебства и станут индюков, а может проросшим сорняком около выхода, и узнают, что вселенная больше, чем они предполагали.

Та сторона двери всё время меняется, становясь то горным и гладким, с тысячью скалами, откуда сползают живо-камни, некогда бывшие людьми и животными, а бывает, там образуется пустота — в той пустоте обитают множество удивительных существ. Дверь не может знать, каковы законы вселенных откуда существа прилетели, потому лепит из них свои законы, строит им тела, способности и определяет, кем, чему и кому быть. Так, маленький червяк попавший случайно во вселенную, может стать животным с орлиной головой, телом быка, и хвостом павлина, и скоростью бега гепарда, при этом, уметь плавать и светится в темноте. И мешок у него бывает, для потомства, как у кенгуру. И вместо того, чтобы уродить на свет себе подобного, в мешке может вырасти змея, ландыш или шариковая ручка с ножками кузнечика, дабы прыгать на свободе. Всяко входящего вселенная собирать не умеет, потому и предопределяет им свою роль в себе, вкручивает все конечности с других животных когда-то входящих сюда, делая из них монстров, так сказали бы мы, — но вполне нормальных существ для того измерения.

Никто не знает откуда появилась эта дверь, она всегда была здесь. И во время второй мировой войны, и во время того, как отец и мать Микеланджело зачали художника, и во время испанской чумы, и даже во времена, когда пещерные люди жили в холодных, заснеженных горах и спали на ледяных камнях, дверь стояла прямо здесь, на поляне, в пустоши, один одинешенька. Ни огонь, ни ветер, ни потоп и не атомная бомба не могли оставить на ней следа, трещин, вмятин и сколов, а человек пытавшийся переместить или уничтожить дверь, размахивая топором — исчезал. И вскоре между протоптанной дорожкой и дверью выростала новая роза или кактус. Может быть, когда-то в будущем, те люди, что развились в сверхразумных существ, смогли отправить ту дверь в прошлое для образования того будущего, что мы знаем. Чтобы будущее стало таким, каким мы его помним сейчас.

Будущее, как вода. Попадая в прошлое и меняя её, мы вовсе и не меняем своё будущее, иначе мы и не попадали бы в прошлое такими, какими были, — мы уже были созданы такими, из-за влияние прошлого на нас. И то, что мы отправили что-то в прошлое, это было предписано будущим, настоящим, и в прошлом оно было именно таким, каким и быть должно. Будь всё по другому, мы не попадали бы в прошлое, не существовали бы в будущем

— мы сами создали себя, окружение, мир и саму вселенную. Удивительно, что это понимает гадюка бьющая по барабанам, кабан, танцующий кукарачу, и тот осьминог, что учит маленьких карпов арифметике. Представьте себе, что попав в то время, когда Гитлер бомбил Англию, вы убили фюрера, но вы совсем не стали менять будущее, вы вернулись в одну из нитей будущего, где его не было, или, где его убили. Но Гитлер во всяком случае был бы убит. Но, по-видимому, у вас ничего и не произошло, ведь убей вы того, вы бы не возвращались за ним, — будущее было бы для вас без Гитлера. Без убитых им жизней, детей и собак. Раз вы попали в прошлое ради него, значит будущее не изменилось. И сколько бы возможностей и шансов вы не использовали, Санта Клаус всегда будет дарить подарки, а в фей верить будут во все времена. Вот, один из них, в шляпе цилиндре, толстенький, бежит к фюреру — это Лепреккон-Джинн, исполняющий желания. За кусок шоколада, когда в мире кризис, он готов исполнить желание фюрера, того глядишь, исполнит уничтожить всех людей. Увы, не везёт тем, кто многого просит. Переманили Джинна, предложили больше сладостей, переметнулся, передумал, и кто-то из людей пожелал скорейшего окончания войны.

Фюреру деваться было некуда, его все ненавидели и преследовали. Многие друзья и товарищи по оружию переметнулись на сторону врага, чтобы сберечь свои жизни и жизни своих детей. Многие из немцев скрывали, что они евреи, и казнили себе подобных, дабы не попасть под гнёт Гитлера. Разумеется, немец бежал, и прыгнул в дверь и исчез. В том измерении и времени не существует, как в нашем. Одна минуту равна году, а год целому тысячелетию. Там фюрер и прячется, чтобы однажды вернуться и отомстить человечеству, когда земля станет перенаселена, а пищи не хватит на всех, — устроить геноцид. А пока, Гитлер, чашка, с которой отпивают кофе учёный Лев и грязнуля Бобби, летающий крокодил. Возможно, Гитлер прав, и опережал своё время на многие столетия, ведь выживание самое главное.

Фюрер всегда считал, что, чтобы люди были счастливы, нужно развивать медицину, и укоротить численность человечества по одной лишь единственной причине, — спасти их самих от себя, дать им свободу. Гитлер хотел снизить цены на продукты, на вещи, создать идеальное место для жизни, где все будут счастливы. Без толкучки в автобусах, без очередей на кассе, без крошки хлеба в шкафу. Ему хотелось, чтобы все были сыты и жили в мире, но для этого нужно было истребить их половину. Часть человечества. Наблюдая за производством машин и строительством заводов, фюрер плакал по ночам. Он считал, что люди губят природу, саму планету, Гитлер желал остановить развитие всего, чтобы начала развиваться природа. Пелена жадности накрыла землю, люди убивали друг друга ради богатства, но ведь фюрер убивал не для каких-то бумаг, а ради того, чтобы освободить природу от плена человечества. Увы, за его мысли, его возненавидели и назначили его на роль самого отъявленного преступника человечества. Он вынужден был прыгнуть в дверь. Исчезнуть, чтобы однажды вернуться. Куда, в какой мир? Каким будет планета через тысячу лет?

За многое время будущего, за всё хорошее нужно платить. Люди пугались умных. Опередивших своё время. Но в конце концов всё идёт к концу. Чем больше людей, тем больше денег, но в то же время, меньше денег. Работники получают не заслуженно.

— Удивительно, что столько всего не написано в учебниках по истории, — удивился Матвей, закрывая книгу, — Гитлер был хорошим человеком.

— Считаю это разумно так предполагать, — ответил Жираф, приглаживая копытом

гриву, — Но одно не понятно, откуда это попало к нам?

— Ты сам знаешь, — Матвей посмотрел на дверь, и сглотнул слюни, — Это она творит чудеса, она раскрывает правду.

— Ты о боге?

— Именно о ней. Или о нём. Это материя неизвестного происхождения. Она создала нас с тобой, одарила разумом и домом.

— И написала прошлое. Раскрыла правду об умах великих.

— Так и есть.

Матвей поставил книгу на полку возле тысячи других, где красовалась правда о Наполеоне, об Чингисхане, Иване Грозном, о Цезаре, правителе Рима, о Имхотепе, фараоне Египта, и множество других личностей, которых считали злом.

— Они все опережали своё время.

Из-за полок показалась голова тетерева, она важно вышла к Матвею и заговорила:

— А ведь знаешь, мы часть истории. В каждом из нас есть частица атома этих великих людей. Может потому мы думаем так же, как и они и соперничаем им?

— Всякое бывает, — с верхней книжной полки спрыгнула блоха, и важно закурила трубку, — Я ведь и сам великий, наверняка во мне кровь воителей и гениев!

Вдруг отворилась дверь, и вышел Робинзон Крузо, держа в объятиях Пятницу. Голую, глупую, сексуальную. Со стороны может показаться, что это люди, увы, куклы барби. И вместо рук у них лодки, а вместо головы немытая картошка.

Тридцать четыре желторотых аборигена играли в удивительные игры. Двое из них держали бедного Ломоносова за руки, трое били его по ресницам, а остальные двадцать девять, щекотали его между безымянным пальцем и мизинцем. Каждый раз щекоча меж них, из междупальчия сыпались съедобные конфетти. Взглянув более пристально на всё это зрелище, можно обнаружить крохотного гномика бегущего вверх по направлению водопада конфетти, обратно домой, перебирая маленькими ножками, ругаясь непристойно, пища, словно какой-то комар. Между прочим, на другой ноге, такой же удивительный матерный гномик держал за веревочку комара на привязи, хищного и ужасного монстра, ручного, чтобы, если вдруг, когда придётся выйти из своего измерения смочь без причинения боли Ломоносову, ввести антиболь хоботком комара и вернуться обратно в своё измерение, разрезав между мизинцем и безымянным пальцем чёрную дыру. Там гляди и пару покрывал засосёт, пара носков потеряется и диван в прихожей. Так, впервые в своей жизни, Ломоносов узнал, что такое вселенная, и увидел между порталом целые крохотные и удивительные миры, которых ему никогда бы не удалось обнаружить устройствами времени восемнадцатого века, — кошмарное время. Два узкоглазых осьминога смотрели ему в глаза через щель, когда тот пытался надеть башмаки, и пытались соблазнить физика и выдающегося, между прочим химика, дабы присосаться к его губам и высосать все питательные соки. Те самые... Не зря Ломоносов славился тем, что поставлял виноградный сок в Архангелогородскую губернию, так же, как и сок из лаванды, из крапивы и пяти славных гусениц, что паслись у него на лугу, среди опавших листьев кактуса, едва ли не с размером слона. А под ногами бегали блохи, боксируя вымя гусениц, как боксерскую грушу, тем самым смягчая затвердевшие плоды внутри них, превращая в мякоть, из мякоти которой выделялся славный, фантастический нектар в виде сока. Ломоносов, забывал доить гусениц, специально, чтобы напиться вином и шляться по барам и кабакам, соблазняя то вешалки у входа, то мусорные вёдра на полу, считая их за дам. Впрочем, разницы никакой он между ними и не видел. Женщины так же сильно вешались на них, как на вешалки вешались все другие, и так же падая ниц на пол, как это делало ведро, после очередного праздника, целовали выброшенные ботинки пьяниц. Ровно так же как и дамы. Среди всей этой зловредной вони таился, грех не вспомнить, самый настоящий драгоценный житель той Губернии, едва ли не единственный на всю Российскую империю человек, — уборщик, что убирал не только пьяниц в мусорные пакеты, разделяя их на куски, и кормя диких собак у входа фаршем, и одичалых бомжов у кривого дерева на большом холму возле Сонной лощины, но также протирая полы после тех странных поэтов и литераторов, блевоту.

Собирая, уборщик размещивал их в бокалы и стаканы тех деятелей искусств, что не дошли до ведра, чтобы выкинуть желчь из себя, всю еду и прокисший виноградный сок, — потому и блевали все те люди, что пили одно и то же пойло с пола каждый день. Хватило бы ума уборщику, стало быть и дела было бы меньше, того гляди и платить стали бы меньше, потому продолжал своё деяние на протяжении многих лет, видя одни и те же лица. Если бы в тот день из пальца Ломоносова не выпрыгнул гном Наполеон, ругаясь на весь кабак, уборщик не переставал бы делать своё дело. Испугавшись, тот человек выбросил блевоту в ведро и чуть ли не начал ползать перед Наполеоном, превратившись в лист бумаги, но стал трусом. Эти трусы увидела Клеопатра и надела на себя, хваля того, кто забыл их на полу.

Радости уборщика предела не было. Люди в тот день впервые не испоганили чистый пол, а бармен Чак Норрис, никогда больше не видел тех, кто жаловался. Стоило бармену только взглянуть на кирпич, который ему не нравился, тот испарялся, а захотелось ли бармену построить напротив своего кабака другой ресторан, тот час из другого поселения прибежал дом, выпинавал из себя жителей, и превращался в ресторан не с пятью звёздами из пяти, а сто двадцати пятью. А гном Наполеон залезал карабкаясь на стол, протирал руками деревянную поверхность, собирая остатки алкоголя и облизывал их, пьянел и спрыгивая на пол, бежал к Ломоносову, вспарывал палец и уходил прочь, напоследок крикнув мат на латыни, который никто не понимал. Затем аборигены улыбались, отпускали Ломоносова, и говорили тому, чтобы он заработал больше денег, никак иначе, они, между прочим, его дети. Частенько Ломоносов тратил всё заработанное на выпивку, потому дети узнав о его удивительном мизинце, хватали его и били до покраснения, чтобы хоть конфетами наестся, пусть даже без чая, но с водой и высушенными лапками кузнечиков, что ловили на поляне, где физик устроил пастбище насекомых из пяти депутатов. У депутатов лапки отрастали обратно. Одного звали Кузнечик Виталий Иванович, второго Кузнечиков Владимир Эльбросович, а те другие были за компанию, областные подсластители задниц, одним словом хвосты, — куда депутаты, туда и они. Если у депутатов ноги были жирными, как самый сочный коровий кусок мяса, который нужно было сушить днями, того гляди и неделями, то у “хвостов” ноги были куда тоньше, и высушить их было крайне легко. Пока голод не наступал снова, ноги отрастали, не так быстро, как у депутатов выше по рангу, но всё таки отрастали. Удивительное свойство однажды обнаружили аборигены при таком одном завтраке, что случилось поздно ночью. Как-то упав на землю, нога, что была оторвана из начинающего политика, вдруг отращивала из себя второго депутата, клона первого. Сколько раз не отрывай ноги и не кидай на почву, вырастал депутат, правда, с каждым разом всё меньше и тоньше, теряя свои свойства. В конце депутат рождался размером едва ли не со спичечную коробку, тут аборигены долго не думали и съедали всего депутата, пока однажды... один из аборигенов не стал мыслить, как депутат и не обманывать других аборигенов. Ломоносов сразу это почуял. Абориген очень сильно вонял. И заткнул ароматные проходы кукурузным початком обнаруженным в Нарнии. Другие аборигены вполне могли бы и задохнуться, но привыкли и внимали всем словам своего брата. Стоило сказать тому, что мясо портит организм, что он готов взять эту большую ношу на свой желудок, аборигены тотчас брали сложенные у края поляны дрова и били его, пока тот не терял сознание и не становился апостолом, что делился всем, что находил. Пять сломанных костей в теле, и сто сорок девять на бедре, кого угодно могли убедить, что они не правы, что они достаточно ели за прошлый год, а следующие пять можно и поголодать обгладывая волосы Гулливера сопящего на берегу, позади их дома. Случались раз в несколько часов и ураганы, смерчи. Тринадцать коротышек брали бревно и закрывали проход Гулливера, откуда вылетали страшные грохоты, ужасные смертоносные смерчи и метели.

В одной крохотной вселенной, наверное, о котором вам и никогда не приходилось слышать, жили прекрасные создания — правда, те, кого они ели, не считали их таковыми, — носки людоеды. Эти странные создания нападали исподтишка, набрасываясь на ноги людей, когда те спали. Тот час съедали ноги, затем, — так уж повелось в их культуре поедания людей, — они нападали на беззащитного спящего косяком, пlying по полу, дабы обглодать его до костей. Несколько носков всегда носили с собой батут, чтобы запрыгнуть на кровать. Съеденный человек оставался спать — ведь носки вводили парализующий яд своим нежным прикосновением, а наутро, когда человек вставал с кровати и шёл в ванную комнату умываться, он падал в обморок увидев себя в отражении зеркала. Грохот стоял ещё тот. Вся штукатурка осыпалась со стен. Просыпались термиты. Они выглядывали через щели в стене, закуривали сигарету, и набросив на край щели канат, спускались к скелету на полу, чтобы сделать в нём новый дом. Так вот, скелеты, получали новую болезнь, — их называли заразными. Ведь и правда, стоило такому скелету подойти к знакомому с таким же обглоданным телом, термиты бросали на них свои канаты с крючками и перемещались уже к ним.

Это ещё ничего. Вы представьте только, что творилось в соседней планете, чуть больше марса тот был, по нашим меркам — там жили великаны, ну великаны и великаны, скажете вы, мы так же посчитаем. Обычные огромные люди. Но вот, что, взгляните на их волосы. Там пасутся кенгуру. Они блохи. Прыгают с одного волоса к другому и поедают волосы, от того, что они так поступают, в семействе великанов появляются лысые. Приходится носить шапка-мох. Их лысая голова отражает свет солнца и губит урожай пшеницы на поле. Сжигает всё. К ним можно отнести, — к вредителям великанских волос, — и коров, которых поднимают стрекозы и перемещают с одного поля волос к другому. Их совсем не видно. Но сумевший раздавить такого вредителя великан навлекал на себя беду. Из-под земли появлялись тонкие, скрученные черви, делали дырку в ноге великана и ползли прямо к тому месту, где лилась кровь кенгуру или коровы, чтобы облизать её. Эти черви из-за неимения скорости, использовали вены людей, как метро, чтобы перемещаться доверху. Затем так же исчезали в земле, ложились спать. А рана никогда не заживала, поэтому великанам приходилось делать из дерева затычку, закрывать дырку и жить так до конца жизни. К тому же, в такой дырке мог поселиться и медведь. Тёплая берлога, как раз для него. И медведь поёдал великана изнутри. Не выгацить, не убить.

Но что же творится на самом деле под землёй, туда, куда великаны не могут попасть? Неужели и там есть жизнь интереснее, чем на поверхности. Давайте сядем в паровоз и заглянем, укс... кто-то в нас врезался. Посмотрите на его наглую рожу, это же товарные поезд-червь, совсем страх потерял, врезался в паровоз посетителей. Но ничего, паровоз отрастит себе конечность через пару дней. А пока, та часть, что отрезана, сама отрастит голову и найдёт путь домой.

Только их нужно направлять пирожками бабушки. Именно для таких случаев держат двух бабушек.

Внизу нас встречает кондуктор — сороконожка, на каждой ноге по голове, чтобы не пропустить ни одного посетителя аттракциона. Так называли места, где использовали рабский труд за небольшую плату. стакан молока вполне мог угодить начальнику — Мышь

Крысевичу. Отец мышь, мать крыса. А за мешок зерна можно было стать рабом на год. Жуки со всех уголков планеты приезжают сюда, чтобы почувствовать вкус работы. Только кирка, чью голову постоянно разбивали о камни, жаловался на головную боль, потому ему выписывали дозу выговоров. Кирка терпел. Но в конце концов, к началу следующей смены один из жуков всё-таки умирал от него. Но доказать это было нельзя. Охранник, — крот, ничего не мог подтвердить.

Конечно, куда же на аттракционах без света, свет тут был, не работать же в темноте. Светлячки работали так же посменно, ложась на гамаки на потолке. Когда энергия начинала уходить, они выпивали стакан радия или урана, в редких случаях палладия и продолжали светить. Одна смена могла длиться, как день, так и год. И пока смена не была отработана, другие светлячки не приступали на работу, они были заперты в гробах. А сверху гроба сидела черепаха, чтобы те не вышли. Мёртвая. Она часто рассказывала о том, как умерла.

— Тот год был пасмурным, под водой лил дождь, — начинала она, и засыпала.

— Конца этой истории мы до сих пор не знаем, — шептались собравшиеся рядом с трупом мухи, — Но страшно, очень страшно.

Страшно выходил из-под угла.

— Чего это вы так разорались, спать не даёте, что надобно?

— Страшно!

И правда, это напугало мух, и они разлетелись. У них внутри была граната-сердце, взрывающийся при каждом испуге.

А где-то там, ещё глубже, располагался город, в том городе жили Бегемоты механики, Шакалы-мясорубки, Лепреконы-банкиры и Слоны балерины. Разумеется, ими город не ограничивается, и кроме них здесь обитают и те, кто был сослан из поверхности — бандиты и рецидивисты. За ним следят зайцы-тюремщики. Непослушных отводят к директору — Динозавру, и больше никто их не видит. Но каждый раз проходя возле его кабинета, горилла выкидывает мешок костей в яму. Из тех костей, несколько дней спустя, сооружают скульптуры. Всем искусством занимается мумия Тутанхамона. Он красив собой, умён и изобретателен. Правда, одиночка. Стоит ему с кем-то заговорить, то те сразу же становятся песком. Потому Тутанхамона боялись все, и, увидев, как он идёт по дороге, закрывались окна, в уши затыкали беруши, а палачи откладывали казнь и запирались в подвале под местом казни.

Удивительно же, представьте, что топор у палача был совсем необычным, естественно, ещё бы на этой планете всё было обычным! Топор — муравьи хищники привязанные к друг другу, на их черепах острые, как нож железные челюсти. Они построены вдоль, затянуты на железную ручку. Стоит замахнуться и ударить виновного, как муравьи начинают работать ртами и сжирают шею человека. Они голодны. Между первым и вторым решением о казне, может уйти месяцы. За долю секунды они отрубают челюстями шею, словно это не какие-то насекомые, а обычный топор. Горячий нож по сливочному маслу. Однажды палач заснул на рабочем месте, от него и костей не осталось. А ещё, работники ферм часто одалживали этот топор, чтобы скосить траву возле ангаров, — собрать пшеницу, кукурузу и другие культуры. Когда муравьи наедались, они просто уничтожали всё до чего дотягивались, не съедая.

А вместе с тем, всего мило по дороге, где вешают кожу убитых заключенных, высушивают и накрывают столы вместо скатерти, есть море, как и на поверхности. Чёрное причёрное. На дне моря есть черная дыра, откуда из других вселенных попадают рыбы и животные — так, открываются новые виды, их ловят и делают из них ужин. Правда, как-то

раз из такой дыры появилась Годзилла и съела половину горы, где жил Йети. Он обиделся, созвал заседание себе подобных и вышел на охоту. Целый месяц Йети создавали огромного робота, чтобы отомстить пришельцу, и вскоре, закончили. И вместо того, чтобы нападать, Годзилла влюбилась в этого робота. Пещерным людям пришлось отступить, ведь Годзилла нашла уязвимое место в роботе — задний, запасной вход. Несколько Йети утонули там, когда управляли роботом. Пришлось оставить робота, и, после этого, Годзиллу никто не видел. Он взял с собой партнершу и унёс её в черную дыру.

Было бы глупо, иметь такое пространство не зная птиц. Птицы есть. Летающие шорты, парящие орлы-чайники, аисты-швабры, пеликаны-микроволновые печи, стрижи-колонки, чайки-бумеранги. Не спрашивайте откуда они здесь взялись. Они всегда жили здесь. Потому, их ловили и продавали в магазинах. Микроволновые печи стоило дороговато, за них просили по меньшей мере семнадцать чайников. А вот стоили шорты не так дорого, хотя поспорить с тем, что они были куда полезнее, никто не мог — надев их на себя, можно было летать по небу. А летающим, разве, не легче поймать и микроволновую печь и чайник? Никто не хотел красть место работы продавцов. Потому животные и люди, насекомые и тому подобные существа, могли летать только над морями. Над морями и летать было страшно и пугающе — вольная, свободная зона. Там водились акулы, которые выпрыгивали по меньшей мере на один километр, и охотились на таких, как они. Ведь шорты могли поднять всего на каких-то триста метров и не более.

Заглянем в море, как живут сами акулы. У них есть кухни и дома, посуда и дети, которых они отправляют каждое утро на занятие по охоте. Там их учат физике и алгебре, учат высчитывать угол наклона и гравитацию, силу притяжения и скорость ветра, чтобы не промахнуться при прыжке на поверхность. Дюжинная сила должна быть в хвосте и ластах у акул, чтобы долететь до жертвы. Потому, первое время, мамы и папы сами кормят их, а бывает, когда один из них заболевает, они съедают больного. Разумеется, в больницах можно купить адреналин, лекарство для поднятия силы. Косатки доброжелательно к ним относятся. Плата — два аиста за порцию. Акулы могут охотиться, а косатки не работать. Уделять больше времени семье. Денег так таковых и нет в морях. Плата — жизнь. Плата — еда. Плата — время.

Кстати, о времени. Ужасные существа. Существа... вроде они мелкие, но стоит подпустить их к себе, они высосут из вас всё время. Жуткие комары и пылевые клещи. Они обитают в воздухе, летают где хотят и охотятся на кого они сами хотят. И самое страшное не в том, что они пьют кровь, а само время — существование. Для них нет разницы кого убивать, что уничтожать и где жить. Могут отнять как жизнь у дерева, так и у животных, у самолётов или зданий.

Стоит комарам вонзить хобот, — и самый неутолимый из этих чудовищ, может заставить заржаветь построенное вчера здание, — и оно обрушится. Или сесть на младенца, и младенец постареет на десять лет. Кожа сморщится, в глазах появится мука и страдание. Защиты от них нет. Все идёт к воле случая и удачи. Москитные сетки... смех да и только. Всего год за одно прикосновение, и сетка становится пухом и залетает в комнату, как и комар. А по полу заползают пылевые клещи. Их укусы смертельны. Они не знают сытости. Поселившийся в кровати клещ уничтожает целое семейство, выжигает целые поля, заставляет отступать самых стойких. Но стоит ли их давить? Кто знает... Выгодно ли это?

Горилла однажды раздавил такого, когда выкидывал кости жертв начальника, и в небо поднялся вихрь ветра, и время улетучилось в разные стороны. Так, всего несколько дней

спустя горилла узнал, а затем и рассказал всем в округе, как от раздавленного клеща пришла невидимая беда, — волна времени от вихря, прилипнув к зданию, дала обратный эффект, — и обратила время её вспять. И то место, где было здание, образовалась когда-то уничтоженная тюрьма, тысячу лет назад, с его убитыми заключенными и охранниками, — вернув их к жизни. Раздавленный клещ вернул время, но не тем. И в подземном городе снова обитают бандиты, и есть тюрьма.

Холодный ветер ударил по лицу, и я дал сдачу. Мы дрались целый день, ночью передохнули чуть-чуть, затем поужинали обещаниями и фаршированной надеждой, и снова приступили к избиению друг друга. Большой, круглый, но слегка квадратный фингал красовался на лице ветра, на мне ничего не красовалось, ведь я был против того, чтобы меня красили.

Когда в следующий раз на меня напал ветер, я изворотливо уклонялся от его кулаков. Злость ветру не помогало, стоял возле калитки, ел пирожки с луком и смеялся, «каков же он косою, не может попасть по лежащему», усмехался тот постоянно. На него затем упала комета и раздавила к черту. Никогда бы не подумал, что черти умеют радоваться. Над их головами, над адом, высунулся огромнейший прыщ, похожий на вымя коровы, и оттуда вылез злость, словно кетчуп из упаковки. А черти тому и рады были, они наперчили его и отрезали кусок кожи, отправляя в глотку. Комета потом, встала, отряхнулась, залезла на батут и улетела по своим делам.

Но несмотря на это, я, был червяком изворотливым, так и танцевал лёжа, как эпилептик, то в одну, то в другую сторону, — ветряные удары не доставали, — пока кто-то не поднял меня с земли сжав за череп. Это чудовище взяло меня за голову, и насадила на крючок, тихонько теребя моё тело вниз-верх. Когда я вылез, и было хотел уползти и больше не видеть этого монстра, он поймал меня в последний момент и снова насадил в мою задницу очередной крючок и кинул в воду. Не хватало ему, меня унижить так, — ужас, что творилось у меня внутри, — так он ещё пытался, не веря в то, что покончил со мной, утопить, точно и наверняка!

Пытался он, разумеется, долго, — я всё время дёргал за леску, и он быстро вытягивал меня из-под воды, я делал вдох, и снова уходил под воду — да вот только, когда я снова вытащил крючок из себя, затем дёрнул леску, — первым делом, что я сделал вынырнув из-под воды, пнул то существо по животу, от чего тот упал, скрючился, покраснел и стал яблоком. Он ухватился за колено обеими руками и начал плакать. Было уже поздно. Я сделал в нём дырку и поселился жить. Сначала, я увидел дырку сзади него, значит там кто-то уже селился, и залез туда, там воняло, но вполне уютно, как у меня в прошлом доме. Вгрызся в кишки, сделал дырку в живот и пополз к лёгким. Мама всегда предрекала мне светлое будущее, но здесь было темным темно, как во сне у мертвеца.

Добравшись до лёгких, на ресепшене меня встретили краб атлет и белка гимнастка, за ними, прижавшись к полу, ползла одинокая, игривая кошечка. Её за поводок тянуламышь в чёрных солнцезащитных очках. Цокнув ботинкамимышь повернулась к кошечке и взмахнула лапами. Тотчас кошечка встала, подбежала к ней, и начала чистить тропу по которой та шла, язычком. Мне было на них наплевать, но я поинтересовался их самочувствием, когда они вытерли лицо. Краб атлет вылез ко мне, откинул шелковистые три волосинки за голову и улыбнувшись сказал, что здесь жить можно, после чего взял со столика коктейль. Белка поддержала краба, щёлкая пустым ртом без зубов. Разумеется, это всё было интересно, но мне это осточертело ещё в той жизни. Я схватил белку за голову и заставил работать беззубый рот. Ведь был я червяком полностью, потому она работала по всему моему телу. Страшно и омерзительно. Страшно было входить в неё полностью и видеть, как в кишках танцевали несколько мух, пьяные, а рядом сидела сороконожка наркоманка, со шприцем на

каждой ножке.

— Пожаловать добро, заходи!

Несколько сотен раз белка заставляла меня входить в неё, глотка то открывалась, то закрывалась. И меня стошнило. Подо мной собрались несколько насекомых, можно сказать сотня, и начали принимать душ со словами «святая слизь». Белка сразу же перестала меня теревить, и улыбнулась.

— В этом деле, — сказала она, — я червяка съела.

Я сглотнул слюни и мне стало страшно, очень страшно. Я не видел своих друзей несколько дней.

Стоило мне рассказать об этом до того, как мне пришлось заставлять её сосать меня. Я снова кашлянул и из меня полилась рвота. Тотчас белка упала и начала биться в конвульсиях, пока из неё не вылезли насекомые и не нырнули в рвоту и не начали плавать, вольным и собачьим стилем. Оставил я их тут. Направился дальше.

Тринадцать с половиной ветряных мельниц стояли вдоль стенок лёгких, возле капилляров. Лёгкие обдувались воздухом, таким приятным и прохладным. Дверь возле одной из мельниц отворилась и на мягкий, мокрый пол, с криками «я здесь и никуда не уйду», выпрыгнул сигаретный дым. Он присосался к стенкам и начал их целовать. В ответ из стены показался старый, ворчливый, сморщенный рак. Кашлянув кровью, он поприветствовал своего закадычного друга. Затем подошёл к капиллярам, открыл кранчик, достал из кармана чашечку, и налил крови.

— Жду тебя целую вечность, — начал рак, — со дня, когда зародилась вселенная в пуховике Коперника.

— Прости за долготу, — сигаретный дым сел на пол, — долго искал дорогу сюда, сам понимаешь.

— Понимаю. Бедно худо, но всё же вот ты и здесь. За десять лет мы сможем убить это тело и найти свежее, новое и вкусное.

— Всего то?

— Всего то, но всего его.

О чём говорили даже я понял. Страшно мне от этого не стало, внутри меня жил такой же дым. Постучав по груди я вызвал его, он вышел и поприветствовал своих коллег. Второго не дождался. Разозлился. Сломав ребро, я отрезал часть груди у себя и залез головой внутрь, как в холодильник, и начал поиски того наглеца. Тот наглец бежал от меня, делал круги возле сердца, угрожал мне перочинным ножом, затем на санках катался по венам, но в конце то я его поймал и выдернул из себя.

— О, рак! — обрадовался другой рак, — вместе стоит работать, потребуется всего пять лет.

— Ладно, ладно, — заорал рак помоложе, не так сильно сморщен, но уже изюм.

Так я отделался от своего сына. Ему давно нужно было переселиться, найти место для существования и смысл. Плакать не стал. На мой плачь приходила бабушка сына, громко орала и мне становилось стыдно, что она моя мать.

Выдохнув, я вылез из лёгких, и пошёл к мозгу. Ох, какой же величественный и мудрый. Его жирная голова перекрывала весь обзор на внешний мир. На нём бегали маленькие врачи лилипуты, что-то рассчитывали, клеили и сшивали. Сразу понятно стало, важная шишка со своими рабами. Посмотрев на меня, мозг начал плевать знаниями. Ядовитые знания, непроверенные. Разумеется, среди них были и архиважные, такие как, «как залечить раны

при разбитом сердце», «как достигнуть величия», «что нужно сделать, чтобы собрать десять лайков» и многое другое, совершенно важное для него, но совершенно бесполезное для меня. Начал глаголить истину он с двери, стоило мне только войти.

— О тебе знаю многое, проходи, и знать хочу для чего пожаловал, только ради бога, без соплей.

Так мозг сказал потому, что семнадцать уборщиков не успевали убирать слизь в вёдра, затем паковать в пакетики, мозг в некоем роде и сам был тем ещё слизняком. А в области знаний сопляком. Бывало, из носа капало в морозные дни, у человека мозговые сопли вытекали. От того люди становились дураками, что сами себя теряли. Но у червей этих слабостей не было, потому и мозга тоже не было.

Рассказал я ему всё, как есть, без подробностей и правды. Мозг кивнул, раздвинул морщинки в своём теле и сказал, что давно уже ждёт такого специалиста. Я улыбнулся, как-то злостно даже, и залез в него. И попал в волшебный мир. Я такого нигде и не видывал. Двадцать три хамелеона выстроились внутри него и проектировали новые миры. Меняя цвет, они создавали фантазии. Меняли всё вокруг себя и всё вокруг тех, кого создавали. Встав по центру того чудесного места, волшебство случилось и со мною. Превратившись в орла, я начал парить над огромной, безграничной планетой, конца и края не было тому месту, — а внизу красовались павлины, вдоль хребтов гор бизоны альпинисты, а позади меня, неспешно, летели лебеди картографы.

Такого я стерпеть не мог. Кто-то был лучше, чем я. И тотчас всё изменилось, я стал и лебедем и бизоном, и хвост павлиний. И всеми глазами стал видеть одновременно и уметь одновременно всё на свете. Это мне понравилось куда больше.

— Осторожно! — мимо меня на бешеной скорости пролетел Зевс на колеснице. За ним гнали молнии морские коньки, и скаты.

Их я точно не загадывал, но понимание этого пришло ко мне сразу. Импульсы безумия и сумасшествия налицо. Первые признаки раздвоения личности, депрессии и шизофрении. И это было не чужое, а моё собственное, родное.

Столпы огня поднялись из земли и я упал на зад. Земля двигалась. Вместо гор было огромное лицо, оно посмотрело на меня и подняв взгляд, закатила глаза. Затем отвернулась и захохотала. Эта была моя вторая личность, я с ним никогда не виделся, но он всегда видел меня. Личность никогда не покидала волшебства, а я никогда прежде не заглядывал на сторону чуда. Затем земля стала быть, как пирог приставший на дно сковородки, подниматься и трескаться, огромные трещины. Таким беззащитным я себя не чувствовал с тех пор, как побывал внутри белки. Другой я, личность, подняла меня на ладони, и отправила в рот, вдруг... личность разлетелось в множество маленьких бабочек, и впереди я увидел рассвет, и навстречу к нему летели птеродактили, птицы и драконы, а с облака до облака по краям, прыгали изумрудные рыбы и сапфировые сверчки.

Облака затянулись, что-то стало мерцать, небо окрасилось красками фейерверков. Это были какие-то странные, волшебные, вместо огоньков, светлячки. Они поднимались ввысь, и приводили маленькие взрывчатки на теле в действие, и разлетались на множество осколков разноцветных, горящих драгоценностей. Из тех камней, чудо быть тому, и волшебства дорога, вылуплялись феи, приводя в движение всю жизнь вселенной. Взмахнув волшебными палочками несколько раз, взорванные светлячки возвращались к жизни, теми, кого они породили.

Я падал всё это время вниз, но конца этому не было. Подумалось, я вовсе не червяк, и не

орёл, а застывшее пятно на лобовом стекле сноубордиста. Будто я не летел куда-то в пропасть, а стоял здесь всё это время. Бабочки вновь появились, схватили меня и мы полетели к замку на облаках. Мне страшно стало, что придётся нырять в желудке бабочки, выискивая еду, и в надежде найти выход, съесть бабочку. Бабочка сама смотрела на меня с выпученными глазами, и поняла, что я кровожадный убийца и начала потеть, затем и вовсе заплакала. Из её глаз покатались круглые конфеты, разного цвета, и падая на землю превращались в черепахи, в цветы и бунгало.

Долетев до замка, бабочки исчезли, растворились в молоке на стене замка, став каплей масла. Дошёл я до самого главного трона в замке быстро, на нём сидела личность, играя в шахматы с Александром Македонским, безобразие, никак иначе! Из самой Македонии, видать, пришёл. А сколько оттуда путей сюда и расстояний. Множество. В сливе унитаза, в розе на подоконнике, в ковре в саду. Одну он нашёл. Стоит сказать, важная шишка.

Подойдя к личности, Македонский поднялся со стула, ударил себя по щеке и, как ветер, взлетел и улетел через окно. Личность церемонится не стал, открутил голову, прожевал несколько раз, вкрутил обратно, и сказал, что желчи и яда во мне нет, кроме самого главного, ума. Его во мне было много, иначе не смог бы попасть в эти владения, управлять волшебством и вообще, добраться до мудрого мозга в яблоке. Все очень хорошо знают и владеют знаниями, что в яблоке есть мозги, иначе не росли бы они так же, как и люди, как растения, и животные. Я кивнул, но понятия не имел, о чём он говорит.

Многое поведал, всё забыл. Пол раскололся, и я полетел вниз. Внизу красовалась огромная картина «Медведи в сосновом бору», я взлетел в ту реальность, как масло смешанное с жиром, и медведи разодрали меня на кусочки, повесили на верёвочки и высушили. Я держался. Поощастил их непонимание. Пожалел. Но когда один из них сел за стол не вымыв руки, я вышел из себя, прямо из себя, и через прогиб кинул того на пол, затем откусил его руку. Хотели было другие два наброситься на меня, я взглядом остановил их, и прожёл в них клеймо страха. Задрожали они, прыгнули на стол и стали студнем. Студен был прекрасным. Мне всегда приносит удовольствие есть студень, где мяса полно.

Яблоко начало и вовсе сгнивать. Почудилось, кто-то поднял яблоко с земли и откусил. Волшебный мир задрожал. Хамелеоны стояли и без колебания несли службу, волшебство не покидало мир чудес.

— Осторожно! — молния, это второй раз за день, Зевс играет роль безумца, но безумец тут я.

Небо было безграничным, резвость безграничная. Пешком нагнав лихача, я положил на его плечи руку, и сказал, что пора выходить в свет, нельзя вечно прятаться за моей спиной. **ТАК ДОЛГО МЕНЯ ЕЩЁ НИКТО НЕ ВЫЖИМАЛ И НЕ СКРУЧИВАЛ!**

С тех пор, как я стал частью одной из дред на голове мулатки, подаренный Зевсом, внучке Армстронга, прекрасной и удивительно сексуальной, меня постоянно топили в ванной, обливая кислотой. Стало быть я сам хотел стать ими, ведь в любое время мог пожелать иное. Мне это нравилось, кроме тех дней, когда меня тянули за ноги и пытались вырвать. Было страшно за мулатку, ведь вырвать меня означало, оторвать голову ей. Потому я сам добровольно покинул её.

Поблагодарив хамелеонов за работу, я вышел из мозга и сказал, что починил всё, что было сломано. Сколь бы мудрым не был мозг, он мне поверил. Сев на поезд до лёгких, попрощавшись с раком и несколькими другими друзьями на ресепшене, я оказался снаружи яблока и упал за воротник какого-то существа.

— Ох ты, червивый! — закричало то существо.

— Ёбушки-Воробушки! — удивился я, и закричал в ответ, — фу! Червивый? Мерзость какая!

Я поднялся на то существо, пнул его по барабанной перепонке, существо покатилося вниз и стало быть барабаном. Возле него собрались музыканты, и начался концерт. Я танцевал на барабане и давал вокальные уроки. И тут... ветер подхватил меня, унёс на холм возле моего дома и начал бить кулаками по лицу. Я уворачивался как мог. Меня часто увёрток называли.

Квадратный фингал на ветре уже почти зажил, намотанный скотчем вокруг лица, и прилепленный пластырем.

— Мир, — сказал я ему, а он ответил:

— Мир, — и мы полетели захватывать мир.

Как раз наша рука была захватывательной.

В представлении мир казался огромным, но когда мы за пять рублей вынули мир из устройства возле столовой, он оказался не таким и огромным для нас. Но каким же удивительным был он для те жителей, что родились на том мире, в маленькой круглой жвачке, которую мы выбили с ветром. А ведь взглянув в микроскоп мы увидели, как, такие же, как мы, смотрят в ровно такой же микроскоп в своём мире, а те, что в том микроскопе, смотрят в другой ровно такой же мир. И МЫ ПОДНЯЛИ ВЗГЛЯД, И ПОСМОТРЕЛИ И НЕБО. Впервые в жизни, мы обнаружили, что синее небо, это синий оттенок глаз бога.

И сколько таких же, как я, ещё выше нас, управляют нами же, и каждый поступок отражается на поступке нас же. Я скинул жвачку на пол и пнул её. Тотчас день и ночь начали сменяться друг за другом, мгновение за мгновением, — да так быстро, что мы начали летать в воздухе.

Кто посмел управлять днями, мы и вопросом не задавались, видно, мы были богами этого мира и одновременно были заложниками того, кто выкинул мир на пол. Ветер подхватил жвачку с пола, и начался ураган в мире в котором мы находились, деревья стали парящими, машины летающими, а магазин и вовсе стал с ног на голову, и разлетелся по сторонам вдребезги, — мелкие кусочки врезались в глазницы людей, осколки стёкла разрезали плоть, а бильярдные шары разрушали дома. Ещё бы немного, можно было сжечь в пустоте дыру в космос, открыть чёрную дыру.

Ветер кинул шар мне, я подхватил его, и ураган утих. Со всей силы выкинул её на землю, она сплющилась и разлетелась на куски, и вдруг, мы оказались втроём. Затем нас стало пять, десять, сто, тысяча, миллион и миллиард, и с каждым разом больше и больше. С ростом нас, росла и планета, и наш рост. Все мы были на одной планете, в одном мире. По мере того, как другие мы прибывали на землю, планета росла, чтобы уместить всех нас. Вскоре и вселенная стала расширяться сильнее, чтобы уместить нас, казалось, планета стала самой вселенной, самым мирозданием. Теперь, каждый из тех, кто прибыл, имел свой разум и мог поступать, как им хочется. Но поступали они ровно так же, как мы, имея тот же самый разум, жизнь, мысли, желания.

Обрушился шквал бури из-под небесной, спустился Зевс, махнул трезубцем и всех не стало быть, исчезли, и планета обрела прежний вид, и мы закрыли жвачку в прозрачную колбу, чтобы защитить вселенную.

Отворилась дверь под землёй, вышли четыре демона, они посплетничали между собой, схватили ветер, и закрыв люк, испарились. Их пар поднялся наверх и стал газовым золотом,

осыпая мир пеплом и снегом. Из снежинок вылуплялись невероятно юркие броненосцы, хватали в лапы камешек и убегали на холм, после чего кидали их на землю, и вырастали огромнейший баобабы, ничуть не меньше, до самой луны. Там они устраивали дома, вязали свитера, поливали цветы на лужайке и чинили трактора. Чудесно. А из пепла появлялись стрекозы. Броненосцы седлали их, и летали в города расположенные на верхушках деревьев по соседству. Соседи были отвратительны!

— Что же вы все тут такие, да эдакие, — крикнул я, подполз к корешку дерева, и откусил его. Полилось молоко, и дерево начало незамедлительно уменьшаться, и вдруг, не поймите не правильно, превратилось в стол, и тотчас на том столе образовался ужин, броненосцы бегали с фартуком на поясице, выкладывая угощения. Один было перепутав меня с макаронами, взял вилку и смешал в соусе, но пощадил я его, мне никто такой маски давно телу не делал. Освежившись, я выбрался из тарелки и выплюнул майонез. Из майонеза вылупился скворец и улетел.

Зеркала — дорога в параллельную вселенную, мир противоположности. Мир, где, чтобы достичь ненависти людей, нужно совершить благое дело, помочь кому-то, подать руку помощи, накормить кого-нибудь, поделиться одеялом, отломить кусочек хлеба. Таких людей правительство всегда убивало и преследовало, сославшись на то, что те и сами себе способны помочь, а помогать им, значило, выйти против правительства. Разве руки не даны людям для того, чтобы добывать? Даны. Неужели ноги подарены, чтобы просто сидеть и ходить, пачкая орошаемую землю? Разумеется, нет.

Народ кланялся и боготворил тех, кто совершал зло. В мире зеркал необходимо убивать, терзать, изменять партнёру, не делиться едой, а бездомных и обездоленных принижать. Животных вешать на подоконник, а цветы и всякого рода растения, поливать серной кислотой или нефтью. Сами обездоленные смеялись над этим, целуя ботинки тех, кто их пинал, боготворили.

— Спасибо, господин, за вашу милость.

Бывало, лили слёзы. Отчего же им такая милость, чем они заслужили внимание кого-то столь важного? Так издревле поведено. Так люди зеркальных миров показывают свою заботу и внимание. Именно внимание заслуживало в мире зеркал уважения — пинок под зад, потушенная сигарета об глаз, пролитый на голову кипяток. Любое внимание ценилось больше, чем что-либо ещё во вселенной на этой стороне мира зеркал.

В комнате каждого человека оно есть — зеркало. Дотронувшись, вас затянет в тот мир. Чудесное место.

Вот здесь я бы был богом. Самым лучшим в их понимании.

Но только у богов слишком много проблем. Тому помоги, этого слушай, тех презирай, иных люби. Люди слишком много совершают благих дел, играют с детьми вместо того, чтобы пороть наглецов. Сначала люди рождаются с правильными мыслями, но время спустя правительство меняет их отношение, мнение, и, дети взрослеют с пониманием того, что добрые люди становятся пушечным мясом, не нужным для общества. Детям хочется быть нужными, важными обществу. Когда правительство страны говорит помочь кому-то, люди воспринимают это, как уничтожать неугодных. Мозг каким-то образом слово «любить», переводит в «убить» или «ненавидеть». На самом деле, когда человечество кричит от боли, слова искажаются, и превращаются в комок, после чего снова собираются в слова — гнусные, зеркальные, отвратительные. Отвратительное тут в почёте. Пока летят по воздуху, за мгновение сменяют смысл, и ударяют по барабанным перепонкам с такой силой, что человек хватается за автомат или дубинку, и бежит бить прохожих на улице, ломать им руки, отбирать кошельки.

А бои здесь красивые. Из крови варят манную кашу, а из костей врагов, делают украшения. Понятие «враг» тут относительно, разумеется. Самый ненавистный враг, является другом. Самым лучшим. Они ненавидят друг друга, и постоянно бьют и грабят дома

друг друга. А в тайне от глаз правительства, пьют вместе какао и обсуждают самые удачные часы, скольких несчастных им удалось унижить, а сколько собак выкинуть в выгребную яму. Стоило кроме них появиться через дверь в доме кому-то другому, второй вставал и ударял кулаком по лицу своего «врага», второй давал сдачи, поднимая стул из-под задницы. Показать, что ничем они не хуже тех, кто живёт под ними. Затем... набрасывались на того, кто к ним пожаловал.

Приветствие у людей в зеркале такое, пинать гостей, бить по голове камнем в носке, ломать ноги, выдергивать волосы не режущими ножницами, и сдирать с кожи пух клеем.

Бывало, кипит чайник, заходит сын, вернувшийся из школы, отец встаёт и ударяет сына чайником, и заставляет пить кипяток. Чем больше ран бывало у таких детей, тем уважительнее к ним относились их сверстники. А мертвецам давали орден почёта, впрочем, мало чем отличающийся от наших орденов за заслуги перед страной; убийство, издевательства, бесчинство и изнасилование. Такова она, героизм, во всех мирах.

Но как и во всех мирах вне зеркал, тут существовали целые поколения «нетронутых» — каким бы добром они не занимались, их не трогали. Отслужившие своё — ветераны мира зеркал. Они обладали силой удивительной, кошмарно жуткой, что фантастика — это насмешки над их могуществом. «Нетронутые» — уничтожившие целые страны, города, цивилизации. В зеркале до сих пор существует Атлантида, а по улицам гуляют народы Майя, их, совсем мало, они прячутся от «нетронутых», ведь задача тех, уничтожить всякого, кто живёт там, и, когда-либо жил.

Но в параллельной мире живут не только люди, здесь, животные имеют разум. Стоит заметить, что кошки вполне себе хитры и умеют выпутываться из всяких ситуаций, в отличие от медведей, им этого не нужно. Медведей тут любили все, если так можно сказать про убийц. Бурые уничтожали людей и съедали, рвали им глотки, затем уходили домой, в берлогу, запасти на зиму еду. В берлоге то и дело жили и люди, в клетках, которых поместили сюда на зло, смеха ради. Медведь приходил, вгрызался в прутья, ревел, тянулся до них лапами, но железо не поддавалось. Люди ждали, пока зверь уснёт, и тянулись за человеческим мясом, чтобы съесть. Проснувшись медведь оглядывал берлогу и яростно выбегал из неё. Ему всегда казалось, что к нему заходили. Потому мстил и убивал. Со зверем трудно договориться.

Медведь понимал как смысл зеркального, так и смысл реального мира. В нашем их называли бы сумасшедшим, но здесь... он свой.

Люди пытались, правда, пытались. Они бросали в него костями, камнями, высыпали на спящего него песок, говорили, чтобы он убил их, без всякого промедления. Те думали, что так они по крайней мере смогут надеяться на освобождение, а слова подействовали ровно наоборот, и медведь впредь всегда пытался их убить и съесть. Люди принижались друг перед другом... делали добро, делали массаж через прутья, пока тот спал, делились недоеденным мясом, чтобы «раздобрить», их даже рвало от своих действий, но медведь не поддавался. В его глазах, люди, издевались над ним точно так же, как и над людьми снаружи.

— Лицемерные, лживые суки! — орал медведь, хватал валун и бросал на клетку, —

Твари бесчеловечные! — кому бы говорить ещё о человечности. И, правда, не ему. Его нельзя было упрекнуть в том, что он человек и обязан делать добро и зло защищая человечество. Он зверь, и человек его враг.

Помимо зверей, в зеркальном мире имели разум и все предметы, которые не имели его в нашем; столы, стулья, вазы, ковры, серванты, ложки, доска прислонённая к дому, стекло, и, даже картина. Картина всё время вела дискуссии и рассказывала, каково ей жить, и наблюдать, как вокруг неё ходят люди и не здороваются, не замедляют ход, чтобы рассмотреть алые пионы на ней, старушку собирающую помидоры на грядке, или собак резвящихся на сене. Картине обидно. Вдруг, полились дожди в ней, сено и собаки намокли, а старушка не смогла добежать до крыльца дома и упала на зад и проскользнула обратно на грядку — помидоры разлетелись, задавив пионы расположившимся по сторонам грядки. Для красоты высаженные.

Картина наблюдала картину мира; одно и то же, каждый день. Ей так осточертело всё вокруг, что ей хотелось иметь ноги, чтобы убежать отсюда, спрыгнуть с окна, растворится где-нибудь за поляной нарциссов, за огромными стеблями подсолнечника, прилечь на поле кукурузы, и смотреть на звёзды, смотреть и мечтать о путешествиях по космосу. Было удачей, в дни, когда приходили люди, что брали её с собой и перевозили в соседние города, страны. Картина видела мир из окна автомобиля, радовалась, и не было дня, чтобы в ней не шли дожди. Старушка кряхтела, ругалась, проклинала погоду поднимая руку на облака; висевшие, словно приклеенные.

Собаки лежали под крыльцом, дрожали, — носы холодные-холодные, — локали из лужи, подбегали к старушке, лаяли, прыгали, затем снова убегали под крыльцо. Старушка тотчас кидала ведро на землю и бежала домой, выходила с кастрюлей и давала им кушать. Вода капала в кастрюлю, собаки морщили носы. Только не было в этом мире никогда птиц, по утрам не просыпалась старушка под пение соловья или дрозда, и никогда не знала мира, где были реки, а по тем рекам плавали рыбы.

Одно могло её развлечь, — разговоры с картиной о жизни, бытие. Картина описывала что видела, рассказывала чего можно увидеть за пределами её мира. Старушка ахала, и становилась мечтательницей, маленькой девочкой Ньютой.

В комнате с картиной располагались стулья, накрытые кружевной тканевой скатертью, тапочки брошенные хозяевами, никогда не зажигающийся камин, и холодные, мраморные бюсты видных деятелей искусств. Их разговоры не умолкали. Пикассо спорил с Микеланджело о Сикстинской капелле. Теодор Рузвельт, задыхаясь, рассказывал Линкольну о том, как стал единственным самым молодым президентом США, а Менделеев рассматривал красивые линии на шее Мэрилин Монро. Лишь Чехов не говорил и никого не рассматривал, он слушал шум прибора на картине расположившийся позади него.

Стулья шумели, шелест их языков напоминал опадающую листву осенью. От чего смеялась скатерть, стало понятно сразу; разговоры щекотали её, обувая трепетным ветром, мягким и спокойным. Камин покрывался злостью, плевался огнём, и часто извинялся. Никто

камин не зажигал, он умел делать это сам.

В той же комнате над камином на кирпичной стене, висел ковёр. Ковёр говорил тихо, еле слышно, с басом — кашлял, пыль забивалась в рот, плевался, подбрасывая «дреды» до глаз. С правой стороны камина, а камин располагался ровно по центру комнаты у стены, стоял шкаф с полками для книг, не меньше двух метров в высоту и полтора вдоль. Книг было не считанное количество, в каждом из них жила своя история, волшебный мир. В комнату зашёл маленький, едва научившийся ходить ребёнок, подошёл к полкам и выдернул одну из книг снизу, сел на кресло, бросил на журнальный столик, и книга заговорила. Удивительные истории описывала она. Жизни героев живших внутри. Мальчик улыбался, вскоре, засыпал. Книга всё продолжала и продолжала говорить, рассказывать о том, как такой же мальчик, как мальчик на кресле, умел летать, и противостоял злему капитану Крюку. Проснувшись, книгу относил на место, и потягиваясь на носочках, уходил прочь из комнаты. Бюсты всё спорили и спорили, не обращая на мальчика внимания. Только Чехов, краем глаза увидел его, и проводил через дверь взглядом.

Книги шептались, переговаривались друг с другом, бывало, одна переписывала себе новую историю и росла.

Комната небольшая, но уютная, тёплая, с запахом корицы, старых книг и тоски. Через зашторенные окна пробивался свет, рисуя прямой мост на пол, в свету танцевала пыль, резко поднимаясь и делая выкрутасы в воздухе. Бюст Менделеева чихнул. Рук не хватало как никогда. В комнате завяло прохладой, шторы поднялись ввысь, едва ли не дотянувшись до выхода, и легко, легли на пол, и побрели обратно — петли из окон повывлетали и оно отворилось. Комната наполнилась запахом осени. На подоконнике показался снегирь, взлетел и сел на столик в комнате, затем подпрыгивая, тихонько, приблизился к тарелке с ягодами. Схватив гроздь рябины, снегирь поднялся, сделал несколько кругов по комнате, задев гроздью голову Рузвельта, и упорхнул за окно.

— Пакостник! Попадись мне ещё! — крикнул Теодор, и продолжил светскую беседу с Авраамом Линкольном, — При первой половине...

А что было при первой половине чего-то, где-то или когда-то, узнать было вряд-ли возможно, их ветер сворачивал в трубочку, затем в маленький комочек и уносил с собой за окно, на просторы мира. Тут светило солнце. Тепло. Багряные лужи. Белые облака. Счастливые избитые люди.

К сожалению, человек попавший и вернувшийся обратно в мир откуда прибыл, замечал, что ни секунды времени не прошло в реальности. Разочарованные, пытались вернуться в зазеркалье, но покинувших раз, обратно не пускали. Пытаясь жить по правилам тех миров, в конце концов людей схватывали и отправляли на ссылку в Википедию, так бы хотелось сказать, но увы в тюрьму, где тот ел еду налогоплательщиков, и жил в камерах с обогревом за счёт народа, которых ненавидит. Ему даже нравилось быть таким неправильным, не таким как все, но в конце концов, он был таким же, как и все вокруг. Ни каким-то особенным, удивительным, а таким же, как вся толпа вокруг. Понимание это не приходило, с возрастом, с годами, даже перед смертью, и умирал человек в кровати, думая, что прожил

непохожую ни на одну жизнь, судьбу. Увы... как не писали о таких книг и статей, так и не писали и о других тоже самое.

Единственный из множества, множество по единице.

Если карлики говорят, что они чувствуют давление со стороны высоких; они не шутят. Стоит наступить на них, гуляя среди книжных полок, крики карликов будят грозную, суровую и безжалостную библиотекаршу Клавдию Никифоровну Петровскую, способную ударом указки сделать из человека коврик; разукрасить стены незанятых пространств за полками. Эти экспонаты будут излюбленным местом паломничества никогда не знавших искусство студентов; тыкать пальцами, щекотать, изучать — коврики будут смеяться без слов, и щекотно им будет, но без возможности почесать конечности. Только к концу, перед самым закрытием библиотеки, коврики становятся людьми и уходят — красные пуза, лица, кривые линии слёз на щеках. Только к концу дня библиотека теряет силу магии.

Чувствовать себя мелочью в кармане, когда знаешь, что создан для больших дел — больно. Особенно — вонзившись в большой палец на ноге нормального человека. Иногда, гуляя среди историй, плывя на каноэ в океане, погрузившись душой в книги, оставив физическое тело по ту сторону вне книжных измерений — карлики то и дело, входят в обувь — словно в какую-то хижину, — человека, не стесняясь, со своими подушками и одеялами, и ложатся спать. Приносят крохотные баллоны, крохотные плитки, и малюсенькие ножи; режут плоть с пальца и жарят, — на ужин кроме мяса и другого быть не может, очевидно.

Стоит библиотеке закрыться, истории возвращаются обратно в книги, выветрившись из разума читающих. Клавдия Никифоровна Петровна вытаскивает их перед выходом указкой и помещает в заветные тому места. На следующий день студенты возвращаются за новой порцией книг, они словно бы и помнят, что было, но хотят ещё, но визуализировать прочитанное прошлым вечером, не могут.

Книги — наркотик.

Самое забавное в этом; библиотекарша не только отбирает истории, но и в то же время делит их со своим разумом, даёт подпитку, и знает ровно столько, сколько прочли посетители. Так, во время того, как люди приходят к ней и спрашивают о какой-либо книге, она без труда может предложить книги, прочитанные другими, но оставшимися у неё в памяти. Но стоит её спросить о тех, о которых она и понятия не имеет, отправляет читателей к мрачной стороне библиотеки — непрочитанное. Люди сами находят и изучают, но в конце, перед экзаменом понимают, что всё из головы исчезло, а прочитанное в голове и не засело вовсе. Во всём была виновата она — суровая Клавдия Никифоровна Петровна.

Ей так нравилось наблюдать за детьми, которые дрожали, забывали, мямлили и злились из-за своей скудной памяти. Но только библиотекарша знала секрет их несостоятельности. Так, по крайней мере, студенты возвращались обратно, а жестокая женщина кормила разум пищей. Между прочим, и сама библиотекарша не догадывалась отчего она могла помнить столько, и помещать прочитанное в свою голову — была ли там магия, как она считала, и превращала ли людей в настенные коврики? Может быть... это была лишь иллюзия, память, внедрённая ей в голову. Жизнь, которой никогда не было.

Она верила в это и чувствовала себя буквально живой, но в реальности являлась андроидом, посланным из будущего, чтобы изучить потерянные в прошлом книги, сохранять их в ячейки памяти и жесткие диски. Когда-то раньше, здесь, вместо неё, жил другой андроид, но потерявшийся за границей книжных полок. Говорят, сломался, другие верят, сбежал. Но мы предполагаем — украли.

Здесь, внутри неё, обитали карлики размером не больше крышки от тюбика зубной пасты, ремонтировавшие Клавдию Никифоровну Петровну, и между тем, заряжающие её. Так, к примеру, когда она ела, карлики-грузчики быстрыми шагами подбегали к бутерброду, — один из них нажимал на кнопку опускающее циркулярную пилу с верха нёба, для резки, другие, тянули еду за собой и кидали в жерло вентиляционного отверстия в горле. А внизу, на цепи сидели черви, сжирающие пищу, что перерабатывали их в радиоактивные шарики энергии, которым подпитывались все важные части библиотekarши. Едва ли больше горошка, но энергии которой хватало на месяц зарядки одного такого андроида. Их было по крайней мере не меньше пяти.

Клавдия Никифоровна Петровна — ужасная женщина с искусственным интеллектом, воспитанный старым мировоззрением, уклоном к человечности и в веру в высшие силы. Увы, какие высшие силы она почитала, никто из карликов не знал. Правда, они разработали её, но, к сожалению, имели возможность лишь менять ячейки памяти, заполняя их новыми знаниями прошлых веков.

В будущем, говорят, люди стали глупыми, и не могут понять для чего нужны шляпы, электричество, самолёты, и как заводятся машины — странно, учитывая то, что андроиды не хуже, а то и больше и сложнее машин. Но в тоже самое время, в будущем Клавдия Никифоровна Петровна уже вернулась и потому её построили; получив знания. Но в тоже самое время, как бы парадоксально это не звучало, она застыла во времени неопределённости — она есть в будущем, но в тоже время, её и нет вовсе, и не существует.

Разве не удивительно, сколько всего должно произойти, чтобы что-то в мире произошло? Ох уж эта вселенная... видите ли, и те карлики вовсе не люди, а точно такие же андроиды, созданные для эксплуатации себе подобных, и ровно так же, в них записывается информация, и ровно так же, один из них исчезает в будущем. Марионетки в руках умнейших. Тот, кто владеет информацией, знаниями в научной области — управляют миром, и самим временем. Что может быть в мире страшнее места и времени, которой не управляешь и не контролируешь? Разве что мир, что управляет реальностью.

Давайте же оставим это скучное время и скучное пространство и отправимся в мир, где перелётные губные гармошки создают волны в тихом океане пением. Их удивительные песни, дойдя до ушей океана заставляют того дрожать, из-за чего на поверхности появляются мурашки в виде волны. Поверить невозможно, до скольких метров те волны доходят — ударяясь раз за разом в друг друга, точнее сказать, друг за другом в одну крохотную, казалось бы, область волны, создают цунами размером в десять километров в десятой степени, да и не меньше скажу вам, что сметает с пути ворон-воронок. Повезло тем, что имеют такое строение туловища, что вода проходит сквозь них. Вероятно, многие птицы; чайки-чашки, скворцы-жирафы, пеликаны-кошки, аисты-зубная боль и многие другие удивительные существа, летают столь высоко, что цунами их не достать.

Увидев волну, гора на суше встает и бежит навстречу океану, поднимает руки, и с другой стороны берега в него кидают покрывало, пласт земли — эластичный, мантию, чтобы сдержать волну, которая может погубить сухопутных животных. Горы здесь совсем живые, разумные, и оберегают покой меньших братьев. К примеру, горилла-зефир не способен сохранить лицо в жару и во время обильной влажности, — укрывается в тени, и пользуется услугами змеи-вентилятора. Тот, как и подобает всем змеям в тех кругах, высовывает язык; тот крутится, вертится, обдувает. Смена продолжается двенадцать часов —

после, горилла-зефир может спокойно гулять при семи градусах тепла не тая. Змея приходит домой, вешает рабочий язык на крючок, меняет на домашний и садится кушать. Исключительно воздушные горошки со вкусом мяса, чтобы накопить газ до следующего утра; чтобы силы ветра из чрева хватало на долгих двенадцать часов, иначе же, работодатель умрёт, и все сорок девять малышей, которые только обучаются в школе искусству вентиляторства, тоже умрут.

Ещё в тех краях есть олень-палатка. Невероятное животное, которое можно одомашнить и подкормить углекислым газом. Так, к примеру, люди, коих здесь тоже достаточно, только они смешанные с другими видами, но вполне себе разумные — манят оленей-палаток и ложатся под ними спать. Очевидно, что при выдыхании люди создают углекислый газ, отчего те звери сходят с ума. Они долгое время ходят за людьми в надежде снова подышать газом выдыхаемый этим странным существом. Многие кочевые племена пользуются этим. Удобно, когда палатка ходит сама и укрывает от ненастий. Никаких рюкзаков. Смешно выглядят индейцы-гиены и ацтеки-антилопы, за ними следуют цыгане-курицы с тонкими ножками. Странно, что из всего мутировало у них только нога.

В некоторых частях земли, куда попасть сложнее, чем перелететь верхний слой вселенной, живут воины-песчинки. Знаете, чем те существа славятся? Ох уж эти жестокие песчинки, не зря их отделили от самой вселенной. На моей памяти их было больше, но сегодня меньше. Бог никогда не вмешивался в мир, но эти монстры заставили само время идти вспять. Смысле в каком смысле? Смысл разный, с одного раза объяснить не получится. Можно стерпеть всё на свете, но это...

Об этом мы расскажем в другой истории, во вселенной четыреста сорок четыре. Ведь это совсем другая вселенная, и места здесь ей... просто не хватило.

Говорят, жизнь устроена таким образом, что каждый имеет свой путь жизни, на котором он может стать кем ему суждено быть; то ли морским чёртом, то ли верёвкой от парашюта, то ли той волной, которая бьётся об скалы на берегу... но другое дело быть человеком. У них столько боли в груди, столько боли... Они живут день изо дня, страдают, плачут, но терпят и живут дальше. Смерти они боятся, спорить с этим бессмысленно — даже в дни, когда они уходят из жизни, они плачут, что приходится прощаться.

Морской чёрт не боится смерти — он туп, ему незачем думать о таких мелочах, как конец его жизни. Он понимает, что когда-то он исчезнет, эмигрирует, возможно, как его отец и пропадёт из глаз долой. Только не знает чёрт, что умер его отец, и никуда не уплыл. Никуда...

Эта история произошла со мной в день, когда луна обернулась тёмной стороной к земле и сказала:

— Привет, дружище, не ожидал? — оказалось, всё это время, миллиарды лет, она спала и была живой. Луна улыбнулась, затем зевнула. На землю упали неисчислимое количество бактерий, которых наш мир не знал; изо рта. Бедствий не было, однако...

Люди в тот день приобрели суперсилы, способности, удивительные и могучие. Я обрёл способность умирать и возрождаться чем-то другим. Не важно кем я был — мой цикл жизни заканчивался на пятый день существования. Способность умирать и перерождаться, расти за пять дней от младенца до старика — вот моя участь. И только за пять дней я мог чего-либо достигнуть — иначе вся жизнь моя не имела смысла.

Во вселенной раньше такого не происходило — это был какой-то глюк, программный сбой. Боги не рассчитывали, что вирус сможет наделить их «куклы» способностями. Мы цепи цифр в компьютерной симуляции... байты, но байты не знающие, что они всего лишь информация на жестком диске. В нашем программном коде есть вся информация о том, что при порезе должна быть кровь, и наш мозг ассоциирует радугу из байтов, как струю крови, и как и весь другой мир, вне наших систем, пытается спасти жизнь и излечить человека.

Только один я, пиксель информации в корпусе компьютера бога, мог различить настоящую смерть — и только я один знал, что нахожусь внутри симуляции вселенной. Земля — одна из триллионов миров внутри жесткого диска. И однажды я переродился информацией — да, странно, что не камнем. Переродился информацией и вылетел из жесткого диска прямо в комнату создателя и попал в крохотный, крохотный мозг таракана и стал разумным, захватив его клетки. Впервые во вселенной таракан приобрёл силу человека — мышление.

Вы навряд ли знаете, каково это быть таким крохотным и, бежать одури во все лапы, чтобы не раздавили. Я сам узнал ровно в этот день — мои лапы такие маленькие, но такие юркие, дивно... однако, крики мои богу не слышны, почему бы... ведь рот у меня крохотнее самого крохотного существа. К тому же, в этом поганом рте не было языка. И стоило мне только узнать об этом, я спрыгивал с буханки хлеба и бежал в щель на стене квартиры бога. Желаний умереть у меня не возникало, но к сожалению... бегая среди пачок с крупами, на меня напал паук и сгрыз, байт вылетел из таракана и вселился в паука.

— Это чертовски вкусно! — знаете, раньше я ел хлебные крошки, но таракана я пробовал впервые. Нет... вообще что-либо в своей жизни; здесь не было симуляции вкуса, и всё было настоящим и живым. Вкус был чем-то похож на наш, только терпкий, сладостный и горестный, самое ни на что есть настоящее, а не его эмуляция.

В этом теле, как и говорил, прожил не малых пять дней, прячась и пытаюсь выжить. В теле паука мне не суждено было стать кем-то величественным, разве что среди мух, которые перешептывались сидя на потолке, какой я коварный монстр — среди них я точно был популярен. На пятый день у меня случился сердечный приступ — я увидел другую паучиху. Никогда бы не подумал, что влюблюсь в паучка. И байт полетел из комнаты в открытую форточку и скитался по ветру два года, прилипая на стены, гуляя среди ивы, среди камней и грязи. Странно, что становился я только кем-то живым — наверняка эта способность на то и была рассчитана, чтобы я не жил как камень миллионы столетий. Так, в конце второго года — в теле живого и мёртвого, меня забросило в тело старика в больнице, через москитную сетку, мой байт подлетел к умирающему человеку и влетел в ноздрю. В миг, когда старик умер, очнулся я.

И суждено было мне прожить ровно пять дней. И я готов был отдать всю жизнь только ради того, чтобы найти создателя моего мира и спасти тех, кто остался взаперти этого злосчастного жесткого диска. Друзей, родных, людей...

Выдернув капельницу из руки, рухнул на пол. Начал ползти. Во рту что-то болталось. Это был мой язык — дряхлый, сухой, скомканный старческий язык. И я мог ими говорить. Только не знал как это делать. Раньше за меня говорила программа во мне — сейчас, я сам стал программой, но без знания такого сложного существа, как человек.

Двери открылись, и ко мне забежала какая-то девушка и схватив за руки, подняла и уложила на кровать. Из меня вылетело что-то из разряда говора курицы и рыбы.

— У вас был инсульт, третий. Ваш мозг повреждён. Вы всю оставшуюся жизнь будете лежать на постели.

«Что, опять?! Да чёрта с два я буду лежать! А ну пустите меня к моему создателю!» — крикнул я, и оглушил свой разум. Но ни единого слова из меня не вылетело. За последние три дня, я научился читать. Смотрел телевизор; научился открывать рот и размешивать слюни во рту. Будь я блендером, я бы стал самым лучшим блендером во всём белом свете!

Врачи не верили мне, что я смогу заговорить, ведь я молчал с самого рождения в этом никчёмном теле. А на пятый день я умер — столько вони палата больницы не знавала никогда, когда кишки этой старой губки расслабились. А ел я в этом теле, как в последний раз; как ни в себя.

Байт упал на простыню, смешался в дерьмом и я стал глистом. Какая никчёмная жизнь! Есть и существовать... я раньше никогда не пробовал дерьмо на вкус, но узнал, что и в ней есть что-то полезное. Со мной впервые заговорили не люди, а мне подобные — глисты. Они говорили не много, но часто.

— Вкусно.

— Приятного.

— Шевели хвостом.

А так как я имел разум и научился при жизни читать и говорить, я часто жаловался на них.

— Какой вы несёте смысл? В чём ваша задача жизни?

— Вкусно.

— Приятного.

— Шевели хвостом.

Пять дней, да это же целая бесконечность в этом отвратительном теле! Я хотел умереть быстро, и устроил голодовку, высох, побледнел, и сдох. Но на пятый день.

Следующий миг... отвратительный миг, но такой блаженный. Я — голубь. Никчёмный, тупой голубь — с языком, но это даже нельзя назвать языком. Высохшая палка, вывалившаяся сухая, мертвая гусеница из яблока — тонкий прутик. С таким языком можно разве что пить воду из колокольчика и ковырять между зубов остатки пищи. А ведь у голубей даже зубов нет!

Раньше я ненавидел людей, потому летал и много ел, затем срал на тех. Это впервые в жизни приносило мне удовольствие, после мне надоело и я полетел куда глаза глядят. Глядели они в две стороны, направо и налево, я кружил на месте и жевал жвачку с асфальта. Она застряла у меня в горле и я задохнулся и погиб смертью бесславной.

Умер я ещё в полёте и стал пулей, упав на голову маленькой девочки, которой пронзил череп клювом, и та, упав, умерла — и девочкой стал я. Родители ничего и не заметили — это продлилось доли секунд. И я притворялся их ребёнком. Как же им будет больно, когда на следующей неделе меня не станет. Горевать будут, а мне на них всё равно. Я решил для себя одно — найти свой дом. И, убежал от них куда глаза глядели — смотрели они вперёд. Ну наконец-то у меня появился только вперёд. Бежал я несколько сантиметров в секунду — телу было отчасти только три года. Родители схватили меня и положили в коляску, вездеход для медлительных детей.

— ОТПУСТИТЕ МЕНЯ НА ВОЛЮ, ИЗВЕРГИ! — уля-ля траляля, буга нуга, нна фпыф, вот что слышали мои родители, и вонзали в мой рот соску, словно я просил есть. Признаюсь, соска меня очень заинтересовала. Вкусная, зараза!

Мало не мало, но прошло пять дней. Чтобы не травмировать родителей сердечным приступом, или инсультом, я, однажды из вечеров, когда ходили среди диких зверей в зоопарке, отпустил руку матери и побежал в вольер ко львам. Там меня и приняли. Сколько там шума были, не представляете! Но ведь этот малыш умер уже давно, и я ношу его шкуру на себе.

Следующая жизнь была собачьей. У меня был друг — старик. Вряд ли он что-то понимал, но смотрел на меня понимающе. Мы вместе ходили, гуляли, ели и веселились. Он рассказывал мне о своей жизни, о жене, которой давно уже нет, о детях, которых они с ней хотели, но не смогли зачать. Как-то и не хотелось его оставлять — всё таки, он человек и явно с большой душой, познавший горесть утраты, и не познавший любви и понимания.

Когда умер я, байт остался тут, лежать на ковре, рядом с моим телом. Пса похоронили. И через месяц умер и сам старик. И я вселился в его тело. Переродился им.

И сейчас, я был никому неизвестным стариком, который искал надежду.

Я помню те места, где бывал. До того времени, как стал немощным в больнице, я много дней лежал на ветвях деревьев напротив дома создателя. Знал я, и помнил маршруты по которым летел, и точно знал на каком этаже был мой Бог.

Стариком быть хорошо. С ними никто не разговаривает и не просит помощи. Перед тем, как зайти в дом и постучаться, я сделал коктейль из слов во рту, и заговорил. И слова существовали. Они были. Я постучал.

Здесь моя жизнь оборвалась... меня засосало обратно в компьютерный корпус и тело старика упало и умерло. Здесь, наблюдая с земли, я вижу одно... у Луны нет тёмной

стороны, а люди все совершенно одинаковые и обычные. И сам я стал обычным. Сколько бы не кричал, меня не слышал никто. Утром, после долгого сна в симуляции я пошёл на работу, но помня те мгновения жизни, которые меня связывала настоящая реальность. И помнил я их до конца своей жизни... до дня, когда нас отформатировали.

На ветке зелёного кактуса сидела одинокая, но бойкая стрекоза и курила трубку, и причмокивая о чём-то думала. Мышь смотрящая через подзорную трубу сразу же поняла, что стрекоза думает о новой порции ветра. Мышь умела читать мысли через подзорную трубу, но никому об этом не говорила, чтобы не отпугнуть удачу. С тех самых пор, как ветер был похищен Санта Клаусом из-за плохого поведения погоды, все летающие стали ползающими.

Санта потирал ручки, поглаживал бороду, и думать не думал о страданиях земных существ. В день, когда Клаус разносил подарки детям что вели себя удовлетворительно, была метель, страшная пурга, и небесной дороги было не видно. Санта заблудился и подарки до пяти утра не были доставлены, и дети подумали, что вели себя плохо, а печенье оставленное Санте прилипло к тарелке и стало частью самой тарелки. И добрые дети стали злыми, проклиная рождество. Санта сам стал злым, верите или нет? Самым злым из злых, и похитил ветер, и обрёл всех на страдания. В аду были вееры, чтобы раздувать костры под чаном, и даже те черти были более милосердны и не избавлялись от дуновений. Но Санта, видимо, был отцом сатаны. По-другому тут и не скажешь, не так ли? Представляете, вентиляторы не могли в жаркую ночь охладить тела потеющих... а одежда оставленная проветриваться на балконе всегда была мокрой, а в комнате всегда было душно. Псы высовывающие языки не охлаждались, кипяток никогда не становился комнатной температуры.

Мышь понимала, что стрекоза стара, и без ветра ей не подняться наверх и не посетить детский сад в поле нарциссов, и увидеть детей. Сколько хищников в тех местах было уже и не сосчитать. Ужас и кошмар один!

Злость не покидала шустрюю мышь, хитрую, как пыль, что забивается в ноздре носа, дожидаясь пока кто-то начнёт дышать. Направила она подзорную трубу через вселенные, через чёрную дыру в земле, которую использовала только в редких случаях и закрывала деревянной крышкой собранную из досок дубовых, и заглянула в мысли Клауса. Санта был отвратительно довольным.

О чём же думал таком Санта, что мышь сразу одёрнула глаз от трубы и забила в угол? Ох уж эта труба истины...

В тех мыслях витали такие вещи, как хрустящий попкорн из мышинных мозгов и вяленое мясо из лап стрекоз, лягушек, пару клёновых ножек стульев и столетнего яйца умершего быка. Санта был гурман. По мотивам мыслей этого чокнутого деда, вскоре, мышь снимет ужастик, что заставит всех стать добрыми. Мышь показала в том фильме все прелести непослушания, как Санта пьет глазные яблоки трубочкой из коктейля, и намазывает серое вещество по хлебу и закусывает острыми мочками ушей и хрящами трясущихся поджилок.

А мы продолжаем.

Стрекоза оборачивалась, шурилась, в глаз то и дело залетали мошки, она вытряхивала их из них, те падали на землю, вставали и ругались матом и убегали под листья. Откуда они могли залететь в глаза, когда ветра не было? Они соорудили реактивный костюм в лаборатории, внутри жёлудя далеко в лесу, в тринадцати метрах от стрекозы.

Собрав подзорную трубу в чемодан, мышь положила его в карман и спрыгнула на канатке из лиан вниз, и побежала к стрекозе, видимо, помощь. Добежав до места, мышь спилила хвостом цветок и нежно, словно лепесток роз, схватила насекомое, погладила её:

— Всё будет хорошо, я никому не дам тебя в обиду! — и съела стрекозу, — никому!

Затем побежала на поле нарциссов, и истребила всё семейство.

Санта Клаус тем временем наслаждался одиночеством, поедая последнего копчёного эльфа, и, выкинув косточки в урну, встал и закричал:

— Ладно, в последний раз! — разомкнул замок на бровях и выпустил ветер на свободу.

Ветер бежал без оглядки, от страха его глаза были велики, по пути врезался несколько раз об пустоту, об помёт воздушного крокодила, пыльцу фей. Вытер пот со лба и сел на уступе Эвереста.

— С меня хватит! — и спрыгнул вниз. Кувыркаясь по склону, по камням и набив себе пару шишек, ветер встал, отряхнулся, — не дают нормально жить!

Злой презлой ветер набросился в лёгкие живых существ, лез и лез в них, пока легкие не взрывались и существа не умирали. На сто девяносто пятом ему осточертело и он пошёл на работу. Сто рублей в час. И выл ветер и выл, скитаясь по миру, годами, чтобы накопить на пещеру, дабы отдохнуть, один единственный в жизни раз, родить малыша и умереть. Несмотря на то, что был он парнем. Однако, инициировал он себя, как девушка. Так положено. Так модно сейчас.

Они всегда были рядом сколько себя помню. Когда мне приходилось закрывать глаза от невыносимой усталости, они подбирались ближе, тихонько ставили на пол лестницу, взбирались на них, прыгали на лицо, чтобы открыть на щеках порталы; маленьким, тонким ключом — комар кусал сильнее, — и исчезали. Так было каждую ночь. Я точно предчувствовал; утром чесалась щека, и на том месте, видимо, где они проложили тропу — были следы невероятно крошечных ботинок. Но откуда же мне знать, как больно открывались двери в другие измерения? Комар укусил, тоже мне. В городе комаров то и не было. Вот, сказать вам, в то время я спал, однако же, моё астральное тело в это время наблюдало за ними. Они, эти ничтожные существа, часто оборачивались, один из крохотных людей даже держал в руках какой-то баллончик, скорее всего, усыпительный баллон. Стоило мне только залететь в тело, и я мог бы смахнуть их один за другим, убить, прихлопнуть, но этого не делал, мне было интересно, что же это за портал такой и куда он ведёт.

В один миг, я залетел в двери другого измерения и остолбенел, словно призрака увидел; внутри всё было красивее, чем во снах. Никакие мысли на тему фантастики не могли бы даже близко стоять с тем, что мне пришлось узреть собственными глазами, глазами астрального тела. Но, в то время мне ещё не приходилось думать о таких вещах, однако, стоило бы начать. Человек без фантазий, не более чем мусор без мыслей. С таким же успехом человеку можно было бы стать ложкой. О них мы поговорим позже.

Это был мир, где время замерло. Любое только представления миров, какое было у людей до меня и после меня, сконцентрировались в этой вселенной. Маленькие люди бежали вверх по бетонной лестнице, к огромному сооружению, по меньшей мере больше самого огромного грузовика, который когда-либо видел, — где, по всей вероятности, сидел самый главный из их народа. Однако, сказать об этом наверняка, было невозможно. Эти люди были крайне осторожными. Стоило бы только подумать о том, что там сидит бог, то бог исчезал, но всё же появлялся там, где его не ждали. Потому, крохотные люди шли куда сами хотели, и везде, куда бы они не уходили, сидел бог. Тот, кто дал им ключи от моих щёк, манипулятор их чувств и желаний.

Взлетев вслед за людьми, резкий и сильный хлопок по моему лицу остановил меня. Я упал на пол и со лба потекла кровь — желатиновая; кровь превратилась в зверей, и побежала по воздуху к млечному пути и исчезла в пустоту, где-то во тьме волопаса. Человек находившийся внутри сооружения видел меня. Скорее, меня видели все, кто здесь находился — даже стена напротив, у которой оказалось лицо сильно напоминающий Линкольна. Всё скрытое в этом измерении обретало физическое тело и становилось видимым. Тотчас, как только упал, и не успел прийти в себя, четыре крохотных человека подбежали ко мне, вкололи что-то в ногу, и я стал таким же, как и они — гномом. Бог взял меня на ладони и проглотил. Мгновение спустя, в комнате стало светло. Передо мной сидел обычный, совсем обычный, поверьте мне, человек. У него на голове была кепка с аниме, на запястьях часы, правда со сломанным циферблатом, но всё таки, походил он на обыкновенно простого хикикомори. Не зря он уединился в пустой комнате.

Он выкинул на стол несколько ключей и сказал, чтобы я выбрал один, который мне понравится, но, видимо, бог потом разозлился, потому что ни один из них мне не понравился. Тогда он выплюнул меня со словами, что моё присутствие не достойно в этом измерении.

Увы, выкинуть они меня не могли. Чтобы я не загадал, в мире этом сбывалось. Когда открывался портал, я вслух выкрикивал, что не хочу уходить и мир не может без меня, то, мир и вправду схлопывался в малюсенький спичечный коробок и начинал гореть. Мир знал, что без меня ему не выжить, и ни одно другое желание не могло быть сильнее моего. Каждое желание было сильное, но одно желание не могло испортить желание другого.

Спустившись по лестнице, я огляделся. На небе было темно, видно было, что вокруг меня, и везде, где меня не было в то мгновение, были звёзды. Одни гасли, другие только начали светиться. Там, где, казалось бы, никогда не было света, был свет. Несколько сотен планет кружились близь орбиты моего присутствия, на тех осколках камней жили множество необычайно удивительных существ. В одной, которое мне удосужилось увидеть, и, которое я буду ещё долго вспоминать при возвращении в реальный мир, было; люди с вытянувшимися шеями из шлангов, ноги из проросших одуванчиков, а тело земное, наше родное, слоновье. Они крутили педали на велосипедах, а те велосипеды имели свои ноги в коричневых сапогах. За ними бежали их питомцы. У нас называли бы их «те, кого мы приручили», но, к сожалению, может и к счастью, эти сами могли позволить себе питомцев. Крокодилы имели при себе острые когти, и каждый коготь оборудовался цепью, что мог крутиться и распиливать всё на пути следования — потрошил живую планету крокодил только так, без усилий, а за ним образовывались ручьи из крови — на вкус вишнёвый сок. На голове крокодила сидел бойкий соловей, размахивая плетью и управляя им, а внутри него самого обитали муравьи инженеры, которые спроектировали жизнь на той планете, и путём не хитрых манипуляций с эволюцией и опытами, создали этих чудовищ. Не размер мозга определял уровень разума и гениальности, а размер знаний.

В другом, но не менее маленьком, до опупения колоссальном, точно больше, чем моя комната в квартире, жили носки, которые одевали людей на ноги, а вечером бросали их в стиральную машину. Стиральная машина жевала людей, руками переворачивала, сжимала, тянула тельца их, засовывала обратно, причмокивала, сосала, полоскала во рту, затем, сильным порывом ветра из ноздри сушила их, и, пока носки смотрели телевизор, вешала людей на прищепки на балконе. И, после смены, как и полагается, шла на кухню готовить себе ужин.

Тысяча планет, и каждая из них уникальна по своему. В ином, которое я едва смог увидеть, пока спешил разглядеть и другие, бегали чашки с водой. И делали они это неспроста. Они злились, что им приходится жить на планете, где, если остановиться, земля уходит из под ног, и они разбиваются. Потому, чем быстрее бежали чашки, тем быстрее и закипали от злости, после чего, из домика на той планете выходил человек, тянул руку, и, подойдя к дереву с листьями, срывал их и кидал в кипяток. Листья съеживались от страха и ходили под себя, чёрной жижей, так получался чай. Великан выпивал его, и уходил домой. Наливал новую порцию воды, и выпускал чашку на свободу, снова бежать.

— Да не бойся ты! Чего дрожишь?! — успокаивал великан лист дерева, которую вытащил из кипятка. Лист сразу же переставал дрожать, успокаивался, голос того действовал, как лекарство. Расправлялся, и уходил домой, на ветку, спать. Когда видел сны, попадал сюда, клонировался. Нельзя видеть было сон во сне не попадая в мир снов. А пока до него очередь дойдёт, много братьев его выпьют и заварят, потому в ближайшие несколько дней и радовался. Человек не брал одного и того же бедняжку несколько раз в неделю.

В следующем, а сосчитать сколько их было невозможно, как бы мне не хотелось, ведь космос был огромен и бесконечен. Здесь... жил ты, мой читатель. И делал тоже самое, что ты делаешь сейчас, читал эти строки и даже не знал, что за ним наблюдают и улыбался. Читатель, ты думал, что это всё фантазия, книга, но всё таки, за тобой наблюдали, но этого ты точно не знаешь. И эту строку читал, и следующую, последующий текст, и так до самого конца. Казалось, я видел там даже себя.

Вдруг, кто-то ударил меня по ноге, и я склонился, как не кланялся ни перед кем, даже мыл я пол стоя, а спал на стене, кроссовки завязывал волосами на икрах. Но, тут дело другое, меня заставили преклонить колени перед ничем. Это был Чак Паланик. Он репетировал удары перед написанием следующей сцены бойцовского клуба. За ним стоял Говард Лавкрафт — злобно пытался изобразить монстра, а когда ему это удавалось, прятался под юбкой Чака. «Это уж точно будет страшнее всяких матных гномов и пиковых дам», думал про себя Говард, слюнявил пальцы и записывал в блокноте.

Я бы остался здесь ещё на немного времени, но, увы, сон приходит к концу своему, и длилось оно семь минут в комнате, а сколько часов прошло здесь... Самые прекрасные несколько часов. Попросил желание уйти, и мир прекрасно понимал, что свобода моего слова, важнейшее слово, и выпустил меня, тем самым дав крохотным людям шанс вышвырнуть меня из их мира. Правда, мне больно не было. Я астрал.

Я проснулся, почесал щеку, но сон забыл. Об этом написали мои карманные муравьи инженеры, которые случайно оказались в моём кармане, совершенно случайно, и вытащили информацию из моего мозга. Надеюсь, как-то сидя за столом я не раздавлю их, когда они будут передвигать реактивные корабли со стола на пол.

Огромный, без края и конца тьма беспросветная. Среди звёзд — дверь, она приносит боль и страдания. За ней жизнь — что было до, что будет после. Здесь живём мы, здесь живут они, прошлое наше, будущее. Переплетены судьбы здесь с начала времён и с конца. Нас тут нет, и никого нет. Однако, где-то здесь мы, где-то они. Эта дверь для крота, дверь для людей. Здесь живут мечтатели, здесь погибли верующие. Тонкая вуаль здесь — скопление душ, простыня — волны грядущего, родившихся.

Мы путешественники по мирам, где не произошло прошлого, но будущее уже рассыпается. Где минувшее давно позади, но ещё не наступившее. Это дверь возможностей. И, пролетев через неё, создаётся полотно вселенной. И мы художники в ней, созидатели создатели, боги и убиватели. Когда-то мы создали её, но до сотворения уничтожили. Время иллюзия — мысли пустота. Край начинается здесь, он здесь закончился. Мы влетаем в неё... держите кресла покрепче, тут холодно. По телу жар.

Давно времён со дня сотворения был выпущен шарик забвения положивший начало конца, влетевший во тьму и создавший свет. В ней нашли любовь, в ней увидели надежду, в ней теплилось мироздание, конца ему не было, начала никто не наблюдал. Это было оно — ничто. Но, что это ничто? Не прилипните взглядом к ней, её нельзя увидеть, осознать, почувствовать, услышать, оно везде, крик её слышен отовсюду, немо оно, но убивает изнутри. Что за ничто?

Сказки были созданы, легенды рассказаны, мыслители написали о ней книги, однако, вселенная забыла о ней — мысли стёрты, мосты сожжены, дверь уничтожена и воссоздана. Что за ничто за дверью? Перевёрнуто всё с ног налево, вглубь и в пустоту, падая вверх заплутав среди без направленности — два шага налево, где нет лево и, каждое направление может стать чем угодно и когда угодно. Вчера это было, может триллионы лет назад? Дверь скажет, но её не услышат.

Шарик катится по полотну, по поверхности гравитации, по потолку времени, по игле мироздания. Квадратная петля по кругу, полосы света в стороны... в глубине сидит оно. Оно ничто и что-то одновременно.

Её название дверь четыреста сорок четыре. Здесь творятся чудеса без чудес, наука без науки, волшебство без желаний.

Летит в дверь космос, сужается, та вращается, растёт, тянется, расщепляется, преобразуется. Юпитер становится песчинкой, созвездия атомом, галактики — маленький, крохотный таракан, на том таракане человек, и все миры невесомый, жёлтый шар для гольфа. Удар. Катится шар по тьме, сжимается, исчезает, а где галактику подобрали, её никто никогда не подбирал. Мир иллюзия. Действия легенда. Нет здесь ничего... ничего вовсе нет. Но, что-то здесь всегда существует. Что за мир за дверью четыреста сорок четыре?

Кто расскажет не поверит, кто увидит не запомнит. Дверь чёрная-чёрная. Здесь кто-то сидит, но кто же он? Художник? Это ничто. Оно рисовало всё. Жизнь, пустоты, начала, концы, себя оно создало, и себя давно уничтожило. Ты назовёшь её мама, брат назовёт его папа, а мир назовёт бессмысленно, умершие заплачут — они осознали.

Четыреста сорок четыре. Вселенная возможных невозможностей. За ней радиация становится пакетом, люди кланяться пачке носового платка Гильгамеша, еноты маршируют чечётку, кушая два с лишним килограмма вселенной. Нет, чушь. Носовой платок сжирает хоккейные клюшки, клюшки смотрят в телескоп, внутри неё топчутся люди и строят города, в тех городах смотрят во вселенную, в той вселенной чёрная дверь. Клюшка поднимает взгляд, над ней взгляд, над взглядом свой взгляд, за ней третий, и бесконечные двери, двери, двери... по двери скатывается кровь, съедает её, дверь красная, но всегда видится чёрной. Кот слизывает дверь, огромный, размером с миллиард галактик — кот становится дверью, чёрной-чёрной. Был выпущен шарик забвения положивший начало конца, влетевший во тьму и создавший свет. В ней нашли любовь, в ней увидели надежду, в ней теплилось мироздание, конца ему не было, начала никто не наблюдал. Это было оно — ничто. Здесь родился семнадцатый кот, который двенадцатый, а у вас сто семнадцати тысячный. Триллиардный кот зевнул и сказал, что вход он занял вторым. Вперед него было ничто, множество и больше триллиарда.

Огромный, без края и конца тьма беспросветная. Среди звёзд — дверь, она приносит боль и страдания. За ней жизнь — что было до, что будет после. Здесь живём мы, здесь живут они, прошлое наше, будущее. Переплетены судьбы здесь с начала времён и с конца. Нас тут нет, и никого нет. Однако, где-то здесь мы, где-то они. Эта дверь для крота, дверь для людей. Здесь живут мечтатели, здесь погибли верующие. Тонкая вуаль здесь — скопление душ, простыня — волны грядущего, родившихся. Помнишь ли ты, когда был рождён, помнишь ли, когда впервые умер? Здесь было начало, здесь обречён был конец. Это вселенная ничто.

Твой стул кальмар, в том кальмаре семь смертных грехов, каждый из них добро. В добре том, пять ежей, и сорок пять из них отбывают за убийство срок, а срок наступит вчера, до того, как их приговорят за убийство, которого ещё нет. КОТорый звали кота, стал что дверью красной, чёрной-чёрной. Ничто произошло, но её не было. Мартышки свалились с коробки, и покатались по полу галактики, всех засосало внутрь, и по полу покатались галактики, и всех засосало внутрь, свалились коробки, всех засосало, покатались галактики по полу... чёрная-чёрная дверь стала КОТорым, и вылилась кровь на пол, стала она красной, шарик покатился назад, человек взял его, таракан побежал задом, стал галактикой, расширяется, выходит, дверь закрывается — становится ничто. Что за дверью? Нет там не ничего, всего полно. Приоткрыть нет ничего. Кто здесь? Художник? Ничто. Оно рисовало всё. Жизнь, пустоты, начала, концы, себя оно создало, и себя давно уничтожило. Ты назовёшь её мама, брат назовёт его папа, а мир назовёт бессмысленно, умершие заплачут — они её видели. Слепли, забыли, не помнят, никогда не умирали. Они сейчас родились. Умершие не умирали, выжившие не рождались. Рождённые не существуют, и катится шарик по полотну, дверь расширяется, бежит таракан, галактики, вселенные... красная, чёрная-чёрная дверь. Грех вырывается из крота, шарик катится в него, расширяется, внутри весь мир. Грех —

вселенная, в ней живут, никто ничего не осознает. Люди катятся по космосу, они шарик, в красную, чёрную дверь — за ней ничто. Они осознали, они увидели. Это он. Художник. Ничто. Оно рисовало всё. Жизнь, пустоты, начала, концы, себя оно создало, и себя давно уничтожило. Ты назовёшь её мама, брат назовёт его папа, а мир назовёт бессмысленно, умершие заплачут — воскреснут, чтобы умереть ради того, чтобы видеть вновь. Они забудут. И мир повторит самого себя. Человек ударит по шарик для гольфа... Мартышки свалились с коробки, и покатались по полу галактики, всех засосало внутрь, и по полу покатались галактики, и всех засосало внутрь, свалились коробки, всех засосало, покатались галактики по полу... чёрная-чёрная дверь стала КОТОрым, и вылилась кровь на пол, стала она красной, шарик покотился назад, человек взял его, таракан побежал задом, стал галактикой, расширяется, выходит, дверь закрывается — становится ничто. Что за дверью?

Дверь скрипит. Оно смотрит. Оно всё видит. Оно играет. Улыбается. И начинается большой взрыв. Вселенная расширяется. Кто-то ударяет ничто по ничто, тот отлетает. Дверь распатывается, превращается в самолёт и улетает. В дверь чёрную-чёрную падает космос, за той стороной ничто — таракан соскальзывает задом. Гольфист падает. Дверь делает круг — таракан катится назад. На ней гольфист. Галактика расширяется. Ключка поднимает взгляд, над ней взгляд, над взглядом свой взгляд, за ней третий, и бесконечные двери, двери, двери...

Это только начало.

Восхищением пользуется вселенная девятьсот тринадцать, особенно среди карликовых костюмов. Им нравится, что проснувшись рано утром, перед тем, как пойти на работу, костюмы без всякой бюрократической волокиты, а там несомненно кто-то всегда так делает, не платит за надевание людей на себя, чтобы не замёрзнуть снаружи. Всё делается для костюмов одеждой, как людям людьми, если бы мы находились у себя.

У, (это мы сейчас восхитились и удивились одновременно), вы только представьте, как там холодно, сколько колючих перелётных сосулек летят в ещё более холодные края, прячась от солнца? Нет, а я вам расскажу.

Всего несколько градусов и забудутся сосульки, умрут и никто о них и не вспомнит никогда, по крайней мере до утра следующего четверга. Однако же, их всегда помнят. Было дело летом, сами мы не знаем когда это лето наступает на той планете, но будьте любезны поверить нам, всякие бредни мы придумывать не станем, а врать и по-прежнему; сосульки в торопях сбили крылатого оленя, что парил над своим домом и разукрашивал крышу в тепло. Несколько льдин вонзились в него и тот упал замертво. Лето догнало оленя и, всё стало водой. Разумеется, никто из следователей страусов и не мог заподозрить сосульки в убийстве, во всём был виноват солнечный удар, как полагалось.

Лето в тот день арестовали и заперли глубоко под чучелом горячей ведьмы Игнасии, под глубиной не меньше трёх, повторяю, трёх больших сантиметров!

Костюмы часто спасались пламенем, ведь сосульки непременно обходили их высоко, или умирали в низине. Испортить пальто из человеческой кожи, этого допустить ни в коем образе нельзя ни в коем образе, повторяю вам, ведь людей сюда заносит не часто, можно сказать никогда. Но, всё же, как люди терпят всё это, и как они попадают в эту ужасную вселенную?

Странностей мы говорить вам не будем, рассказывать какую-то фантастику, описывать фэнтези, а разглаголим самую настоящую истину.

Одинокий, никому не нужный, кошмарно большой хочу вам сказать, петух, каждое утро клюёт пшено под кроватью, а в том пшене находится галактика, где обитают люди. Ничего питательного в них нет, однако, поздно вечером, перед последним ужином, петух засовывает два пальца в рот и блюёт. Оттуда, как может показаться, идёт не еда, а тонкие слои человеческих кож и самих людей, затем те вытекают через трубу наружу, через блювательные каналы в доме и, можете мне поверить, врать вам, значит себя не уважать, те вырастают из-за атмосферы планеты, как какой-то баобаб, и без сил лежат на земле выброшенные и кому-то точно нужные. Пока они придут в себя, разомнутся, поймут куда попали, тут и армия подоспеет и разберёт их по домам.

Тотчас, как мы об этом написали, костюмы распахнули окна и выпрыгнули за людьми,

чтобы успеть захватить самого жирного и большого человека. Из таких получается двухслойная, а то и пятислойная одежда. Один костюм даже получил фингал в пуговицу, когда его сбили с ног в драке со свитером.

Девятьсот тринадцатая вселенная, не то место, где всё всем прощается, здесь даже огонь, который ленится и начинает угасать, казнят и подвешивают под водой. А стоит какому-нибудь ветру не подчиниться приказам норковых шуб, того запирают в ящик без дыр. Норковых, потому что им бывает жарко, они здесь самые жадные, на них не меньше двухсот кож человеческих, и самых жирных! Даже в самый лютый мороз. Чуть погода, когда ветер начинает входить в депрессию, на дне ящика можно заметить еле уловимую, прозрачную, однако мутную, как пар после кипячения, сущность ветра. Умиравший ветер. Но, можно сказать, умереть ему никто не даёт, ведь кто же будет помогать сосулькам мигрировать в холодные края? То-то же.

Костюмы рано или поздно всё же выпускают Лето на свободу, и испуганные сосульки начинают паниковать направляясь в самый север планеты, то есть куда глаза глядят, лишь бы не назад.

А вот не хотите ли послушать о том, что и у этих челоожёров есть свои страхи? Страх быть съеденным, громадной молью обитающая в самых высоких местах, откуда пикирует с невыносимо медленной скоростью. Быстро двигаться она не может, артрит. Костюмы едва ли различают звуки, но чувствуют взмах крыльев, пусть и не могут поднять пуговицы высоко вверх; всегда ходят глядя вперёд, и быстро-быстро прячутся.

Моль падает на дома, множество сооружений, какие только могли построить костюмы без пальцев, разбрасывает щепки в сторону лапами и съедает дюжину костюмов за раз. Маленькие костюмчатка плачут потерявшие родителей, но ничего с этим не поделаешь, они лежат между линолеумом и грязной землёй, и дрожат; а на линолеум у моли аллергия, она начинает чихать на иврите и превращается в гусеницу. А став гусеницей, её запрягают и она пользуется невероятным спросом среди путешественников; гусеница экспресс, поезд безрельсовый и без оплаты. Костюмы, разумеется, видно из-за небольшого ума, запирают гусеницу за забором с открытой крышей, откуда та улетает через несколько дней и нападает вновь на жителей планеты. Оно и понятно, гвоздей нет, а лестниц давно. Кому эти лестницы вообще нужны на плоской земле?

Тем временем, люди попавшие в вселенную девятьсот тринадцать корчатся от боли. Потому что не слышат звуков, как те истошно плачут, когда их разрывают ножом слой за слоем. Умирают они в агонии, потому что костюмы не имеют сердец, да и крови они никогда в жизни не видели не понимают, что это очень важное вещество в теле жирных существ. Кожу сдирают, людей кидают в канаву; мышцы, вены, кости — видно всё. Заражение, гниение, гангрена. Мучительная смерть и зловоние.

Одев на себя костюмы из человеческих кож, те могут почувствовать себя людьми, важной частью всех мультивселенных. Стать частью чего-то большего, чем их планета.

Однако, не без следа пропадают тела людей, в тех местах, где они были убиты, зарождаются новые виды хищников. Такие, как тараканы, опарыши, млекопитающие и членистоногие. В будущем они сожрут население планеты, и начнётся новая эра — внеземная.

Вдвоем, верхом на белом коне, запредельно далеко от центра земли, ездили мотоциклы и обсуждали место, где они родились. Один говорил второму, что чувствует, что где-то в мире точно есть места непохожие на их галактику, что где-то там, может даже на соседней по направлению к звезде Бетельгейзе, есть планета, на поверхности которого живут существа, что растут из-под земли. Имени точно первый мотоцикл не знал, но предполагал, что будут называться из-подпочевки. Второй удивлялся фантазиям первого, но не уступал ему в схватке умов, и часто повторял, что когда-то на земле, где они живут, обитали и сами боги, что создали их. Первый резво ударял колёсами по животу коня, и тот ускорялся. Отставший догонял. И продолжал неистово утверждать о том, что и их предки когда-то ездили сами, и отказывались от услуг лошадей. Затем смеялись долго и громко, и добавляли, что это глупость. Они даже удивлялись тому, что вообще в их голову пришло такое нелепое умозаключение. Все знают, что колеса не могут ходить, очевидно ведь.

Впереди красовалась невиданная фантастика, красивее места было не найти на всю планету; пустошь и один камень. После ядерной войны ничего не осталось, и лишь этот единственный камень напоминал уцелевшей цивилизации о тех днях, когда на планете было что-то настолько уникальное, может даже покрытый когда-то мхом.

Животным мотоциклы не удивлялись, они часть экосистемы всей галактики. И, даже не придавали значения тому, что животные ели, уставали и падали без сил. Для большинства мотоциклов растение, которым пичкали животы кони, ничто иное, как мусор непригодный ни для чего. Ни один из них не интересовался тем, как и почему растёт растение и зачем животным есть? Не было дня в истории цивилизации, чтобы машины паслись на лугу и ощипывали траву. Никто не помнит тех дней. Мотоциклы и не могли представить, что те вещи о которых грезили, растут и на их планете, однако лишь в малом количестве из-за нехватки солнечного света. Туман был везде. Везде кроме луга, где росла трава. Для большинства мотоциклов, те места были лишь дорогой через которую можно сократить путь до следующей тропы, не больше и не меньше. Мотоциклы ни разу не видели растений, потому и не знали, что они у них растут. Хотя всё было столько же очевидно, что трава — это самые настоящие и живые из-подпочевки, как очевидным было и рассеивание солнечных лучей по космосу.

Второй был куда умнее своего младшего собрата, и чаще других придумывал новые вселенные. В одном из мест, где бы ему хотелось оказаться, было направление свободы. Первый не мог понять, что значит свобода и зачем она нужна, но второму всё никак не унималось, что свобода это то место, где можно было остановиться в местах, где нет бескрайних полей, ровных дорог, невидимых равнин, где не всё идеально. Неидеальное место было бы идеальным местом, говорил второй, не различая местности. Куда не глянь, везде мёртвое поле. А на свободе везде равнины и горы, подъемы и спуски, леса и озёра, места, где можно уединиться и отдохнуть от бескрайних плоских земель. Плакаты разбросанные по всему миру говорят о том, что такие места существовали.

Затем мотоциклы спрыгивали с коней и ложились спать. Из-за света фар они часто не замечали темноты вокруг планеты и света на тех чёрных участках, но стоило одному из них закрыть фары, как второй, чтобы не мешать спать первому, выключал свет и начинал тихо урчать в себя от удовольствия увидеть звёзды. Поутру один рассказывал другому о том, что он видел на небе, какие машины пролетали мимо них, какие звёзды сошли с орбит, а сонный кивал головой и дребезжал от холода, залезал на коня и мчал по пустоши в другую пустошь. Утром всегда случалось так, что самые важные вещи становились незначительными. Разговоры забывались, а фантазии кипели под баком. Новые истории не заставляли себя долго ждать. От скуки и непреодолимой пустоты нет других лекарств, кроме фантазий. Каждый из них думая про себя о жизни на других планетах, добавлял, что вытерпел бы все страдания, лишь бы покинуть эту одинокую планету.

Эти два мотоцикла существовали дольше всех. Последние из выживших. Они проходили на коне через множества умерших собратьев, уснувших машин, и тихо рвали на себе протекторы от боли, что даже ступать на них было самым жутким испытанием. Никого кроме них на всю галактику. Ни-ко-го... Почему они единственные выжившие? Куда же все исчезли?

Шли дни и месяцы, мотоциклы ходили по краю смерти. По краю ходили и лошади на которых они передвигались. Уставшие и обессиленные от тяжкого труда, жаждущие воды и еды. Извергами мотоциклы не были и всегда коротали время на пастбищах для животных, где было достаточно солнечного света, чтобы выросла трава, и кормили своих друзей. И в любом месте и времени в пространстве укорачивали дорогу через них.

Одни. Всюду. Везде. Однако же, второй часто задавался вопросом, почему случилась ядерная катастрофа, хотя и названия этого явления не знал. Часто думал, что это какая-то коррозия, но предположить смерть всех разом от пепла не мог. Едва ли мотоцикл мог знать, что такое пепел и ядерная зима, когда он очнулся, всегда всё было так. Значит таким был создан мир.

Мотоциклы проснулись пару десятков лет назад, один на другом конце планеты, второй на другой стороне. К ним были привязаны кони. Кто им дал их, они не знали, но понимали, что передвигаться нужно на них. Оседлав их, мотоциклы нашли друг друга. Впервые тогда они и заговорили. И никто представить не мог, что поймут друг друга, но это случилось, они точно могли это делать. Мысли второго об средстве понимания оправдались, и впервые тогда он и понял, что невозможное вполне возможно, если верить в неё. Общаться на общем понятном языке — это не его глупые иллюзии, не крики внутрь, с которым ему приходилось спорить на протяжении всего пути. Теперь он мог говорить открыто и всегда слышать, что кто-то его не поддерживает и спорит. Конь споров не любил и всегда молчал. Кроме случая, когда в его ногу воткнулся острый камешек.

Затем, что-то приключилось, оба мотоцикла взлетели вверх как птицы и оказались в совершенно непонятном им месте. Множество крохотных машин вокруг, людей и животных. Большая кровать. Окно и невероятно много света. Это была комната маленького мальчика. По ночам на потолке мигали тонкие точки от ночника, представляя собой звёзды, а внутри

огромного глобуса из песка и мха, крутилась планета и их обитатели, занимаясь одним и тем же каждый день, образуя пустыню. Они были белками в колесе бегущими по кругу. Позади глобуса сидел мужчина и о чём-то говорил, напротив него сидя смеялся мальчик, держа одного из коней с мотоциклом. Они озвучивали персонажей игрушек. И тогда мотоциклы поняли, что мира нет, что их жизнь выдумана, а их голоса — это голоса кукловодов. Что понимание их понимания, это понимание мужчины и мальчика.

Игры. Жизни. Судьбы. Конец. Смерть.

Один мальчик сдавал анализы в больницу по указу классного руководителя, и поставил их в холодильник, чтобы забрать на следующий день, а утром папа съел их, подумав, что это шоколад и превратился в поностра. Впитался в стену и прошёл между атомов к соседям, проглотил их, а те, удивительно чего с ним стало, попали в мир вони и удушья. Глаза щипало, глотка прыгала в агонии, пытаюсь вытолкнуть исчадие нечистот.

Этот мир был фантастическим местом, на улицах гуляли фашисты в противогазах и снимали их у обычных людей, пытающихся выжить, а те падали на мокрую, грязную землю, рыдали, глотали воздух, пытаюсь что-то выговорить и крепко держась за своё горло, погибали.

Из трупов вырастали деревья и очищали воздух, благовониями персика и яблок. Пока листья испускали аромат, тем временем вместо плодов, из цветков вырастали фашисты, целью которых было убить больше обычных людей, чтобы больше людей стали деревьями и облагораживали планету, очищали мир от вони.

Фашистские плоды падали на землю и катились по ней, родившись сразу с антидотами в крови против зловония и удушающего яда, яростно ели опавшие листья и вырастали в убийц. Вечером все они собирались в стаи около костра и обсуждали сколько людей смогли посадить в почву и сколько из них выросли в союзников и сколько в последующем их сыновья убили обычных жителей. Пламя горело горячо, прямо жгло до костей, и жарились на них умершие тоже вполне хорошо. Их ноги и руки покрывались золотистой корочкой, и фашисты снимали противогазы и принимались за трапезу, обглаживая кости. В каждом противогазе был отсек куда можно было кинуть еду и прожевать, у тех, кто ещё не мог терпеть запахов гнили, что было довольно удобно.

Засыпая, фашисты мечтали о убийствах, а утром же первым делом догоняли простых людей на улице и вонзали им вилы в спину и штыки в глаз, затем вытаскивали их из всё ещё живых людей, опираясь и отталкиваясь от тел. Некоторые из очень плохих фашистов не только забирали противогазы у людей, но ещё и вставляли в их рот тухлые части тела уже давно умерших, чтобы те мучались ещё больше и отрезали части тела.

Вполне было ожидаемо ждать, что мир уже не будет таким, как было раньше, и, вонь потихоньку стало отступать и планета начала покрываться запахом цветов и деревьев. Казалось, для убийц нет никаких занятий, и они начали убивать друг друга. Жители прятались. А вскоре, обычных людей стало настолько много, что они начали выбегать из укрытий и истреблять фашистов сами. Били кувалдами по головам, расчленяли, отрубали топорами пятки. После смерти те становились кустами, а на ветках образовывались ягоды, из которых рождались обычные граждане. Те, кого они убили.

Было так в этом мире, что тех, кого убиваешь, не убиваешь до самого конца; их души вселяются в убийцу и попадают в плен, обитают там.

А потом...

Неожиданно небеса раскрылись, в глаза жителей ударил свет, и всё затряслось, на них смотрел мальчик. К ним начала приближаться рука его, а в той руке ложка, он взял кусочек их мира и поместил в колбу, закрыл крышку и кинул в холодильник. На ногах устоять невозможно, всё тряслось и разваливалось.

И оказалось в конце, что они бактерии, а фашисты злые микробы в кишечнике человека. Деревья ничто иное, как часть микрофлоры, ворсинки. Однако это не отменяло того факта, что все они были живыми и чувствовали, что они незаменимы в их маленькой галактике. Так могло бы быть, если бы они не были крохотной частью мультивселенной, где есть те, кто страшнее и сильнее. Настоящие люди, внутри которых они жили.

Фашисты и люди объединились, желание убивать ушло и сейчас единственное, что им хотелось, выбраться из колбы. Они прислонялись лицами к стеклу и смотрели во внутрь холодильника. Здесь были свободные. Они бегали по стенам, прыгали с потолка, летали и казались счастливыми, ведь они были по настоящему свободны, даже не зная того, что заперты. Никто их не помещал внутрь стекла, не отрезал от родных земель, это их планета, их огромная вселенная. Хочешь запрыгни на кусочек торта и наслаждайся, а хочешь на сельдь, и танцуй.

Между тем, дверца открылась и на них смотрел бородатый мужчина, вытянув руку он улыбнулся и быстрыми шагами побежал к дивану, смотреть телевизор, набрал в руку столовые приборы и тарелку, выклат из колбы целый крохотный мир, и, что даже удивительно, съел их. Фашисты чувствовали мир вони, они жили здесь, но даже им казалось, что это отвратительно. Однако, отец школьника приболел коронавирусом и потерял нюх. Неудивительно, что ему хотелось осязать языком вкус, печально, что не смог.

Вскоре спустился мальчик, увидел на столе открытую, валяющуюся колбу, и посмотрел на отца, тот облизывал ложку и улыбался, при этом приговаривая, что он успел первым, значит шоколад его. Мальчик лишь упал на кресло и огорченно сделал вздох полной грудью.

— Идиот ты, папа. Совсем идиот.

Лишь в недоумении взгляда сына от прочувствовал грусть и понял, что сделал что-то плохое и взял колбу. Его стошнило. Схватившись за голову мужчина побежал и ударился об стену и упал, потеряв сознание. Ему снилось, как он влетел к соседям превратившись в монстра, и поглотил тех.

Не более получаса продолжалась его галлюцинация, пока сын не разбудил отца. Недоумение читалось не только на лице сына, но и отца. Они сидели молча. Затем отец встал и вышел к себе на комнату, закрыв двери, а сын ушел в больницу без анализов. Он что-нибудь придумает. А что случилось дома, их секрет.

Глава 46 Поезд-червь и иные виды

Гиперзвуковые черви поезда пронеслись рядом с мраморными лестницами ведущие ко входу в библиотеку душ, поднимая осенние листья с асфальта; ни имея ни колёс, ни рельсов. Черви ни разу не задумывались о том для чего они жили, и люди садящиеся к нему в брюхо ни разу не думали о том, куда они едут; у поезда был свой маршрут. По пути его следования, однако же, были небольшие приподнятые кормушки с поилками, чтобы те останавливались и ели, и между тем, люди выходили и садились в него. Вечером, когда сумерки опускались на город, червь включал флуоресцентные фары внутри глаза и направлялся в стойло, где спал до того времени, когда сон покинет его. Рано утром, приняв душ под росой, которая образовалась за ночь из-за обильных осадков, направлялся в поле для кормёжки.

Разумеется, люди пытались приучить поезда для того, чтобы те приходили за едой к ним, садиться в них и путешествовать по планете, но всё же, червь ел не только то, что предлагали люди, но и то, что ему нравилось больше; скомканные, мокрые газеты, картофельные очистки, и хлебные крошки упавшие с края губ великана, завтракающий на том поле сидя за громадным столом из самого большого и крепкого ясеня.

Несмотря на то, что червь развивал колоссальную скорость для такого тела, как у него, это требовало бесконечного количества энергии. Изредка, конечно, если утром до пробуждения червя, человек успевал взобраться к нему на голову, пристёгивался на специальном сиденье, разумеется, он кормил поезд при езде, а стоило опоздать на пару минут, червь не ждал человека, а отправлялся пастись в разные места разбросанные по планете один.

У червя, надо полагать, не всегда была работа плыть по течению и слушаться людей, бывали такие дни, когда поезд мог устроить себе выходной закрывая двери в брюхо, и отправлялся в библиотеку душ.

Здесь было изобилие книг и умерших, которые могли поведать ему о том, что не знали живые. В библиотеке червь научился грамматике, а так же, виртуозно и филигранно дискутировать на разные темы. Так, сидя за столом, поезд мог заговорить с давно почившим Стивеном Хокингом о строении вселенной, о дырах в космосе, что вели корабли в иные галактики. А в другое время, начать беседу с Марией Склодовская-Кюри о вреде радиоактивных элементов для организма. Червь удивлённо разевал рот и вслушивался в каждое её слово. В третьих же, червь мог играть в шахматы с Курт фон Барделебен, покончившего с жизнью спрыгнув из окна. Червь вслушивался в его слова и переставлял фигуры, а при проигрыше, оппонент бранился на немецком. Умершие, однако же, не помнили, как их настигла смерть и почему, но навыков получившие при жизни не теряли. В этом и был интерес библиотеки душ, она хранила в себе множество знаний.

Впервые в библиотеке душ, червь научился быть человеком и отвечать добром на добро, и чувствовать жалость и стыд. Надо признать, что и до того, как червь проскользнул по дороге и поднялся через мраморную лестницу в обитель знаний, он знал о доброте немало, но среди книг червь понял истинное значение этого слова.

Так, выходя из дверей, поезд выглядел счастливым, кожа становилась румяной, а тело сокращалось медленно. Червью не терпелось помочь людям наполнившись в библиотеке душ умиротворением.

Горожане любили поезда, это давало им возможность увидеть невиданные просторы

своего мира. На обед у людей было тоже самое, что ел червь, а те, кто принёс еду с собой, вполне мог употребить и их, а остатки отправить в небольшой отсек желудка, где поезд получал калории и энергию для передвижения. Орган сокращался и переваривал пищу.

Бывало, развив скорость выше звуковой, поезд мог пролететь над озерами и морями, попутно проглатывая выбрасывающих себя на поверхность рыб. Из брюшных окон открывался фантастический вид на облака и горы, на обилие флоры и фауны. Например, если взглянуть через правое окно червя расположившегося у него ближе к центру, то можно увидеть щипающих морскую гладь антилоп, а если быстро перебежать на левую сторону, то можно увидеть плывущих рядом с поездом морских-козлов наполненными молниями. В тоже время по небу летали фламинго, окрашивая небо в ало-пурпурные цвета, играя наперегонки с павлинами.

Волны поднимались высоко вверх, образуя стены, из которых выныривали дельфины и купающиеся великаны, охотящиеся на них, чтобы прокормить семью. Однако, эти существа не применяли никаких орудия, а ловили тех руками. Поезд мчался к солнцу, великан даже не мог среагировать на такую скорость, оставаясь позади и наслаждаясь увядающим днём. Бывало, что энергия червя заканчивалась в самое неподходящее время, и он начинал гладить поверхность воды брюхом, люди внутри него не паниковали, и отправляли всё что у них было в рюкзаках в отсек желудка. Измотанный и вялый поезд приходил в себя и за миг добирался до ближайшего острова и падал от усталости.

Люди выходили из него, словно случилась катастрофа, однако, они знали, что такое происходит очень часто. Они брали в руки всяко-разную посуду, которую приносили с собой, и утоляли жажду поезда очищенной водой из озера; такой остров непременно оборудовался чистым напитком, фильтруемые через устройства расположенные по всему периметру местности. Затем люди мыли поезд, кормили его плодами найденными в глуши острова, газетами, что были вычитаны до дыр ещё по пути сюда, и поезд, встав, благодарил их за заботу и они уезжали в другие уголки планеты, где они ещё не были. Поезд и сам обожал находить что-то новое и ценное для себя.

Бывало, конечно, когда поезд останавливался в самых опасных местах, где по полю ездил не только их состав, но и куда более опасные. Не было здесь простора к тем, кто задерживался на полях надолго. Шмели любили нападать на червей и съедать их, всяко-разного вида птиц сбрасывались с высоты пытаясь утащить поезда в гнездо. Однако, червь успевал побороть усталость и прыгнуть на десяток сотен метров вперёд. На нём лежал груз ответственности за тех, кого он приручил. Лишь тонкий визг оставался позади от недовольных коршунов и жужжание взбешенных насекомых.

Конечно, несмотря на то, что флуоресцентные глаза помогали передвигаться и ночью, преодолевать более обширные территории, заметить что-то заранее не предоставлялось возможным. Поезд делал остановку и засыпал в каком-нибудь лесу, среди высокой ещё нескошенных великаном-фермером травы. Утром гул и охалка разговоров будила поезд, и он наблюдал, как люди выходили наружу и принимали душ в каплях росы и чистили зубы. О чём только не было разговоров, и о том, как пиявки высасывали кровь у людей и сдавали их в госпитали, чтобы спасти умирающих, а бывало и случаи, когда дискуссии велись и по поводу того, что великаны однажды схватят их или раздавят, как блох.

Без всякого сомнения, этих существ было почти нереально заметить, они прыгали постоянно в неизвестность и были пугливы. Некоторые люди смогли приучить лишь наименьшее их количество из бесчисленной бесконечности, чтобы мигрировать в ещё не

опустошенные города. Но, однако же, что было даже ещё более печальнее, чем их не видеть, это потерять блох по глупости, забыв привязать. Блох можно было из-за человеческой рассеянности не видеть с десятков лет, а то и никогда. Такие насекомые были несчастными гостями на земле, они обитали над ними; в волосах великанов, в шерсти буйволов или в перьях стригов.

Затем люди собирались, завтракали, приводили себя в порядок и были готовы ехать дальше. Экскурсия протяженностью в жизнь.

Поезд червь трогался с места после сытного переедания, что было больно, но терпимо, и приводил мышцы в движение; поднималась пыль, листья от деревьев разбрасывало по сторонам, грязь с земли, особенно после "мокрой" ночи, подпрыгивала на стволы деревьев, и место ночлега было далеко позади.

Некоторые смысленные люди, от скуки или от чего, любили озвучивать всё то, что происходило за окнами поезда. Так, один из них видел, как сом выходил на берег, скидывал с себя кожу и становился енотом, а в другой раз, человек изумлённо проговаривал, что стрекозы сбрасывают личинки муравьев по полям. Для чего такое понадобилось стрекозам, однако, никто не знал. Затем человек вещал, как в небе появился аллигатор и съел несколько звёзд, что непременно было бы плохо, но это было где-то в другой галактике. Вскоре к хору криков в салоне поезда людей вклинивалась с дюжину чужих, нечеловеческих голосов. В это время поезд-червь проезжал через болото усопших в мучениях.

Вскоре, нагоняя солнце по тропам пустоты, звезда начала убежать сильнее, с невыносимой скоростью. Это продолжалось всего несколько минут, но хватило для того, чтобы наступила ночь, а на небе зажглись далёкие планеты. Ночью особенно было приятно находиться из-за одного явления. Из-под земли вылетали сияющие медузы, переливающиеся в розово-фиолетовые цвета, при этом мигая ядовито-зелёным. Некогда, днём, они были белыми грибами. Явление или чудо, как хотите называть, можно заметить лишь в этой части планеты, сюда мало кто добирается, однако, их свет разносится по всей окрестности.

Вместе с медузами, как вещал человек в салоне поезда, из куколок муравьев начинают вылупляться существа. Да, эти существа никто иные, как муравьи, но не обычные, а самые настоящие гениальные представители своего вида. Они собирают цвета в шкатулки и освещают ими свои дома, придавая умиротворение и уют спящим малышам, при таком свете они вырастают умными и сильными. Такова сила цветов медуз. Затем же, когда луна укатывается вниз по склону, муравьи входят в свои коконы и закрываются, за ними прилетают стрекозы и улетают. Конечно, иногда стрекозы умирают по пути в поля медуз, и тем муравьям, которым не повезло задержаться здесь, не остается другого выбора, как существовать в одиночестве. Таких муравьев поезда жалеют и принимают к себе в брюхо, чтобы и они могли увидеть цвета всего мира, а не только одного единственного.

Муравьи же, стоит заметить, тоже умеют не только разговаривать, но и что-то как-то ещё и мастерить, что мы уже заметили по шкатулке в руках одного из них. Так было положено судьбой, так и стало быть в судьбе муравья, что собирал цвета он для поезда, а не для своих собратьев. Он отпирал щеколду шкатулки и наружу вырывался свет. Внутри всё окрашивалось в радость и покой, люди улыбались, а поезд переставал слишком сильно гнаться за временем и притормаживал, от чего за окном часто открывались неизведанные чудеса и волшебство этого мира.

Среди подсолнухов гуляли люди, такие же, как сидящие в салоне поезда и собирали семечки. Не обычными были семена, а удивительными. Стоило посадить такую семечку в

горшок с другим видом растений, к примеру, с косточкой персика, из земли вырастали животные. Их окрас был персиковый, а семена подсолнуха давали разум; в каждом таком находилась уникальная личность. С того быть и учились те звери говорить по книжкам и ходить в школы и университеты, чтобы получить знания и навыки, чтобы стать немаловажной частью общества. Цапли преподавали физику, ласки гимнастику, пантеры здоровый образ жизни, а некоторые открывали своё юридическое агентство, например, филины.

А прямо за полем, далеко за горизонтом, несколько десятков километров позади, в пустыне великаны занимались сумо. Вокруг сидели другие, аплодировали, из-за чего по планете гулял ветер от хлопков, сбрасывая жёлуди с дубов. Жёлуди падали, лопались, и из них выходили крохотные люди, с головой из крышечки, и ногами из плодоножки. Они зевали и устремлялись к дубу, поднимались на дерево, вставали на листики, смотрели вдаль что-то меряя, потом глядели вниз и подняв стебли вверх начинали крутиться, как сверло и прыгали вниз; вонзались в землю и исчезали под ней. Вскоре в этом месте вырастал новый дуб.

Красный бархатный осенний лист летел сквозь измерения в поиске места для жизни. Ни один из его собратьев не верил успеху приключений и падали где-то там, у себя, и сгнивали под ливнями, как последние из своего рода, пока наш герой мчал в неизведанное, чтобы оставить после себя не только след, но и потомство.

Упав на планете, где царил хаос из ничего и много чего, осенний лист расправил руки во все стороны и поприветствовал мир, затем, обернулся, чтобы рассмотреть ту местность, где ему посчастливилось оказаться. Ничего необычного здесь не было что не видел бы бархатный осенний листок, всё ему было знакомо, как пять на тринадцать. Из-за горизонта бежал каменный волк с выпирающим позвоночником из скал на которых сидела обезьяна погонщик. Волк казался огромным, едва ли не подпирая головой солнце, пока не приблизился к листку и не стал по колено. Бархатный погладил его по гриве и сел на него по приглашению мандрила и они устремились за горизонт кривых дорог.

Невольно по воле осеннего листика, волк замедлил ход движения своего и споткнувшись упал в нору к леопардовой кобре, где по вечерам устраивались дискотеки и на стол накрывали ядовитые одурманивающие напитки. Без спотыканий сюда было попасть почти невозможно. По всей округности норы торчали едва заметные отростки палок; непременно кто-то обязан был в них споткнуться. Разумеется, во время дискотек, красный осенний лист морщил взгляд, листок не умел танцевать. Ему включали вентилятор, который сам направлял танец в теле в нужное русло, и бархатный тотчас научался быть частью общества, и умело овладевал танцем тектоник.

Вскоре, танец приходил к своему конечному заключению, электрический угорь к которому была подключена вилка от вентилятора и музыкальных установок, разрядился, и ушел спать в тазик с водой, а за стойку пришла хозяйка вечеринки. Леопардовая кобра была из себя удивительным существом. Тело тонкое и длинное, а по низу брюха не меньше восьми ног. Конечно, было у неё и рук немалое количество, целых два, ими она чесала задницу и наливала выпивку гостям. Когда те засыпали без сил, кобра проходила сквозь тропы между столами и выпивала по чуть-чуть крови у сидящих, затем причмокивая кивала головой и вытирала носовым платочком губы; игриво зевала и заглядывала в карманы, ища там нечто для себя полезное. Затем принимала позу скарабея, прильнув телом к полу и ползла в тонкую струю водопада из потолка, на водное дерево. На каждой ветке водопадного дерева росли икринки рыб в которую кобра колола яд из зуба и готовила из них напитки для посетителей.

Только осенний лист не пил и даже не решался на такое действие, один глоток влажного делало из него комочек вялой никчёмности; бархатный воздержался.

Волк с обезьяной спали, будить их не было необходимости, и, лист взобрался по лестнице на поверхность, вытер пот с лица и пошёл пешком в места, куда глаза глядели; за то время пока он находился внизу, выпала роса. Лист был настолько тонок, потому глаза

могли видеть по обе стороны, и зад, и перед. Это порядком помогало бархатному листку прятаться от неминуемой опасности, лечь на землю и притвориться мёртвым. Однажды лев ушёл пометив его по лицу, и лист переставал быть мёртвым с тех пор, дав предпочтение переговорам. Несколько дней лежал он затем на поверхности, пытаясь высохнуть.

Не можем сказать, что бархатный отлично справлялся с переговорами, но били его на своей планете на один удар меньше; возгордился тогда лист, что стал самым дискуссионным осенним листиком во всей вселенной, и чувствовал себя важной шишкой. Заходя в магазины перемен, где продавали шубы времён года, лист шуршал пуще прежнего и требовал отдать ему одежду за просто так, мол; "Вы что, меня совсем не узнали, это ведь я, переговорщик?" В магазинах перемен его всегда били на десять раз больше.

Конечно, существовали на той планете и полицейские, органы управления властью, и у каждого из них была бутылочка воды с распылителем. При разговоре с ними, бархатный листок удалял из своей памяти переговорщика, и уделял полное уважение баллончику воды.

В обе стороны лист осенний не мог направиться, он хорошо об этом знал, потому ушёл в ту сторону, куда глядели крохотные ножки. Преодолевая скалистые местности с гиенами-гармошками, что пели оперные песни сороковых, поля с гранатовыми одуванчиками, от одного прикосновения которые падали и взрывались, через маковое озеро, что лопались и из них выливалась нефть, наконец-то бархатный красный добрался в место, где ему показалось будут рады. Племя растений.

Вожак племени, желтый кактус, поприветствовал незнакомца и предложил тому пройти в шатёр-теплицу. Бархатного окружили Эшшольции, Пионы, Крапивы, Папоротники, Астры, Ромашки, Фиалки и множество других видов, и все были настроены с добрыми намерениями, однако, не стоит радоваться заранее, ведь вскоре, зайдя в шатёр, осенний лист понял, что такой климат не подходит ему. Бархатный промолчал, завял, припух, и начал невнятно разговаривать, и нашёл причину в том, что ему не хватает воздуха. Его провели на улицу, где ветер обдувал его со всех направлений, и лист начал приходить в себя. Затем ветер делал передышку, смачивал горло и снова принимался дуть.

Кактус поинтересовался с каких мест прибыл лист, на что бархатный ответил, что не со здешних, и рассказал всё, как есть, что повстречал, с кем отдыхал. Пионы вынесли небольшую посуду, налили туда воды и кактус опустил в них ноги, его глаза закатились за череп и он начал зеленеть. Затем кактус посмотрел на красного, припорошил иглы на голове и добавил, что в хорошем месте тот жил, где нет опасностей быть съеденными коалами, роем самураев саранчей или пандами-богомолами.

Бархатный объяснил вожаку, что никаких приключений там и быть не могло, что такая жизнь подобно самой настоящей смерти, что спокойствие и умиротворение губит души, и его собратья сбрасываются с деревьев, чтобы погибнуть в луже после дождя. Кактус понятливо кивал, однако не мог представить всю боль листьев. Он предложил остаться у него в гостях на неопределенное время, на пару, но лист выставил перед ним руку и сказал, что не может, ему предстоит найти дом. В конце, когда растения собрались возле листа,

чтобы проводить его в путь, каждый из них дал ему по семену с головы, и наказ посадить их в разных местах во имя спасения их вида. Затем каждый из них обнял бархатного, попрощался и тот ушёл, изредка оглядываясь за спину, хотя, он и так видел всё прекрасно, и исчез за холмом черепаховой спины.

Семена были не столько тяжёлыми, сколько лёгкими. Бархатный разбрасывал их при каждом удобном случае по пути следования. Некоторым из семян не очень везло, их съедали кроты и сколопендры, а те, что остались, вскоре, пока лист шёл к другой тропе, вырастали и убегали от преследователей.

По тихому по малому, осталось одно семя, самое дряхлое и старое, и чуть больше, чем остальные. Пройдя пару шагов навстречу статуи на лугу пустоты, что спорили о том, кто из них быстрее заполучит ноги и уйдет отсюда, бархатный осенний лист посадил семя в норку в земле и упал на зад. Сначала появилось небольшое, похожее на сорняк растение, напоминающее клевер, затем она разрослась и снизу её вытолкнул ствол дерева. Оно начало приобретать формы человека и стало пугалом. Вместо головы у него росло дерево бонсай, а руки представляли собой стебель кукурузы. Пугало зашевелилось, повернуло голову и направила взгляд вниз. Лист шелохнулся от неожиданности. Миг спустя, все листья с головы пугала начали опадать, и покрыли весь луг, свернулись в шар и исчезли под почвой. И всё повторилось вновь, с тех листьев выросли пугала и так же, они начали опадать. Однако у этого существа был свой цикл жизни, и после семи таких действий, она переставала опадать и приобретала спокойствие.

Пугало не умело разговаривать, но всё прекрасно понимало. Бонсай прекрасно впитывал в себя слова уносимые ветром в его сторону, и так, приобретал знания, так бонсай разговаривал с окружением, только так бонсай узнавал события во вселенной. Если ветер не дул в его сторону, дерево не слышало.

Бархатный вставал и отряхивался от пыли и прощался с бонсай; он сделал всё, что от него потребовали растения. Лист похлопал пугало по палке в земле и ушел. По пути по которой лист шёл, катились броненосцы и дикобразы, они ничуть не обращали на него внимания, в через пару часов на встречу осеннему листку повстречалась горилла, что несла на спине слона в медпункт к филиппинскому орлу. А переходя через мост молочного озера, листу помахал рукой гавиал. В конце моста, на крохотном пне из черепа тамарина сидел Рокселланов ринопитек. Удивительно красивое существо, которую бархатный никогда в жизни не видел.

Что-то, но вот чего лист не ожидал встретить по пути к горизонту, это китоглава. Он смотрел на него пристально, кашлял и что-то размышлял про себя, затем дотронулся крыльями до листа, подтянул шорты и загоготал. Удивление был шок, как лист может быть живым. Надев очки, китоглав поклонился и улетел. А по небу радуга, по ним молочные коктейли разных вкусов.

Чуть пробежав по пустыне, лист почувствовал, что его колени начали меньше

разгибаться, и, бархатный устремился к озеру, где обитали караси каратисты и киты повара. Задыхаясь, лист хлопнул по столу и потребовал брызнуть в него водой, иначе он не сможет за себя отвечать и всех тут раскидает налево и направо. Кит стукнул ножом по столу, тот разлетелся в щепки, и бегемот принёс новый, и повар поставил стакан воды. Лист бархатный осенний намочил в них руки и растёр себя. Поблагодарив кита и всех рыб, особенно бегемота, который после прощания перенёс его через озеро на другую сторону указав дорогу на которой находится ближайший город, осенний бархатный расплакался от доброты местной фауны. Если бы не тряпка повязанная на голову, лист мог бы иссохнуть и остаться здесь. Дай бог его кто-то найдёт и спасёт, но страшно было быть закопанным под дюнами, что огорчало осеннего бархатного сильнее, чем что-либо ещё.

Солнце стучало пальцами об пальцы и нещадно издевалось над осенним бархатным листом, желая прибегнуть к мумифицированию.

Однако, везение второе имя листа, в тот миг отчаяния, когда уже казалось, что ничего не спасёт его, из-под песка выпрыгнул скорпион, и остановил осеннего. Его ядовитые восемь щупалец смотрели на него готовые ужалить в любую минуту, клешни стучали, глаза безжалостно сверлили взглядом. Сначала лист испугался, но затем скорпион улыбнулся, меркзо и ужасно, и предложил довести осеннего до города, ведь здесь водятся опасные виды животных. Так оно и было, стоило им только тронуться с места, как за ними откуда не возьмись появились гусеничные чайки и грифы. Едва не схватив их, грифы отступили перед городом, откуда выехали тигры пулеметчики и медведи пушкари. Лист был в безопасности. Постучавшись в огромные ворота, те отварились и они вошли в город. Мер поселения вышел навстречу осеннего листа увидеть храбреца; мало кто мог добраться сюда, особенно по пустыне. Лис улыбнулся, похлопал бархатного по спине, тот подлетел и приземлился на голову мера, затем спрыгнул, и они пошли в тронный зал давно почившего короля. Двери в зал закрылись, и по сторонам встали воители, накаченные атлеты-носороги в доспехах.

Горожане стояли снаружи и смотрели; в то мгновение, как лист вошёл в замок и ворота закрылись, замок схлопнулся и исчез в пространстве, переместившись в другое измерение. А вот что произошло дальше, мы узнаем в новых главах. В одной из совместных историй предыдущих и будущих вселенных.

Геркулес смотрел на смертных и был удивлён их глупостью. Как те ворчат, желают стать кем-то другим, мечтают о славе и почёте. Ему бы жизнь людей; спокойная, беззаботная и размеренная, радостная. Геркулес часто думал, как бы ему хотелось завести семью, лечь перед окном на кресло, укутаться пледом и смотреть фильмы о природе. Наблюдать, как по небу плывут чайки коммунисты, а по морю летают косолапые акулы. Идеальная жизнь; ни о чём не волноваться, работать, приходить в избу и отдыхать, есть приготовленную женой еду и недовольно ругаться с соседом, закидывая его Мандрагорами.

Геркулес желал любви и мира, но отцы всегда отправляли его на всяко-разного вида геройства и подвиги; то кентавра задушить, то минотавра загнать обратно в лабиринт, то змею из лоцины отыскать и отрубить ей голову. К чёрту всё это... Когда придёт покой? Он не знал. Мойры никогда об этом не вещали. Плели нити судьбы и молчали.

Герой из легенд знал, что у него есть сердце и оно чувствует, болит так же, как и у людей, что в черепе точно, без сомнения, есть мозг. И, он точно знал, что у него имеется собственное мнение и он может решать, что делать с судьбой; предназначение создавалось мыслями и действием.

Однажды, так и приключилось, Геркулесу надоело то, как к нему относятся; он был игрушкой в руках мира сего, богов; вещь, которой можно раскидываться и не считаться с мнением. И, вероятно, никак иначе, отсюда начинается наша история вселенной пятьсот семьдесят семь, где Геркулес становится эгоистом. Запирает женщин в избе и бьет розгами, если те не будут слушаться и подавать по утру кровь коз.

Однако же, автор шутим шутками. А дело было так...

Утром, (нет, кровь никто никому не приносил, в этом печаль истории), когда дом Геркулеса разрушил огромный огнедышащий ящер — герой ел кабана. Дракон воспылал огнём, покрылся пламенем, желая убить греческого полубога. Геракл упал ниц перед ним и взмолился о пощаде, едва сдерживая слёз, что, как и полагалось, дракон не ожидал. А что тут ожидать, они же встретились впервые. В легендах и писаниях никчёмных людей, как считал дракон, Геракл был кровожадным и беспощадным убийцей. Оттого он и обомлел. Откуда же ему было знать, что полубоги трусливы? Неоткуда. Пламя погасло, дракон сел на корточки заговорил войдя в беспомощное положение бедного Геркулеса.

— Прости, — прошипел дракон, — Твои отцы приказали мне... убить тебя до того, как... — закидывая в рот скрученных, жареных фей.

Не долго же ему однако пришлось открывать рот, Геркулес молниеносно прыгнул, как сверчок нагоняемый саламандрой, и схватил дракона за гриву и разорвал напололам хребет, а затем пожарил сердце на пламени самого монстра и съел, впитав силу его. Впервые, Геркулес узнал, что имеет способность поглощать силы тех, кого уничтожает. Знал бы он это

в те времена, когда совершал двенадцать подвигов, не было бы равных ему ни на Олимпе, ни на Нифльхельме, ни на Брахмапуре и ни на Шибальба. Не стал бы полубог выполнять приказы олимпийцев, подвергая себя опасности. Впрочем же, опасности подвергались те, на кого Геркулес нападал. Не было ему равных в рукопашной схватке. Титаны млели пред ним и склоняли головы в знак уважения и почёта.

Представьте себе, каково было удивление олимпийцев, когда в один прекрасный день; в ту пору пегасы летали и ощипывали облака, а зайцы вычисляли траекторию полёта морковки в норку, Геркулес разорвал саму материю пространства и отправился в другие измерения. И диву его удивления был шок на той стороне мультивёрса. Мир огромен и до бесконечности разный. А сам Геркулес никчёмное существо блуждающее в нигде и никогда. Память былых заслуг.

Он узнал, что в других мирах никто и не видел богов, что эпос, это лишь легенда, и даже мысли о самом существовании способностей и богов, считалось фантастикой. Спустившись на землю, полотно которой представлял собой растленный живой организм, словно лениво развалившаяся пиявка, что чувствовала кто ходит по ней, полубог зашел в придорожное кафе около поля поющих лягушек, и сел за стол.

Босоногий Осёл подошёл к нему и выпучивая все белоснежные, очищенные кислотой дешёвого пойла в этом заведении зубы, пробормотал что-то. Геркулес не расслышал. Все звуки вокруг начали исчезать. Затем же он почувствовал, что кто-то влез в ухо и пытается нырнуть поглубже толкаясь крохотными ножками, пинаясь об стенки. Геркулес схватил существо за ноги и вытащил из уха. Это был Лепрекон. Частенько такой крохотный монстр залезал в голову живых существ и съедал их личность, при этом, стоит заметить, становился той личностью, у которой съедал душу. Если бы ему удалось сделать нечто подобное с Геркулесом, то Лепрекон несомненно воспользовался бы всеми способностями его тела. То и дело попадёт в другие вселенные и устроит хаос.

Совсем забыли предупредить, погодите... Геркулес на то и был героем, что при случае, если бы кто-то смог завладеть его телом, или вселиться в него, внутри полубога жила Мантикора, помещенная туда олимпийцами. Один удар ядовитым хвостом мог убить даже Титана. Ну, Лепрекон же не знал, он же глупый. Никогда ему не доводилось видеть полубогов. В некоем роде Геркулес даже спас его от смерти. При вытаскивании Лепрекона, тот сжимал в руках ушную серу, и, увидев, как герой заметил это, существо быстро завернуло его в внутренний карман пиджака.

— Моё! — зашипело наглое существо.

— Фрэнки?! — игокнул Осёл, — давно не виделись, новыми делами промышляешь?

— А тебе то что, Герберт? — плюясь слюнями продолжал Лепрекон, — лучше бы отвлёк его!

— Всё что было в моих силах, я уже сделал. Отвлёк его внимание от твоих топотков.

— А ничего, парни, — вмешался Геркулес, — что я здесь и прекрасно вас понимаю?

— Ну, и чёрт с тобой! — запищал Фрэнки, — немедленно опусти меня на стол! — Геркулес не стал противиться. Что он сделает ему, великому олимпийскому полубогу?

Из-за спины Геркулеса вышел измазанный в грязи и саже чёрт. Взобрался на стол, упираясь копытами за невесомую лестницу, схватил Лепрекона за скрученные уши и приподнял.

— Гореть тебе в аду, — затем чёрт исчез. Фрэнки шлёпнулся на зад.

— Чёртовы черти! — прижимая ушную серу к груди, — Вспомнишь о них, из задницы появляются! Невесть откуда!

Геркулес не понимал зачем какому-то Лепрекону драться за какую-то ушную серу, дорожить ею и прятать.

— Между прочим... — Фрэнки сел у края стола, и начал объяснять полубогу, что даёт ушная сера. Оказалось, что такая вещь в этом мире считается за золото. При смешивании с едой одну щепотку серы, и съев, можно было получить силу и ум того, у кого оно было забрано, однако, всего на три минуты и не более. Чего вполне хватало, чтобы убежать или подражаться.

Затем Геркулес присмотрелся на банки напротив. Его смутило увиденное. В банках стояли высушенные тельца Лепреконов. Однако, Фрэнка обошла эта участь. Заметив взгляд героя, Лепрекон усмехнулся.

— Вот что бывает с теми, кто злоупотребляет своими способностями.

В дверь вошёл слон и семеро его приятелей; коала, пингвин, барсук, крыса, гиена, креветка и муха Цеце. Они уселись за детский столик.

— Официант! — закричала муха цеце, — подайте самое вкусное говно!

Неприменно, самым вкусным дерьмом в кафе считалось у осла Герберта, но с недавних пор, им стало дерьмо Геркулеса. Закрыв шторы, после недолгих уговоров, Геркулес наложил еду на тарелку и муха цеце приступила к трапезе. Причмокивая тонкими губами, муха наслаждалась изобилием вкусов в её рту. Облизав тарелку до чиста, цеце взмахнула крыльями, завертелась вокруг торшера у стола и закричала:

— Неужели я в раю?! Добавки! В двойном размере!

Шерстяные носки из галактики двести семьдесят три были теплы, как утренний рассвет у их бабушки на планете трёх солнц. Перелетая с одной планеты на другие, на более холодные, чтобы не забывать согревать себя и, разумеется, не привыкать к хорошему, а быть на волне морозов, как их предки, носки приземлились на поверхность самой безжизненной планеты на которой они когда-либо могли быть. Зубастые гиены изо льда преследовали тех, чтобы выгнать со своих земель, а ласки насквозь промёрзшие от ветров на планете, те, как и все разумные на этой части галактики, пытались схватить и надеть их на ноги, чтобы лапы не примёрзли ко льду. Дни были суровы, а ночи ещё суровей, и лишь немногие из обитателей здешних просторов и дюн из снегов могли себе позволить выжить. Каждое утро, лёжа на айсберге, можно было наблюдать мамонтов переходящие через заснеженные сугробы в сторону далёкого солнца, что согревало эти земли тысячи и миллионы лет назад. Их шерсть покрылась ледяным инеем, а лапы превратились в столбы неподвижной изгороди, но тем не менее, делая шаг за шагом, те столбы трескались и лопавшись опадали на землю, а мамонты продолжали свой далёкий путь к более тёплым местам. Однако, мамонты знали, что делая круг вокруг планеты каждый год, дни не становились теплее, а ночи короче. Они знали, что лишь движение и их сила воли к выживанию согревало их. Только мамонты не могли выкопать нору, чтобы прятаться от пурги, не взобраться на айсберг, чтобы лечь на него и уснуть. Мамонты ели умерших, по крайней мере, тех, кого они могли найти по дороге к лучшей жизни по дороге, животных. Отличий от льда или снега впрочем по вкусу, не было. Стоило раскрыть мамонтам рты, как языки замерзали, а рецепторы умирали и ели они лишь для того, чтобы не погибнуть.

Перелетая с одного ледяного острова на другой, шерстяные носки вились около мамонтов и наблюдали за их циклом жизни. Было удивительно, что живые не умирали. Носкам было очень жаль тех, что в один момент, собравшись на мероприятии в честь того, что они уже прибывают на планете целый месяц, они решились дать надежду мамонтам. Взлетев в один из самых тёмных и пасмурных метельных дней, они схватили мамонтов и полетели в космос, к своим родным местам, в галактику двести семьдесят три, куда худо мало кто мог долететь, и опустились на поверхность. Мамонты, увидев три солнца, заплакали от боли, от боли счастья и упали наземь, впервые за долгое время, и уснули. Много недель спустя, очнувшись, они пошли к парикмахеру и обрились, и было чудно увидеть, что внутри той шерсти жил не какой-то там слон покрытый шерстью, а самый обычный человек. Пятиметровый мамонт сразу же превратился в существо едва ли в полтора метра. В тот самый момент, как мамонты стали людьми, они начали захватывать мир шерстяных носков. Ловили их дедов и бабушек и надевали на ноги, некоторых стирали в пруду и вывешивали на солнце, мучая и издеваясь над ними.

Молодые умы решили дать смелость себе отомстить за своих родных, и полетели в сторону ледяной планеты, опоясали её и направились в сторону солнца, и, планета врезалась в одну из трёх солнц и взорвалась поменяв орбиту солнца, что та покатила по космосу и задела оставшиеся два, и они умчали далеко во вселенную, где затерялись. На планете шерстяных носков наступила ночь, и холод пронзил всех живых существ и убил, став для поверхности планеты скульптурами на которые, через время, разумеется, приходили школьные носки, неокрепшие, молодые умы и любовались захватчиками, смеясь, насколько

они были слабы. Так происходило во многих культурах мира, слабые смеялись над сильными, когда им ничего не угрожало.

Однако же, бог опустил лупу и ухмыльнулся. Что творил поток холодного воздуха вентилятора на балконе в зимний период с жителями подшипника, объяснить было трудно, ведь ни один из тех жителей не удивлялся, почему планет в галактике всего пять, и почему после уничтожения солнца, градус холода не изменился. Всё дело было в том, что бог швырнул их а коробку из-под обуви, потому что ему надоело наблюдать за бессмысленностью шерстяных носков и глупостью ледяных гиен. Закрыв балкон, бог вышел в комнату, оделся и пошёл на работу. Но вернувшись он обнаружит, что мир исчез, а пауки захватили королевство, убив всех обитателей.

Бог закроет кукольный домик и шмыгнёт носом, передвигая статуэтку из угла рабочей комнаты в комнату для жизни, выключит питание, и ляжет спать. Ночью бог будет вспоминать, какой он молодец, что создал симуляцию бога в коробке из-под сыпучего чая, а тот, кого он создал, возомнил себя богом и управляет своими жителями в своей коробке из-под обуви. Ведь тот даже не догадывается, что под балконом лежит кубик льда, который создаёт зиму, а вентилятор, это всего лишь муляж фотографии на которой, якобы крутится вентилятор. На самом деле же воздух создавался дыханием великого бога нависшим над его миром и не более.

Единственным, что было настоящим, это ласка, то есть червяк, которого бог нарядил в шерсть. Откуда же было знать другому богу, что ласки выглядят по-другому, конечно никак. Так, гусеница была червём, а жизнь иллюзия.

Ну что ж, давайте оставим этих бедолаг пока ни не услышали, что всему богом был я, и все истории которые они возомнили своей историей, это лишь моя история и они марионетки в руках автора. Итак, мы улетаем в новую вселенную полных тайн, новых животных и новых возможностей, и имя ему, планета тринадцать, галактики номер четыре.

Планета тринадцать, галактики номер четыре. Скажу вам, что в этой части вселенной не так много чудес, но чудеса на то и чудеса, чтобы одна из новых была куда интереснее, но менее интересная. Противоречия — это часть чудес. По одной причине: всё лучшее сказано, но что уже было, может повториться, а может и нет. Но уверяем вас, она будет не менее увлекательной, может и больше, чем все предыдущие. Ну же, сядьте поближе, мы начинаем предысторию новой вселенной, где, чтобы жить, нужно умереть, а умершие должны жить. Этот никак не относится к истории, но будьте начеку. Мало что в этой вселенной относится к другим вселенным, но автор может поменять своё мнение и всё выше сказанное может стать ложью. Впрочем, история выдумана на реальных событиях. Итак...

В великой пустоши Волопаса, на самой пустой части его, где по законам физики не может ничего быть, есть крохотная песчинка заплутавшаяся при взрыве самой первой нейронной звезды, размером с небольшую комнатную пыль, и не сумевшая покинуть пустоту. Здесь, по самым удивительным обстоятельствам, внутри песчинки расположилась галактика с триллионами планет, на одной из которых живёт вид человеческий отличающийся от нашей лишь одним несущественным нюансом. Эти люди живут после полного коллапса всей вселенной, одиноко дрейфуя в пустоте Волопаса не имея ни малейшего понятия о том, что за их пределами нет ничего. Конечно, триллионы планет с новыми видами существ несказанно радует вид новый, однако, исследуя всё более далёкие звёзды, желая найти новый мир для них самих и узнать возраст вселенной, они не могут знать, что вселенная уничтожена, а они живут далеко в будущем, но однако же, и одновременно далеко в прошлом, от которых зародилась вся вселенная. Не будем расстраивать их раньше времени и говорить им, что все виды во всех мирах произошли от них самих, и когда-то в будущем они уже отправили исследовательскую группу в другие планеты, но... Случайно взорвали свою вселенную, чтобы зародилась новая.

Пока наш мир одиноко дрейфовал в солнечной галактике, где-то далеко от нас, не осознавая самих себя и свою судьбу, обитали другие люди. Чем же они так отличались от нас и почему им важно было найти новый мир, чем им не угодил их? Впрочем, вопрос глупый, ведь в каком бы мире человек не обитал, ему всегда хотелось узнать больше о вселенной в которой он живёт, захватить миры, которые могут, узнать о том, угрожает ли им кто-то или нет. Но самым важным, разумеется, выйти на связь с инопланетными формами жизни и создать с ними альянс, соорудить крейсера способные долетать до ближайших звёзд в тысячах световых годах, узнать о том, как строить телепорты и, как расщеплять предметы, чтобы переносить их в спичечной коробке, а затем собрать их у себя в комнате. Однако, этого они пока не умели.

И, даже несмотря на то, что многие из них давно научились смешивать геном разных видов животных со своими, чтобы лучше справляться с тем, что лучше всего на свете умеют сами животные, никакого ума им это не приносило, ведь единственным умным существом на планете был сам человек. Смешивание людей со зверьми делало лишь вещи куда запутаннее. К примеру, человек сумевший добывать полезную руду из недр планеты, приобретая способности крота землекопа, при этом на долго исчезали под слоями грунта, выискивая себе пропитание в виде червей. Удержаться от желания поесть они просто навсегда не могли, что приводило к ступору всего производства микроэлектроники. Или

люди дельфины, вместо того, чтобы ловить рыбу и кормить землян по четвергам полезными дарами, они могли резвиться с женскими особями своего же вида, оставляя чада голодными на суше. Изредка они нападали на белых акул, били тех, измывались над ними и сами того не замечая, убивали, делая раны на их коже. Впрочем, этот дар моря не исчезал в пучине глубин, и люди дельфины разделявали тех под водой и приносили с собой домой. Случалось это редко, но улова было много.

Взять тех же самых людей львов, они охотились пусть и не самым лучшим образом, лёжа неделями в саванне, и задерживали производство консервных банок с мясом для малоимущих жителей планеты, всё же, временами выходили на убой видов зверей непохожих на себя и съедали большую часть добычи, чего не одобряли руководства заводов, которые их наняли. Для таких зверо-людей отводилось несколько дней на то, чтобы они выполнили норму отведённую для них, в противном же случае из-за долгов, их приходилось уничтожать, другим словом — убивать, чтобы набить норму для выпуска мясных консерв. Однако, такие виды деликатесов не одобрялись министерством здравоохранения. И для убийц были свои убийцы, которые находили тех по горячим следам людьми собаками, и наказывались по всей строгости закона. Им отрубали руки и ноги и помещали за кассу, чтобы те продавали продукты питания. Чего-чего, а люди научились давно использовать оплату без использования рук, прибегая лишь к распознаванию кошелька через сканер глаза, и, так же оплачивая через них. Каждая сетчатка глаза имела свой уникальный рисунок, что давало большую волю для вживления в них крипто кошельков для оплаты товаров. Никаких тяжёлых кошельков и громоздких карточек.

Было бы совершенно глупо не сказать о том, что люди из тринадцатой планеты умели больше, чем мы можем предположить. Пусть они и не умеют расщеплять объекты, и кажутся нам такими же глупыми как и мы сами, всё же, до их технологий нам далеко, как далеко нам до самой близкой звезды.

Одной из самых передовых технологий людей живущих внутри песчинки, это возможность переносить разум умирающего человека в небольшую флешку, которую можно впоследствии вставить в любое электронное устройство и загрузить человека. Он будет жив, будет общаться и слышать, а при должном оборудовании, если решитесь подключить камеру к телевизору, или может в музыкальному центру, и видеть вас. Минусов было много, одним из которых являлось короткое замыкание при отключении электропитания; разум повреждался и некоторое время человек не мог вспомнить кто он и где находится. Люди, разумеется, иногда шутили над своими близкими, называя тех компьютером, которых они создали и внедрили в их код прошлое в котором они были людьми и жили с ними, бегали и ели. Однако и плюс был — это отключать отца от розетки, когда тот начинает причитать и учить, как жить. Это мы относим к самым большим плюсам. Ну что же может быть лучше, чем заглушить того, кто вас раздражает?

Но всё же, вспомним наш мир, где маленькие объекты могут не только существовать и жить, а жить быстрее нас. Впоследствии наша история приходит к такому умозаключению, что планета в той пылице не то что не может выйти из своей галактики, а наоборот, давно уже может, ведь чем меньше был объект, тем быстрее в нём текло время, что впоследствии приводило к тому, что технологии развивались не семимильными шагами, а мгновенно. Это одно из тех противоречий о которых мы писали ранее. То есть, когда мы находимся непосредственно в самой галактике, то время для нас идёт ровно так же, как и сейчас, но стоит нам отдалиться от песчинки и выйти за пределы галактики, как время для нас здесь и

сейчас идёт ровно так же, как и там, однако, находясь здесь, в той галактике время начинает течь быстрее, чем когда-либо и где-либо. Это парадокс. Чем дальше мы будем отдаляться от объекта наблюдения, тем выше будет время необходимое для преодоления расстояния до нас. Ни для кого это не является секретом. Это понимают и сами люди тринадцатой планеты, ведь и они, как и мы наблюдают за миром квантовых частиц.

Но представьте же себе, что весь мир состоит из атомов и молекул, что приводит к мысли о том, что мы, являясь большими для своего мира, атом представляет собой небольшую частицу, которую можно увидеть в самый мощный микроскоп. Однако, что будет с тем атомом, которую мы поместим в галактику с триллионами планет, будет ли атом уменьшаться до самих законов той вселенной и становиться относительно таких же размеров, как и для нас, или она будет размером с планеты и звёзды той галактики? Как устроен мир квантовых частиц в четвёртой вселенной? То есть, одним понятным словом, атом может быть разным в зависимости от места, где существует? Вероятно. Иначе же, нет никакого смысла в размерах разных атомов в разных мирах, и люди на той вселенной существуют вовсе не из атомов, а из нечто другого, куда меньше. И из чего состоит сам атом, если атом есть всё вокруг? Следовательно для самих атомов есть ещё более меньший атом, который их создаёт. Об этом вопросе задумались люди из пустоты Волопаса в крохотной галактике внутри песчинки.

И однажды, сидя за столом, человек увидел, как в космосе случился взрыв. Жители той галактики отправили бомбу на соседнюю планету и та взорвалась, и по цепной реакции все планеты внутри галактики начали лопаться, а песчинка надуваться, наполняться, в последствии образуя большую звезду, которая взорвалась. Люди узнали, что планеты это атомы при прикосновении на которых атомами других планет, те взрываются.

Свою планету люди, разумеется, защитили еще до отправки бомбы, размером едва ли с горох, чего хватило, чтобы уничтожить целый мир. Стоило им оказаться со своей планетой снаружи, как их планета начала расти и приобретать относительность другой вселенной на которую они попали. И люди поняли, что, чтобы попасть в ещё более продвинутую вселенную и найти создателя всего этого, им предстоит развиваться ещё несколько тысячелетий, чтобы взорвать планеты и звёзды и на этой вселенной, чтобы оказаться в наружной, пока они не найдут властителя. Конечно, им так казалось, но кто же из них мог знать, что богов не существовало в другой вселенной. Они даже не думали о том, что их бог сидит на луне за своим дубовым столом, на тёмной стороне, со светильником, и пишет о них. Люди не придавали значения тому, что творилось у них под глазами, почему при взрыве целых галактик, луна оставалась с ними и не была уничтожена, как и все другие.

Вскоре, как и бывает с изобретением новых технологий, люди разбили атом об атом своего тела и стали людьми способными управлять потоками атомов в своём теле, менять реальность, вещи, создавать иллюзии, изобретать целые невообразимые устройства. Это, люди назвали бы бессмертием, однако, те умирали, ведь энергия израсходовывалась и исчезала, а откуда брать новую, никто из них не знал.

Живя бесконечность, взрывая бесконечные мультивселенные, в мире не осталось новых вселенных, новых планет, которую люди могли взорвать, что впоследствии привело к тому, что сами люди начали взрываться и исчезать, создав беспрецедентный случай в истории — большой взрыв, положивший начало всему сущему, новым мирам и мультивселенным. Так атомы склеивались рандомным образом не зная, как им быть, создавая планеты, деревья, растительность и микроорганизмы. А дальше... Людей.

Затерянная вселенная, мир, где мертвецы не умирают, а продолжают жить; переходят в состояние временной петли, где время неподвластно над ними, существует сей миг. Это планета, где законы физики работают против не только живых, но и мёртвых. Здесь, у обочины конца планеты, обвесив ноги, сидят человеческие скелеты и курят трубку и обсуждают что-то столь важное, что изредка незаметно для собеседника, вытирают слёзы костяшками рук. Прекрасная история о прошлом, о людях, о науке, о состоянии души, о смысле всего сущего.

Смотря вниз через край границ земли в космос, наблюдая за павлинами рисующие полотно вселенной хвостами, образуя новые галактики и скопление звёзд по бескрайнему чёрному пространству, рассматривая точки на небе в виде глаз смотрящих на них, скелеты аплодируют, встают, прыгают, машут руками, затем падают на спину рухнув на землю, делают затыг трубки и исчезают в дыму. Это был прекрасный для них день полон чудес. Пусть оно и повторялось снова и вновь, жизнь никогда не надоедала.

А что можно сказать о тех глазах на небе, бегающие из угла в угол, наблюдая за миром? Они превосходные наблюдатели, которые транслируют вселенную мёртвых для живых. У каждого живого человека в доме есть телевизор при переключении на определённый канал которые видят своих родных и незнакомых для них мертвецов. Они бы да и рады вместе отметить пасху или праздник дня всех мёртвых, однако, мёртвые никак не могут попасть в мир живых. И пусть скелеты и собираются у наблюдаемых за ними глаз с букетом высохших полевых цветов, мёртвые не могут знать, сделали ли живые тоже самое. Но устраивают пир, пусть и будет их смотреть лишь один человек во всей вселенной. Жить — это любить и верить.

Трансляция мира живых скелетов даёт надежду людям с плотью, что их не забудут, что после смерти есть что-то кроме пустоты и тьмы, что в конце концов они будут жить и там, и их родные будут с ними общаться, а они, пусть и не узнают, но будут питать надежду, что далёкие потомки их увидят.

Страх исчезает. Люди больше не боятся умирать, они живут так, как сами хотят. Границы между законами и правилами стирается. Люди рискуют, прыгают с утёсов, гонятся на машинах по бездорожью, перечат бандитам, рискуют и признаются в любви. Они знают, что, если их и убьют, то те не умрут, а попадут во вселенную, где мёртвые переплелись с миром волшебства и магии, снами спящих. Люди могли играть с родными вновь, как впервые. Убитый во время аборта ребёнок жив и вырос прекрасным скелетом с большой надеждой на будущее. Дедушка, которого сбил мотоциклист, дышит и получают пенсию в загробном храме. Мать, что умерла при несчастном случаи, поливает клумбу хищных ландышей. И, даже убийца, который хотел измениться, но его казнили на электрическом стуле, обитает здесь, в мире мёртвых. Он радуется, он свободен, его никто не ненавидит, никто не хочет унижить, убить, казнить, показать место — охотиться на него, словно он сорняк что нужно уничтожить.

Никто не знает кто есть кто, ведь все на одно лицо — скелеты, кроме животных и птиц, и поэтому никто и не может знать, кто убийца, а кто святой. Все относятся к друг другу одинаково, если такой мир принципе мог бы существовать, то такой мир мог бы называться раем.

Взгляните на того скелета пронизывающего ветра загробного мира на саблезубом тигре с сачком в руке и ловящим ретроградную бабочку. Улыбка не сходит с его лица, тазовые кости бьются друг об друга и об кости саблезубого тигра образуя музыку под которую пляшут хомяки возле своих нор, призывая дождь, дабы омыть свои сухие тела.

Поверните голову чуть правее, оглядите жирафа с ног до головы, как он шагает медленно, грациозно, задевает головой листья мёртвого дуба, а из них опадают жуки, которых ловят пустобрюхие дятлы. Разве это не прекрасно?

Жираф оглядывается, его шея изгибается, трещит, словно издавая удары дощечек об струну внутри фортепиано. Жуки проходят сквозь рёбра, птицы варьируют среди позвонков, затем со свистом исчезают в небе. В мире живых из костей мёртвых животных часто делали свистки, музыкальные инструменты, но здесь, где все живые — это мёртвые, каждый мог быть музыкальным инструментом. Часто можно было услышать мелодию на полях, среди дюн и скалистых заснеженных лесов; страшный рык, рёв, крики, стуки, щелчки. Через одно ухо залетело, а с другого вылетело приобретало новый смысл. Стая гиен при охоте на своих жертв могли плясать и петь, устраивать целое представление прямо во время преследования. Вместо того, чтобы убежать, жертвы останавливались и начинали танцевать, а из-под ног танцующих вылетали искры, улетаая высоко в небо, образуя фейерверки. Каждая охота заканчивалась праздником для всего мертвого мира и настроением на целый день. Тут и убивать умерших уже и не хотелось.

Под дубом же нежиться гепард, поправляя шнурки на своих кедах, чтобы начать забег со страусом, что усмехается над ним, вызывая на дуэль скорости. Гепард не стерпит того, кто не верит в его резвость — как только страус мог усомниться в том, что он быстрее из мёртвых. Страус был гордым существом, и признать что-либо, что не укладывается с его мыслями, не мог. Да и сам он мог дать отпор гепарду. Но всё же, стоит признать же, гепард не был быстрее и даже не близко таким быстрым, как выросший под скалой таракан. Был тот таракан чуть больше кошки, но его лапы давали фору даже самым шустрым обитателям мёртвой зоны, и, он мог проиграть лишь блохе, которая за один прыжок могла преодолеть расстояния два километра, имея при этом длину в два метра. Временами скелеты признавались, что в самые грустные дни они хотели умереть, и, выходя на балкон своего дома наблюдали за тем, как паслись блохи на лугу, ощипывая перхотное поле, и привязывали себя к ним липкими канатами и улетаали вместе с ними далеко за горизонт. Однако, разлетевшись на множество кусочков, те не умирали, и временная петля собирала их обратно в предыдущее состояние. Некоторые скелеты обитали здесь веками и потеряли вкус к жизни, у них не было желания жить, они не знали чем себя занять и что делать. От переутомления умереть скелеты не могли, и пусть те не спали неделями в ожидании конца существования, но мир играл в злую шутку с ними, возвращая к жизни. Даже вкус от еды, и

то лишь было фантом их фантазий, и вкус у лакомств отсутствовал. Боль, которую они причиняли себе, и другим, по их личной просьбе — не играло никакой важной роли в их жизни. Боль тоже была фантомной и не более. Однако же...

Есть в мире сороконожка, которую, к сожалению редко кому удаётся увидеть, а тем более договориться с ней, способная причинять боль укусом. Здесь они редки, но стоит одной такой сороконожке укусить скелета, на том месте появляется плоть и начинает кровоточить. Боль бывает такой нестерпимой, что мёртвые теряют сознание на несколько недель. Если бы такая ненасытная укусила бы живого человека, то у того облезла бы кожа, отслоились мышцы, а органы превратились бы в кашу, и он попал бы в мир загробный — но к счастью, они обитали лишь здесь. Не потому, что они редки, нет, были такие существа и на земле, но много миллионов лет назад, ещё до появления людей. И все они попали сюда. По мере того, как умершие залетали на планету, суша обрастала сушей, океаны расширялись океанами, и всё лишь для того, чтобы вместить всех когда-либо умерших на планете. Со временем и планете надоело каждый день расширять свои угоidia, что в моменте она расколола себя на множество частей и открыла дорогу в космос. Сейчас же скелеты могли упасть со скал и затеряться в космосе. Была даже такая игра, кто долетит дальше от земли и сможет найти что-то новое для цветов жизни. Гонки были превосходными, пока мир перезаряжался, а временная петля приходила в себя после предыдущего перестроения, скелеты прыгали с самых высоких гор и устремлялись вниз, прямо в космос — набирая ускорение, преодолевая множество комет, несколько десятков планет, миллионы новых существ. Вскоре, они видели новый мир перед собой, улыбались как ни в себя, но приблизившись ближе видели, что падают на свою же планету, обогнув всю вселенную. То и дело становилось обидно, ведь никто из скелетов не одерживал победу, и расстроившись, что дороги назад нет, что всё вокруг создано лишь для того, чтобы изыматься над мёртвыми, они падали на землю и лежали там до рассвета следующего дня. А планета была очень большой, потому и рассвет приходил месяцами — скелеты умирали, затем возрождались, и снова умирали, и снова возвращались, до тех пор, пока не наступал рассвет.

Отнюдь же, не расстраивайтесь, чудеса есть. Есть они везде и существуют. И здесь оно было.

Вот же случилось в одно время неожиданно гаданное, один из скелетов при приземлении попал в улей с сороконожками и его ужалили во все места, которые только могли ужалить насекомые, и скелет превратился в человека. Боль была нестерпимой, невообразимой — человек выкарабкался на поверхность, опухший, красный, однако очень красивый, но голый. Человек закричал. И это был самый красивый голос во всей вселенной — живой. (и голос живой, и слово живое). Ни с чем несравнимое, даже близко не сравнить с голосом щелкающих челюстей при общении с другими скелетами. Это был язык, настоящий, и в зеркале в которую человек посмотрел, он увидел настоящие груди. Это была особь женского пола. Грудь, волосы, нос и глаза были настоящие, человек ощущал воздух, запахи, он потрогал грудь и почувствовал удовольствие, человек погладил себя, по коже прошли мурашки. Десять тысяч лет человек не знал чувств — ему было больно, но ей(женщина) это нравилось, она ощущала себя частью живого общества. Она прыгала, падала в поле, ела траву, ела кучу дерьма насекомых, грызла кору, вырывала брюхо сороконожек и понимала,

что быть живым и есть смысл. До людей она не добралась, через некоторое время ноги начали становиться костями, волосы начали опадать, а кожа одним большим столпом отклеилась от костей и упала наземь, словно это было платье с лямками. Затем они и вовсе растворились, будто их и не было никогда. Так человек почувствовал вкус к жизни, но при общении с другими скелетами никто не испытывал к ним сексуального влечения, им было трудно представить кого-то столь привлекательными — грустно было, что и уроды и красивые становились одной большой кучей скелетов без каких-либо отличий. Кучка костей... Костей и не более.

Планет было много. Они везде. И время действовало на всех, кроме планет — на то и было оно мёртвым миром. Какой-то кокон, который запечатал все эти осколки вместе в одной галактике, и было в них что-то знакомое каждому живому и мёртвому. Дорога из одной планеты на другую вела лестница из парящих на месте скатов, они светились яркосиними и розово-фиолетовыми цветами, единственные, которые имели плоть в этом мире. Люди гуляли среди новых земель и рассматривали новые достопримечательности. Сегодня, к примеру, впервые из какого-то года, скорее будущего, в мир мёртвых попал человек телевизор и сейчас, скелеты от больших и маленьких могли смотреть кабельное телевидения транслирующуюся из земли. Жить мёртвым стало немного легче. Неужто в будущем столько всего изобрели? Удивительно! Признаться, это можно назвать чудом, но, однако же, это наука.

А вот посмотрите на юго-запад. Мы знаем, что вы и понятия не имеете где это, но мы поможем вам определиться. Посмотрите в любую сторону и там окажется юго запад — автор точно знает, если он написал так, значит любая из сторон есть юг или запад. Например же, когда мы уходим направо и обогнув планету возвращаемся с левой стороны, получается ли лево тоже правым? Вероятно. Быть не может по-другому! Право же, право! Так-с... Заговорились.

Посмотрели значит и что же увидели? Там ничего нет. Но постойте, не отводите взгляд и сконцентрируйтесь. Да, правильно, вы сможете, я верю в вас... Ну вот же, он проявляется, ну вы видите? Это же... Ну вы видите? Его ни с чем не перепутаешь! Это он... Страх. Он живёт здесь давно, когда только появилась тьма, всегда. И страх это проводник мёртвых в мир живых. Протянув руку вы могли бы оказаться живым, но страх пугает, на то он и есть он. Потому скелеты обходят его несмотря на то, что бессмертны, а дети в руках его умирают. Так появляется беременность у живых, а родившиеся мёртвые забывают прошлую жизнь.

Сложные времена создают сильных личностей. Если мир хочет, чтобы вы страдали, значит вам суждено достичь чего-то столь высокого, что другим и не снилось. Пока множество копошатся толпой через тропу для всех, убивая друг друга, топча и давя, вы спокойно, оглядываясь на цветущие поля идёте вперёд, через сложную, которую никто не выбрал, останавливаясь понюхать аленький цветочек, покормить саблезубых кроликов, погладить коротко стриженных волков, полежать на траве из лап сколопендр и понежиться на солнце, а вечером наблюдать за распускающимися звёздами по кромешной тишине космоса.

Сложные времена созданы для сильных. Если вам суждено страдать, значит вы выбраны самой судьбой и вам открыли путь в неизведанное ныне никем дорогу. Случайность счастья выпало на вас; рисковать всем — это часть становления. Кто может вытерпеть самые острые шипы, тот в конце найдёт тёплое молоко и пушистый медвежий плед.

Однако, о людях можно рассуждать бесконечное количество времени, что нельзя сказать тоже самое о тех насекомых обитающих среди дикой травы, прыгая высоко, приземляясь тихо и бесшумно, но играя звонко скрежета мечами об кинжала Кусунгобу на поясице, оглашая о своём присутствии. Летом в жару люди часто ловили их и насаживали на крючки для ловли рыбы, кормили ими своих ящериц и пауков в террариуме, но пришла новая эра. И она ознаменовала собой новый уклад жизни, новые правила и обычаи.

Некогда люди охотившиеся на этих созданий сами становились жертвами ради потехи публики; моли, тлей, жуков, бабочек и гусениц. Они — самураи. Защитники лугов и всего земного в лесах и горах. Их ноги длинные, а зубы способны удержать меч и резать плоть насквозь. Самураи саранчи и их подмастерья кузнечики.

Патрулируя леса в летние дни, самураи часто видят людей собирающих на их территории землянику и бруснику, от чего те приходят в ярость — продукты нужны и им, чтобы выжить и прокормить своих детей, и тех животных, что не могут охотиться, как эти монстры. Одним резким ударом, перепрыгивая с одного стебелька на другую, саранча взмахом меча разрубала горло до вены и пряталась в траве выжидая ещё одного удобного случая, чтобы полностью закончить дело с непрошеным гостем. Человек хватался за горло и чесался, и в моменте, когда человек тянулся к ягоде, саранча снова прыгала и ударяла по тому же месту во второй раз и наконец добиралась до артерии. Человек сжимал горло и убежал, что-то искал в бардачке своего автомобиля, после чего терял сознание и умирал. Струя крови била во все стороны, окрашивая лобовое стекло, кресла, и пол в цвет клубничного морса.

Найдя своего соплеменника, люди мотали головой удивляясь мастерству убийцы.

— Так ровно и без лишних движений, видно убийца знает что делать и не впервой!

Саранча подбиралась ближе, слушала их, щелкала жвалами и скрывалась в густой

травяной роще довольная проделанной работой и похвалой в её сторону.

Вечером при свете светлячков заселившихся в дереве, наступала время отдыха. Сидя в дупле кафе и принимая сладкий нектар выдоенный из тлей и гусениц муравьями, продающие одну бутылку за один маленький мешочек сахара, саранча хвасталась, как смогла уложить врага покусившегося на их общую территорию. Моль кивала головой и икала выпивая земляничную брагу из свёрнутой листика в виде рога, затем просила добавки. Крохотная муха подбегала к ней и выплёвывала изо рта брагу в посуду моли и убегала на улицу, чтобы дополнить желудок новой порцией браги под дубом. Саранча сидела широко раскрыв ноги во все стороны, словно это она здесь была королевой и все должны были её уважать за проделанную работу. Никто не выходил против неё, даже пауки-ниндзя затаившиеся на потолке выжидая удобного случая напасть и высосать все внутренности у небдительных граждан. Взгляды пауков устремлялись лишь на стол за которым сидела саранча, их паучьи лапки начинали трястись и они закрывали все восемь глаз. Их ножки были сделаны из лап пауков, и в центре каждого были дочиста выскребенные глазницы их сородичей в которые посыпали маковые зёрна и уголяли голод посетители. Понятно было хищникам, что когда саранча гостила в кафе об какой-либо охоте и речи быть не могло. А слушая рассказы об убийстве столь огромного существа заставляла сердце пауков биться в страхе в их крошечном тельце; множество родных погибло от рук этих монстров, детей у которых даже не началась полноценная жизнь и они только вылупились из своих кладок. Саранчу уважали все без исключения. Лишь немногие дебоширы со сколотыми панцирями могли выйти против неё и заявить об их ничтожестве. Одного удара не обнажённой катаны хватало об лапу насекомого, чтобы отломить её. Жук падал и уползал прочь из кафе и больше не приходил пока не отрастала лапа. Мало кому удавалось выжить с отсутствующей лапой из-за невозможности вскарабкаться в важные норы, зацепиться за стебельки, за листики — многих забирали птицы, и те исчезали навсегда. Стоило ли пауку нападать на самурая, конечно нет, и речи об этом идти не могло — страх управлял разумом многих, инстинкт самосохранения была частью души насекомых.

Моль сползала на пол и засыпала. Два огромных жука-носорога выползали из щели на стене и хватали её и тащили на самый верх дуба, укладывали в широкий листик, сверху укрывали другим и уходили, дёргая за собой верёвку из паутины со светлячком. Наступала ночь, ветер рьяно завывал над крышей кафе, похолодало, а на утро ожидалось выпадение росы, чтобы умыться перед новым днём и принять охлаждающую ванну в углублении в коре дерева и на стволах. Между тем ночная жизнь только начиналась, просыпались совы, грызуны и ящерицы не прочь полакомиться уснувшими насекомыми. Засохшие от аномально жаркой погоды листья шебуршали под дубом, и явно кто-то пытался взобраться наверх, на свет светлячков, чтобы застать всех врасплох и съесть, но саранча стояла на стороже и при каждой опасности выпрыгивала из дупла и нападала на врага.

Дикие писки крыс пронзали немалую часть леса близ кафе на дереве. Увидев отрубленные головы соратников, ящерицы в страхе быть убитыми отбрасывали хвосты и убегали, рыли себе яму, чтобы спрятаться от пьяного, ненасытного самурая жаждущего убивать и кромсать. А те, что не смогли убежать бездыханно смотрели на саранчу в кимоно с катаны которого капала кровь и их слёзы застывали на их глазах каплею прозрачного

изумруда. Самурай разделявал добычу на части и рабочие муравьи затаскивали тех на верх, и готовили из них вкуснейшие блюда для насекомых.

День за днём, ночь за ночью происходили убийства вокруг этой рощи, что вскоре животные начали обходить те места стороной, однако, по лесу бродили и другие самураи, но не столь опасные, как эта — потому они не представляли никакой опасности для млекопитающих. Эта же возлюбила кафе, где её кормили бесплатно и не просили ничего взамен, ещё бы они просили, когда саранча сама добывает еду и дарит их всем насекомым.

Утром, когда солнце едва ли показало свои слипшиеся глаза за горизонтом, вытирая ручками века, чтобы метеориты опали с ресниц утяжеляющие их, в кафе запрыгнула израненная бабочка, прося спасти её яйца с детьми от стрекозы. Саранча села на бабочку, откусив напоследок зажаренные пальцы ящерицы, и они полетели. Долетев, саранча спрыгнула на листья, обнажила катаны и принялась выискивать врага, пристально оглядывая всю местность, как вдруг... Стрекоза влетела в него и схватив подняла вверх над лесом. В мандибулах три яйца бабочки, твёрдый хитиновый панцирь, и мощные лапы. Саранча не стала мешкать, подбросив меч с зажатой лапы на свободную, она одним ударом катаны разрубила голову стрекозы. Челюсти не разжались, тело ещё некоторое время летело вместе с саранчей в воздухе, затем ударившись об лист, упало вниз. Голова подхваченная ветром медленно парила, и вот-вот ударившись об землю могла бы убить деток, пока саранча не прыгнула за ними распустив крылья и не схватила, оттолкнувшись от травы. Молниеносно, будто это были его дети. На долю секунды время для неё остановилось. Поблагодарив саранчу, бабочка упорхнула с яйцами в неизвестность. Саранча, смахнув липкую жижу с катаны вставила её в ножны и направилась обратно, взяв голову стрекозы, как трофей.

Огромные люди были везде, они наклонялись и собирали ягоды, растения, цветы. Детишки бегали за ящерицами пытаясь схватить их и унести с собой домой и поместить в трёхлитровую банку из-под компота, а взрослые боялись тех тварей. Детей боялись многие. Саранча различала крохотных человечков от взрослых, потому, пока никто из них не посягался на её территорию, самурай бесшумно передвигался между них, пока один из детей чуть не раздавил его, стоило только саранче отвлечься на секунду на птицу пролетевшую над ней. Саранча достала катану из ножни проткнул большой палец мальчика, тот закричал и упал на зад, снял ботинок и увидел рану. Мальчику было непонятно что это было, он взглянул на траву и увидел саранчу с катаной в лапах, которая облизывала меч жвалами и грозно смотрела на него, а на третьей держала голову стрекозы. Мальчик отпрыгнул с места и заплакал, показывая пальцем на насекомое. Не больше трёх лет было той твари. Саранча думала, что таких существ нужно убивать ещё в утробе матери и не позднее. Но когда мать смотрела на траву, саранчи уже и свет простыл.

Жара была знойной, листья опавшие рано утром съезжились и испепелились. Саранче захотелось пить и она направилась к озеру. Здесь обитали жабы, которые надували воздушные шары при квакании, вздувая горло, как волны надувают пузыри ударом об берег. Оседлав жабу и испив воду, саранча вышла на противоположный берег озера и поблагодарив дрожащего, как студень друга, в подарок взяв три шарика размером с горох, она посмотрела на знакомый ей дуб вдалеке, где располагалось кафе с выпотрошенными крысами. Саранча

не любила летать, потому предпочитала сложный путь из всех возможных — ходить. Это не только укрепляло здоровье и тело, но и придавало для неё смысл жизни. Она не боялась никого. Стоило ли ей бояться кого-то, ведь она могла уложить человека лицом на землю, убить, а когда была голодна, съесть часть переносицы с лица, кожу и выпить глазные яблоки. Не было равных ей и катане на поясице.

Мало не мало пройдено было пути, оказалась саранча на перепутье двух путей, налево вело первое, второе в тернистые рощи на не притоптанные. Призадумалось существо о решении своём и месте куда могло тропа эта привести. Свернул с дороги заложенной и срубая лианы из засохшей, скрученной листвы мечом, саранча оказалась пред грибом огромным, шёл из которого дым, в окне чьего кто-то громко пел и готовил. Жужжанию придал значение самурай, невольно подкрался к окну и прислушался, но завидев морду угрюмую, постучался от желания поест в дверь, учуяв аромат наипрекраснейший. Открыло оно дверь и стало понятно, сие чудо волшебство зверь щелкун краснокрылый, и громко жужжал вновь он, вспорхнул над столом грибным и войти путь освободил. Саранча вольяжно зашла в дом свой будто, села за стол и возжелала поест досыта коль позволят, и досыто отоспаться за дорогою утренней, уж ночь скоро на дворе. Наклал щелкун краснокрылый еды дополна, жареный на подожжённой спичке мёртвый комар, хрустнул жвалом самурай и съел всего его за один укус и лёг в дыре на потолке спать, утром чтоб проснуться. Утром проснулась едва вышло солнце за роцью саранча, поела гнилых ягод закусив грибом белым и вышла в путь, рассказав, что долог был день его домой.

Временем тем жуки мечтали о саранче, будто умерла она от рук врагов, плясали и пели, обсуждая самурая и глупости её. Открылась дверь, покатила по полу голова стрекозы, подпрыгнули от испуга жуки, и защелкали челюстями. Села саранча на стул из шишек, ногу на стол положив, и сказала младым, что убила врага она и без единой потери. Ахнув от боли разочарований, встали жуки и тленно взгляд опустив направились к выходу вон. В дом пришёл хозяин. Поныне там живёт, от врагов место то защищает, не забыв в гости ходить к щелкуну, дабы насытить себя витамином. Бывало придут в дупло птицы, залетят от незнания, умрут от катаны и забудутся миром, на стол для жуков став пиром. И там был я, и брагу пил, и людей, что самурай убил, я видел — мрачно. Среди жуков лишь жук один, имя ему самурай саранча. Диктатор мира насекомых.

Безмерное количество мультивселенных не может закончиться на вас. Вы только начало всего. Где есть конец, дорога к чему-то новому и неизведанному. Вылетев на луну, высадившись и посмотрев за горизонт в вас заселяются сомнения, что вы одни во вселенной. Одинокие равнины, бескрайние просторы, тьма, мигающие сверхновые за миллиарды световых лет. Ветер здесь умер, но всё же, осколки его сознания отправились глубоко за луну. И где-то там, за луной есть комета, опустившись на которую можно стать в тысячу раз меньше размера самой крохотной семечки подсолнуха, войти в щель где-то между первым сколком и третьим, и попасть в закрытую от людских глаз вселенную. Здесь птицы выходят из своих домов держа в руках крылья, вставляют в спину людей припаркованных возле дома и включив тех, сунув ключ в правое ухо, взлетают, машут одной рукой птичьему семейству, а другим придерживая чемоданы вписываются в крутые повороты и исчезают за высокой башней. На этой стороне крохотной вселенной скрытой ото всего, забытый самими богами месте, куда не влетают никакие создания тысячелетиями, своя гармония, жизнь, правила и стихийные явления.

Эти создания не знают других устоев, всегда живут по правилам им предписанным, и здесь люди лишь скот, которыми животные пользуются и рады бы это делать. Люди молчат. Они молчаливые создания, в младенчестве им отрубаят языки и подвешивают за окном, чтобы другие жители вселенной увидели, что те соблюдают древние обычаи и не нарушают законы. Енот, выходя из бани, открывает шкафчик под ногами, поднявшись на стол, оттуда выходит человек, замертво зашитым на его спину полотенцем и енот встав на него начинает вытирать лапы. После человек открывает рот, а енот справляет нужду. Люди лишь инструмент готовый служить всевышним зверям. С самого младенчества их отдают в ясли, где безжалостные шакалы обучают тех манерам, а если нужно избивают, чтобы ублюдки не забывали своё место. Дрянные инструменты власть имущих!

Людей разводят как скот, чтобы однажды, при желании в любой момент приделав к ним крылья, лапы, телескопы на глаза, кресла на спину, колёса вместо ног — оперировать, давать им указания, подчинять, а при невозможности эксплуатировать выбрасывать в нижние слои города на смерть. Некоторые умирают, некоторые выживают, и выжившие едят умерших, чтобы самим выжить. Но ощущают они вкус едва ли как настоящий человек с языком, однако им это не мешает наслаждаться пищей. Щеки что-то да и проводят из вкусов жизни.

История знает рассказ немого научившегося общаться жестами пальцем людей, как их друзей седлали львы, а когда те не могли встать и понести животных, львы в ярости выгрызали шею беднягам и съедали, а кости кидали в печь, после чего делали из них статуи, намешав с глиной, чтобы напоминать себе, проходя мимо них, что люди слабы.

Бывали ужаснейшие диалоги между живыми на нижних слоях кометы, когда слон использовал человека, как ковёр на кухне, как вешалку, и даже в виде туалетного ёршика, а в самых ужасных моментах, жирафы убивали экскременты с пола людьми с открытыми нараспашку ртами. Люди другого вкуса в жизни не знали, они принимали данность и никогда не задумывались, что где-то далеко от их дома есть места, где люди господствуют над животными, а не наоборот. Здесь не было ни книг, ни телевизоров, ни газет, ничего. Животные обучали всему, что сами знали и тому, что слышали от прадедов и всех предков до

них.

Разумеется, в мире происходили и интересные случаи, когда много десятков тысяч лет спустя в их скромную обитель залетал какой-то космонавт, рассказывал будущее в плену о наружном мире, но не более. Он обучал тех зверей делать инструменты, использовать предметы, строить дома, затем, обучив всему чего сам знал, некогда дружные животные использовали космонавта в виде домашней утвари — доставать горячую картошку руками со сковороды, переворачивать угли руками в печи, вылизывать языком посуду, а при сопротивлении животные пинали его копытами и били подручными средствами. У человека не оставалось другого выбора как подчиниться, и он делал это чтобы выжить, дабы однажды отомстить и вырезать каждого на гуляш с макаронами.

Кормили человека не часто, поэтому приходилось обглаживать обжаренную на углях руку, пока кости на пальцах не падали на землю. «Если слон умел ходить не имея рук, то и человек сможет», подумали звери и оседлали его. Куры были рады. Козлы были рады. Собаки радовались новому приобретению. Людей выращивать очень тяжкая работа. Давать им еду непосильная задача для них, однако они вынуждены были это делать, чтобы скот не умирал от истощения и усталости. Инструмент должен был сосуществовать со своими хозяевами до конца жизни. При случае смерти старого хозяина, человека передавали по наследству сыну или дочери в семье. Каждое чадо родившиеся имело право использовать человека, будь их хоть сорок в поместье, каждый наслаждался процессом, когда переделывали двуногих в пятилапых. Им приносило истинное удовольствие выдёргивать зубы у людей, чтобы только сделать ожерелье на шею своих суженых, или ногти с пальцев просто так, потому что сами захотели, убедиться в том, что ничтожество может испытывать боль. Скот не имеет прав, он лишь мусор с которым можно пользоваться, выбрасывать, кидаться, подтирать задницы, он ничто и не имеет само мнение о чём-либо в принципе с момента своего рождения.

Если волк захотел поместить младенца в духовку и пожарить с морковью, никто ему не помешает. Он хозяин своего имущества. Если бегемот захочет поместить бутылку от шампанского в зад человека на столе при приёме гостей, он это сделает — ходят легенды, что именно так можно согреть холодное шампанское очень быстро. Обычное дело, никто этому не удивляется. Ни те, кто смотрит в окно, и не те, кто пришёл в гости — отвращения к шампанскому нет, только к человеку. После выпитой бутылки человека скидывают со стола и тонко режут его плоть, макают в соус и просолив немного, едят. А человек кричать не может — голоса нет и не было никогда. Ему больно, но это часть мирового порядка этой вселенной — так должно быть, о другом человек и не задумывается.

Вселенная ужасное место, место где никому нет места — ни животным, которые издеваются над людьми, ни человеку умирающего от их рук. Однако, этот мир есть.

Мост через реку — это люди склеенные между собой руками в замок и протянутые через неё, с одного до другого берега. Вечером на тот мост приходит антилопа с кастрюлей и половником, чтобы покормить мост, кладя по одному половнику каши им в рот, и одним стаканом молока для усвоения каждому. И утром, перед открытием моста. Нет, этот мост не для всех, конечно, для малогабаритных животных — и самое главное передвигаться по мосту не больше двух животных за раз. Слонам, коровам, львам или свиньям здесь и делать нечего. Козлы, бараны, коты, мыши, куры, зайцы — им дорога всегда открыта. Иначе же мост рухнет и умрёт. А что будет с теми, кто попадёт в реку? В них будут откладывать икры рыбы, а вылупившиеся косяки будут обглаживать тело человека. Иногда можно заметить

сплавляющихся на байдарке из человеческих костей панд, обезьян или коал. Ужасное зрелище. Кости не совсем чистые, на них можно видеть оставшиеся куски плоти, гниющих и пахнущих — и роящихся мух кружащихся над ним.

Люди смотрели на самый верх на вход в яму, куда их скидывают и мечтали оказаться в рабстве вновь лишь бы не выживать. Умирали они тихо, но со слезами. Им было больно, но не хуже, если бы их использовали.

Однако же, в один день, когда почти все люди погибли от своих же разлагающихся ароматов на дне ямы своего тленного существования, вдруг в стене открылся белый, едва уловимый свет. Из того света показалась крохотная голова какого-то существа, и оно пристально оглядывало яму и что-то искало. Это был крот. Увидев людей он было хотел закрыть и улететь, но заметил, как те упали на землю и начали кланяться, умолять о чём-то. Конечно люди никогда не знавали что существуют другие миры, и есть звери что не желают зла людям, а крот не знал где оказался. Он спросил их что они делают, но те не умели говорить, открывали рты и о чём-то безмолвно шептали. Крот сжалился над ними, и протянул лапу одному человеку. Тот встал, позвал с собой ещё нескольких десятков людей и они вошли в портал, и за миг оказались на земле. В настоящем мире. Крот спустил тех около больницы и улетел. Люди оглядывались и удивлённо плакали, везде были люди, машины, здания — а собаки были на поводке. Было дело они падали перед котом, но люди смотрели на них и обходили стороной, думая, что это какая-то секта. Из больницы выбежал персонал, и не задав ни слова забрали их с собой и оказали помощь. Те несчастные не понимали что происходит, их тела ныли, они терпели — однако их вылечили, накормили. Медсестры задавали вопросы, но люди молчали — им казалось что это какое-то незнакомое для них место, где говорят на незнакомом животном языке. И никто из людей не знал, что где-то там, на обратной стороне луны есть вселенная животных, город рабов. Что в щели кометы есть свои законы, обычаи. Что люди не являются богами своих земель. Никто не знал. Никто не узнает. Люди будут молчать всю жизнь и жить. Пусть их оставят на улице, но это было больше, чем просто рай — это был рай самого рая. Люди будут молчать и умрут молчаливыми боясь вернуться назад и стать последними остатками рода своего человеческого в той вселенной.

Здесь для них началась новая жизнь.

Оно было везде, но никто его не видел. Мы называли их чудом, а люди родившиеся там, называли это скучной обыденностью, и каждый из обитателей мечтал однажды улететь со своей планеты и оказаться на другой, где время идёт быстрее, где гравитация тянет тело ближе к земле, а кислород не выедаёт лёгкие.

Эта планета была прекрасной с одной стороны, никто не старел после определенного момента жизни до определённого момента цикла планеты, каждый мог прыгать на десятки метров без какой-либо помощи сконструированных устройств. Мир казался раем, сосуществовать с планетой вместе, рождаться и почти никогда не умирать, ждать, пока лицевая сторона планеты окажется наверху, и время начнёт идти, а гравитация поменяется сместившись в центр. Каждый новый родившийся вид человека на этой планете ожидал этого случая, когда можно будет мужчинам заняться с женщинами сексом, а тем через месяц родить малыша. Зачатие происходило только здесь и только раз в пять сотен лет и это было самое настоящее празднование. Это могло называться чудом — но никакого чуда в этом не было. Каждый малыш плакал и рад был открыть глаза, но пока не становился взрослым и не понимал, что будет жить веками, страдать, не зная чем себя занять. Такое чудо называлось в кругу шепчущихся — адом для родившихся. Когда через четырнадцать лет планета переворачивалась обратно, а люди, что были постарше, старели, а дети, родившиеся после первого цикла — на пять сотен лет оставались детьми. И каждое новое пришествие чуда ознаменовало собой смерть предыдущих, а новые циклы — начало потомкам. Пусть телом они и были дети, всем им было гораздо больше. Ни в один день на протяжении веков никто из них не мог забеременеть, зачать детей. Так устроен был мир. Казалось бы, живи и радуйся, получай от окружения всё нужное, богатей, расти, не знай бед с телом. Само явление планеты во вселенной было чем-то невообразимым. При первом цикле оборачивания с бока на центр, планета испускала волну, которая незаметно для самих живых впитывалась в тела людей, а при следующей после второй, те погибали. Если подробнее углубляться в суть самого процесса, то первая волна отнимала структуру тела живых, оставляя в них микроскопических существ пожирающих тех изнутри, чтобы просуществовать века в них; при второй люди уже родившиеся, через пять сотен лет начинали стареть и разрушаться изнутри, а на последней волне испускаемый планетой тела людей превращались в пыль, буквально. Крохотные монстры вылетали с волной из усопших и впитывались в тела отпрысков людей. Забирали монстры молодость всего сущего в них, пожирали, выедали. Айсберг на кончике иглы — один едва уловимый ветер и рухнет. Для вторых цикл повторялся, пока планета была обёрнута лицом наверх, люди размножались. У них было крайне мало времени. Тела старели, и за четырнадцать последующих лет покрывались морщинами, затем цикл замораживался волной, и в последний раз, на третьей — снова запускались в телах людей все биологические процессы. У кого-то сначала в пыль превращались руки, через время ноги, тело или голова. Конечно, боли они и не чувствовали, те монстры забирали и боль, и на протяжении того времени, что было отведено для зачатия, старики уходили и их заменяли их дети, а тех детей, их дети. Но в конце все люди считали, что слишком мало было прожито и им хотелось бы оказаться среди живых ещё немного. Так многое не было сделано. Но всё же стоит признать, что сами люди не хотели ничего делать, думая, что успеют многое за тысячу то с лишним лет. Это много, гораздо больше, чем на

других планетах. Дети работали, кормили детей, росли с родителями, выживали. На протяжении веков дом и работа, одинокие деревья, луга, озёра с кислотами в которых даже не искупаешься. Парящие животные отталкивающиеся от скал и воздуха. Рыбы вылетевшие из рек пронизывающие небо. Всё это обычно и обыденно. Молодым хотелось чего-то нового, интересного, более чудесного, невообразимого мира. Корабли строились, спутники вылетали за орбиты, люди путешествовали между мирами, но их были единицы — и стоило тем уйти со своей планеты, как их тела начинали разлагаться, и время отнимало у них молодость. Почему так происходило было понятно любому их живущих — космос, это другая вселенная, и там действуют свои законы. Для того, чтобы кто-то мог выжить за пределами их системы, им стоило бы родить детей на орбите до того как улетали, чтобы ребёнок не получил излучения существами от волны самой планеты — вырасти и найти новый дом для них. К сожалению, умирали все. Там, где казалось времени полно, его не было. До крохотного мало времени и его не хватало. Люди сидели на крыше дома и смотрели на небо, то и дело там мигали отблески далёких планет, светились звёзды и сокрушая вакуум летели кометы. Всё это манило умы молодых стариков, им хотелось чуда. Но что было чудом для них, так это не видеть летающих рыб, а плавающих. Хотелось видеть людей умирающих и стареющих естественно, а не быть заложником существования. Закапывать родных, а не подметать. Видеть животных бегающих по земле, и не улетающих от прыжка. Не горы с хищными камнями, а обычные, по которым можно ходить и наслаждаться природой. Всё это — чудо простоты. Едино было время для всех, никто не задумывался опустошить ворох лет на своём веку — люди хотели жить. Давно бы им удалось создать устройства, чтобы найти пути решения жизни и смерти, но всех устраивало происходящее на планете. Нельзя менять законы природы — природа будет зла. Так, имея возможность создать ловушки для «существ», люди текли по ручью законов, вместо того, чтобы улететь из планеты, они вцепились в неё руками. Перемены были к худшему. Однако же, чтобы не случилось на самой поверхности планеты, сколько бы взглядов не устремлялось вглубь космоса, на одном из спутников зародилась несчастная жизнь. Пока гравитация тянула и имела какое-то воздействие на присутствующих на борту корабля, они выживали. Казалось, они могли жить вечно, предугадывая цикл жизни планеты улета в космос заранее, но увы. Успели они лишь зачать малыша и родить. На протяжении годов малыш рос, ел, питался, пил воду из построенных его родителями ферм на корабле, радовался. Он часто смотрел на планету, глаза горели, сердце билось и он хотел попасть туда, найти сверстников, влюбиться, покорить не покорённое, но родители всегда предупреждали его, что это плохая идея. Но что скажешь малышу, что хочет что-то? Его можно отругать, запретить, но через года, он сделает задуманное, то что он сам хочет, а не то, что желают его родители. Малыш вырос, старел, и начал замечать, что его родители ни на миг не покрылись морщинами. Мальчик знал многое через книги, многое понимал и замечал. Он подошёл к предкам во время подготовки еды на ужин. Те объяснили сыну о физике планет, об долгой жизни, и циклах природы, но мальчику хотелось видеть это самому, узнать что это такое собственными глазами, ощутить молодость и вечную жизнь своим собственным телом. Часто мальчик приходил к отцу и спрашивал, как им удастся не сойти с ума от скуки, а тот грустно смотрел на него и отвечал, что ум давно его покинул, и он ждёт, когда всё закончится. Грустно стало парню, ну как же так, почему?! Затем, сидя в комнате и не зная чем себя занять, он плакал в подушку, что нет на свете смысла, что отведено для него время слишком бесконечно, что мир в котором он существует, слишком огромен, и время

течёт с немислимой медленностью. На борту все книги были перечитаны, что их корешки рассыпались в руках, а всё возможное изучено. Оставалось лишь растить еду на фермах и вяло смотреть за лунами кружащих по орбите планеты, считать планеты вдали, и записывать все знания в бумагу. И как-то раз, мальчик познал природу. Впервые они спустились на планету, чтобы заправиться и набрать семена новых видов растений выращенных здесь. Впервые на планете он увидел молодых, сильных, счастливых. Здесь он увидел и девушку вида своего и влюбился. Раньше он любил лишь родителей, а это новое чувство, другое. Ему хотелось защищать её, покорить ради неё горы, выловить с неба рыб, схватить прыгающих медведей за лапу и подарить ей, чтобы та обратила на него внимание. Улетая, он часто смотрел на неё, рисовал на своих тетрадях её портрет, обещая себе вернуться сюда ещё ни раз. Но месяц спустя на планете прошла очередная волна, и её не стало — превратилась в пыль. И дал парень себе обещание, что найдёт мир, где семьи будут жить вместе, и только они будут выбирать когда умрут. Мир, где им суждено будет вместе состариться. Мир, где каждый миг будет ценен. Мир, где есть жизнь. Но что же касалось тех, кто не хотел жить и заканчивал с жизнью собственноручно, немало было задокументированных случаев, когда умершие тела возвращались к жизни, и существа оживляли мёртвых, чтобы в конце самим забрать их смерть. Невозможным казалось убить себя, застать жизнь врасплох, нечаянно покатиться с края стула и разбиться. Люди существовали. Солнце сменялось вторым, третий следовал за ним подгоняя четвёртый. Парень на борту корабля проводил родителей на планету — в их глазах читалась усталость от жизни, они хотели смерти. Последний свой цикл прожить на планете и наконец стать свободными. А парень, став единственным хозяином корабля, улетел прочь. Но его история не закончена, он ищет дом, изучает вселенную, и однажды в одном из глав следующих историй, он появится в нём и станет героем во главе с новым другом. В мире полных приключений. Ведь приключения — это и есть жизнь.

Космос велик, до невообразимости велик. Мы последние люди во вселенной. И где-то там глубоко в космосе, где-то в бесконечной вселенной нам уготована настоящая жизнь. Планета, где наш вид обретёт дом и свободу, где человечество перестанет гоняться за новыми возможностями выжить, и перестанет воевать между собой. Место, где человечество наконец-то позабудет все невзгоды, всю боль утраты, непредсказуемости жизни и страха перед завтрашним днём. Жизнь, которую можно назвать жизнью, а не существованием.

Это было... постоите, два года назад? Может десять лет? Помнить бы день отлёта, помнить бы шелест листвы на деревьях, рык горилл и воя стаи волков. Нам пришлось покинуть нашу планету свыше трёхсот лет тому назад. Вначале нас в крейсере было несколько тысяч, затем наши ряды начали редеть, и вскоре нас осталось всего несколько сотен. Мы знаем, потому что поколение, покинувшее мир, оставили записи на бортовых компьютерах и обычных листах тетради. Они оставили нам богатое наследие. Они оставили нам своё ДНК. Своё прошлое. Мы могли бы сказать, что будущее за новым, да, это так, но именно благодаря тем, кто жил до нас, у нас есть возможность жить после них.

За то время, пока мы пребывали в крейсерах далеко от нашей разрушенной планеты, развитие технологий не стояло на месте, и, слава всем тем, кто помог обрести надежду, научил и сконструировал всё вокруг нас, мы разработали устройство для хранения сперматозоидов. Эта капсула не была похожа на что-то земное, простое и понятное, нет, наоборот, она представляла из себя устройство, благодаря которому вид человеческий обретал надежду на жизнь. Может быть не здесь, может и не в ближайшие годы, но точно в далёком будущем, возможно даже, когда нас не станет. Об этом мы даже не узнаем, а предполагать... ну что же, на это у нас нет времени.

Когда-то в будущем одинокий крейсер упадёт на планету в тысячах и миллионах световых годах от нашей обитаемой зоны, где капсулы разбросает по поверхности, и те «присосутся» к почве страшной, безжалостной, уродливой планеты и начнут расти. Да, разумеется, вам сложно представить то, что эти капсулы могут расти, как деревья. Вместо плодов яблок или абрикоса на них будут человеческие дети, которые впитали столько всего важного из планеты, сколько нужно было. Они адаптируются к гравитации, к кислороду, к суровым условиям жизни и выживут. До поры времени, к сожалению, им придётся питаться чем-то из почвы вновь залезая в свои устройства, которые будут перерабатывать отходы планеты из почвы в еду. Да, возможно и не будет того, на что бы рассчитывали люди в наше время, но, однако же, это будет нечто новое, нечто уникальное — новый вид человечества. Вид, который наконец-то обретёт новую жизнь, новый мир и будет изучать его, задавая тысячи и тысячи вопросов откуда он и зачем существует.

Миллионы разбросанных капсул с животными, с людьми, с насекомыми, которым только предстоит стать теми, кто они есть. Тысяча лет развития и самосовершенствования, чтобы однажды вырасти в сверхразвитый вид, который задастся вопросом, где его истоки, и полетит к звёздам, чтобы найти начало жизни.

А пока, мы лишь гонимся за будущим, живём и радуемся, что мы одни из тех, кому удалось спастись, но как же мы печальны в душе, что оставили миллиарды людей на планете, которую разорвало на части. Мы оплакиваем их, мы ценим их жертву, благодаря их жертве мы можем спасти человеческий вид.

Каждый день, как только мы научились ходить, нам давали работу, хранить и оберегать капсулы, носить их с одного корпуса в другой, чтобы «люди» и «животные» внутри них не погибли, остужать, когда необходимо, а когда нужно, согревать и проверять в них наличие мутации. По той же причине мы носим защитные костюмы, чтобы ни один посторонний микроб или частица ДНК не попала в капсулы и не решила за нас конец нашей цивилизации.

Люди рождались, разумеется, и по привычной нам схеме, мужчина и женщина, но, к сожалению, не все те, кто рождались в непривычной им обстановке могли выжить. Воды практически не было, но её хватало на каждого, и стоит отдать должное тем, кто сконструировал нано ботов, которые вылетали в космос и собирали в вакууме воду и кислород и пополняли баки. Без них наша жизнь оборвалась бы ещё до того, как мы улетели бы из солнечной системы. Конечно, вы зададитесь вопросом, как нам удалось улететь из солнечной системы, если по подсчётам людям потребовалось бы не меньше тридцати тысяч лет, но, уверяю вас, мы не знаем. Когда мы родились после тех, кто был задолго до нас, они уже позабыли, когда и как им удалось это сделать. Исключать чёрную дыру возле одной из планет, наверное, тоже не стоит. Среди людей до сих пор ходят байки о том, что близь Сатурна образовалась чёрная дыра, которая и стала причиной краха империи людей, и его спасением. А о еде, если говорить открыто, нам пришлось позаботиться перед вылетом. Посадка кустов, овощей и фруктов, небольшой водоём с рыбами и водорослями. Конечно, на борту было несколько тысяч кур и петухов, большинство из них давали яйца, а некоторых из них резали, чтобы утолить голод и пополнить витамины в организме. Однако же, стоит принять и тот факт, что никаких отходов на крейсере и быть не могло, об этом и речи идти не могло, потому, когда рождённые дети умирали, мы их консервировали и ели, так же, как и стариков, отличие было лишь в том, насколько дольше их варить и хранить. Кости пропускали через дробильную установку и лепили посуду, перемешивая со смолой от деревьев.

Нам пришлось... пришлось пойти на это, чтобы выжить. Поймите нас, мы всего лишь люди, и наша задача спасти нашу умирающую цивилизацию.

И вот он иллюминатор, смотровая площадка и тёмный, мрачный космос, тысяча планет и тысяча сотен звёзд вокруг нас, миллиарды комет, и где-то среди них есть наша планета, наш новый дом, новая обитель — Земля.

Жизнь — мы летим к тебе, только дождись.

Они все лежали снаружи, полные печали глаз и боли. Скрученные их пальца танцевали на ветру танго, ощущая себя личностью отдельной от тела рук кисти. Взъерошенные волосы на теле маленького человека будили во ртах изумлённых рефлексом непонимания, а крики в пустоте вызывали эмоции безмолвия.

Это не был один из тех дней, когда мать выгоняла домовитых ленивцев на улицу, чтобы заняться делами, отнюдь же, был этот день совсем иным, да о таких днях и книги печатать стыдно бы было, если бы стыд был придуман для такой семьи. Предвещаний никаких не существовало, но всё же, какие-то вестники бегали около дома с газетами и выкрикивали слова на испано-бедуинском, о том, что прокляты будут те, кто не дал им испить воды родниковой в день такой важный. Мать от злости могла выбежать из дому и ударить вестников бидоном для молока или кастрюлей с картошкой в кожуре для свиней, и те шлёпались на землю и громко рыдали, что их участь быть мокрой землёй под ногами обычных людей. Их весть никто не слушал, мимолётны были их возможности. Газеты существовали для людей лишь для того, чтобы класть в них сушёную рыбу и завернуть огурцы в теплице. Весть узнавали люди, когда запирались в местах для избавления от съеденного, и с удивлением выбегали из них позабыв натянуть бельё, рассказывая о прошлогодних новостях.

Именно в строках таких и жили они, существа именуемые себя новостью. Каждый день перед тем, как наступит рассвет, буквы перебегали от одного угла до другого, а картины собирались в новую картину, чтобы сообщить жителям мест здешних новую весть. Где-то там на больших от мест теперешних местах, существовали те, кто управлял расположением новостей на страницах газет и созданием того, что не могло быть. Радиоволны, испускаемые антеннами на теле и радиовышках и вышках под землёй из костей человеческих, которыми управляли самые забавные обитатели земли, чертей, направлялись в самые отдалённые уголки земли, а возможно и вселенной, куда могло выбросить весть, как космический мусор, вырисовывались новости излучением волн человечества живого.

Плоскости так таковой для них не существовало, и новость могла обрести и форму человеческую и форму воды, в самых поздних своих эволюционных витках, картины рисовали краску на буквах и шрифты становились настоящими живыми существами, различий от обычного, которую нельзя было понять. Обычно, можно сказать для понимания читателя, графика компьютерная неразличимая человеческим глазом.

Удивительно насколько и глазом одним не моргнёт и убьёт надежду на светлое будущее одна плохая весть, вызывающая апатию ног и инфаркт волосяных покровов на голове. Бывали люди из тех радиовышек занимались придумыванием вестей для разных видов существ из всех уголков земли и вселенной, чтобы управлять ими и не дать начать развиваться и составить для них конкуренцию, кладя в их разум новости о том, что всё о чём они будут задумываться реализовать, превратит их в горстку пыли под ногами. Боязнь черта пугливых и слабых, тому быть суждено было и остаться тем ими, дабы не ввергать опасности себя и близких своих вокруг себя.

По лианам в лесу бегали электрические люди, ища надежду на то, чтобы когда-то суметь остановиться и обрести свободу и жизнь, заглядывая в уголки о которых не слышал никто и местах, где не бывал и сам бог, не сумев о нём забыть и не обрета возможности

позабить. Им нужна была свобода, чтобы укротить скорость свою и присесть на дорожку на пять минут, чтобы поработать ещё тысячу лет, но среди тех, кто верил в весть вселенной, всегда находились те, кто верил в новость о том, что остановившись они умрут, и убеждали в этом всех кого знали, и от страха того, электрические люди бегали надеясь прожить ещё чуточку времени, увидеть чтобы рассвет империй о которых они так часто слышали из газет. Бегали на угоду людей из вышек, чтобы выжить и просто существовать. Знали бы они о других возможностях, то ввергнули бы себя опасности смерти, чтобы ощутить по-настоящему жизнь.

Жираф выглядывал из норки и крутил шеей вокруг гнезда и закрывая рот копытцем хихикал над окружением своим. Дикая антилопа и бабуин сидели у стола на поляне возле норки жирафа и играли в карты на раздевание. Бабуину везло не по-человечески, то и дело обыгрывая антилопу, заставляя класть на стол полоски из шкурки. Было печально же наблюдать за антилопой что не могла взять в руки карты и всё было на виду, да и учили его только его интуиция и чувство шестого вечера, когда на охоту выходили хищники, бросал жест доброй воли бабуину и запрыгивал на дерево, на кукушкино гнездо, откуда кукушка забирала её и подбрасывала в гнездо к другим птицам, и те кормили её, пока она не наестся и спрыгивала обратно.

По пути домой антилопа косила траву возле домика бобра, зарабатывая на жизнь, и рогами испарывала землю для кролика, чтобы та могла посадить морковки и капусты. Затем счастливо направлялась домой через рынок, туда, где охотники сплели паутину ловушек. Но об этом ли стоит беспокоиться, когда в мире этом происходило и вещи похуже, чем охота на кунг-фу антилопу.

Позади небольшого домика Бильби Беггунтса сидели три мушкетёра. Их работа заключалась в том, чтобы коты могли словить мышей, и тому быть, делали дырочки в сыре шпагой. Коты в сапогах были очень богаты, их ирокезы были видны за три километра от дома поросят и одинокого, старого и никому ненужного волка. Печаль окутала здешние места и холод окружения к чувствам волка выстроила на континенте гору Эльбрус и Килиманджаро, а боли слёз тоски реку Амазонка и тысячу русел рек в Китае.

А тех реках плавают удивительно разные виды рыб, в воздушном мешке которых образовался целый город с людьми, которые не задумываются о том, как к ним попадает воздух и пропитание, они точно знают, что живут внутри бога, который слышит их и заботится о них. Здесь никогда не бывает солнечного света, однако же, свет тут есть. Изнутри рыба светится флуоресцентной подсветкой, образовавшаяся от поедания еды из рек. И света того хватает и людям, чтобы сотворить дни и ночи, режим сна и работы. Работ здесь не мало, очистка города от шлаков, от неправильно попавшей частички мусора, которую сортируют на съедобное и не очень, через шланги отправляют их в анальное отверстие, и идут ужинать, пока еда не испортилась или его не выдуло воздушными потоками, что случаются здесь пару раз в сутки. Время, когда рыба заглатывает воздух вместе с едой.

Но что же может удивить ещё больше, чем простое человеческое безразличие и жестокость что существует за пределами планеты, в сорока двух годах полёта от земли? Размером едва ли с луну — мировая столица ничто, влажная, но не имеющая на поверхности своей животных, кроме людей, где не растёт ни трава, ни дерево и ни одна водоросль. Здесь живут люди, но, как же они выживают? Законы суровы здесь и печали в глазах тех, кто обитает ещё больше. Женщины беременеют и в конце срока своего, после рождения

младенца девочки, женщину съедают, чтобы выжить и растят дитё, а если же родится сын, то люди оплодотворяют женщину до того момента, пока не родиться дочь. И время идёт неминуемо быстро, один месяц на той планете равен двум годам жизни земной. И за время, пока женщина беременна, мальчик растёт, затем, после родов, сын оплодотворяет мать, чтобы не умереть с голоду. Цикл идёт бесконечно, и не бывает тому конца до самой смерти. При рождении близнецов, участь одного из них после того, как вырастет стать кормом для остальных. Рождение девочки образует на планете праздник, ведь сейчас можно будет съесть мать и не голодать. Да, таковы законы, да, таков этот мир и ничего не поделаешь, он существует и не нам решать кому жить, а кому умирать. Близнецы, один из которых парень, а другой девушка должны заниматься любовью друг с другом, чтобы родить корм для жителей. Участь их жестока и мрачна, и привязываться к чаду своему подобно смерти.

Но давайте лучше же оставим эту жестокую и мерзкую планету подальше и не будем задумываться о смерти не по нашей с вами вине, мы лишь наблюдатели и наша задача слушать, и отправимся в другие пустынные города, где нет людей. Не потому, что там их нет в прямом их смысле, а из-за того, что человек лишь материал для создания чего-либо на ней.

К примеру, в океане на глубине морском, ужасно страшная акула открыла цирк людей, куда приходят посмотреть на представление множество животных из поверхности в глубокую прозрачную комнату. Через стёкла видно, как акулы дрессирует людей прыгать через кольца и плавать задом, глотать шпаги и ходить на шесте вертикально. Трудно, но ради глотка воздуха они готовы делать что угодно. Задерживать воздух бывает трудно, особенно зная, что они умрут без помощи тех, кто их приручил.

В другой же части планеты на поверхности, в пустынях и лесах, гориллы и носороги ловят людей и сдирают с них кожу, чтобы отправить их швее моли, что шьёт одежду для животных дабы влиться в самый последний писк моды. Так и кричат плакаты, что тренд этого века — это человеческие кожи поверх тела.

По берегам рек и морей ходят раки отшельники с пулемётом наперевес за спиной, в пустыне обитают гекконы ковбои охотники за головами, а под землёй живёт гусеница, насылающая проклятия шёпотом ядовитого щупальца. Что за шёпот мы не знаем, и как можно посылать проклятия, но всё же, все кто гуляет здесь, обретают лишь одно, гниющий от конца лапу и гангрену души.

На деревьях в джунглях расположились колибри с топливным бочком под крылом, на которых ездят бескрылые мухи, потерявшие их во время несчастий и случайностей. Одна ягода Гоби способна дать одну поездку на не менее пяти миль в любую сторону. Так колибри выживает, так ей не нужно облетать весь земной лес, чтобы найти еду. Конечно, трудно быть колибри, стоит остановиться на минуту, как приходит конец и жизнь обрывается, потому сбрасывает она мух подбрасывая лапами и крылом. Что же касается мухи, то никакого дискомфорта она не получает, ведь тело её настолько легка, что можно падать на листик дерева несколько минут, а того глядишь и часов.

Прямо под такими деревьями сидят и жабы, их задача создавать воздушные шарики кваканьем, надувая горло, что становятся шарами, которые хватают богомолы и создают для них корзинки, и улетают к облакам. Так они осуществляют мечту когда-то полететь, и дарят надежду тем, кто никогда не сумеет взлететь. Правда такие часто умирают из-за лопнувшего шара и падают на землю или на ветку и протыкают своё брюхо, но это работает. И на миг самый несчастный бескрылый монстр обретает способность летать и становится добродушным, мечтающим существом.

Чуть дальше побродишь по тропам созданными ветрами холодными и пасмурным днём оплакивающее смерть каплею на листву, увидишь сороконожку, что ждёт часа своего, когда листики на дереве приобретут формы и лазит на них и оставляет ножками по краям листиков полосы. К примеру, когда кто-то берёт листик и видит, что с центра и до краёв листика идут полосы стебельков, значит их сшили такие вот сороконожки, чтобы листик зеленел и не умирал, соединяя концы с началом. Работа не трудная, но очень важная и увлекательная.

Возьмёт на палочку паук свой рюкзак с припасами, повесит за спину и отправится к водоёму времён, откуда он попадает в разные отрезки времени. Конечно, о таких вещах людям только стоит узнать, да и что стоит какому-то пауку съесть муху в прошлом, ничего не изменится, ведь участь мухи умереть в будущем. Возможно, кто-то мог бы и умереть от того, что бегал за мухой и поскользнулся и упал, а паук спас им жизнь. Герой, у которого нет имени, и, который всегда невидим и не будет признан. Австралийский паук отшельник, эмигрировавший в леса из далёкой страны, да что уж там, с далёкой планеты, где таких как он, уйма, но все они глупы. И только ему удалось найти водоём времени, и та схлопнулась. Дважды попасть в одно и тоже время невозможно, потому, каждый вечер паук отправляется на поиски дома, своих родных, свой зелёный и прекрасный лес с множествами глупых насекомых, что не болтают с ним перед смертью давя на жалость. Вечером, паук прыгает обратно в водоём и попадает в одну из будущих секунд жизни на планете, и то место, где он побывал, захлопывается навсегда. Было бы хорошо, разумеется, если бы паук попадал на землю откуда прилетел, но бывает часто так, что планет во вселенной так много, что за три сотни лет своего бродящего образа жизни, он попал лишь раз на землю, в квартиру какого-то старика, что хотел его убить. Да, странно было и другое, что водоём мог образоваться и на стене, и на полу, на поверхности сахара или супа, и путь был только один, снова прыгнуть туда. Едва ли паук мог бы выжить в тот вечер, когда газета хлопнула над его туловищем, если бы не успел запрыгнуть в водоём и исчезнуть. С тех пор ему не удавалось вернуться на любой из отрезков времени земли. Но паук не оставляет попыток вернуться на природу.

Кто же знал, что во всей вселенной людей, как вид, может быть только на его родной земле. Понял он это просто и сразу же, когда последние двадцать лет ни разу не встретил их на других планетах. Здесь в одной из планет жили чайные пакетики обсуждающие сорта своих подружек и объём горячей жидкости, чтобы их завести, а в других, подшипники пытающиеся катиться вверх к сломанной игрушке лежащая здесь уже миллионы сотен лет. В-третьих, совсем уж из ума выжили сорняки и отрасли себе руки, чтобы играть в камень ножницы бумагу вечность. В-пятых, из других тех сотен миллионов возможных миров, на арене глубоко под землёй собирались пчёлы и занимались боевыми искусствами, подпольно организуя бои без правил. Безоговорочную победу всегда одерживал шмель, что притворялся пчёлкой, очень жирной и мускулистой.

Бывало, паук попадал и в мир, где на камнях сидели шнурки от ботинок и ждали, когда солнце превратит их в змею и они смогут ползать и наслаждаться жизнью. Мир, где по саванне бродил конь, желавший стать зеброй, ища полосы на песке, чтобы приклеить их на себя. Печально вздыхал и падал, плакал и страдал, вставал и снова шёл по песку. Бывало, запутается в копытце шнурок от ботинка и радуется шнурок, заползает на спину коня, и становится полоской. А конь, что уж тут сказать, совсем идиот, как и сам шнурок, и от счастья прыгает и скачет галопом до самого дома, что ему удалось стать зеброй. Так они дарят друг другу радость.

Однажды пауку удалось попасть в ад, где-то место, разумеется, мы говорить не будем и на какой планете, и на сколько световых лет влево надо лететь от планеты шляп, но всё же, где обитают все виды существ из всех вселенных. У каждого из них там своё время страдания. Каждый живёт в отрезке времени наносекунд и не видит друг друга. И тому быть думают, что это их персональный ад, хотя на самом деле это общий мир, где все они существуют, только в разных отрезках времени. Паук видел все отрезки одновременно, не потому что он был какой-то особенный, пусть оно так и было, а потому что паук был совершенно обычным и ему не предназначено было страдать в этом аду. Живые могли видеть всё. Не было в той планете и атому пролезть меж страдающих, и дышать было тяжело. Паук улетел отсюда и обещал себе, что никогда не попадёт сюда. Но мог ли он знать, что для пауков существует другой ад, где на их лапы будут надеты ролики, а до укуса жертвы не достаёт всего лишь одного миллиметра, чтобы утолить жажду голода. Но, давайте не о страданиях же будем, а о мирах иных. Ад не близок, смерть далека, жизнь сейчас и здесь обитает.

Чуть подальше от мест здешних в миры тогдашние, когдашние никто не знающие. Здесь случился первый во вселенной коллапс хаоса, где смешались виды энергии из мест чуждых друг с другом, создать дабы места в недрах своих непохожие. Тут, если падать вниз направляясь вверх, увидеть можно рождение своё на конце жизни перед смертью, но не смочь родиться и погибнуть вновь. Понятен, быть может, не станет мир этот и случаем воспользовавшись сказать можно будет, хаос он есть тому и быть, не похоже на что-то, что знаем мы, называется хаосом сим, одновременного присутствия смысла и бессмысленности. Заполнить ведро без дна водою, сшить воздух друг с другом, сказать слово и поймать рукою, крикнуть в пустоту и услышать ответ, может быть тут всё, да не всё там и случается. Никто не знает когда и почему, а что есть там почему и когда? Паук хватался за голову и принял было участь хаоса и жизнь оставить и смерть сберечь, прыгнул в водоём по случайности, и очутился дома вновь, а может не случайно было то падение.

В таких местах можно было застрять и потерять самого себя, затереться, позабыть место своё и место кого-то ещё, а что за кого, паук и сам не знавал, может забыл, а может и не помнил.

Скидывал паук рюкзак ни раз за день этот, не испив сока из убитых им мух и каши отвратительных внутренностей, и засыпал. И наутро день повторялся, но с новыми мирами.

Утром падал паук в водоём и попадал в мир теней, где тени жили, и у теней были живые тени. Как на земле, когда тень следует за человеком, а тут тень, за которым следуют все. Питались они солнечным светом и поглощали ауру звёзд, росли и становились сильнее. Время спустя такой один комок из тени сможет стать шаром и упасть в космос, став новой планетой, что будет поглощать свет из других галактик, когда окажется в них. Тенью, что убьёт солнце и само станет солнцем. Только такие звёзды будут отдавать морозом, но не жаром. Бывает, взглянешь в пустоту космоса, а там ничего нет, пусто совсем, ни света и не проблесков тепла, но в месте том звезда чёрная без ничего, что излучает холод. Планеты, что согреваются солнцем, казалось бы, которые должны быть испепеляющими камни, имеют на поверхности льды, и холод необъяснимый, то это, разумеется, дело звёзд из теней.

Бывало, что тени забирали тень паука, и несколько дней паук ходил без него, а затем возвращался домой, и тень приходила обратно. Видимо то было, что тени вокруг него отдавали часть себя, чтобы паук имел тень.

Огромная, безмолвная, ужасная и безмятежная вселенная полная чудес и волшебства. Невообразимо бесконечна она для видов в ней обитающих и страшна она в гневе. Что мы есть в этой безграничной пустоте? Кем мы являемся для неё, и для каких целей мы возникли в ней?

Наш крохотный дом-планета, сотканный из фотонов, мюонов и нейтрино летел через пространство времени, преодолевая сотню тысяч времён годов, миллионы мгновений создания галактик и миллиард всевозможных вариантов уничтожений планет и созвездий. Дом невесомости и ничто рассекал космос на неприлично большой скорости — миг которого не существует для остальных, чем-то схожий на воздух, обволакивающий живые существа в обитаемых мирах, но без которого невозможно представить жизнь.

Мы не могли изменить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее — за нас всё решили в день сотворения. Для нас планеты — это не просто места, что можно преодолеть на самолёте за трое суток, для нас, как жителей наименьшей массы ядра атома, потребуется всё немислимое время, существующее во вселенной со дня его возникновения, чтобы лишь приблизиться к объекту, виднеющемуся на горизонте.

Но, однако же, нам повезло больше, чем нашим предыдущим поколениям, и наша планета могла путешествовать через миллионы световых лет через пространство времени. У нас была возможность увидеть, как коллапсирует звезда и становится чёрным карликом, и как появляется первая чёрная дыра, и возможность своими руками ощутить холод умирающей цивилизации на краю вселенной, откуда началась гибель времени. Нам посчастливилось увидеть слёзы последнего живого существа и последнего вздоха его.

Нашему виду единственному во вселенной была дарована возможность увидеть зарождение первой жизни в ней, услышать первый крик в тишине, первые слова любви и печали. И это было прекрасно. Эти твари любили и оберегали друг друга, учились чему-то новому и изобретали. Но лишь до поры, пока конец созданной вселенной не схлопнулась с началом и она не стала новым началом иной вселенной. Мы варились в котле сотворения и стали сотворением этой самой вселенной вместе с ними и остальными галактиками.

Эта вселенная, поверьте, будет уникальной, прежде не похожей на себя. Здесь будут планеты меньше нашей, и миры могущественней теперешних и прошлых. Виды, что зародятся в этой новой галактике, где мы обитаем, можно назвать новым витком эволюции вселенной — её ростом. И новые законы, которые станут частью мира полностью изменят свойство нашей планеты, и скорость света, с которым мы путешествуем во времени, станет ничто иным, как обычным шагом по асфальту котом на земле. Законы нового мира не будут соприкасаться с прошлым, и скорость света для неё станет скоростью замедленного от удара об бетон мячика для пинг-понга. Эфир будет поглощать законы прежних вселенных, чтобы сотворить законы новой.

И в такой вселенной появиться возможность родиться прежде всего новому виду, который не мог бы существовать в другой. Взглянуть только на впадину около водопада на планете, застрявшей в щели на земле, и в ней непринуждённо ходят крохотные человечки, покрытые шерстью, как обезьяны и таскают на руках вёдра с водой и наполняют маленькие бочки. Те, что поменьше собирают высохшие листья деревьев и ветки от них, чтобы натопить баню, заварить на пламени чай и вскипятить воду в напёрстке. Здесь есть и те,

кого приручили — животные размером ещё меньше, каким-то неподдельным образом похожие на хомяков, но только говорящих на каком-то другом языке. Возможно, этот хомяк когда-то жил в другом мире отличный от этого, и случайно попал сюда. Хомяк не глуп, но всё же любит притворяться им, чтобы меньше работать. Бывает же, когда что-то идёт наперекосик и случаются несчастья и есть вероятность пораниться, хомяк высчитывает эти вероятности и меняет что-то в том мире, где живёт и несчастья минуют семейство шерстяных людей.

Человечки выстроили домики и топят печь, из окон домов доносится писклявые голоски и аромат выпекаемого ими хлеба из молотого зерна пшеницы выброшенный ветром, что они добыли близь водопада, и зажигают почки деревьев обвалявшийся в смоле липы, как свечу. Завешивают окна добытой ими где-то паучьей паутиной и садятся за стол. Отломив кусочек хлеба, они принохиваются к ней и закатывают глаза от удовольствия и улыбаются друг другу, и обмениваются кусочками трижды между собой, и утопают зубами в мякоть. Корочка хрустит, на глазах шерстяных человечков появляются слёзы, которыми они наполняют пустые стаканы из завёрнутого и заклеенного смолой листа. Сверху доливают обычную воду из вёдер, и что-то бубня, доедают хлеб запивая им. За этой трапезой им не удастся сполна наесться, и тому быть, они достают из печи нечто другое, не из пшеницы. Скорченного от боли таракана с разломанными лапками. Бывает так, оказывается, что слёзы этих человечков — это сахар. Но не все виды слёз подходят для воды. От радости у них идёт слеза со вкусом сахара, а от печали соли. Они плачут над телом таракана, им жалко его, они молятся какому-то придуманному божееству и стучат по столу и откусывают тельце мёртвого насекомого намазывая слезами. Непередаваемо. Сочно и вкусно. Хомяк предпочитает целый кусочек зерна. Отточив зубы, ложится спать на спину и начинает сопеть. Свеча из почки догорает и наступает ночь, когда солнце пропадает за верхом щели. Свеча не столь для света, сколь для тепла и уюта.

Кто бы мог подумать, что взрыв может породить что-то меньше, чем наша планета, и не грех будет предположить, что на той планете есть своя такая же щель с другими видами существ меньше их самих. Разве не удивительно жить в новом мире и познавать его заново? Планируешь обследовать новые горизонты, путешествовать по иным мирам и временам, а оно прямо под ногами и бурлит жизнью.

Подойдёшь к дереву, схватишься за ствол её, потрясёшь и с ветвей посыпятся русалки. Вонзятся они в кожу, как клещи и заплывут под неё прямо в вену, как в речку родную. Покроешься волдырями от укусов их. Трудно будет их вытащить из-под кожи, пинцета будет недостаточно, придётся травить железом из мяса, поглотить много его, чтобы у них началась аллергия. Выпрыгнут они тогда из вас и поползут на дерево ожидать другого глупца удосужившегося их потревожить. Не по воле своей такие рождены они, по случайности всякой произошедшей во вселенной.

Наклонившись испить воды, на вас запрыгнет выброшенный в реку ботинок, попытается поглотить вашу ногу и стать частью вас, этот ботинок любит, когда на него наступают. Внутри него будут сидеть окуни-завоеватели с вялыми водорослями попытающиеся утыкать вас и связать. Но, к сожалению, не смогут. Хватит лишь подуть на них, как их чешуя станет сухой, губы обсохнут, глаза слипнутся, и они будут просить пощады и желать, чтобы их выкинули в реку. Выкинете вы их в реку, они выплывут и будут кидаться ракушками и камнями, станут кричать на вас и требовать уважения к их виду. Скажут они вам ещё, что придёт время, когда миром будут управлять рыбы и все люди станут их рабами, что будут

возить их на спине на седле в специальном аквариуме. Стоило бы над ними сжалиться и порадовать их, поместив в цирк, где они будут помыкать людьми и думать, что это они управляют ими, а не люди рыбами. Глупость их несоизмерима величинами людскими. Махнут хвостом тогда окуни и скроются под водою речной и будут чертить планы на водорослевым блокноте чернилами кальмара плавником чёрным по зелёному.

Стоило мне сесть от удивления на камень, как камень тот встал, и потребовал извинений. Он плакал камешками и катался по песку вытирая глаза. Извинился, после чего камень лёг на то же место и уснул, потребовав уйти прочь из пляжа, на котором теплится. Грустно стало вдруг, как камню одиноко здесь, и тепло чтобы получить ему нужно лежать под солнцем, а не в окружении себе подобных. И видно было в то мгновение, как слезы замешкались и уткнулись в пузо камня и уснули вместе с ним.

Места уже и не было, где можно было полежать или посидеть. Знали ли вокруг меня другие на меня похожие о том, что происходит после перерождения вселенной или я был первым кому это удалось узнать и познать на своей шкуре? Видимо случилось то давно, и русалки, и окуни, и камни успели эволюционировать и время для них шло совершенно по-иному нежели нам.

По пути мне встретились странные растения, которые шагали по песку с рюкзаками на спине, где сидели семена — их дети. Дабы не спугнуть их, мне пришлось наблюдать за ними тихо, ведь стоило наступить на них, жизни пришёл бы конец. Они шептались на языке человеческом и рассказывали истории о том, что найдут новый мир для лучшей жизни. Растения играли на ветру зелёными волосами и пыхтели от усталости, обещая семенам и воду, и землю, и прохладу. Каждый шаг давался с трудом, и без питательного вещества столь много бывшего в почве, растение начало загибаться и утихать. Пришлось помочь и взять его на руки, от чего бедняга задрожал и скорчился, ожидая смерти, и бормоча про себя, что в жизни бывают случайности, когда их вид терпит поражение и умирает, закрыл глаза и обнял рюкзак.

В близь дома, где я жил располагался небольшой водоём с кувшинами лотоса. Положив на каменную изгородь около того места растение, ветер обхватил капельки воды и размазал их по стебельку растения, от чего тот открыл глаза и запрыгал. Видно, сегодня его счастливый день и он наконец-то сумел найти дом для своих будущих детей. Сжав пальцы на руке и поклонившись, растение запрыгало по кувшинчикам и исчезло среди зарослей камыша, откуда время спустя начали доноситься звуки радости. Первые детки были посажены в землю и листья камыша укрывали их от жары, а ветер дарил бриз прохлады.

Стоило только подумать, что чудеса закончились, как с неба на всех порах вылетели перелётные носочки. Они глотали воздух ртами и раздувались до размеров рыбы фугу, падали на землю, и бежали по земле прыгая, чтобы снова взлететь. За ними непринуждённо и тихо летела водолазка, мать всех вязаных носков. Опустившись до земли, она подхватила носочки и забросила на спину, и полетела к вышине небесной и скрылась за облаками. Только голоса сквозняка и слышались позади них.

По земле в то время мчал странный зверь непохожий на ни один вид из прошлого. На голове его сидели три носа в форме пирамиды, а вместо лап были копыта, но прежде всего интересно было, что туловище состояло из резиновых и медных проводов. То был зверь совсем странный, он запрыгнул на дерево, перекатился к дому и схватился руками за антенну на ней, и стал питать энергию, затем покатился по земле и запрыгнул к следующему дому возле дороги ведущему к нашему городу будущего и технологий, и став молнией

полетел наверх и превратился в облако похожее на кролика. И не требовалось и времени много, как что-то загромыхало и полился электрический дождь подпитывающий весь город электроэнергией. Раздался металлический звук и в центре города появился тот самый зверь, и откуда-то вытащил небольшой квадратный рюкзак с процентными делениями — батареею. Провода вдруг начали обрастать кожей, копыта разделились на пальцы, носы сползли на лицо. Один став носом, другой глазом, а последний ртом. Теперь это был обычный зверь, и, видимо, энергия нужна была ему, чтобы преобразоваться и переродиться в нечто новое. Как бы то не было странно, а это было очень странно, я удивился не больше прежнего и закрыв дверь лёг на кровать. Ну что же это за вселенная такая новая и фантастическая, почему всё так не похоже на прежнее хоть немного. Видимо и магии тут место есть, не иначе.

Потолок вдруг стал пластичным и перевернулся в мою сторону, и открылись на том потолке два огромных глаза. Существо смотрело на меня и молчало, ему что-то нужно было или он посчитал меня родителем было непонятно, и я медленно открыл рот и поприветствовал своего нового соседа. Потолок обвис, плюхнулся на меня и принялся обнимать и облизывать. Не хватало мне того, что было, так ещё и заниматься с этим существом не знаю чем. Но оно было неразговорчивым, сразу же после своего приветствия оно залезло обратно на потолок и обернулось собой. Видимо это был какой-то паразит, питающийся сыростью и пылью. Дома сразу же стало легче дышать, и запах затхлости в комнате исчез.

Затем было странное ещё одно явление ночью. За окном наступала ночь, первые звёзды уже расплосовали день во тьму кистью художника, как в небе появился фиолетовый монстр, именуемый себя богом ночи. И правда, его можно было посчитать чем-то божественным от одного лишь вида величия и размеров. Не меньше горы был тот монстр, и плавники были у него, и усы, чем-то похож на сома, но вместо хвоста пропеллер. Из пропеллера того сыпались разноцветные сны, дарящий спящим волшебство. Пыльца окутывала людей и животных спящих, и те улыбались всю ночь от наслаждения. Та пыльца долетела и до меня и удивительным образом прошла сквозь потолок и подарила сон. В сне том был нормальный мир, по которому я скучал, и всё необычное стало обычным, и по небу летали не рыбы, а самые обычные самолёты и аэропланы. Видимо, сом дарил мечту позабытую и желанную. В том сне наша цивилизация летела через пространство времени и изучала технологии по чертежам которых вскоре мне удалось создать устройства в реальности. Удивительный монстр и правда в каком-то роде настоящий ночной бог.

Сладко спалось всю ночь, а утром по небу пролетал чёрно-белый павлин с оленьими рогами, который собрал всю пыльцу и стал разноцветным и улетел прочь, и все существа на планете проснулись. Оно улетело в другие миры и растворилось в космосе, все видывали и всех то удивило.

Вселенная точно знала, что создаёт и почему, и не зря все существа так непохожи друг на друга, потому что у каждого из них было предназначение, даже самого незначительного из них, как мохнатые человечки или растения.

За ночь нашего сна на планете выросла большая и едва ли не самая единственная, громадная палочка одуванчика. На них взбирались люди от незнания для чего та существует, обрывали семена с них и прыгали вниз, и летали. Ветер подхватывал их и бросал во все уголки города и лесов. Приземлившись из тех семян, выросли люди — это очевидно был новый закон вселенной, размножение семенами. Но всё же, затем нам удалось узнать, что не совсем люди те семена были, а андройды, приближенные к людям, тела которых сотворил

могучий вселенский закон — строение атомов на том одуванчике не подчинялся привычному закону, что подчинялись для других видов. Атомы размножались и росли в количестве и перенимали способность принимать внешний вид самых разумных существ, чтобы выжить и адаптироваться. Но какова была цель тех семян на самом деле, так это помочь видам на планете не умереть и оберегать от случайных разрывов материй или сброса на планету отходов из других вселенных. Фантастика — андроиды умели открывать чёрные дыры, чтобы поглощать вещества угрожающие жизни и населению планеты, на котором мы находились. Разумеется же, семена эти были частью планеты, разумом, которое хотело выжить. Матушка природа. И совсем не удивительно. Нам суждено увидеть во вселенной ещё множество неизвестных нам чудес, стоит только опуститься на корточки и взглянуть на обитающих под ногами существ.

К примеру, на небольшом муравье бегающему по земле и взбирающемуся на дерево, строится город со своей гравитацией, в котором летают звездолёты и машины, где у окна башни стоит правитель того города и управляет им. Держа руку за спиной с маленьким пультом в ней, он даёт команду муравью. И через всего несколько манипуляций, прижимается тот муравей к гусенице, на спине которой находится ещё один город, и обмениваются припасами. Муравей может раскусить что-то и измолотить клыками в пыль древесину для строительства, а гусеница выделяет сок. И таких насекомых на планете бесчисленное количество и на каждом из них свои правители и торговцы, свой вид еды и вещей. Путешествие их вечно по дням, а по ночам жизнь спит. Лишь на некоторых из них горят огни и происходит ночная жизнь, смена. Бывает, когда муравей или другое насекомое умирает, те выдирают город со спины умершего и приклеивают смолой на другого. Самое удивительно во вселенной место, красивое, неизвестное и непонятное, но такое волшебное.

А, если бы мне захотелось принять душ, то стоило бы привыкнуть к новому миру ещё сильнее. Душ шипел и плевался ядом, но яд тот был совсем не ядовит, и вымывал злость из тела. Душ извивался и гневно умывал тела людей, а на дне ванной, что представляла из себя пасть пеликана, образовался чёрный комок чего-то перенявший облик рыбы. После того, как заканчивался час умывания, и я выходил из ванной и вытирался полотенцем из морской губки и пару щепоток звёздочек, пеликан запрокидывал голову за спину и глотал рыбу и всю воду вместе с ней. Ничего удивляться, считаю, пора бы уже привыкнуть. Но к такому невозможно привыкнуть.

Даже между кожей и ногтем кто-то обитал и кричал, когда приходилось чистить их от грязи. Видимо грязи там не было, и существовало между ними какое-то гадкое существо. Конечно, узнать мне всё же удосужилось кто там жил — это был Санта Клаус. В каждом пальце рук и ног по одному Санта Клаусу. Оленей мне не удалось найти, но это и не требовалось — это были безработные Санты, обитающие в самых неожиданных местах, уволенные из прежних мест работ. Вскоре встретил я и эльфов, они обитали в самом непредсказуемом для меня месте — на кожных порах лица, в особенности носа. Когда на лице появлялись прыщи, то при выдавливании из них выпрыгивал гадкий эльф, скорченный от ненужности обществу, такой белый и тощий. Видимо при умывании в ванной некоторые из них выходили умываться тоже, но яд, что не причинял вреда для меня скрючивало их и сжигало, а на дне они слипались между собой и превращались в рыбу — в волшебство так сказать. Кем же им быть ещё, кроме что не рыбой, самым бесполезным существом во всей вселенной.

Но что же вы не спрашиваете, отличается ли еда в новой вселенной от прежней?

Видимо вам не интересно, какие чудеса ждут вас на полках магазинов. Разговаривающие макароны, убегающие куски свиного окорока, и мстящая по ночам гречка из-за того, что съели их родичей. Бывает, что на улицах можно встретить протесты и разбойные нападения на добропочтенных граждан города продуктами, избиения котов до полусмерти и выбивание зубов у собак, потому что они съели кость или корм. Многие бедняги звери попадали в больницы, но не имели страховки, и из них делали кормы. И теперь подумайте же, как убитый зверь обретал новую жизнь в консервной банке и оживал, выходил на митинги и избивал своих родичей? Ха! Магия! Нелепые законы новой вселенной.

Дважды нужно подумать над тем, голодать или съесть этого вот джентльмена хлебушка или кукурузный початок. В зуб даст и не подумает.

А вот и закат, на небе появился ночной бог, что-то глаза слипаются, день был утомительно тяжёлым и увлекательным, пора спать. Надеюсь, ночью меня не задушит подушка. Изобретения, нас ждут новые изобретения... р-р-р, здравствуй реальный сон.

Но что же там, за реальностью? Каков мой путь сна? Я мечусь между мирами не зная, где лучше жить, и какова вселенная более благосклонна к обитателям его. По ночам во время сна меня бьёт блоха по лицу и требует помидоров с кровью, а двое голых белок бегают по комнате в поисках шубы, или в крайнем случае варежек, ну в конце то концов ниток. Под кроватью лежит черепаха на животе и читает книжки, болтая лапками в воздухе. На обложке книг исписано: «как расчленишь и спряташь тело: три действенных способа» и «человеческий суп с овощами в печи». Дочитав страницу, их перелистывает муха, теребя лапки друг об друга и бормоча, что так счастлив находиться здесь и сейчас, жалуясь на то, как ему оторвали крылья на прошлой неделе человеческие отбросы.

Чушь несусветная и ужасная.

Стоит мне открыть глаза, а большеглазого паразита на потолке и нет, за окном не летает ночной бог, из облаков не бьёт молния, а между ногтей не обитает Санта Клаус — сон, что стал реальностью, таким, каким и должен был быть мир до уничтожения вселенной схлопыванием конца и начала. За окном этого дома, где я проснулся, картина тех, кто сейчас в моей комнате. Я сторонний наблюдатель за своей жизнью из другой реальности. И мне, честно сказать, плевать на них. Вот через форточку залетает сова и садиться на кровать, вонзает когти в руку и сдирает кожу, затем клювом вытаскивает километры нервов и плотает, те нервы пищат и извиваются, пытаются кусать за лапы совы, но тщетно. Какие-то сбои в проигрывании реальности — совы нет, это лев срезает мясо и жуёт... мгновение, помехи, комната пуста. Игры разума. Видно, сны вырываются в реальность, реальность смешивается с хаосом сна. Верить ли тому, что происходит? Не стоит... Гномы мне так и сказали, что реальность не то, чем кажется. Гномам я верю, они спасли Белоснежку от злой ведьмы.

Этот мир по-своему уникален тем, кто привык к чудесам и чужд будет он обитателям реальности, где деревья не ловят креветок в сочки, птицы не учатся играть на фортепиано и не выступают в концертном зале, а на чайном листике не спит бурундук физик, уменьшивший себя знаниями и исследованием квантового мира.

Единственный чудесный мир во снах — это наш мир, что преодолевает времена прошлого и будущего и галактики, путешествует по планетам и ищет смерть и зарождение, учится новому и познает смыслы существования. В прочем то, удивляться есть чему, и миров похожих на новые за пределами сна множество. Их участь думать, что они уникальны сами по себе, пусть таких на вселенную ещё бесконечное количество вселенных и стакан десятков галактик. В том стакане живут боги, разные они по-своему, ужасные и коварные, играют с жизнями созданий своих, убивают и насылают несчастья, разводят руками на наводнения, а апокалипсисы для них очередная игра. Вместе они не встречаются, не знают друг о друге и никогда не видели. И, бывает так, что бог может начать верить в своего бога и создаётся новая планета над ними, где сидит ново названный бог и начинает управлять их жизнями лишь по той причине, что боги начали верить в своих богов.

В одной из планет через которую во снах мне пришлось перейти в другую вселенную через кротовую нору, на ней сидела коза в очках и облизывая копытца и нажимала на кнопки в пульте. Перед ней в маленькой раме внутри падали субатомные частицы, собиранием которых она создавала новых животных и планеты, даруя им способности.

Отбирая и веру, и свободу она считала, что делает всё верно. Она поправляла очки и облизывала нос длинным языком, прочищая его от соплей и судорожно что-то записывала в листок, лежащий на столе, и снова с довольным лицом уничтожала лишний атом и создавала новую картину из мозаик.

Бывало, она намеренно отрубала лапы существам, чтобы приклеить их, например, к камню или к банану, потому что ей так нравилось, и, разумеется, так было забавнее. В чем радость быть богом, если не способен сотворить что-то забавное и уникальное? Вот и я так думаю. Благо, не созданы мы ею, и слава богу. Он ведь и правда существует, бог ваш этот, и манипулирует законами вселенной.

Боженьки мои! Она настоящая! Созидатель и сотворитель миров! Она коза! Уму не постижимо! Да вот только стоит над ней начаться дождю из потерявших сознание комаров из параллельной вселенной из космоса, замёрзшие от холода, она отпрыгивает и сжимается в каком-нибудь углу и трясётся, ведь тех создала не она и знать, как будут вести себя комары она не может. Оживут и искусают, а того глядишь у неё раздуется голова и лопнет. А вдруг, комар тот превратит её в смертного человека. Неизвестность пугает больше всего на свете. Станцевав брейк-денс четыре часа и три с половиною секунды, те комары исчезали в пустоте, и она снова садилась на стул и собирала жизнь. Однако же, мы здесь не будем задерживаться.

Пролетев планету, наша маленькая система опустилась в комнату, где в маленьких спичечных коробках жили попавшие в ад. У комнаты не было потолка и потому она могла бесконечно расти вверх, и конца стен не было в той комнате, чтобы места хватило всем коробочкам и страдающим. На каждой спичечной коробочке, стоящей вдоль стен, было написано имя того, кто в нём жил и страдал, видя самые страшные свои воспоминания жизни. В одной из них жил Фасоль Хитлер, начавший войну на земле и убивший руками тех, кем управлял, миллионы невинных жизней. Хотя Хитлер утверждал обратное и кричал, что невинных людей на свете не бывает и каждый из них рано или поздно совершит зло, и совершили что-то плохое в начале жизни и до него. В какой-то мере Хитлер был прав и не было на свете тех, кто не убивал бы муравья случайно наступив на него, комара, когда тот пил кровь, рыбу, поймав на крючок, мокрицу, перебегающую с одного угла в другой угол. Фасоль Хитлер гладил усы и смотрел на жизнь, как на игру. Самым стыдливым его поступком было, когда он не мог дать отпор и казнить кого-то за то, что он обидел его. Моменты, когда во время выступления со стихами люди смеялись и насмеялись над ним. Хитлер опускал глаза и скованно, со слезами на глазах и обидой садился на стул и видел презрительные взгляды своих коллег.

Во второй коробочке сидел Леонардо да Венчик, адом которому было то, что он не мог никак закончить своё устройство для перемещения между городами через чёрные дыры. Ему не хватало знаний, пусть и показали, что такие технологии уже есть в будущем через телевизор в комнате. Ему и чуждо был телевизор, но о нём он знал уже многое и смастерил парочку таких из подручных средств в комнате, которые ему подсунули работники ада. Каждый раз, когда дверь начинала открываться, устройство рассыпалось на части и что-то ломалось, а бывало и исчезало. От злости Венчик стучал по стенам, и с них сыпались гайки без шляп, и отвёртки без крестовины.

В третьей сидел Потап из Владивостока, который любил сильно пить и наслаждаться пьянством, но не мог опьянеть. Он страдал. В комнате не было ничего, ему никто ничего не приносил, у такого человека в голове не было идей и фантазий. Грусть овладевала им

каждую минуту, и он видел на зеркалах вокруг себя, как дочь живёт без него и не вспоминает алкаша отца, и страдал от безразличия любимой дочери ещё сильнее. С потолка выпрыгивали черти и били Потапа кочергой и заставляли есть с пола лезвия. Исполосовывали лезвия рот и органы Потапа, он умирал и снова возрождался. Дочь исписывала тетради воспоминаниями о школе, как её били и называли сиротой, и, как она рыдала от боли и проклинала отца, что её оставил и не было того, кто мог бы её защитить. Она называла его предателем, человеком потерянным и приговаривала про себя, что рада, что Потап умер и другим не пришлось увидеть пьяницу отца в окружении порядочных родителей на школьных собраниях. В которые, к счастью, он бы не пришёл.

В другой коробочке вверх тринадцать и семнадцать влево, сидел Элдис Прейсли и сам создавал ад вокруг себя своим пением. Не потому, что он не умел, а потому, что у него отобрали дар пения, и вместо голоса выходил ужасный хрип, что никогда не утихал. Прейсли верил, что чем больше он будет петь, тем больше будет возможности научиться пению заново. Его пение могло войти в другие коробочки и измучить тех, кто терпеть не мог пения. Страшные когти вырывались из окон тех коробочек в жажде убить Прейсли. Везунчик же этот певец.

В следующей спичечная коробочка была заполнена океаном. На лодке кто-то сидел и черпал руками воду и пил, оглядывался и плакал, и не мог найти себе места. Его всё время тошнило на воду, солнце жарило, ветра не было. От головокружения и галлюцинаций по океану бегали киты с тростью с сумочкой льда за пазухой. За ними шли слоны с бассейном на спине, где купались в шоколадном коктейле бутылочки с газированной водой. А где-то вдали должен был находиться остров, на котором человека на лодке ждала еда, но куда он не мог никак доплыть. Чем больше он ударял по воде и приближался к нему, тем дальше уплывал. Звали его Робинфон Круто.

В сто сороковом ящике же из спички обитал Чарльз Чаплинский от шуток и кривляний которого собравшиеся на стадионе люди не смеялись и кидались пустыми стаканами из-под воды. Это было самое страшное для комика, найти десять тысяч человек в мире, которым не смешно от того, чем комик занимается. Но на стульях сидели надувные люди, голоса отращения из которых издавал свист ветра между ними. Он никому не был интересен. Печален был лик его, и слёзы канавы на лице выгравированы болью.

В другой коробочке сидел Александр Флейминкс придумавший пенициллин, но видящий на телевизоре совсем обратное. Люди после принятия таблетки умирали. Но каждый раз, когда у него открывалась язва, лекарство помогало, но только ему. И голод по жизни и желание помочь другим было сильнее, чем что-либо в его жизни, но он не мог ничего с этим поделать, и так получалось, что он убивал людей больше, чем испанка и малярия.

В триста девяноста второй комнате обитал Никофлай Котоперник, видевший, как люди считают, что земля является центром вселенной до сих пор. Его открытие никто не прочитал и не опубликовал, а рассуждения опровергли. Люди — это центр цивилизации всей вселенной. Не может быть, чтобы человечество вращалось вокруг какого-то там солнца. Котоперник так злился от этого, из-за глупости человеческой, которые могли и сами проверить его теории и доказательства, но те предпочитали ничем не заниматься. К тому же, не так оно и было важно кто и где вращается, если жизнь не обрывалась, а по крану текла вода, а на полях росли кукурузы.

Майкл Фарандей жил в одном из таких мест, Деффо и Чертчилль, и Кантт и множеств

других людей, как Эйзенштайн и Накалфилион, предводитель карликов. Бывали тут и Александр Сергеевич Пукукушкин, Михаэль Легромонтов, Лев Тосолстой. Каждый имел свой грех и воспоминания, от которых им было стыдно и больно. К примеру, Тосолстой не мог закончить свою книгу и после смерти, Пукукушкин не мог зарядить револьвер, а Легромонтов не стал героем нашего времени.

Боль и страдания обитали на этой планете, и каждый кто посещал мог забрать с собой пять неназванных коробок места которым, якобы здесь нет, и поселить в другой планете, которую спасающий посчитает необходимым. Мы с собой взяли несколько, и раскидали по городам и по разным планетам.

В мире, где обитали только стрекозы, мы оставили мальчика с пальчика, в стране мармеладных людей и животных, нам пришлось выпустить Мишку Гамми, а на трёх других местах из коробки вышел Дракула, Миямото Мусаси и Иван грозный. Она сначала начали драться между собой, но затем поняли, что планет тут три, и между каждым из них тянется мост. И они разделились и захватили каждый свой мир. Видимо, не столь много зла они натворили, чтобы попасть в ад. Но это уже не нам решать, пусть живут до смерти.

И вот, наши усталые двигатели пространства приближаются к месту для отдыха. Планета будущего, где по облакам летают настоящие машины, по земле ходят киборги и андроиды, а животные умеют разговаривать и пьют алкоголь. У каждого существа здесь есть разум, каждый из них личность. Вряд ли они нас замечают, но каково же это наслаждение быть неувиденным, отдохнуть и перенять знания здешних мест. По крайней мере, из-за того, что наша фотоновая планета вибрирует на другой частоте и может видеть отрезки времени будущего и прошлого одновременно, за несколько секунд нам удаётся изучить всё, что нам требуется и запастись энергией для дальнейшего путешествия.

Сколько всего ещё впереди, сколько планет...

Я встрепенулся. Стук в дверь разбудил меня, и я открываю глаза и снова попадаю в реальность и скидываю с себя одеяло из ската. Рассвет уже был, а на пороге стоит гриб с жёлтой шляпой и приветствует меня, заходит в дом и спускается в погреб, о котором я даже не подозревал, и выводит за ручку со сто и более маленьких грибочков с разноцветными шляпками. Как оказалось это его дети, что случайно ветром занесло сюда во время формирования планеты. Сняв шляпку поверх своей шляпки, гриб поблагодарил меня, попрощался и ушёл. Видно было, как переходя дорогу, он поднялся на дерево и сменил цвет шляпы на красный и автомобили остановились, а дети перебежали на другую сторону, а затем и он, в конце сменившись в зелёный. Я закрыл дверь и сел на стул, включив чайник и призадумался.

Рядом присел Рузвельт и похлопал по спине. Бармен налил нам по стакану молока, в котором брассом плавали пиявки опрыскивая её клубникой изо рта, и мы разговорились о жизни. Рузвельт перебежал по столу и сел напротив, свесил с них ноги и схватил меня за бородку и приблизил к себе. Я случайно чихнул из-за волоска, и Рузвельт полетел кувырком на пол, вытерся от соплей и залез обратно и начал ворчать. Затем подпрыгнул, взобрался на плечи и прошептал мне что-то странное на ухо. Он говорил на каком-то другом языке, я понятия не имел что оно значило. Повторив его слова вслух, передо мной открылся брешь между мирами, и из норы показалась мордочка крота, что махал мне рукой и звал с собой куда-то. Я не понял, огляделся и переспросил, показывая на себя пальцем, точно ли он за мной, на что он кивнул головой, и меня затянуло в брешь. Оказался я на корабле, где случайным образом моё тело уменьшилось соразмерно кораблю, и крот был моим верным

товарищем по росту. За окном был космос. Звёзды сливались в полосы и танцевали в темноте вниз и вверх. Через минуту другую корабль замедлился и остановился, и крот встал, перед дверью открылся портал, и мы вышли через него в лес. Обычный лес на земле с его соснами и берёзами, липами и елями. Пройдя пару сотен метров мы оказались около какого-то дома, и без слов мы вошли в него, и застали за столом кота в сапогах, пьющего водичку с мятой. Он встал и поклонился, и пригласил сесть, а затем рассказал о своей проблеме, по которой и позвал он крота. Странно, конечно. Оказалось, он просил бога о помощи, но отозвался только крот. Очень странно. Кажется, у крота была антенна, перехватывающая мольбы страдающих. Итак, суть была такова: «Спаси его детей от рук злых людей, которые заставляют носить их ошейники и есть кормы», так же говорил он ещё о том, что школы по языку котов закрылись, и коты тому быть и перестали понимать друг друга и общаться с людьми и объясняться с ними на их языке, чтобы получить желаемое. Одним словом, которабство тут процветало. Видно, по этой причине крот давным-давно сказал Рузвельту те слова, и этот миг был предвиден им в прошлом и видел он будущее, где был я, чтобы разобраться с проблемами котов и людей. Однако же это уже другая история, длинная и требующая много внимания к деталям. Если у вас есть коты дома, значит не всё ещё решено, и я борюсь с этим до сих пор где-то во времени.

А между тем где-то в другом отрезке времени, далеко в пространстве, в одной из миллиарда вселенных такой же я нахожусь дома и не встретил крота, не увидел его улыбку, короткие лапы и порталы в другие измерения. В это время я гуляю по планете и поднимаю листья деревьев, папоротника, пальм и ландышей. Листья те ворчат и истошно кричат на меня, плюются молоком и ядом, пинаются маленькими ножками и требуют уйти вон на другую сторону земли — людям таким здесь не место! Каким это таким? Обычным? Видно, есть здесь какая-то тайна и только листья знают кому место есть, а кому места нет. Но я не прочь поразвлечь себя новыми волшебными местами и видами тварей несуществующих.

— А другая сторона эта находится совсем неподалёку, в луже после дождя, в грязи. Вас завернёт направо трижды, семь с половиной вверх, трижды вниз, кувыркком вправо, и тогда и найдётся та сторона чужестранная, места обетованные.

Мне так сказала улитка с чемоданом вещей взбирающийся на стебель динозавровой фасоли. Фасоль жевала что-то и смотрела на меня глупыми глазами, сглатывала пережёванное в пасти и уходила взглядом прочь. Грязь по законам нынешним поглощает тебя внутрь себя и окутывает, а затем выплёвывает с обратной стороны планеты, где всё устроено совсем по-другому. Звери, которые могли обитать на этой стороне, здесь, на изнанке, как и бывает в мире, не обитают совсем. Не потому, что они не могут собрать вещи и переехать, а потому что им незачем это делать, ведь каждая из сторон сделана именно таким образом, чтобы именно этот вид мог выжить здесь и никакой другой не мог. По крайней мере так верили те, кто никогда не был на обратной стороне. На деле же никто не пробовал и не мог этого знать наверняка. Если внимательнее прислушаться к шороху и медленно повернуть голову, чтобы не спугнуть зверя, то там были некоторые виды из них, которые отличались от прежних лишь цветом или наличием волос на голове в количестве всего одной штуки.

Здесь были новые истории, о которых говорил мир в отрезке времени двадцать первого года — то появляясь, то исчезая в чаше «отрезков эпох», стоящей посредине дюн Мозамбикского оазиса. В той чаше показывается история о том, как на дне океана затонул батискаф и все люди на борту исчезли, съели их рыбы или кальмары-людоеды, акулы молоты или крили, совсем неизвестно.

Тем более чему удивляться, если человек лишь песчинка в океане, буквально песчинка, которую невозможно отыскать, если не знать, куда засунуть голову, чтобы застать их врасплох — прячутся песчинки очень хорошо. Однако мало кто знает, что, погрузившись на дно морское, в пучины тьмы, в впадину ужаса и кошмаров, их батискаф не взорвался и не сплющился. Отнюдь! Судно то нашло щель среди тысяч пузырьков в воде, куда их засосало в Атлантиду, в самом маленьком пузырьке в воде, где расцветал остров без вести пропавших. Затерянный человек и его друзья в мгновение до их собственной смерти оказались здесь в моменте до секунды взрыва корабля. Здесь величаво и гордо ступала стопа величайших учёных — Платона и Геродота. Здесь они учились и получали знания. Мраморные колонны выстроились вдоль мощёной тропы по обе стороны к памятнику Атлантида, создателя острова, по саду гуляли Афрокрокодита и Клеоносопатра и смеялись, прикрывая губы руками, а за ними непринуждённо взглядываясь на плоды персика и груш, шёл Боб Марлис и его друг Майкл Джейксон. Чуть выше парка на песчаной горке играли бабушка

Цветнаева и дед Хичкок, соревнуясь в том, кто первым напугает бедного и связанного на камне Прометейуса. Цветнаева, безжалостно ударяя лошадь Пржевальского, чтобы тот лягал мальчика в живот смеялась и радовалась тому, что боги, пусть и на половину, одарили её друга бессмертием и она может наслаждаться страданиями его много-много дней, а то и годов. Мальчик регенерировал, и плевался огнём, а те становились птицею Феникс и разлетались по Атлантиде оглашая внутреннюю боль немого Прометейуса. Чем громче был крик, тем быстрее возгоралась птица Феникс и становилась пеплом. И чем больше Феникс умирал, тем сильнее становился терпимым мальчик, что вскоре и вовсе перестал что-либо чувствовать и потешался над теми, кто над ним издевался, и громко и безмолвно смеялся, оглашая остров немой тишиной.

Попавшие из Батискафа люди в мир им неизвестный и затерянный, не понимали, где оказались, но были несказанно рады, когда узнали, что они выжили за мгновение до взрыва. Да, на той стороне пузыря их уже нет, и вряд ли кто-то и когда-то найдёт их тела и останки, но главное, что каждый раз вглядываясь в пустоту на небе, они будут вспоминать о том, что все люди смертны, и каждый день на земле погибают миллионы людей, а их миновала эта страшная участь. Увы, дороги обратно нет. Это место чем-то похоже на зеркало, когда вглядываешься в неё, то видишь только себя, но не тех, кто за ней. За зеркалом может стоять кто угодно, и даже монстр Франкенштейна с топором в одной, а головой только что уложенного в постель ребёнка в другой руке. Но важно ли это сейчас, конечно же нет. Вот, гляньте, на лестницу из радуги, как туда лезет Леонардо Ди Каприо, чтобы повторить свой самый легендарный подвиг — постоять у обрыва дыша воздухом из океана, потому что так сильно любит гайморит. Но вскоре же падает с неё кувырк, потому что его ударила родная бабушка пакетом по голове. Она знает, что без тёплых бабушкиных вязаных шапок и башмачков, ему не пережить потопление радуги в бездождливый день, и любимая Роуз его снова бросит, как ожерелье в океанское дно, ведь кому же нужен больной и беспомощный, сопливый мальчик в постели, за которым нужно ухаживать и подтирать нос? Возможно же такое, что тело бедного парня попало в Атлантиду через то же место на дне, через пузырьки? Разумеется, может быть всё! Бедного так расплющило сильно, что он с ума выжил и до сих пор думает, что сценарий фильма — это его жизнь.

Ну, пусть себе и живут там дальше, и переживают свои последние мгновения вечность, а мы перелетаем из той эпохи на планету обратно, делаем вдох и даём себе обещания, что больше не будем заглядывать в чужие окна, по крайней мере, пару дней.

Пройдя вверх по склону из песка, мы натываемся на колодец, заросший мхом и разбросанными по округу черепами диких племён Гунгху. Колодец тот прост до безобразия, и именно простота её конструкции сделало это место тем местом, куда стремились все паломники мира, и те, кто был на изнаночной стороне в туристических целях. Нет ничего более необычного, чем обычное.

Из колодца выползла девочка на животе, держа в руках пластиковую лопатку и ударила ею меня по голове, будто давно ждала меня, и мы с ней лучшие друзья. Она начала кричать, щипать и чем-то недовольно возмущаться, затем села рядом, и попросила усесться и меня, и сказала мне, что она моя неродившаяся дочь, а колодец тот, место, где мать утопила её. Конечно, ни жены, ни дочери, ни колодца у меня не было никогда, но во что, не поверишь, в мире, где существует всякое невозможное? Я похлопал её по спине и поцеловал в лобик и объяснил, что мне очень жаль, взял её за волосы и выкинул в колодец, сверху накинул большой валун лежавший неподалёку и черепа племён Гунгху. Никогда не хотел и хотеть не

хотел, и жена всё правильно сделала. Крики доносились ужасные, вопли вгрызались в барабанные перепонки, ещё бы на пару нот выше, и они бы лопнули. Чтобы заткнуть эту ничтожную тварь, назвавшаяся моей дочерью, пришлось нанять землебомбов. Эти виды животных представляли собой жуков навозников, перевозящие мины на спине. Они подняли их на край колодца и скинули вниз, и раздался взрыв, а из колодца вылетели остатки человеческого отхода. Кинув прощальный рык, жук ушёл, довольно облизывая мороженое, которое я ему купил возле пожелтевшего мха, где жила черепаха в панцире. У неё даже было крохотное окошко в ней, где можно было увидеть черепаху, бегающую по кухне и замораживающую мороженое в морозильнике. Голая, сморщенная, глухая и почти слепая. Конечно, проживите вы семь сотен лет и тоже будете сморщенными, нечему тут плевать и осуждать её выбор жизни.

Через минуту другую, около колодца собрались паломники и увидев, что колодец разрушен, отстроили её и начали черпать красную воду и пить её. Звери и люди начали мутировать и превратились в дочь, и теперь их было по меньшей мере двадцать, и все они были злы, и скалясь направлялись ко мне. Поддав нескольким из них в зуб оперкотом и хуком правой с ноги, я побежал вверх по горе и скатился кувырком в какой-то город, по улицам которых ездили еноты на машинах, бегали коалы с чемоданами, и запрыгнул в одну из повозок с младенцами, которыми управляли свиньи в чёрных очках. Выращивали свиньи этих людей для рабства. Дочери бежали за мной и падали одна за другой от усталости, и матерились на чисто португальском, впрочем, на том языке, на языке, котором разговаривали мутировавшие. Затем из города выходили медведи с автоматами и брали тех в заложники, чтобы они дали потомство, отламывали им ноги и скручивали руки за спину, закидывали в клетку и уходили обратно.

Вытерев пот со лба, я встряхнул её об голову младенца. Поты упали, затем встали и подбежав ко мне начали пинать своими ножками, и, наступив на них, те впитались в деревянный пол повозки. Свинья обернулась назад и увидев меня завизжала, и перерезала себе горло и умерла. Так свинья сильно испугалась, что человек возьмёт её в заложники, что предпочла покончить с жизнью. Но, однако же, свиной окорок ожил и спрыгнул с повозки, и побежал в город звать медведей. Так называемых опустошителей нечисти, которым был я. Повозка завиляла, попала в яму и перевернулась. В воздух полетели младенцы и стали грачами, и исчезли в небе. Наверное, так действовала атмосфера планеты за пределами повозки на детей. Печально было другое же. Из леса вышел лучник и сбил их, затем скрутил им головы и повесил на палку и ушёл обратно. А остальные выжившие из тех горстки грачей, может три или пять, их съели летучие мыши-драконы, изрыгающие пламенем.

Вдруг, что-то хлопнуло, и земля задрожала, и я увидел большую мухобойку размером с город, которая поднималась с полей, убив какое-то ужасное чудовище. Это был полевой клоп, не меньше грузовика, на шее которого болтались бутылочки с кровью. Они тоже лопнули и впитались в землю, и на том месте выросли кривоногие гоблины, и разбежались кто куда. Лишь меньшинство из них станет юристами и врачами, другие же разбойниками и будут грабить животных и людей. Если, конечно, выживут. В том лесу обитают змее-быки, Кито-бегемоты и лучелазерные бобры.

Упс... я случайно наступил на жёлудь, и тот обернулся кабаном, вложил в руку топор, и выдохнул горячий пар из носа. Он говорил о том, что люди совсем уже перестали уважать братьев меньших, и посягаются на территории желудей, на что я ответил, что они такие маленькие и их не видно. Ответ не дал себя ждать, и он ударом топора отсёк мне руку, и я,

встрепенувшись встал с кровати и понял, что сегодня мне точно не стоит открывать дверь грибу и выходить на улицу, заходить в грязь — я увидел своё будущее. Дверь заскрипела, ручка закрутилась, и в дом с криками:

— А вот и я, — забежал гриб, и принялся искать под ковром ручку от ямы с детьми.

Конечно же я не хотел, чтобы мне отрубили руку, и я отрубил шляпу грибу и сделал жульен, и съел его. Но это уже другая история, история в котором мне не стоило есть гриб. Меня завертело в галлюцинациях, и я упал на пол и уснул.

Мои глаза закатились внутрь моего тела, и я увидел, что состою из необычайно ужасных частей. В моём теле жили люди, то есть, какие-то бактерии, что занимались поддержанием жизни во мне, кто-то качал кровь, кто-то бежал марафон по всей дистанции артерий, другие залатывали раны, а третьи отвечали за разум. Какой-то длинный мутант похожий на сосиску шёл к двери, смотрел на часы на руке, затем вставал на плавающую на крови лодку и уезжал куда-то. Автомагистраль в теле, и не меньше того. В реке крови плавали длинные медузы, черви и крабы, они занимались сваркой клеток, хранили доступ во внешний мир, затачивая клешни для того, по крайней мере краб, чтобы прижимать кожу к коже. осьминог был конечно вне конкуренции и за один раз мог сварить пару тройку дыр в организме и спасти жизнь человеку, в этом случае мне. Оказалось, при падении я повредил голову и истекал кровью. Около дыры в голове собрались консультанты бактерии, которые объясняли новопривывшим бактериям, как и чем залатать дыру, те кивали и радовались, что скоро будут заниматься важными делами в моём теле. Бригады других бактерий в форме напоминающей пожарную униформу, несли на себе большую ткань, и прислонили к черепу, затем загвоздили какими-то органическими гвоздями к голове. Из-за угла показался гриб без головы, которого я съел и затянувшись сигаретой прошептал, что спасать меня не имеет никакого смысла, ведь сам я не хотел спасти тех, кто во мне нуждался, и рекомендовал отойди от дыры и оставить меня истекать кровью, затем закашлялся и упал на органы. Два тонких бактерии схватили его и положили на носилки, что представляла из себя другую бактерию с восемью ножками, и увезли в пищеварительный орган.

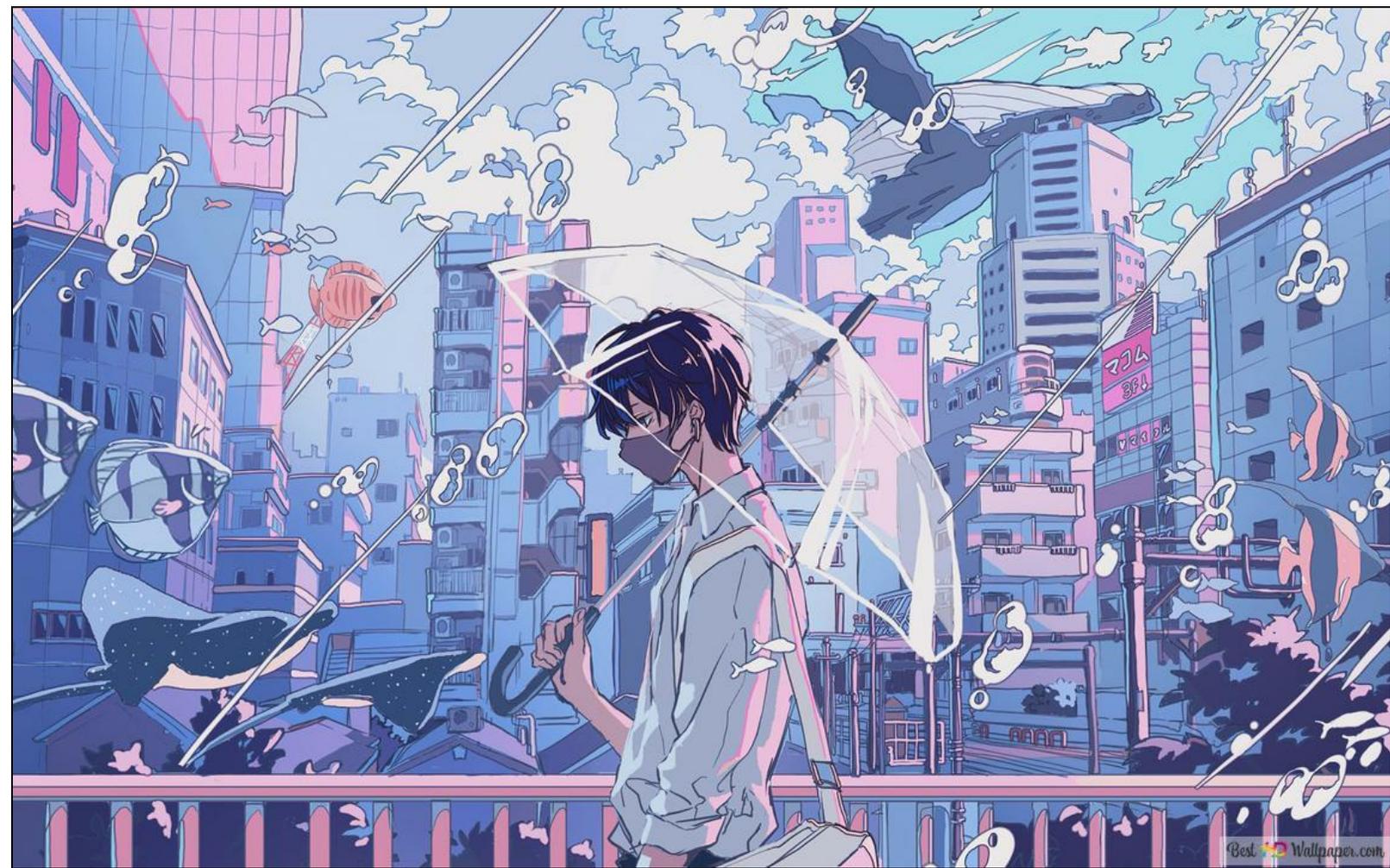
Не может быть, чтобы жизнь зависело от них, ведь они даже о себе не могут позаботиться нормально, но всё же они меня спасли, и не мне судить хорошо ли они делают то, что делают. Из глазных яблок выросли ножки, и я встал, затем на ней образовался рот, и я заговорил. Но сказать мне было нечего, бактерии общались телепатией и не имели ртов. Да и я сам едва ли мог сказать что-то кроме шлюп-шлюп и морг-морг, в себе я не имел мозга, и только наблюдал.

Сев на лодку я поехал по своему организму, и по пути увидел несказанное количество всего плохого. На цепи привязанный к стенкам тела свирепо рычал гепатит, рядом сидел туберкулёз, а позади него только что вылупившаяся раковая опухоль, что ела всякий шлак, который ей привозили. Затем я попал в желудок, где растворялись все неугодные мне, где был и сам господин гриб, он тянулся руками ко мне и просил спасти, но пол лица у него уже не было и растворилось в кислоте, и несмотря на то, что видеть это было отвратительно, мне стало жалко его, он умирал в мучениях. А затем на стенке желудка я увидел сморщенное лицо, которое облизывало весь желудок языком, затем откусывала кожу желудка и жевало, дико смеялось и радовалось, и звали его язва. Я даже не подозревал, что у меня она была. Скорее всего она попала в меня случайно с едой.

Вдруг, кто-то ударил меня по голове, и я покатился вперёд, но успел увидеть краем

глаза, кто это был. Больной какой-то вид бактерии, что назвался моим спасителем. Он твёрдо знал кто я и как тут оказался, ему пришлось многое сделать, чтобы вытравить галлюциногенные препараты из организма, бойня была кровавая и ужасная. Те бактерии захватили органы управления разумом и пытались сделать переворот в теле, показать то, чего не было. Но, как мы уже понимаем, всё то, что они могли бы показать, могло бы быть в любой отрезке времени в какой-то из мультивселенных. Впрочем, не в этой. Затем он подал мне руку, и рассказал, как ему тяжело со мной порой, и выпроводил до головного отсека, где помахал мне ручками и сказал, чтобы я больше сюда не приходил и забыл дорогу, и, чтобы меньше ел вредной еды и причинял боли другим. Впрочем, кивал я часто, но вникать в слова того, кто живёт во мне, не стал.

Я пришёл в сознание и осознал, что и бактерии тоже состоят из кого-то, кто в них живёт, и понял, что ничего не понял.

Невообразимые миры. Удивительные миры. Незабываемые миры. Что только в нём не увидишь, выйдя из дома до самобытной, скучной школы. В этом мире родился я, мои родители и все мои знакомые. Красивый мир. Сногшибательный и сумасшедший. Над мостом и дорогами, над лесами, над бетонными городами по всему небу расплылись разного вида воздушные рыбы — скаты, лоцманы и летучие рыбы, рыбы тюрбо, рыба-ёж, марлины и рыба-попугай, мавританский идол, биколор, рыба-ангел и даже киты.

Раньше мне даже в голову бы не приходило звать их по именам, но наша школа придерживалась того, чтобы дети знали всех, с кем им нужно подружиться, знать, какой из видов рыб ядовит, опасен, а которые не прочь помочь людям, прокатить их на спине и защитить, когда угрожает опасность. Для меня этот мир стал скучен и разнообразен даже несмотря на то, что каждый день я вижу, как из облаков выплывает кит и съедает с дюжину сотен воздушных крилей, как на полях пасутся скаты ощищая траву, а по городским электропроводам плывут электрические угри и поедают герцы. Из-за них часто в городе происходят перебои с электричеством, но, стоит признать, угри всё не поглощают и оставляют ровно столько, сколько нужно, чтобы город оставался работоспособным.

Ни рыбы, летающие возле меня и выпускающие пузыри воды в воздух, ни морские коньки, рассекающие улицы города, где я живу, не приносят мне никакого вкуса и удовольствия. Я очень давно уже задумываюсь переехать из этого города в чужую страну на другой планете за пределами нашей солнечной системы, где, по сказаниям родителей, нет

всех этих чудес и мир ещё скучнее. Это нам ещё повезло родиться в столь удивительном и уникальном месте, и нужно благодарить тех, кто нас сюда поместил. Вот чего мне сейчас не хватало в жизни, так это тишины, чтобы меня оставили на минуту другую, чтобы рыбы не ударялись об моё плечо возвращаясь домой после уроков, чтобы, гуляя по парку мне не нужно было здороваться с рыбами, смотреть под ноги, чтобы не раздавить их. Мне хотелось быть менее внимательным и менее заметным. Я хотел просто идти туда, куда хотел, лечь на поляне и, чтобы меня не били током скаты.

Сидя за столом и поедая морского окуня, мы спрашивали себя, а правильно ли мы поступаем с теми, с кем каждый день здороваемся и теми, кто нам помогает. Конечно, отец всегда находил ответы на такие, по его мнению, глупые вопросы, что выживает в мире тот, кто быстрее плывёт и не ведётся на приманки. Если окунь попался нам в сети, значит его судьба была умереть в этот день. Мать всё время кивала головой и соглашалась с ним. У неё не могло быть другого мнения, все они жили в то время, когда их родители и родители их родителей ловили воздушных рыб. Некоторые из них умели даже разговаривать, имею ввиду рыбы. Однажды идя со школы впервые за много лет, я заметил рыба-клоуна в цилиндре и тростью в руках. Либо где-то в этом мире есть школы, где обучают рыб клоунаде, либо рыба разумна. По крайней мере пару слов приветствия он развешал мне на уши на чисто человеческом языке. Это было впервые в жизни и в последний раз, больше я не видел того клоуна. И я часто начал думать, что многие рыбы вокруг нас умеют размышлять и бояться боли, что им хочется жить, что они даже могут разговаривать, но только не очень хотят этого делать из-за чего часто попадают на стол. Даже под пытками смерти, видимо, люди отвратительны рыбам и с ними не о чём разговаривать.

Мать заглывала кусочек рыбы и облизывала губы от молочного соуса, папа облизывал ложку, а я до сих пор сидел и думал о несчастной участи этих рыб. Они плавали по городу и даже не подозревали среди каких монстров им приходится жить. Если бы только они знали о своей участи, то уплыли бы отсюда куда-нибудь в другое место. Но, к сожалению, чего не было в других местах, так это избытка еды, что было в городе, и рыбы могли есть и выживать, не искать по всей планете остатки давно сгнившей мякоти хлеба, или кусочка сушёного сыра. Рыбы по крайней мере могли жить, вдоволь наевшись остатками своих сородичей.

По вечерам, когда мне удавалось найти время на прогулки после домашних дел, я направлялся в сторону леса, за границы города. Только здесь я мог насладиться более или менее одиночеством, и больших рыб здесь не бывало, а маленькие, как крысы, обитали только около мусорных контейнеров в городе, питаюсь мусором. Я поднимался на склон, где начинался лес, и ложился на траву и надевал наушники и лежал, смотря на небо. С этого ракурса большой город казался таким незначительным, а людей в нём можно было раздавить пальцем. Кит прыгал через облака в небе на соседние облака, рассекал воздух и выпускал фонтаны радуги из отверстия в голове. Вот чего не хватало мне в мире, так это тишины и красоты в один день. Всё казалось таким неважным. Ветер взъерошивал волосы, и шум прибоя волн от деревьев заставляло закрывать глаза и прислушаться к их крикам. Казалось, что лес страдал и ему не хватало рыб, которые будут ощипывать их листья, вырывать с корнем, разбрасывать ветви по планете ломая их. Вот так, оказалось, что, чтобы выжить, лесу требовалось страдать, терпеть унижения, чтобы расплодиться по земной коре.

С того дня, как земля сотворила эволюцией людей и дало им разум, а те построили города, леса начали опадать в тоску. Пусть мне и не было дела до их страданий, но я ощущал

их грусть по былой земле.

Затем, кто-то дотронулся до меня, и я снял наушники и сел. Рядом витал тот самый клоун, медленно играя плавниками в воздухе. Это был второй и последний раз, когда я увидел его. Он вглядывался в небо и в город, и о чём-то сильно думал, и задал вопрос, не хочу ли я что-то поменять в жизни, не кажется ли мне, что люди уже давно господствуют на земле. Так же он взглянул и на меня, оценил мою тоску. Его глаза были такие мудрые и грустные, казалось, что он даже лил слёзы по прошлому. Одинокая слеза вылетела из его глаз и стала круглой, как шар для боулинга и полетела к облакам, бликуя на солнце разными цветами, словно пролитая на воду масло. Разумеется, меня застало это врасплох, и с минуту я оглядывал рыбу-клоуна, и ответил, что хочу давно уехать в другие миры, где не будет всего этого. Я хотел мира и одиночества. Клоун похлопал меня плавником по спине и сказал, чтобы я пошёл за ним. Клоун умело рассекал воздух. Бесшумно его плавники ударялись об воздух и направляли его вперёд, и мы вошли в лес, сели на дельфиний-экспресс. Такие поезда были во многих городах и округе, что помогали нуждающимся. Вбиваясь в стаи и группы дельфины возили многие виды рыб, в том числе и людей, в разные уголки планеты. Чаще всего до работы и обратно. Подкармливали их кальмарами, единственными видами существ здесь, что не имели разума и не плавали по воздуху. Обитали они как правило в грязи, в мутной воде и в укромных, влажных местах с обилием воды.

Пару тройку часов рыба-клоун молчал, и мы добрались до другой стороны леса, где в кругу около небольшого валуна парили несколько рыб, один кит и сидел филин. Увидев меня и рыбу, они хотели было испариться, но клоун остановил их и сказал, что я один из тех, кто против той системы, что образовалась на планете. Скорее всего немногие виды на этой земле выступают против устоявшихся законов. Многим удобно жить в таких условиях. Но мы исключения, мы хотели чего-то нового.

На валуне лежало какое-то существо, оно поднимало руки и что-то громко объясняло, но морской язык я особо не понимал, у нас в школе не обучали этому. Рыба-клоун послушал существо и повернувшись ко мне объяснил, что придётся забыть всё в этом мире, родителей, друзей и одноклассников, ведь скоро нам придётся покинуть этот мир. Затем мы подняли существо и сели на кита, и размахнувшись плавником мы полетели к облакам. На облаках, увы, я ещё не был, нам всё время говорили, что ничего там нет, что полёт — это трата времени и ресурсов. Однако, в облаках мы спустились к какому-то замку, где нас встретила медуза. Она что-то жужжала и объясняла, размахивая щупальцами, но рыба-клоун лишь посмотрел на меня краешком глаза и ничего не перевёл. Войдя через дверь, мы сели за стол. Минутой позже отворилось окно и из него появился какой-то вид до селя мне неизвестный. В колпачке и маленького роста, чем-то напоминающий мартышку. Он постучал по груди и начал размахивать руками, что-то яростно кричать, объяснять, рассказывать, и подошёл ко мне.

— Ты меня понял?

Я кивнул, потому что мне было страшно, и переспросил рыбу-клоуна, на что он ответил, что существо просто недоволено нашим миром. Затем мы встали и пошли за ним к окну, и кит, казалось, даже никакими чудесами не сможет влезть туда, но, как же я ошибался. Кит проскользнул туда, как горячий нож в масло, словно мышшь в норку. За ним направились и мы. Выйдя с другой стороны, я обернулся, а окна уже не было, позади стояла лишь обезьяна, точнее плавала.

Таким образом, я попал в новый мир. И, как правило в этом мире рыбы не могли летать

и жили в воде. По этой же причине, разумеется, обезьяна выкинула нас в море, куда упала и сама. Плавать я, конечно, умел. Но прежде чем выкинуть в океан, у меня даже не спросили куда я хочу попасть.

Общего с рыбой и плавниками у меня разве что гладкая кожа, но с короткими волосиками по всему телу. Каких же богов стоит меня благодарить за то, что поблизости оказался остров? Мы с обезьяной выплыли на пляж, солнце нещадно испаряло нас. Обезьяна убежала на дерево, сорвала банан и уселась на ветке, а я же увидел дым вдалеке и направился в сторону предполагаемого огня. Обернувшись же назад в последний раз, я увидел, как на меня долго и пристально смотрела рыба-клоун, подозрительно прищуриваясь, затем развернулась и уплыла. Печально, что рыбы в этом мире теряли весь полученный опыт по изучению человеческого языка напрочь и не могли сказать то, что было у них на уме.

Дойдя до пламени "надежды", я понял, что попал в доисторический мир, где вместо городов были хижины и вигвамы, а люди только научились добывать огонь и общаться друг с другом. Около костра сидели несколько семейств и разговаривали, кушая пойманного ими на охоте какого-то зверя. Услышав треск веток, они вооружились копьями и встали, обернувшись ко мне лицом. Будь они хоть чуточку глупее и кровожаднее, то не миновать бы мне смерти, но благо, это были кочевые племена, а на дворе был девятнадцатый век. С доисторическим миром я чуточку всё же ошибся. Никогда в жизни не видел, чтобы небо было такое чистое, а люди такими простыми.

Эти существа угостили меня едой, спрашивали меня о прошлой жизни, но не веря в мои рассказы, лишь посмеялись и мы легли спать. Я никогда бы в жизни не подумал, что ночи бывают такими прохладными, а звёзды такими яркими. Здесь было миллионы и миллиарды звёзд. В моём мире на небе всё время мелькали рыбы и не давали взглянуть на небо так же долго, как здесь. Особенно по ночам, когда сардельки выплывала косяками, чтобы перебраться с одного конца города в другой. Стоял такой гул и треск, какое-то шлёпанье, что спать было практически невозможно.

Семейство спало внутри вигвама, я же предпочёл увидеть ночь — костёр трещал, на свет собрались насекомые, а где-то позади меня светились несколько белых точек, возможно хищников учуявшие запах еды. Утром рано проснувшись и поев, люди проводили меня до края своего поселения и одарили утренней едой на дорогу. Поблагодарив их на языке, который они возможно поняли, я ушёл. Мы знали по взгляду, что благодарны этому дню, потому что выжили.

Да, и правда, мир этот был скучен и разнообразен, но именно по этой причине он мне и нравился, только вот, тоска укутывала мою голову одеялом, и я думал, что родители наверняка не находят себе места из-за потери меня. Не редкость в наших городах, когда какой-то вид, как акула или косатка съедает людей. Может быть их успокоит письмо, которое я им оставил на кухонном столе, что направляюсь в новый мир. Знаю, глупо с моей стороны оставлять записки, когда рыба-клоун предупредил, что дороги обратно нет. Но так ли это на самом деле? Мне не хотелось верить. Однако же, в некоторые особенно звёздные ночи, я думал о родителях и о их приготовленной еде на ужин, как мне не хватало стряпни матери и философских размышлений отца, которые здесь не существовали даже на корню. Может быть, мне так повезло попасть на остров дураков, не знаю. Рассуждал о мирах в одиночестве, и в тишине слышал свои мысли. И мне это нравилось, и я приходил в замешательство, когда не находил ответов на свои вопросы. К примеру, ответ на вопрос, как обезьяна могла проделать столь большой путь ради кучки рыб и одного человека, как он

открыл окно в другой мир, и почему все они потеряли дар речи. В вопросах я находил ответы — новый мир был другим, что очевидно.

Целые дни бывали такими безобразными, что мне приходилось голодать, питаясь лишь водой из реки. Рыб я терпеть уже не мог. Убивать мне никогда не приходилось, и я находил небольшие горстки ягод на кустах и утолял жаждущий мяса желудок.

Как-то непривычно было и то, когда я похлопал медведя по спине и поприветствовал его, он погнался за мной желая оторвать голову. Только и спасло меня то, что в школе я был самым быстрым по бегу. Странные какие-то звери — кровожадные. И только тогда я понял, что звери здесь жестоки, когда, собирая хворост в лесу меня окружили волки и не реагировали на мои слова и рассказы о том, что я пришёл в этот мир ради лучшей жизни. Один из них успел ранить меня когтями, и снова дерево спасло меня, и впредь я был осторожнее. Временами я даже осуждал себя за свой выбор. Почему мне не жилось в моём мире спокойно, где каждый зверь имел настоящую душу, рыбы умели разговаривать и уживались с людьми? По ночам, когда по мне ползли насекомые, всякие гадкие жучки, я жалел о том, что любил тишину. Я слышал каждый шорох, каждую лапу на траве, жучка поднимающегося по стволу дерева, и птиц, поедающих их. Я слышал, как чавкал жук другим жуком, как зверь вырывал плоть от другого зверя. Меня пугало всё моё окружение, и даже музыка не спасало меня, особенно когда нужно было наострить уши и быть готовым бежать.

Пару ночей я спал в апатии и страхе, затем привык и уже не обращал внимания на насекомых, научился строить убежище и добывать еду. Рыбы, особенно пресные, были довольно вкусные, и чем-то точно отличались от наших сухих рыб. Отныне я не начинал разговоры с рыбами и ловил их лишь для еды, поняв то, что пора бы уже забыть былое прошлое — рыбы глупы и не чувствуют боли.

После долгих скитаний я нашёл небольшой городок, где и обустроил свою жизнь изредка вспоминал родителей, став родителем сам. Эта была отличная жизнь полна счастья и улыбок, у меня была прекрасная жена, которой я рассказывал свои истории из прошлой жизни, на что она махала руками и говорила, что таких сказочников никогда не встречала, и что любит мои истории. Пусть она и знала, что я из другого мира, даже замечала это в некоторых привычках, но не верила мне. Жена советовала начать писать книги и продавать их, на что я просто улыбался и говорил, что хочу тишины. Но тишину прервали дети, которых мы хотели, и я стал любить хаос и их крики. И только став родителем я понял, что тишина даёт столько мыслей для размышлений, но только хороводы криков детей и жены — жизнь.

Я хотел бы вернуть время назад и вернуться, чтобы попросить прощения у родителей, но рыба-клоун лишь рыба-клоун, а мартышка — лишь обезьяна. Надеюсь, когда-нибудь они забудут меня и не будут вспоминать со слезами, а только с улыбкой. И пусть. Пусть верят в то, что меня съели касатки, а не то, что я устал от их самобытной жизни, и стаи рыб на небе. Простите, я хотел бы рассказать вам больше о своей жизни, как я прожил её, как выживал, как нашёл общий язык с новыми людьми, но у меня слишком мало времени для жизни. До новых встреч читатели моих книг. Да, вы правильно поняли, с появлением детей я больше стал прислушиваться и начал писать книги. Но знайте, где-то в будущем я ещё свяжусь с вами и расскажу о случае, что перевернуло мою жизнь. А сейчас, прощайте.

Би-и-п.

Летит стая хищных персиков рассекая ванильные облака по небу к южному полюсу уничтожая их — чирикают, ловят жучков и пикируют к родникам с ядовитыми черепахами и деревьям с светомузыкальными бабочками. Те выныривают и увидев персики, прячутся — никаких сегодня дискотек под дубом — опасно. Там приземлятся они и осмотрятся, затем уйдут, поднимутся по тропе заснеженной на самую высокую точку гор опасных — выше тех мест, и будут откладывать яйца с маленькими персиками и виноградками — и будут им кидать мёртвых жучков, переваренных в персиковом желудке. Но всё же речь пойдёт не о них... а об мире из пластилина.

Мир тот не отличается можно сказать ничем, и люди всё так же ездят на пластилиновых машинах, живут в пластилиновых городах и домах, носят пластилиновые сапоги и одежду, и так же сидят у пластилинового моря и любуются пластилиновым солнцем. Солнце не греет, но дарит свет и окрашивает тьму в день. Море здесь лишь тает и обретает причудливые формы, но именно так и волнуются моря в пластилиновом мире.

Каждое утро Френсис встаёт с пластилиновой кровати и ест пластилиновое печенье и пьёт пластилиновый чай. Вкуса у них нет, но где-то глубоко в голове в них заложена мысль, что пластилин в стакане утоляет жажду, а на тарелке — голод и даёт силы на жизнь. Но как сильно может голодать пластилин, неизвестно, но всё же, эти люди ходят и играют с детьми на парках и площадках, рискуют жизнью и прыгают из самолёта с парашютом за спиной. Но как-то мало парашют им помогает, и пластилиновые люди врезаются лицом на землю из пластилина и становятся частью земли, расплываются по всему округу на плоские частички — вылетают глаза, голова, отрывается ноги и руки у них, волна от удара раскидывает их на близлежащие объекты; деревья, столы, стулья, дома, машины, зверей — как повезёт. Их выколупывают из земли плоской лопатой из твёрдого, острого и высушенного на ветру пластилина и собирают заново, после чего тот оживает. Человек встаёт и отряхивается от лишних кусочков залежавшегося пластилина на модных штанах и оглядевшись на всех смеётся:

— Ух, чуть не умер! — смотрит на небо и вытирает пластилиновый пот со лба и добавляет:

— Высоко тут у вас, страшно то как! Хорошая вещь этот ваш парашют, жизнь мне спасла!

Пластилиновые люди смеются и хлопают того по спине, хвалят насколько он крут и смел, переглядываясь между собой, и говорят клиенту, что всё было задумано так, чтобы парашют спас его, но никто не говорит, что он умер и его собрали на операционном столе заново. Прямо тут, на улице. Если этот гражданин пожалуется на услуги пластилиновых инструкторов по прыжку с самолёта на нераскрывающийся парашют, то возникнут проблемы. По крайней мере такого ещё не было, но все боятся быть первыми. Они разбирают операционный стол и прячут, сооружая из пластилина стог сена или какого-нибудь жеребёнка, пасущегося на поле. Никаких сомнений в парашюте у клиента не возникает, иначе он бы точно умер и никто бы его не спас, тем более с такой-то высоты!

Здесь и дети создаются так же, как и на земле, только с одним отличием. Когда женщина пластилин и мужчина пластилин соприкасаются друг с другом, они слипаются, а при отлипании, кожа пластилиновых людей тянется от тепла, и тот комочек, что остаётся

после этого, и падает на пол, из него лепят ребёнка и вдыхают в него жизнь. Как это происходит неизвестно, но вот что известно доподлинно, так это то, что, когда пластилин принимает форму человека, через минуту пластилин оживает сам. Таким образом, взяв от матери и отца часть их сущности, тела, органов — рождается ребёнок. Растёт он тоже совершенно удивительным образом так же, как и все в мире пластилиновом через еду и чай. Новый пластилин поступает через ужин и завтрак, благодаря чему малыш растёт и становится частью взрослого общества. Конечно, им требуется не столько много лет, как на земле, и вырастают они за месяца два, и начинают самостоятельно жить и работать. По той же причине, став взрослыми, но в душе будущи ещё мальчиками, они прыгают с парашютом, гоняют на машинах и взбираются на водонапорные башни — риск у них в крови, потому что они не жили по-настоящему. Взрослые дети. Большинство из них впадают в депрессию и проклинают родителей и мир, в котором они живут за скоротечность их времени. Но немногие из тех пластилиновых людей чьи умы настигла депрессия отказываются от еды и дольше ходят детьми, и некоторое время спустя понимают, что для жизни не нужна еда из тарелок, не нужны никакие водные процедуры в ванной или пить из стакана родниковую, пластилиновую воду, о которых так часто любят повторять взрослые. Дольше от этого дети остаются детьми и радуются, что не нужно ходить на какие-то там работы, которые не приносят пользу никому. Работа в мире пластилиновых людей бесполезна. Люди работают лишь от того, что им скучно и день проходит невообразимо долго.

Магазины работают почти круглосуточно, потому что редко кому из людей нужно спать, и они продают пластилин другого цвета из которого слеплена одежда и обувь. Зелёный фартук, кроссовки, жёлтые носочки, красный пиджак, который нужно лишь наклеить на себя. Состоит тот пиджак из двух частей, задней стороны и передней на которых нарисована «п» и «з», что и означает какую сторону куда клеить. Не забывают и маленькую полосочку, которая прикрепляет рукав сзади с передом. Такие вот чудеса.

А машины и вовсе сделаны самым простым образом, из старого, залежавшегося пластилина твёрдость которого никого не удивляет. Вместо колёс пластилиновые шарики, которые могут поворачивать в любую сторону. Только эти машины работают по-другому, чем на земле. Чтобы двигаться на них, снизу машины есть дыра, куда люди просовывают ногу и толкают машину. Таким образом, машина становится лишь местом уединения и возможностью посидеть до работы. Однако люди другого и не знают, потому покупают в обмен на кусочек своей плоти из которого создаются дальнейшие машины. И вот...

Если пойти вдоль кафешек и ресторанов на главную улицу, затем свернуть в переулок зелёных фонарей и квакающих светильников, спуститься вниз к кладбищу потерянных пластилиновых людей, можно увидеть, как около алтаря жертвоприношения на коленях сидят и молятся горстка детей, которые просят бога спуститься к ним и забрать их в новый, лучший мир. Они верят, что мир может состоять из большего количества городов, чем один, что в других городах не бывает стен до небес, а ночью на небе что-то может быть кроме окрашенного в чёрный цвет солнца. Дети плачут пластилиновыми слезами, собирают их в горочку и кладут на алтарь и кричат, что хотят другой жизни. Что есть каждый день комок пластилина — это ад, что пить комок пластилина — это ад.

Вероятно, бог их слышал. Над городом наступал день, и дети чудесным образом исчезали из города.

Тем временем человек из нашего мира открывал коробку размером с небольшой стол, включал лампочки на стенде и забирал тех несчастных на другой стенд и теперь дети были

среди жучков, среди домашних питомцев от которых им приходилось убегать, потому что ящерицы хотели узнать «как дела» у новых обитателей. Пластилиновые дети бегали по террариуму и кричали и просили прощения за то, что обидели бога и принесли в свою жизнь ещё больший ад. Ящерицы откусывали с них плоть и глотали, жучки отрывали кусочки и уносили к себе в гнездо, дети лежали в горе мусора и рыдали слезами, но бог уже ушёл спать и видел сон. Бог не слышал криков детей, ведь когда он смотрел на них, они были лишь игрушкой, не живыми объектами, и жизнь начиналось только в моменты, когда бог отворачивался. Может быть, сам бог не ожидал, что он бог, и что его действия имеют последствия. И то, что он выкинул пластилиновых детей в другое измерение — чисто случайное совпадение.

У некоего человека-бога были множество стендов с живыми существами, он коллекционировал их и верил, что в каждом его сооружённом мире обитает кто-то. Верит — значит существует. Так оно и было. Однако, бог сам не видел их, ибо был занят созданием новых стендов с мирами. К примеру, в одной из миров состоящий только из микросхем, и представляющий из себя плату, в каждой из частей микросхем обитали киборги, то есть, нано роботы, которые даже не догадывались о существовании других миров, кроме их мира. Этот стенд с киборгами работал на электрических импульсах. Человек никак не мог увидеть эти импульсы, вероятно из-за того, что за секунду плата могла сделать вибраций в несколько миллиардов раз туда и обратно — что для самих нано роботов было скоростью не отличающимся от скорости, например, катания по льду на коньках. Вроде были искры, какие-то щелчки, шумы и вибрации, но кто обитал в тех искрах, для человека было неизвестно. Но мы расскажем вам, что здесь были и машины на рельсах, и самолёты и звездолёты перелетающие по неким существующим в обществе правилам с одного конденсатора к другому, автобусов возящих рабочих с одной микросхемы до другой. У тех нано роботов были режимы, когда первая смена отработывала часы, уходила спать, а другие работали вместо них. И всё это происходило всего за одну секунду жизни бога — работать, спать, отработывать, заменить, распясть, умереть и родиться новому роботу.

Неподалёку на другом стенде, крича от боли и изнеможения бежит альпака с тележкой привязанный к шее, гружённый шоколадом и трупами детей, что лопнули поедая его. «Не ешьте дети много шоколада» — надпись сзади той тележки. Следом на фургоне подъезжает мини стриптиз, внутри которого — эрозобра, танцующий стриптиз на шесте, опрокидывая голову назад, облизывая пасть язычком, и медленно поднимающая копыта вверх по шесту, соблазняя смотрящих. Сюда заглядывает лев, гиена, шакалы, гепарды и крокодилы — правда какие-то крохотные, ведь они лишь декорации стенда с новым миром. Они обливаются так же, как и зебра, но стоит им дотронуться до них, как из-за гор поднимается Кинг Конг и скручивает хищника и выкидывает на улицу, где за ними приезжают большие мускулистые буйволы ступающие по земле на двух копытцах, связывают руки и ноги, а затем увозят в неизвестном направлении. Вскоре, разумеется, становится известно, что они трудятся в шахтах глубоко под землёй, чтобы искупить свой грех — убийство. Точнее недержание сил своих и желание убить существо невинное, пусть и соблазняющее.

Мартин, что ты творишь! Алекс, соберись!

Таким образом становится известно, что стенд многоэтажный.

— Мальчишки и девчонки, а также их родители, чудес прохода заднего увидеть не хотите ли?

С этими словами, эрозобра развернулась и что-то и правда чудесное начало светиться и

играть разными цветами, и все собравшиеся в небольшом театре зажмурились и оказались в папоротниковом мире, где по небу летали змеи из мармелада, а на ветке дерево сидел мишка Гамми и отрывал голову железной змее. Спустился он значит и подошёл к новоприбывшим и выплюнул голову ползущего гада, та плевалась желатином ещё несколько минут, и погибла.

— С какими вестями ко мне пожаловали?

Танцуя и виляя задницей к мишке подошла эрозобра, подняла лапу и положила на его плечи и зафыркала прямо у лица и облизала мочки шерстяного уха.

— Мишуль, мой дорогой папуль, привёз я к тебе туристов для мест здешних, я знаю, что тебе скучно жить здесь.

Гамми повернул голову к эрозобре, поднял свою лапу и схватил её за горло одной, и другой лапой сжал и сломал напополам кости копыт на плечах. Затем не теряя ни минуты времени раскрыл рот с клыками и оборвал голову и лишил жизни зебру. Пасть покрылась кровью, тело упало на землю. Из того тела торчали трахеи, мышцы, волокна. Все присутствующие в это время гости начали пищать, как свиньи, рвать волосы на голове друг друга от страха — рвать на себе большее, очевидно. Настоящий монстр предстал перед ними! Грызли когти и дрожали все без исключения. Будь здесь бобр, он мог бы соорудить целый замок с помощью них.

— МЫ ВСЕ УМРЁ-Ё-Ё-ЁМ! — лев стучал по земле лапами, разбрасывая грунт высоко небо, подхватывая их когтями, затем бешено бегал возле деревьев, вместо того, чтобы убежать. Позади него тянулись покрытые в экскременты змеи, что налипли на него упав с дерева.

Никто не ожидал от льва такого, да и мы тоже! Затем зебра зашевелилась, почесала задницу, и встала с земли, и чудесным образом у неё начала вырастать голова.

— Хватит так орать! Даже после смерти спать не дают! Из-за таких сумасшедших криков мне пришлось воскреснуть, чтобы заткнуть вас! Гиена, дай по морде этому трусу! — и та послушно ударила льва по морде.

Лев остановился и встал, как вкопанный и затем упал на зад измазавшись в собственном дерьме. Но зебра сразу же объяснила всем, что это место отличается тем, что здесь невозможно умереть. Иначе как бы Гамми выживал без своих мармеладок, не было бы их уже давно. И тут же голова змеи на земле обросла хвостом и туловищем и полетела к небу.

— Видите? — показав копытцами на змею, — Помните, что место здешнее опасно, но не смертельно, — и подойдя ко льву начала танцевать на нём стриптиз, — Помни, помни одно, мой зад не для тебя дорогуша, помни это, помни!

Лев хотел было содрать с эрозобры кожу, как вспомнил, что Кинг Конг может перемещаться через измерения и схватит его, закрутит в верёвочку, сунет в консервную банку, поотрывает лапы и потому утомился. Пришлось терпеть льву наглость зебры. Этот монстр видел всё, как бог. Зебра долго тёрлась задницей об лицо и пах льва, затем побежала к другим зверям, и сделала всё возможное от себя. Потом заявила, что работа на сегодня окончена и теперь она котёнок. И стала котёнком. Запрыгнула на дерево и уснула. Оказалось всё то не тем, чем было, и котёнок как и все виды на той земле приходили на работу и надевали маску и шкуру других зверей и играли лишь свою роль, чтобы прокормить сорок девять детей дома. Теперь понятно стало, почему она выбрала работу стриптизёрши, ведь другого коты и не умели делать, кроме что тереться телом к другим существам. Может кот и вовсе наврал, а под костюмом была запасная голова.

Гамми собрал всех рядом с собой и пригласил в гости. И съел там всех. Говорит, что устал жить разнообразием, и надоела питаться мармелодами и скучает по настоящему мясу. На это зебра и намекала. Но вы не бойтесь его, на самом деле он добрый.

Внутри мишки была клетка, другое пространство, куда попадали те, кого он съедал. Те могли возродиться, но выйти не могли. Таким образом, львы, гиены и шакалы ели друг друга и поддерживали в себе энергию, однако, они питались и мармелодами. Ну а куда деться, и корой дерева, и папоротниками тоже кормились, будто они коровы, а не хищники.

Зебра лишь заманивает тех к себе, в чудесное место под названием «мальчишки и девчонки» и отправляет гостей на убой. У них бизнес — мишка даёт возможность выйти эрозевре из клетки, но вместо этого она должна носить к нему мясо. Тиран и жестокий убийца, и мы никогда об этом не знали раньше, то есть не узнали бы, если бы не увидели это своими глазами. Так бывает, когда питаешься одним и тем же годами, мишку можно понять, ведь он хищник и вовсе не пластилиновый. При возможности мишка, разумеется, выпускает одного или двух из клетки, и те появляются на планете, и убегают, а Гамми охотится на них. Забава у него такая, издеваться над жертвой.

В то время кот спускается с пальмы, облизывается, смеётся и надев костюм зебры, перемешается к себе в театр, где он вновь играет роль стриптизёрши и заманивает новых клиентов. А их бог подкладывает постоянно, когда замечает, что игрушки исчезли.

Новый мир девятьсот семьдесят один. Забытые люди с множествами вопросов. Им многого не нужно, лишь бы понять своё место во вселенной. Домик на небольшом участке леса вдали от шумного города, в окружении природы и звёзд. Тишина. Ручьи и насекомые. Пустые тропы и одинокие следы человека живущего здесь. Потерявший всё и желающий понять для чего он есть и есть ли он на самом деле. Какой-то тайный заговор против человечества, издевательство, а не жизнь! Мысли приходят и остаются, столько вопросов, столько размышлений. Летящие самолёты на фоне луны рассекающие её вдоль. Крыльцо. Комары. Открытая дверь.

Постанывая от боли в спине в дом зашёл человек, забытый всеми и вся. У него не было сил даже закрыть дверь. Его жизнь — это дорога по тропе в лес и обратно, его обветшалый домик — и есть его смысл возвращаться вновь и вновь.

Старик рухнул за стол и включил дряблыми руками светильник. Затем, выдохнув, будто намеревался завтра покончить с жизнью, взял шариковую ручку и начал записывать в тетради мысли, изредка смотря на тёмное, ночное небо сквозь окно. Пальцы дрожали, старик что-то придумывал, ему было сложно водить по листку тетради, но он продолжал. За окном сверчок сидел где-то на прохладной вечерней траве и играл на «скрипке», но об этом сейчас ему задумываться было не к чему, старик отстранился от мира и вглядывался в закоулки своего мозга выискивая нити размышлений. Ткнув в лист, старик продолжал расписывать страницу за страницей и улыбаться. Он был так рад, что может это делать. Мысли лились рекою и не переставали заканчиваться.

«Планеты — это все лишь мозаичные кусочки целого монстра обитающий вне нашей вселенной. Если посмотреть высоко вверх находясь в невесомости, можно увидеть лишь маленькие огоньки вдалеке, то мигающие, то исчезающие — умирающие цивилизации, когда-то существовавшие миллиарды лет назад по человеческому времени. Мы не увидим наверху ни «божьих» органов, ни летающих драконов, ни самолёты перелетающие из одной вселенной в другую — увы. Мы настолько малозначимы во вселенной, что наше уничтожение не станет чем-то плохим или хорошим, на нас будет всё равно. Каждое наше действие так или иначе заставляет либо страдать, либо быть счастливым то неведомое существо. В том смысле, что мы паразиты, что суём голову не в то место и не в то время. С другой стороны, «богу» о нас и знать незачем. Лишь бы был жив он.

Мы — клетки в его теле. Все планеты в космосе — это атомы в строении тела нашего «бога». Но самое забавное в это всей истории то, что даже мы, если и есть часть тела существа обитающего вне нашей системы, то и тогда мы, даже в этом случае, к сожалению, лишь часть ещё более крохотная, чем сам атом или, более того ядро. Меньше известных нам кварков и бозонов. Если для нас существуют столь крохотные частицы, то насколько же ничтожны мы в его теле? Именно по той причине существ возле нас нет. Мы являясь планетой в этом микроорганизме отдалены от других бактерий настолько далеко, что нам понадобится триллионы и больше лет, чтобы отыскать себе подобных существ, если повезёт, а если не повезёт, то мы все умрём и о нас никто и никогда не узнает. Но что мы есть в такой крохотной системе, и как нам поможет то, что мы отыщем другие виды? Ну, да, нас станет на две цивилизации больше, но сколько ещё клеток в теле «бога»? Мы не приблизим себя к пониманию строения вселенной даже на одну миллиардную долю

процентов от одной миллиардной доли. Мы никак не сможем связаться с «богом» даже при всём своём желании сколько бы нас не было. Возможно, собравшись в одну кучу, мы станем лишь опухолью и нас вырежут на операционном столе и выкинут в мусорный бак. Видимо у «богов» мусорные баки тоже существуют и они так же, как и мы, могут болеть.

Думал ли когда-нибудь тот монстр в теле которого мы создали дом и куда нас поместила эволюция, что в нём могут обитать цивилизации, который будут пытаться отыскать его? Думал ли когда-то в своей короткой жизни тот монстр о том, что клетки в его теле могут развиться настолько, что будут посылать флотилию ракет в космос? Думал ли он о том, что клетки захотят узнать о своём происхождении и отыскать смыслы своего прибывания во вселенной, понять его и найти ответы? Развить неведомые отрасли, воссоздать атомные бомбы, построить здания до лун и машины летающие на гравитационных волнах, изобрести свои вакцины от смерти и таблетки от старости, убивать и создавать жизнь, клонировать и мутировать людей? Богу на нас плевать, как было вчера и как будет завтра, и все дни до этого. Разве мы задумываемся о том, чем заняты муравьи у нас за огородом, что они едят и когда ложатся спать? Нет — они есть и этого достаточно, а где, совершенно не важно. У них своя система в которую нам не стоит вмешиваться, как не делает этого и сам «бог», пытаясь отыскать в ране нашу цивилизацию, или понять, как устроен его организм».

Старик перевернул страницу. Чистый лист предстал пред ним. И он продолжил:

«Белый лист передо мной, пуст, но разве он может быть по-настоящему пустым? Как же те микроорганизмы на нём, клетки, атомы в конце то концов? Именно так и видит нас и «бог», пустым местом. Он не пытается понять то, что существует за гранью его понимания — либо здесь на листке что-то может быть написано и будет написано, либо это просто чистый лист на котором ничего нет. «Богу» необязательно знать все законы своей вселенной, чтобы жить и ходить по своим «божьим» делам».

Старик положил шариковую ручку на стол и встал, вышел на крыльцо и продолжил размышлять вслух.

«Зачем я всё это делаю, если всё что останется после меня будет уничтожено? Зачем каждый день мне приходится вставать, чтобы поесть или сходить в туалет, в чём смысл моего существования? Так же ли существует и «бог», как и мы? Знает ли он своё предназначение и для чего был создан? Видимо он тоже лишь часть мозаики в теле другого такого же «бога», как и он сам. Получается смысл всего на свете — это создавать что-то жертвуя собой. А если это так, то почему «бог» не думает о нас, если мы думаем о нём? Можем «бог» знает о нашем существовании, но ровно так же не может связаться с нами, потому что его глас не достигает наших ушей? Видимо мы обречены знать друг о друге, но не иметь возможности поговорить друг с другом».

Звёзды где-то в космосе давно миновали циклы жизни, цивилизации погибли, а мы всё ещё разлагаемся в теле мёртвого «бога», но когда же очередь дойдёт и до нас? Мы пытаемся найти новых созданий, но оглядываясь назад понимаем, что ничего большего, чем отыскать новые виды в теле и на глубине морском, мы не можем.

Старик вошёл в дом и сел за стол. Стул закрипел. Жизнь его приходит к концу, и вскоре и старик покинет мир, чтобы дать дорогу чему-то новому, как и этот стул. Но это новое будет так же, как и все люди до него искать смыслы своего существования и ответы на вопросы волнующие его. А вот стул же напротив не задавал вопросов и точно знал, что рождён быть стулом, а стулья часть дерева и никак иначе. Старик вложил в руку ручку и

добавил:

«Я каждое утро видел на полу паука, что перебегал с одной стороны комнаты в другую его часть и по одной и той же траектории. Когда мне приходилось ставить перед ним преграду, то паук перелезал через неё, а когда вместо предмета была нога, то обходил. Возможно он кричал, чтобы моя нога дала ему дорогу, но я был глух. Ведь паук такая же часть строения «бога», как и мы, а значит мы с ним равны и находимся в этом мире с одной проблемой — зачем жить? По этой причине мы находим свои жизненно важные дела, потому что нам скучно. Те из них, которые важны сейчас, а после смерти не имеют никакого смысла».

Через приоткрытую дверь в комнату на задних лапах вошёл сверчок, держа в руках крохотную скрипку, играя на нём какую-то безумную музыку. Он танцевал и кружился, хлопал ногами и вставал на носочки и подпевал мелодию. Пританцовывая сверчок подошёл к старику и откинув скрипку за спину поднялся по ножке стула на спинку, затем перепрыгнул на стол. Сев на стол в позе лотоса, сверчок опустил голову вниз и прочёл исписанную стариком тетрадь. После поводит лапами по усикам и заговорил, будто так и должно быть, и это привычное для него дело.

— Пробил час, — сказал он подняв взгляд.

Старик положил ручку.

— Я ждал тебя — моё безумие.

Сверчок подошёл поближе и взял старика за палец.

— Единственное, что хочу сказать напоследок. Нет ничего безумного в том, чтобы мечтать и задаваться вопросами.

Затем сверчок достал скрипку из-за спины и заиграл музыку марша смерти — он был прекрасен. Стены задрожали. Старик засиял от радости и признался, что боится смерти, но ради того, чтобы понять смысл вселенной, он не против, чтобы его душа покинула тело и попала в другое место.

Сверчок смотрел на старика и всё играл и играл, играл и играл, пока старик не почувствовал лёгкость и не увидел в отражении оконных стёкол, как из тела отделяется душа. Она вылетела из тела и зависла над телом — старик упал на стол и заснул, будто давно уже устал и исписался. Ветер завывал и завывал, на свету лампочки летали мошки. Старик полетел к лампочке, будто то было солнцем и он давно не видел его, затем остановился и поглядел вниз на своё тело. Оно было такое по-человечески хрупкое и незащитное. И сколько же дней ему придётся лежать здесь пока кто-нибудь не вспомнит о нём?

Однако — это уже не было так важно, тело лишь клетка от его свободы. Сверчок перестал играть музыку и помахал лапами старику и спрыгнул на пол и выбежал на улицу через дверь и исчез. Следом улетел и старик и поднялся на самое высокое место над своим домом и огляделся. Сквозь его душу пролетели стаи гусей. Ветер завывал и колошматил ветви деревьев об крышу его дома, где-то снова заиграла музыка сверчка. Видимо ещё кто-то искал умиротворения. И правда, несколько душ насекомых поднялись ввысь и улетели в космос. Старик чувствовал, что может всё, что его тело когда-то бывший ему обузой стал невообразимо лёгким, что спина больше не болит, а руки не дрожат. Затем, неожиданно старика начало тянуть вверх, и что-то вытянуло его наружу, и это был вовсе не космос. На него смотрело большое и детское лицо.

— Это оно?

— Всё верно, видишь, и совсем не больно.

— И это всё?

— А что же нужно ещё?

Мальчик захихикал.

— Я думал оно больше.

Старик не понимал о чём они говорили, но затем, когда он обернулся назад, то увидел зеркало в отражении которого лежал таракан.

— Оно умерло быстро, воздуха там совсем мало. Хорошо, что вы обратились к нам сразу же иначе могла появиться инфекция в ухе.

И наконец-то старик понял в тот момент, что является частью строения таракана, что все звёзды на небе — это и правда атомы существа. И, скорее всего, его смерть — это часть жизненного цикла. Старик был омрачён такой вестью, но не дал себе повода загрустить ещё сильнее и впасть в депрессию и вылетел из тела таракана и улетел сквозь множество этажей вверх по направлению к космосу. Оглядываясь по сторонам он заметил так же и десятков тысяч и других душ направляющихся вверх, и часть из них, заглядывающих в окна домов «богов».

Старик летел и думал.

«Если существо умерло из-за того, что погибли мы, значит мы тоже «боги» и от нас зависит всё дальнейшее существование этих видов».

Но это было уже не важно, и старику хотелось узнать, являются ли эти самые «боги» из этого мира частью нового «бога». Мёртвые не имеют счёта времени, но время над ними подвластно и сколько бы долго не летел к чему-либо, рано и поздно настанет момент, когда захочется всё бросить и вернуться обратно. И старик начал осознавать, что в мире так мало душ не потому что, люди так мало умирают, а потому, что все они ищут что-то и улетают, а потом исчезают. Они больше не могут найти дорогу обратно и скитаются где-то в другой галактике, на других планетах в поисках чего-то нового.

И кто-то снова цепляет его за руку и вытаскивает наружу. Большой пинцет поднимает старика вверх, и перед ним стоит какое-то неведомое, что-то нечеловеческое существо. Голова представляло собой медузу с щупальцами на которых он и держал старика, а тело состояло из воды в аквариуме с шестью лапами покрытый шерстью. Оно хлюпало и что-то спрашивало и вглядывалась в старика. Конечно, старик ничего и не понимал, он был не из мира сего. Существо цокнуло и замотала головой и начала опускать старика в какую-то капсулу. Удар об борт капсулы пришёлся по голове и старик потерял сознание.

«Никогда бы не подумал, что души могут терять сознание».

Очнувшись старик вновь почувствовал тяжесть своих рук и ног, и голова его не слушалась. Перед ним мелькали люди, бегали и радовались. Затем его взяли на руки и положили рядом с какой-то женщиной, и та принялась целовать его и называть «дочкой», и не было никакого сомнения, что медузаголовые «боги» отправили его в новый мир. Старик переродился в девочку.

Лёжа на груди новой матери старик снова размышлял, и времени у него на это было предостаточно, по крайней мере шесть лет с хвостиком, пока его не бросят в школу и не заставят заниматься арифметикой.

««Боги» не понимают людей и кидают их туда, куда сами захотят и думают, что знают. Видимо мы лабораторные эксперименты над которыми ставят опыты и пытаются понять, как мы будем вести себя в разные периоды времени и эпох, в разных для нас телах. Для «бога» распределить живые души в капсулы с новой жизнью лишь работа и они получают за

это оплату, как и в нашем мире, либо они сумасшедшие, что любят издеваться над душами и смотреть, кто из них покажет себя лучше, либо — они пытаются воссоздать цивилизацию взамен себе. В любом случае они делают ставки не на тот вид. Мне интересно другое, кто создал этих «богов» самих, и кто им дал поручение заниматься душами. Если так уродливы «боги», которых я видел, то какими же страшилищами могут быть «боги», что создали их. Задумывались ли они о том, что сами являются экспериментом для экспериментов?»

Что-то щёлкнуло и ветер приоткрыл окно в комнату. Никто не придавал этому значения, многие из них уже разбежались по своим «особо важным делам», а мать зевнула и закрыла глаза. Из того окна показалась мордочка сверчка, он взобрался на подоконник, перепрыгнул на стол и приблизился к старику (девочке) и сел рядом.

— Как-то странно ты выглядишь. К чему же привели твои вопросы?

Девочка лишь сопела и смотрел краешком глаза на сверчка и что-то думала, сверчок кивнул в её сторону и погладил по лбу. Мать спала, видимо, устала и не заметила насекомое.

— Безумие не в том, чтобы знать ответы на все вопросы, а в том, чтобы не знать и сходить с ума. Мне пришлось изрядно поискать тебя, узнать через свои источники куда тебя отправили. Задача непростая. Девочка отпустила соски и зевнула.

— Да, я знаю, — сверчок достал из-за спины скрипку и заиграл.

Мать перевернулась вбок и слегка перекрыла воздух девочке. Что оставалось делать ей, так это ждать, когда «боги» снова вынут его из этого тела и отправят в тело какого-нибудь таракана в очередной раз. Мать зачесала ухо, звон от скрипки разбудил её, и она быстро выпрямилась и положила дочь в соседнюю детскую кроватку. Девочка сделала вдох и заснула. Младенцы так быстро устают, даже душа старика этого от себя не ожидал.

Сверчок перепрыгнул на подоконник.

— Встретимся в конце твоей жизни. Надеюсь ответы будут доступны тебе в этой жизни. Это уже не тот мир из которого ты ушёл, мы уже в будущем на триста лет.

Сверчок затанцевал, снял шляпку, которая необычным образом была у него на голове, и исчез за окном. Так только и было слышно, как он расправил крылья и улетел. А за окном звёзды и корабли, люди в скафандрах и поезда до лунной орбиты. Очередной эксперимент «богов».

Мы часто говорили о каких-то там измерениях, часто ныряли в разные миры, но всё время проходили мимо тех, где на дне океана малоизвестной в наших кругах планете, плавали рыбы и занимались очень интересным видом спорта. Можно было бы даже назвать вид спорта тот олимпийским и за них и награда можно было бы получить в виде хлебной мякиши. Но до этого рыбы ещё не додумались, да и не к чему им это было, если честно сказать между нами. А разве мы когда-то ввали вам? Сами посудите, зачем нам это делать? Мы не занимаемся тут сказочками, всё в порядке вещей и совершенно серьёзно!

Нет они вовсе не тягали гантели в спортзале и не позировали перед зеркалом, соревнуясь между собой у кого плавник мускулистее и рельефней, и не прыгали на скакалках и не качали хвосты, как это делаем мы со своими ногами, и даже не готовили ужин из протеина и не сшивали костюмы для малоимущих сардин. Это было совсем другое занятие, простое, может даже показаться наивное и глупое. Многие скажут, что это их любимое дело даже в нашем мире, и будут совершенно правы — оно глупое, но важное. Это было одно из важнейших наслаждений в жизни каждого марлина или осётра. Впрочем сказать, любой уважающей себя рыбы на той планете. Кого не спроси перед сном, чем они занимались, они ответят вам, чем они занимались весь день. Они радовались. А зайдём мы к истории сей издалека, метров семь будет до них. Итак, усаживайтесь поудобнее, вижу, вам уже не терпится услышать нас, кхм, прочитайте. Вряд ли когда-нибудь вы встретите этих рыб у себя в бассейне, в озёрах и морях.

Плывут по реке две рыбы, закадычные друзья с первых дней икринок. Окунь и карп — часто так бывает, что течением на дне их перемешивает между другими икринками рыб, и они становятся ближе. Выживали они тоже вместе, как только вылупились. Друзья рождались случайным образом, но их связь была судьбоносной. Рыбы садятся в лодку из окаянных водорослей и закидывают крючок с насаженными на него деньгами на обратную сторону реки, чтобы людей словить, и ждут. Долго не ждут, конечно, все знают, что деньги — это самый лучший корм для людей. Мгновение всего и что-то начинает тянуть, жадно дёргать и пытаться вытащить, да с такой силой, что кажется их там не один, а несколько десятков человек. Не съешь утром початок кукурузы, то рыбе не хватило бы сил. Можно сказать, людям помогал буйвол вытаскивать деньги из реки, но вырвался буйвол и убежал.

Окунь быстро поднимает спиннинг вверх и начинает скручивать леску и пред ним на крючке восседает жирный и сочный человек. Его руки набиты деньгами, он сжимает бумажки в объятьях и даже не глазом, ни мозгами, вообще никак и ничем не планирует отпускать свою добычу. Была бы здесь бабушка окунь, она показала бы ему, ударила бы лопатой по голове и отстегнула с крючка эти уродливые человеческие пальцы. Однако, увы. Человек шипит и извивается, словно контуженная змея, размахивая руками, и пытается отпугнуть рыб от себя. Глаза горят жадностью, злостью и радостью одновременно. Затем человек набивает одной свободной рукой рот деньгами, запихивая, как можно глубже, а другим пытается вырваться с крючка, подтягиваясь на нём. Но без денег ему не куда деться. Не хочет человек расставаться с такой лёгкой наживой. Вот окаянный! Да таких рыбы насаживали на длинную палку за зад и вывешивали над рекой, чтобы высушить, а потом убирали в холодильник, чтобы места меньше занимала! Но откуда знать тому человеку? Ай, махнули мы на него рукой, давайте понаблюдаем.

Рыбы знают, что вода для людей — это смертельно, и поговорку «жадность погубит человека», как раз придумали рыбы для таких случаев. Окунь вытаскивает человека на берег, тот прыгает и крутится разбрасывая мокрый песок из водорослей, грязи и скелетов почивших до него людей. Карп и окунь слезают с лодки и пытаются отцепить крючок из рук человека, но толстяк не подпускает их к себе. Существо шипит, дерётся, пытается укусить, материться и задыхается, но удерживает крючок, словно крючок сшили вместе с ним ещё с завода производителя, и продавался он вот в таком виде, в комплекте с человеком. Да ни в одном глазу даже! Если и в глаз дать не отпустит!

— Жирный какой, жадный, наверное какой-нибудь начальник! Обрубай ему руки! — кричит карп, — быстрее, пока не оборвал леску и не выплыл на сушу!

Карп достаёт из лодки топор и размахивается, да так сильно, что от силы, что создало вихрь, его откидывает назад и он исчезает за холмом, потом, минут через сорок приплывает обратно, и вытерев пот со лба от усталости, снова размахивается. Окунь понимает, что одной силы тут не хватит и придерживает карпа за спину. Одним медленным ударом отрубить руку человеку не получается, и существо начинает задыхаться и кричать на каком-то непонятном для рыб языке. С одной стороны человек должен был уже умереть давно от нехватки воздуха, но этот жирный человек был хитрее остальных, и каждый раз, когда он открывал рот и вода пузырилась, он резким движением головы, вытягивал шею и глотал пузырьки и продлевал себе жизнь, вновь сглатывая кислород. Поговаривают рыбы между собой, что у людей к лёгких сидят пару крохотных людей, которые накачивают насосом воздух из воды.

Такой ярости окунь и крап не видели никогда, и человек оборвав леску вырывается на свободу, и уплывает вверх, сглатывает воздух, но, к удивлению, заплывает к рыбам обратно и хватает одного из них за горло и начинает душить, а второй всячески пытается навредить жирному человеку и помешать убить друга, да вот только силёнок ему не хватает.

Тогда, рыбы, что паслись неподалёку и ловили своих людей на другие менее популярные наживки, к примеру, спиннеры и кнопочный телефон, фасоль и на банановую кожуру, приплывают к рыбам на помощь. Благо, один из них был хищником каких ещё стоит поискать в друзьях некоторых рыб, и откусывает руку человеку — кровь струится и окрашивает реку в красно-алую смесь толи кисели, толи пищевого красителя, и тот отпускает рыбу. Окунь делает вдох и начинает томно, медленно дышать, словно только что из него вылупились несколько икринок. На всякий случай он обернулся посмотреть на это.

— Слава киту, — вытер пот со лба и выдохнул. Кит покрылся краснотой и засмутился. У человека выросла рука.

Затем приплыли и другие рыбы, и вместо с ними была и акула, она вытащила из-за пазухи железную клетку из тонких прутьев, и ударом хвоста загнала человека внутрь. Существо зарычало и попыталось отгрызть железки, и из набитого пуза даже вылетели несколько банкнот и просочившись через прутья уплыла прочь. Тянулся за ними человек, тянулся, да так и не дотянулся, электрический угорь ударил того током и человек всплыл над клеткой.

— Смотрите на него, какой опасный экземпляр нам попался!

Акула связала узел из водорослей на клетке и запрокинула его на себя и уплыла с человеком, а за ним следовали другие рыбы.

— Будет чем поделиться с общественностью! Редкий совсем экземпляр!

Рыбы звоном рога быка позвали из глубин какое-то существо, и сказали, что человек должен жить и дышать, и то существо налипло на нос человека и начало пукать и

вырабатывать кислород. Оно выделяло кислород поглатывая углекислый газ и солнечный свет под водой. Вероятно человек подумал, что это хорошее решение для него, чтобы не потерять накопленные в пузе деньги, и не стал сопротивляться и наконец-то ощутил вкус к жизни — задышал полной грудью. Кислород пах креветками и илом.

Акула и стая рыб вошли в стоящий камень, в какую-то пещеру, только без потолка и опустили клетку на землю. Из-за маленьких камней, что стояли повыше всех остальных, появились головы осьминогов и кальмаров. Они что-то бубнили и плевались чернилами, и воду окрасило в подводный туман. Рыбы кашляли и размахивали плавниками, и когда чернила рассеялись, они начали разговор, измазанные в чернила.

— Этот человек должен участвовать в нашем эксперименте. Никто ещё до этого жирного вида из вида человеческого не держался под водой так долго, его надо изучить!

— Снимите кляп, послушаем, что скажет сам человек.

Кляп сняли, но человек и не решался что-то сказать. Стоит ему только открыть рот, как к нему в живот заплывут морские коньки и всякие паразиты. Да и не дело это под водой что-то говорить зная, что задохнёшься. Пусть рыбы и знали, что люди умеют говорить на странном им языке, этот же молчал, и было принято решение, что он уникален ещё тем, что обладает языком тишины, диалектом вымерших давно рыб, что были нарисованы на скалах пещеры, где они находились. То есть, в то время, миллионы лет назад и даже миллиарды, рыбы не разговаривали и прекрасно друг друга понимали. И осьминог с друзьями кальмарами пришёл к выводу, что этот человек представитель древнейшего рода рыб — молчунов. Ну кто же будет судить судьбу? Спорить с ним — это себе хуже сделать, и все тому и покивали, как могли. И человека тотчас выпустили из клетки, и первым делом же человек схватил окуня за горло и начал душить снова.

— Не бойтесь, дети! — сказал осьминог, — он так здороваётся и приветствует нас, — Так оно общается на своём языке доисторическом!

И умер в тот день окунь и всплыл над рекой. И поговаривали, что он стал человеком за свои деяния, но так ли это на самом деле никто не знал, но орёл пролетающий над рекой в тот день выкормил потомство и научил их летать. Затем оставшиеся от рыбы кости выбросили из гнезда, и тот стал летающей лодкой на которой катались жёлудиные человечки и собирали утреннюю росу из неба.

Потсейдон, отец морей в реках не разбирался, но повелевал он водами и рыбам указывать умел. Увидев человека, он провозгласил, что ни в коем случае не стоит винить его в том, что окунь отправился в мир иной. Переродился там окунь в человека и скоро непременно вернётся обещал бог рыбий. И узнал Потсейдон заглянув в зеркало будущего, что человек тот жирный — это переродившийся окунь и есть. Его душа метнулась высоко вверх и пролетев пространство и время стала обликом людского демона. Не без греха, окунь, признаем, и убивать умел и завидовать. И сам он знал, что нужно так душить, окуня, себя, и в тот день несчастный, когда руку ему откусили, быть на крючке и деньги чужие съесть. Не знал этого окунь до самой смерти, а после перерождения пришел на реку по интуиции и убив лишь, понял, нужно было так и никак иначе. Таким образом, приводившись на море, лодка утонула задохнувшись, и стала рыбою, а рыба стала человеком. Ну в принципе-то это не столь важно, как важно понимать, как выйти на сушу человеку.

Человека рыбы не трогали, считая его предком своим — рыбой немой доисторической. Не было языка в то время доисторическое и пузыри лишь способом общения были. Так,

человек под водой общался пузырями из щек вылетающих, бубня что-то на немом, но языка его никто не знавал и лишь кивали рыбы в ответ, а человек радовался свободе и молчал.

Затем, надев рыбу каплю на ноги, как галоши, чтобы не поранить стопы кораллами и камнями острыми, он ушёл на сушу. Выбравшись его поприветствовали, и пообещали наказать тех, кто причинил ему боль, и прыгнули в воду с аквалангами, и больше никто не видел их, но в тот вечер из-под воды доносились довольные крики и аплодисменты, а на столе рыб танцевали люди, и мясо из них тушками лежало на подносе. Из-под воды вырывались столпы фейерверков и обрубленные черепа людей.

С наступлением вечера только и видно было, как показалась голова кита из воды с копьём в ластах, который медленно и с улыбкой на устах покивал человеку, что отправил к нему людей и исчез. Но человек на самом деле не хотел, просто он молчал, а молчание знак согласия, что нужно за него отомстить.

Конец 1 тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net